История БАШКОРТОСТАНА

во второй половине XIX – начале XX века

Том I

450
1557–2007

История БАШКОРТОСТАНА

во второй половине XIX – начале XX века

В двух томах

Редколлегия:

И. М. Гвоздикова, М. И. Роднов (ответственные редакторы),
Ф. Г. Хисамитдинова, Ю. М. Абсалямов

Рукопись книги утверждена к печати ученым советом Института истории, языка и литературы УНЦ РАН

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
УФИМСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ

АКАДЕМИЯ НАУК РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН
ОТДЕЛЕНИЕ СОЦИАЛЬНЫХ И ГУМАНИТАРНЫХ НАУК

История БАШКОРТОСТАНА

во второй половине XIX – начале XX века

Том I

«Гилем»
Уфа – 2006

УДК 93/99
ББК 63.3(2)
И89

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Фонда фундаментальных исследований
Академии наук Республики Башкортостан

Главный редактор серии «История Башкортостана»
доктор исторических наук, профессор,
почётный академик АН РБ **Х. Ф. Усманов**

Рецензенты:

доктор исторических наук, профессор П. С. Кабытов (Самара)
Prf. Dr. Dittmar Dahlmann (профессор Д. Дальманн, Бонн)

История Башкортостана во второй половине XIX – начале XX века. В 2 т.: Т. I. – Уфа: Гилем, 2006. 240 с.

ISBN 5-7501-0693-4

На основе новейших исследований, использования архивных и опубликованных источников показана история Башкортостана после 1861 г., с эпохи Великих реформ, до 1917 г., свержения династии Романовых. В первом томе раскрыты административные преобразования в крае, демографические процессы, этносословный состав населения, поземельные отношения. Подробно анализируется проведение буржуазных реформ, региональные структуры государственного управления от уфимских губернаторов и сельских старост до полиции и армии, деятельность уфимского земства, городского самоуправления. Большое внимание уделено конфессиональному составу жителей. В качестве приложения публикуются уникальные исторические источники.

Рассчитана на историков, преподавателей, краеведов, студентов, также на всех, кто интересуется историей родного края.

ISBN 5-7501-0693-4

ПРЕДИСЛОВИЕ

В конце 1980-х гг. под руководством ведущих специалистов-историков Института истории, языка и литературы Х.Ф. Усманова и И.М. Гвоздиковой была начата подготовка многотомной истории Башкортостана. Несмотря на немалые проблемы, возникшие при издании книги, в 1996 г. вышла в свет «История Башкортостана с древнейших времён до 60-х годов XIX в.» (Уфа, 1996), которая стала своеобразным итогом всего развития исторической науки Башкортостана в советскую эпоху. Тогда же, в 1980–1990-х гг., проводился сбор материалов по истории края на рубеже XIX–XX вв., но возобновление работы над следующими томами произошло в институте лишь в самое последнее время. Выходят труды по истории края советской эпохи («История Башкортостана. 1917–1990-е годы»: В 2-х т. / Отв. ред. Р.Н. Сулейманова. Т. 1: 1917–1945. Уфа, 2004; Т. 2: 1945–1990. Уфа, 2005), а теперь вниманию читателей предлагается книга, посвящённая историческим процессам во второй половине XIX – начале XX века.

Это был один из переломных периодов в судьбах России и Башкортостана. За несколько десятилетий, в течение жизни одного поколения пришли пароход и паровоз, телеграф и телефон. Тихая, патриархальная окраина превратилась в один из самых динамичных, экономически развитых регионов страны. Начало ускоренной модернизации по капиталистическому пути положили реформы императора Александра II. На Южном Урале они имели существенные особенности. Административные преобразования возвели в ранг полноправной столицы Уфу, на рубеже XIX–XX вв. пережившей эпоху бурного демографического, экономического и культурного подъёма. Исключительно важное влияние на всё последующее развитие края оказала отмена кантонной системы управления. Ликвидация военно-служилого состояния башкир-вотчинников не только положила конец патерналистской опеке их со стороны государства, она ускорила социально-экономическое развитие башкирского народа, открыв возможности для торговли землёй. Продажа угодий вотчинников вызвала массовый приток переселенцев, что повлияло на этническую ситуацию среди всего мусульманского крестьянства.

Глубокие изменения происходили в демографических процессах, стремительно нарастало аграрное перенаселение, в городах начался постепенный переход от многодетной к малодетной семье. Национальный состав Башкортостана на рубеже XIX–XX вв. становился более сложным, в край прибывали украинцы, белорусы, немцы, латыши и др. Непростой период переживал башкирский этнос. Отмена кантонной системы приводит к распаду единства вотчинников, мишарей и тептярей, происходит смена верхушки башкирского общества, с исторической сцены сходит кантонная элита. Но складывание национальной интеллигенции, кадров предпринимателей, среднего класса у башкир только начиналось.

Модернизация общества в немалой степени носила ещё характер внешнего воздействия, государство и региональная элита (через земство и городское самоуправление) активно формировали современную систему административно-государственного управления краем, включая частично и выборное начало. На европейских принципах устанавливалась структура органов правосудия и охраны общественного порядка, вводилась всеобщая воинская обязанность, была открыта полная свобода для частно-предпринимательской деятельности. Однако

успешное развитие Башкортостана по пути капитализма сопровождалось серьёзными издержками.

Большие трудности содержал сам момент перехода от традиционного к капиталистическому обществу. К рыночной экономике были совершенно не приспособлены южноуральская промышленность и крупное аграрное (помещичье) производство, рентабельность которых обеспечивал бесплатный труд крепостных. Насаждение гражданских свобод также натолкнулось на неподготовленность буквально всех слоёв местного населения. Земско-городское самоуправление держалось на энтузиазме образованной элиты при пассивном равнодушии большинства обывателей, дворяне-помещики, несмотря на различные льготы со стороны государства, продолжали разоряться, для башкирского крестьянства полученная свобода хозяйственной деятельности обернулась спекуляциями с землёй, что заставило правительство нарушить их право частных собственников, ограничив возможность торговать собственной недвижимостью. Тем не менее, во второй половине XIX – начале XX вв. происходило динамичное развитие экономики края, постепенно формировалась социальная структура индустриального общества.

В первом томе представлены разделы по административно-государственному управлению краем, демографическому и этносословному составу жителей, проведению реформ 1860-х гг., а также раскрыты поземельные отношения, экономическое и социальное развитие Башкортостана до начала 1900-х гг. В конце тома приводятся документы по истории юго-восточного Башкортостана, с 1865 г. входившего в состав Оренбургской губернии.

Первый том подготовлен авторским коллективом:

Предисловие, заключение – к. и. н. И. М. Гвоздикова, д. и. н. М. И. Роднов;

Глава I – д. и. н. М. И. Роднов (§ 1, 3), к. и. н. А. И. Уразова (§ 2);

Глава II – к. и. н. Б. С. Давлетбаев (§ 1, 2), к. и. н. Н. И. Леонов (§ 3, текст о городской реформе – к. и. н. Н. И. Леонов, к. и. н. Г. Э. Емалетдинова);

Глава III – к. и. н. Р. И. Кантемирова (§ 1, текст о генерал-губернаторстве – к. и. н. Н. Л. Семёнова), к. и. н. Г. Б. Азаматова (§ 2 – текст о земстве), к. и. н. Г. Э. Емалетдинова (§ 2 – текст о городском самоуправлении), к. и. н. С. Х. Хакимов, к. ю. н. А. Ф. Абдрахманов (§ 3), к. и. н. Р. Н. Рахимов (§ 4);

Глава IV – д. и. н. М. И. Роднов;

Глава V – д. и. н. М. И. Роднов (§ 1–3, текст о торговле и финансах в § 1 – д. и. н. М. И. Роднов, д. и. н. Д. П. Самородов, к. и. н. О. С. Павлова), § 4 – д. и. н. М. И. Роднов, тексты о гендерной революции совместно с к. и. н. Р. Н. Сулеймановой, об общественно-политической ситуации в крае во второй половине XIX – начале XX вв. – с д. и. н. Х. Ф. Усмановым и Ю. П. Кизиным;

Приложения – д. и. н. М. И. Роднов;

Именной и географический указатели – к. и. н. Ю. М. Абсалямов.

ГЛАВА 1

АДМИНИСТРАТИВНО-ТЕРРИТОРИАЛЬНОЕ ДЕЛЕНИЕ, НАСЕЛЕНИЕ БАШКОРТОСТАНА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

§ 1. Административное устройство. Образование Уфимской губернии

К середине XIX в. территория Южного Урала входила в состав Оренбургской губернии, органы управления которой располагались в двух центрах. В Оренбурге находилась военная администрация, генерал-губернаторы, командование Башкиро-мещерякского и Оренбургского казачьего войск, но гражданской столицей края являлась Уфа. Здесь размещался аппарат Оренбургского гражданского губернатора, региональные структуры министерств и ведомств (казённая палата, суд и т. д.). Особый статус Южного Урала был вызван его окраинным расположением, здесь проходили государственные рубежи империи – оренбургская пограничная линия, отделявшая внутренние губернии страны от казахских степей, фактическое вхождение которых в состав России ещё только завершалось.

В эпоху «великих реформ» 1860-х гг. произошло важнейшее со времён Екатерины II административно-территориальное переустройство края. 5 мая 1865 г. во время пребывания в Югенгейме (Германия) император Александр II подписал указ о разделении Оренбургской губернии, 31 мая последовал указ Правительствующего Сената. «Для устранения затруднений и неудобств в управлении нынешнею Оренбургскою губерниею и в видах лучшего устройства местной администрации, повелеваем: 1) Губернию сию разделить, по хребту Уральских гор, на две особые губернии, из коих одну, лежащую на западной стороне Уральских гор, наименовать Уфимскою, а другую – на восточном склоне хребта – Оренбургскою».

В состав Уфимской губернии вошло шесть уездов: Уфимский, Стерлитамакский, Белебеевский, Бирский, Мензелинский и вновь созданный Златоустовский, который велено было «образовать из части Троицкого уезда и Златоустовский завод возвести на степень уездного города и наименовать Златоустом»[1]. Основной причиной административной реформы выступал географический фактор, сложность управления огромной территорией Южного Урала. Формирование нового региона Российской им-

[1] ПСЗ II. Т. XI. Отд. 1. № 42058; Уфимские губернские ведомости. 1865. 24 июля.

перии проходило под руководством первого уфимского губернатора Григория Сергеевича Аксакова (1861–1867 гг.).

Оставшуюся Оренбургскую губернию составили пять уездов: Оренбургский, Верхнеуральский, Троицкий, Челябинский и вновь образованный Орский, а также земли Оренбургского казачьего войска.

Действовавшие к 1865 г. региональные учреждения остались для Уфимской губернии, а в Оренбурге учреждались новые органы администрации, для чего выделялось финансирование и штаты. Сохранялась должность главного начальника Оренбургского края (генерал-губернатора), который до 1881 г. продолжал контролировать обе губернии[1].

Административная реформа 1865 г. сыграла важнейшую роль в дальнейшем историческом развитии края. Уфа становится полноправной столицей региона, политическим и экономическим центром. В основных территориальных границах Уфимской губернии (кроме юго-востока) в последствии будет образована Башкирская АССР и Республика Башкортостан. Формирование единого административного и социально-экономического пространства Уфимской губернии способствовало ускорению общественного развития края в целом, хотя имело неоднозначные последствия для башкирского народа. Находившееся ранее в составе единого административного образования (за исключением небольших периферийных групп), с 1860-х гг. башкирское население теперь проживало в двух достаточно отличавшихся регионах. Города Оренбург, Троицк, Орск, игравшие роль важных центров башкирской культуры, оказались на окраине этнической территории, стало возрастать значение Уфы, где сосредоточивалась национальная интеллигенция.

Пределы Уфимской губернии во второй половине XIX – начале XX вв. практически не менялись. В течение 1865 г. проходило проведение границ на местности. Часть Верхнеуральского уезда, находившаяся на западном склоне Уральских гор, вошла в состав Уфимского и Стерлитамакского уездов (район д. Зилим-Караново), проводились новые административные границы на северо-востоке (возле Миасса и Златоуста) и находившиеся на самом юге 13 башкирских деревень (Иштуганово, Сыртланово, Ибраево и др.) были включены в Стерлитамакский уезд. В дальнейшем производились перечисления нескольких деревень из Уфимской в Самарскую губернию (1870, 1895 гг.), и обратно, а в 1904 г. в Бирский уезд вошли 16 селений из Осинского уезда Пермской губернии[2].

Межевые работы по установлению точных межгубернских границ продолжались до начала XX в. В 1884 г. было формально утверждено разграничение «в пределах Златоустовского и Троицкого уездов», в 1890-е гг. землемеры при участии чинов полиции на местности определяли рубежи между Златоустовским и Бирском уездами Уфимской, а также Красноуфимским и Осинским уездами Пермской губерний[3].

---

[1] История административно-территориального деления Республики Башкортостан (1708–2001). Уфа, 2003. С. 31, 33–37.

[2] Там же. С. 32, 42–43, 47–49, 51.

[3] ЗГАО. Ф. И-11. Оп. 1. Д. 205. Л. 17 об., 21, 22 об.

Границы между уездами вплоть до 1917 г., за редкими исключениями, также почти не менялись. Общая площадь Уфимской губернии (на 1915 г.) составила 107 209,7 кв. версты, в том числе Уфимского уезда – 16 407,9 кв. вер., Белебеевского – 19 474,6, Бирского – 21 629,5, Златоустовского – 19 366,5, Мензелинского – 11 640,6 и Стерлитамакского – 18 690,6 кв. верст.[1] В конце XIX – начале XX вв. губернские власти несколько раз выдвигали предложения о создании новых уездов (Байкинского, Бакалинского и т. д.) из-за чрезмерно большой площади[2]. В 1910 г. рассматривалась идея создать из восточных волостей Бирского и ряда соседних Златоустовского новый уезд с центром в селе Абызово, которое предполагалось преобразовать в город и присвоить ему имя Суворова, а уезд назвать Суворовским, в память «Пугачёвских неистовств». Из юго-западных волостей Бирского и соседних Белебеевского планировался Бакалинский уезд[3]. Но все эти проекты не получили поддержки высшей государственной власти и не были реализованы.

Каждый уезд состоял из нескольких десятков волостей. Волостное деление было распространено на все группы сельских жителей в конце 1860-х гг. после отмены крепостного права и упразднения кантонной системы, когда башкиры-вотчинники, мишари и тептяри перешли в общегражданское состояние. Например, в июне 1865 г. из селений бывших удельных крестьян Бирского уезда возникли Базановская, Бардовская, Ельдякская и др. волости. В 1868 г. в Уфимской губернии провели большую реорганизацию волостного деления с целью уничтожить чересполосность, когда соседние деревни или жители одного села оказывались в разных волостях, чтобы не дробить «одноvотчинных башкир», «не соединять, по возможности, магометан с православными». Была ликвидирована 61 малочисленная волость (Килимовская, Костеевская, Знаменская в Белебеевском, Юрмашевская, Кабаковская, Сакаевская в Уфимском уезде и др.), из-за совместного проживания государственных крестьян с башкирами были распущены Буздякская, Каракучуковская, Базгиевская волости Белебеевского уезда[4].

Администрация стремилась объединять в составе волости ближние селения родственного по сословному и национальному принципу населения для удобства в управлении и сборе налогов. Хотя волостная структура Уфимской губернии к концу XIX в. в целом стабилизировалась, изменения происходили постоянно вплоть до 1917 г. Из-за притока переселенцев и роста числа жителей увеличивалось общее количество волостей. Если в 1865 г. в Уфимской губернии насчитывалось 163 волости, в 1897 г. – 177, то в 1917 г. – уже 221 волость[5]. В середине 1890-х гг. в Уфимском уезде было 28 волостей, в начале 1917 г. – уже 40 волостей. В Белебеевском уезде за этот период количество волостей возросло с 30 до 41, в Бирском с 36 до 42, Стерлитамакском с 33 до 35, Златоустовском с 23 до 32, а в Мензелинском уезде оставалась

---

[1] Обзор Уфимской губернии за 1915 год. Уфа, 1917. С. 1–2. 1 квадр. верста = 1,14 кв. км.

[2] *Кантемирова Р.И.* Государственное управление в Уфимской губернии во второй половине XIX – начале XX вв. Уфа; Стерлитамак, 2000. С. 25–26.

[3] ЦГИА РБ. Ф. И-11. Оп. 1. Д. 1308. Л. 15–17.

[4] История административно-территориального деления Республики Башкортостан. С. 177, 201.

[5] *Кантемирова Р.И.* Указ. соч. С. 19.

31 волость[1]. Образовались чисто переселенческие Базилевская (немецкая) в Уфимском, Николаевская волость в Стерлитамакском уезде и др.

Отдельные волости со временем становились настолько многолюдными, что в начале XX в. начался процесс их дробления. Особенно большие перемены происходили в 1912–1913 гг., когда в Белебеевском уезде выделяются вновь образованные Аднагуловская, Имай-Карамалинская, Ильчигуловская, Диашевская, Заитовская волости, от очень большой Альшеевской волости отделяются Нигаметуллинская и Трунтаишевская. В Златоустовском уезде формируются Месягутовская, Ново-Петропавловская, Еланлинская волости, две волости были образованы в Уфимском уезде[2].

Однонациональный состав волостей не удавалось сохранять из-за массового притока переселенцев и покупок земли у коренного населения. Например, в Ильчик-Темировской волости Стерлитамакского уезда, где башкиры составляли в 1917 г. 79 % жителей, образовались посёлки переселенцев белорусов (Богдановский, Козловский, Ново-Георгиевский и др.)[3]. Тем не менее «национальный» характер сохранялся во многих волостях. В Златоустовском уезде в Метелинской волости русских насчитывалось 83 %, в Михайловской волости мордвы – 77 %, в Мурзаларской волости башкир, тептярей и татар было 79 %[4].

Сходная ситуация была в Оренбургской губернии, где, наряду со смешанными в этническом отношении волостями, оставались, например, чисто башкирские 3-я Бурзянская и Карагай-Кипчакская в Орском, Кубеляк-Телевская в Верхнеуральском и Байсакальская волость в Троицком уезде[5]. «Национальные» волости играли большое значение в жизни народов на рубеже XIX–XX вв. Всё делопроизводство здесь велось на языках местного населения, полнокровно действовавших при исполнении административных функций (в суде, на сходах), на русский переводились лишь документы, отправлявшиеся уездным или губернским органам, существовала низовая волостная элита, сохранявшая преимущественно национальный состав.

Кроме того, постоянно происходило перечисление селений из одной волости в другую, менялись волостные центры. Так, жители д. Чебыково и Ново-Ключевой в 1873 г. перешли из Чураевской в Мишкинскую волость Бирского уезда, а в 1911 г. правление Бакаевской волости Уфимского уезда было перенесено в д. Янышево[6]. Причинами изменений являлись хозяйственные потребности сельчан: отсутствие удобных дорог, близость соседнего волостного центра, желание самостоятельно решать свои проблемы, равнодушие волостной власти к судьбам удалённых поселений. Если в пореформенный период перемены в волостном делении происходили в основ-

[1] См.: Сборник статистических сведений по Уфимской губернии. Уфа, 1901. Т. VII, ч. II. С. I–IV; Адрес-календарь Уфимской губернии и справочная книжка на 1917 год. Уфа, 1917. Ч. II. С. 16, 18, 20, 22, 24, 26.

[2] Хозяйственно-статистический обзор Уфимской губернии за 1913 год. Уфа, 1915. С. 784–789.

[3] ЦГИА РБ. Ф. Р-473. Оп. 1. Д. 403, 447, 457, 464.

[4] См.: *Роднов М.И.* Крестьянство Златоустовского уезда по переписи 1917 года. Уфа, 2002. С. 61–62.

[5] Алфавитный список населённых мест Оренбургской губернии по данным сельско-хозяйственной и поземельной переписи 1917 года. Оренбург, 1917. С. 17–18, 26, 28.

[6] История административно-территориального деления Республики Башкортостан. С. 207, 235.

ном по постановлениям государственного аппарата, то в начале XX в. решающую роль играла инициатива снизу. Жители созывали сходы и после голосования принимали решение ходатайствовать, а губернская власть утверждала крестьянские приговоры. Так, в 1915 г. по просьбе крестьян Карповского товарищества их перечислили из Куганакской в Ишпарсовскую волость Стерлитамакского уезда[1]. Представители многих селений Надеждинской и Дуванейской волостей Уфимского уезда в 1888 и 1895 гг. просили сформировать из них новую волость и с 1 января 1901 г. была учреждена Фёдоровская волость в составе 20 деревень[2].

По ходатайству населения иногда устанавливалось наименование новой административной единицы. Например, в 1865 г. Емашевский волостной сход Бирского уезда просил «о желании» переименовать волость в Павловскую, «в честь бывшего помещика их Павла Дмитриева Дягилева»[3]. В 1913 г. крестьяне вновь образованной к северу от Уфы волости с центром в с. Черкассы испросили «высочайшего соизволения» получить название Романовской «в ознаменование 300-летия Царствования Дома Романовых»[4]. Оба прошения были удовлетворены.

Податное население Российской империи было приписано по месту жительства, смена приписки была связана с рядом проблем, поэтому большая часть жителей городов десятилетиями оставалась причисленными к своей прежней местности. Практически всё крестьянство края состояло в сельских обществах – низшей административно-территориальной единице, объединявших семьи одной или нескольких деревень. Например, население д. Заитово Ермекеевской волости Белебеевского уезда входило в две общины – вотчинников-башкир (180 дворов) и припущенников из тептярей (100 хозяйств)[5].

Несколько обществ составляли волость. Представители общин (один человек от 10 или более дворов) собирались на волостной сход, где на три года (с возможным продлением) избирали волостного старшину. Так, в 1904 г. на сход Мурзаларской волости Златоустовского уезда прибыло по семь представителей от Малояза и Идильбаево, шесть из Аркаула, пять от Мурзалар-Мечетлино и т. д.[6]

Структура сельского административно-территориального устройства (общество – волость – уезд – губерния) оставалась неизменной до 1917 г., формировавшиеся промышленные поселения (заводской посёлок, станция), не имевшие юридического статуса города также сохраняли все черты сельского населённого пункта с жёсткой припиской к месту жительства. Число официальных городов в крае не менялось с 1865 г., в Уфимской губернии ими являлись только уездные центры – Мензелинск, Бирск, Белебей, Уфа, Златоуст и Стерлитамак. Лишь от Временного правительства в 1917 г. получили статус города Давлеканово и Бакалы.

---

[1] Там же. С. 243.

[2] ЦГИА РБ Ф. И-10. Оп. 1. Д. 102. Л. 46–47.

[3] История административно-территориального деления Республики Башкортостан. С. 174; П.Д. Дягилев – дед выдающегося деятеля русской культуры начала XX в. С.П. Дягилева.

[4] Уфимские губернские ведомости. 1914. 24 мая.

[5] Крестьянское хозяйство Уфимской губернии. Подворная перепись 1912–1913 гг. Уфа, 1914. Ч. II. Таблицы. С. 1548.

[6] ЦГИА РБ. Ф. И-10. Оп. 1. Д. 2182. Л. 37–38.

§ 2. Демографические процессы в Башкортостане на рубеже XIX–XX вв.

Вторая половина XIX – начало XX вв. были периодом интенсивного экономического роста в стране и глубоких перемен в жизни общества, сопровождавшихся необычайно быстрым ростом численности населения. По всей России с 1863 по 1897 гг. общее число населения увеличилось на 50 % (с 61,4 млн до 93,9 млн чел.), а городское – на 100 % (с 6,1 до 12 млн чел.)[1]. На территории Башкортостана показатели прироста значительно превышали общероссийские. Если численность населения единой Оренбургской губернии в 1863 г. составляла 1 млн 843,4 тыс. чел., то в 1897 г. на территории Уфимской губернии проживало 2 млн 196,6 тыс., Оренбургской губернии – 1 млн 646,8 тыс. чел. Прирост населения края за указанный период составил 105 %. Городское население в Башкортостане возросло с 79,3 до 259,9 тыс. чел., или на 228 %. К 1912 г. в Уфимской губернии был достигнут уровень в 3 млн чел.[2], на 1 января 1916 г. число жителей исчислялось в 3 млн 291,6 тыс. чел.[3] На рубеже XIX–XX вв. в Башкортостане наблюдался настоящий демографический взрыв. В основе такого явления находилось два фактора: усилившаяся после реформы 1861 г. иммиграция населения и естественный прирост.

После отмены крепостного права в многоземельный Башкортостан хлынула новая волна переселенцев. Местные власти и помещики всячески поддерживали приток новосёлов и, несмотря на противоречивую политику правительства, которое также понимало необходимость колонизации окраин, но опасалось из-за миграции крестьян оставить дворянство центральных губерний без рабочих рук[4], с 1860-х гг. в край непрерывным потоком прибывали группы переселенцев. Пореформенное переселение сыграло большую роль в экономическом развитии региона, росте сельскохозяйственного производства, внедрении передовой агротехники и в основном проходило в совершенно мирных формах, хотя случались и конфликтные ситуации.

Миграция в Башкортостан на рубеже XIX–XX вв. носила преимущественно аграрный характер, доля прибывавших в города оставалась незначительной. Основной причиной являлось нарастающее перенаселение, демографический кризис в губерниях Европейской России, откуда избыточное население выталкивалось на окраины. Развитие городов края, постепенно превращавшихся в промышленные и торговые центры, происходило медленными темпами, в уездные города приток переселенцев оставался небольшим. Например, в 1897 г. в Стерлитамаке местные уроженцы составляли 80,9 % населения, Мензелинске – 87,4, Златоусте – 80,2, Бирске – 60, Белебее – 76,3 %. Только в Уфе потомственных горожан насчитывалось всего лишь 37,6 %. В столицу губернии прибывали мигранты как из уездов (их доля в общей численно-

---

[1] *Рашин А.Г.* Население России за 100 лет (1811–1913 гг.). М., 1956. С. 98.

[2] Историко-статистические таблицы деятельности уфимских земств. К сорокалетию существования земств Уфимской губернии. 1875–1914. Уфа, 1915. С. 4–6.

[3] Обзор Уфимской губернии за 1915 год. Уфа, 1917. С. 7.

[4] О политике царского правительства в переселенческом вопросе см.: *Усманов Х.Ф.* Развитие капитализма в сельском хозяйстве Башкирии в пореформенный период. М., 1981; *Самородов Д.П.* Русское крестьянское переселение в Башкирию в пореформенный период. 60–90-е гг. XIX в. Стерлитамак, 1996.

сти городского населения была 33,9 %), так и переселенцы из других регионов (28,3 %). В уездных городах выходцы из села селились в небольшом количестве: в Белебее их насчитывалось 4,8 %, Бирске – 8,5, Златоусте – 7,1, Мензелинске – 2,9, Стерлитамаке – 4,1 %. Уроженцы иных губерний также составляли незначительный удельный вес в общей численности населения уездных центров: в Белебее – 18,9 %, Бирске – 31,3, Златоусте – 12,7, Мензелинске – 9,6, Стерлитамаке – 14,9 %[1]. Таким образом, рост численности городского населения края происходил за счёт миграции из других регионов страны и, преимущественно, высокого естественного прироста.

В октябре 1864 г. население Уфы составляло 20 149 чел., согласно данным переписи в феврале–марте 1865 г. в Бирске проживало всего 3112 чел., Стерлитамаке – 5821, Златоусте – 14 884 чел.[2] За вторую половину XIX в. численность жителей в небольших городах края возросла в 2–2,5 раза. В 1897 г. население Уфы достигло 49 275 чел., Белебея – 5835, Бирска – 8589, Златоуста – 20 502, Мензелинска – 7552 и Стерлитамака – 15 550 чел.[3] Более быстрыми темпами урбанизация развернулась в начале XX в., особенно вырос губернский центр. На 1 января 1916 г. в Уфе проживало 110 тыс. чел., в Златоусте – 37 тыс., Стерлитамаке – 18 тыс. чел.[4]

Основной поток крестьянской колонизации устремился на малозаселённые территории центральной и южной Башкирии. Новосёлы подбирали земли, напоминавшие родные места. В степной и лесостепной части края селились уроженцы из южнорусских, приволжских и украинских губерний, выходцы из северорусских губерний, белорусы и латыши предпочитали лесные волости.

В 1860–1880-х гг. крестьяне двигались своим ходом, на лошадях, преодолевая сотни вёрст пути. Так, воронежские и рязанские переселенцы шли от Самары до Оренбурга 20–25 дней. Использовался речной транспорт (из Казани и Нижнего Новгорода). Постройка Самаро-Златоустовской железной дороги открыла быстрый и удобный путь для переселенцев, а льготные железнодорожные тарифы стимулировали миграцию[5].

В Башкирии сформировалось несколько районов массового расселения новых жителей. В междуречье Уфы и Белой к северу от города Уфы осело большое количество вятских крестьян, вдоль железной дороги (Белебеевский и Уфимский уезды) возникли сотни посёлков и хуторов, отсюда потоки мигрантов направлялись в степные волости Стерлитамакского уезда. В начале XX в. активно заселялись лесные предгорья Урала (правобережье Стерлитамакского, восточные волости Уфимского уездов). В северо-восточный Златоустовский уезд и в долину р. Уфы проникли группы переселенцев из Пермской губернии. А густонаселённый северо-запад Башкорто-

---

[1] Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. XLV. Уфимская губерния. 1904. Тетрадь 2. С. 15–16.

[2] Сборник статистических, исторических и археологических сведений по бывшей Оренбургской и нынешней Уфимской губерниям, собранных и разработанных в течении 1866 и 67 гг. Уфа, 1868. С. 15, 18, 21, 24.

[3] Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. XLV. Уфимская губерния. 1901. Тетрадь 1. С. 1.

[4] Обзор Уфимской губернии за 1915 год. С. 7–8.

[5] *Самородов Д.П.* Указ. соч. С. 150–152, 155–156.

стана в очень небольшой степени привлекал новосёлов. Существовала и внутренняя миграция, когда выходцы из местных, «старожильческих», селений образовывали новые посёлки на купленной земле.

В Оренбуржье сначала основной поток переселенцев направлялся в Оренбургский уезд, а к концу 1890-х гг. в Орский, где после размежевания башкирских дач появилась возможность для аренды и покупки земли[1]. Во 2-й Бурзянской волости Орского уезда, население которой почти целиком состояло из башкир, появились русские переселенческие посёлки Бекешевский (461 чел.), Битаринский (25) и хутор Казанский (354 чел.)[2].

Приток новосёлов в малой степени контролировался властями, значительную часть составляли самовольные переселенцы, количество которых не всегда учитывалось. По подсчётам местных статистиков в Уфимскую губернию с 1861 по 1897 гг. прибыло 190 944 чел. (внутренних мигрантов 29 459 душ), наибольшее число крестьян приходило в 1871–1885 и 1891–1895 гг. в эпоху расхищения башкирских земель, после проведения железной дороги и сильнейшего голода 1891 г. Основное количество переселенцев осело в Стерлитамакском (33,4 %), Уфимском (25,8) и Белебеевском (22 %) уездах. В Бирском обосновалось 14 % мигрантов, Златоустовском – 3,8, Мензелинском – 1 % общего количества. Среди новых обитателей края преобладали выходцы из Вятской губернии (32 748 душ), Тамбовской – 6187, Рязанской – 4476, Казанской – 4428, Курской – 4231 чел.[3] Большинство составляли переселенцы из приуральских, центральных и приволжских губерний.

По немного отличавшимся сведениям всероссийской переписи 1897 г. всего в Уфимской губернии выходцев из других губерний насчитывалось 176 тыс. душ (сельского 153,8 тыс.), из которых 29,7 % прибыли из Вятской губернии, 11,6 из Казанской, 11,3 % из Самарской. Всего из Приуралья (Вятская и Пермская губернии) переселилось 37,1 % крестьян, из перенаселённых деревень центрально-черноземного района (Тамбовская, Рязанская, Курская), а также малоземельных Пензенской и Симбирской – 20,2 %, много осело уроженцев из соседних приволжских губерний. По национальному составу около 86 % составляли русские, немало было украинцев, мордвы, немцев, выходцев из Прибалтики.

В Оренбургской губернии на 1897 г. проживало около 250 тыс. выходцев из иных регионов. Пермяки и вятичи селились в Челябинском и отчасти в Троицком уездах, в степной части доминировали переселенцы из Самарской, Уфимской, Казанской, Тамбовской губерний[4].

В начале XX в. запас свободных земель в крае уменьшился и одновременно началось выселение местных крестьян в Сибирь. В 1896–1914 гг. прибыло около 45 тыс. переселенцев (9,6 тыс. вернулось обратно), а более 50 тыс. отправились из Уфимской

---

[1] *Самородов Д.П.* Указ. соч. С. 169–171.

[2] Алфавитный список населённых мест Оренбургской губернии по данным сельско-хозяйственной и поземельной переписи 1917 год. С. 16.

[3] *Усманов Х.Ф.* Развитие капитализма в сельском хозяйстве Башкирии в пореформенный период. С. 72–74; см. также: *Усманов Х.Ф.* Крестьянская колонизация Башкирии в пореформенный период // Страницы истории Башкирии. Уфа, 1974.

[4] *Самородов Д.П.* Указ. соч. С. 163, 173–174.

губернии на восток в поисках лучшей доли (из них свыше 8 тыс. возвратились домой)[1].

Несмотря на значительные масштабы колонизации, продолжавшейся вплоть до Первой мировой войны, в общем составе крестьянства приток мигрантов имел второстепенное значение. По данным земской переписи 1912–1913 гг. в Уфимской губернии насчитывалось около 331,9 тыс. пореформенных переселенцев, включая народившихся детей. Основная их масса проживала в Стерлитамакском (176 тыс. чел.), Уфимском (90,3) и Белебеевском (76,7 тыс.) уездах, в Бирском обосновалось 38,4 тыс. чел., Златоустовском – 15,2 тыс., Мензелинском – всего 4,4 тыс. чел.

В целом по губернии пореформенные переселенцы составляли лишь около 13 % от всего числа сельских жителей, только в Стерлитамакском и Уфимском уездах новосёлов было около 1/4 населения (26 и 24 %), в Белебеевском уезде – 13,5 %, Златоустовском – 9, Бирском – 6,5, Мензелинском – 1 %[2]. Решающим фактором оставался естественный прирост.

Демографические процессы в Башкортостане на рубеже XIX–XX вв. представляли региональную модель сохранявшихся традиций и происходивших изменений в воспроизводстве населения пореформенной России.

Брачность по-прежнему жёстко зависела от цикла сельскохозяйственных работ.

Браки в Уфимской губернии в 1897–1911 гг. (%%)

	Православные	Мусульмане	Язычники	Прочие	Всего	город Уфа
Январь	35,89	19,28	20,93	30,72	25,70	17,86
Февраль	17,23	11,66	14,03	16,79	13,89	12,31
Март	–	9,16	13,15	0,85	5,79	1,95
Апрель	3,22	4,23	4,97	3,34	3,87	7,27
Май	5,56	3,72	4,86	6,24	4,48	8,01
Июнь	2,91	4,34	6,51	6,57	3,91	5,59
Июль	4,28	2,97	5,97	5,11	3,60	10,66
Август	1,43	2,37	4,22	2,93	2,09	5,84
Сентябрь	3,50	4,88	4,62	6,29	4,37	8,65
Октябрь	12,73	8,98	5,57	8,26	10,25	11,07
Ноябрь	13,25	12,88	6,75	11,65	12,77	9,06
Декабрь	–	15,52	8,41	1,26	9,27	1,73

Источник: Гиккель Э.И. Санитарно-статистические сведения по Уфимской губернии. Уфа, 1916. Вып. 1. Очерк движения населения Уфимской губернии в 1897–1911 гг. С. 10.

В периоды максимальной занятости в полевых работах с весны и до начала октября браков у представителей всех конфессий было немного. Лишь после уборки урожая наступала пора свадеб. Наибольшее число браков заключалось в январе – феврале (39,59 % среди всего населения, 53,12 % у православных) и октябре – ноябре

[1] *Турчанинов Н.* и *Домрачёв А.* Итоги переселенческого движения за время с 1910 по 1914 гг. (включительно). Пг., 1916. С. 18–19, 64–65.

[2] Подсчитано по: Крестьянское хозяйство Уфимской губернии. Подворная перепись 1912–1913 гг.

(23,02 и 25,98 %). Эта сезонность прямо влияла на здоровье женщин и детей. По наблюдениям врачей и священников зимние свадьбы (и, соответственно, зимние зачатия) в январе – феврале давали самых здоровых детей осеннего рождения. Осенние свадьбы и зачатия (стоявшие на втором месте после зимних) были менее благоприятны, поскольку рождения приходились на лето – страдное время и обилие инфекций, что способствовало большой смертности и рожениц, и детей. Дети, зачатые весной и рождённые зимой (третья по численности группа), в физическом отношении оказывались наиболее слабыми. Летние зачатия и весенние роды – самые малочисленные – также были неблагоприятны для сельских детей[1].

Особенно наглядно колебания брачности заметны среди православного населения Уфимской губернии. Чёткая система постов (Рождественский в декабре, весенний Великий, летние Петров и Успенский) и запретных дней (пасхальная неделя и др.)[2] непосредственно влияла на периодичность свадеб, что доказывает устойчивость религиозных традиций в народной жизни.

У мусульманского крестьянства сезонность брачности несколько сглажена. Среди мусульман Оренбургской губернии в конце XIX в. наблюдалось преобладание браков в осенне-зимний период. В октябре заключалось 9,1 % браков, ноябре – 10,3, декабре – 13,2, январе – 14,8, феврале – 11, марте – 9,7 %. В остальные месяцы количество браков (от общегодовой суммы) составляло 4–6 %[3]. В рядах язычников (главным образом марийцев и удмуртов) основной пик браков также приходился на холодную часть года (декабрь – март: 56,52 %).

Среди жителей Уфы, крупнейшего города региона, с преимущественно русским по составу населением, внешне сезонность заключения брачных уз совпадала с крестьянскими традициями. Однако строгость соблюдения церковных обрядов на рубеже XIX–XX вв. уже ослабевает. В январе – феврале в Уфе игралось лишь 30,17 % свадеб (у всех православных губернии – 53,12 %), летние месяцы, свободные для горожан от изнурительной летней страды, становились привлекательными для создания новой семьи. В июне – августе в Уфе оформлялось 22,09 % союзов, каждый пятый, для сравнения у православных – 8,62, мусульман – 9,68 %.

В городах среди индустриального населения с более высоким уровнем жизни, нарастающим атеизмом и появившимся профессиональным медицинским обслуживанием аграрный цикл брачности, освящённый вековыми устоями всех религий, постепенно утрачивал своё значение, время заключения брака определялось в основном индивидуальными запросами.

---

[1] *Славянский К.Ф.* К учению о физиологических проявлениях половой жизни женщины-крестьянки // Здоровье. 1874/1875. № 10. С. 214; *Григорьев И.О.* О половой деятельности женщин Мишкинского уезда Ярославской губернии // Врачебные ведомости. 1883. № 21–23; *Олихов С.* К вопросу о плодовитости крестьянок Кинешемского уезда // Земский врач. 1890. № 52. С. 824; *Шингарев А.И.* Вымирающая деревня: Опыт санитарно-экономического исследования двух селений Воронежского уезда. СПб., 1907. С. 189.

[2] *Груздев В.С.* Начало половой зрелости у обитательниц России // Журнал Русского общества охранения народного здравия. 1894. № 5. С. 321.

[3] *Кенигсберг М.М.* Санитарное состояние Оренбургской губернии по данным естественного движения за трёхлетие 1897–1899 гг. Оренбург, 1901. Т. I, ч. I. С. 13.

Постепенно уходило в прошлое очень раннее заключение браков. Царский указ от 1830 г. определил нижнюю границу «бракоспособного» возраста для девушек – 16, юношей – 18 лет, «во избежание известных по опыту вредных последствий, кои происходят от сочетания браков между несовершенными»[1]. Например, в Уфимской и Оренбургской губерниях в 1883 г. свыше половины браков (52,6 %) заключалось мужчинами в возрасте 20–30 лет, доля женихов моложе 20 лет тоже оставалась внушительной – 30,6 %. Средний возраст невест ниже, 64,1 % были младше 20 лет, ещё 28,8 % женщин, вступивших в брак, имели от 20 до 30 лет. Аналогичная ситуация была в городах, где 63,9 % девушек выходили замуж в 20 лет и моложе, ещё 22 % – в возрасте 21–25 лет и только 6,6 % женщин, вступивших в брак в 1883 г., были старше 25 лет[2]. Массовая миграция в города несла с собой сельскую модель брачности, да и значительная часть горожан, особенно в уездных центрах, сохраняла полудеревенский образ жизни.

Среди мусульманского населения сохранялась полигамия, многожёнство[3]. В 1876 г. в Уфимской губернии браков, когда женатые мужчины брали вторую супругу, было зафиксировано 212 (или 2 % от общего количества, третью жену взяли 14 человек (0,12 %), четвёртую – всего пять (0,04 %)[4]. Многожёнство было достаточно редким явлением.

Брачность на протяжении второй половины XIX в. оставалась не только достаточно ранней, но и почти всеобщей, несмотря на некоторое увеличение к концу XIX в. количества людей, не вступивших в брак. По данным первой всероссийской переписи 1897 г. и текущего учета рождаемости за 1896 и 1897 гг. доля лиц, состоявших в браке, в городах Уфимской губернии составила 0,66, в уездах – 0,70[5].

Если в целом по Российской империи, начиная с последней трети XIX в., уровень брачности (число браков на тысячу населения) стал постепенно снижаться с 9,7 % в 1889–1899 гг. и к 1911–1913 гг. упал до 8,2‰ (в деревне 8,4, в городе 6,7‰), то в Уфимской губернии происходил рост коэффициента брачности городского населения с 7 в 1879 г. до 11,1‰ в 1900 г., а в деревне с 8,5 до 10,8‰[6].

Высокий уровень брачности в Башкортостане объяснялся также преобладанием традиционных крестьянских представлений об обязательности брака и святости семейной жизни, более низким уровнем индустриализации и урбанизации. В целом по данным переписи 1897 г. в Уфимской губернии лица, состоящие в браке, охватывали 66,84 % мужского и 66,92 % всего женского населения, холостых и девиц насчитывалось 28,98 и 20,91 %, вдовых – 3,94 и 11,8 %, разведённых – 0,15 и 0,11 % (2662 чел.)[7].

---

[1] ПСЗ II. Т. 5. Отд. 1. № 3807. С. 740; Т. 19. № 14229. С. 1063; *Бердников И.С.* Краткий курс церковного права православной греко-российской церкви. Казань, 1888. С. 72.

[2] Подсчитано по: Статистический временник Российской империи. СПб., 1883. III. Вып. 23. С. 110–111.

[3] См.: *Бикбулатов Н.В.*, *Фатыхова Ф.Ф.* Семейный быт башкир. XIX–XX вв. М., 1991.

[4] Памятная книжка Уфимской губернии на 1878 год. Уфа, б. г. Отдел II. С. 59.

[5] *Марченко О.В.* Индексы рождаемости по 50 губерниям Европейской России в конце XIX в. // Брачность, рождаемость, смертность в России и в СССР. М., 1977. С. 135–137.

[6] Население России в XX веке. М., 2000. Т. 1: 1900–1939 гг. С. 49.

[7] Первая всеобщая перепись населения Российской империи. Уфимская губерния. Тетрадь 2. С. VI–VII. Ещё 0,09 и 0,11 % не указали семейное положение.

Среди мусульманского населения бытовали две формы развода. Из более 1,1 тыс. случаев расторжения брака в Уфимской губернии в 1876 г. «талак», когда муж удаляет жену, практиковался 236 раз, а «хлюг» – женщина сама покидает супруга – 850. В первом случае муж платил (возвращал) калым, а во втором жена при разводе ничего не получала[1].

Рост брачности городского и сельского населения региона указывает на высокую долю лиц молодого бракоспособного возраста. В 1897 г. в Уфимской губернии дети, подростки и молодёжь в возрасте до 19 лет включительно составляли 51,7 % от общего количества жителей. Население Башкортостана, как и всей России, к началу XX в. было очень молодым. Лиц рабочего возраста (20–59 лет) насчитывалось 41,5 %. И очень невелик был удельный вес пожилых людей (60 лет и старше) – всего 6,8 %, включая 279 человек в возрасте 100 лет и более[2].

Преобладание молодого и среднего поколений отодвигало угрозу старения общества[3], но качество населения определяется также уровнем экономического и социального развития, образования, культуры и квалификации работающих[4]. На рубеже XIX–XX вв. наибольшей продолжительностью жизни по данным Центрального статистического комитета отличались губернии, имевшие в составе своего населения больше 9 % стариков (60 лет и выше) – Курляндская (11,3 %), Ярославская (10,4), Эстляндская (9,7 %) и другие. Наименьшая продолжительность жизни фиксировалась в губерниях, где удельный вес стариков не превышал 5 %[5].

Количество женщин среди населения Уфимской губернии немного превышало число мужчин. Лишь в Белебеевском уезде в 1897 г. наблюдалась обратная тенденция. Особенно резкое преобладание женщин было в старших возрастных группах. Так, в рядах семидесятилетних насчитывалось 18 556 мужчин и 21 290 женщин, среди лиц в возрасте 80–89 лет – 5528 и 6843. У русских на 100 мужчин приходилось 107 женщин, они преобладали также у эстонцев, мордвы, марийцев, мишарей, чувашей. В большинстве групп мусульманского населения (башкиры, тептяри, др.) количество мужчин превышало числе женщин[6].

Население Южного Урала отличалось очень высокой **рождаемостью.** В Уфимской губернии в 1897–1901 гг. средний коэффициент рождаемости составлял 49,8‰, в 1902–1906 гг. – 52,9 и в 1907–1911 гг. – 52,1‰, в Европейской России это показатель находился на уровне 48,2–43,8‰. К началу XX в. в приуральском регионе фиксировалась максимально высокая рождаемость (Оренбургская губерния 63,5–57,5, Самарская 60,1–52,3‰), в то время как в Московской губернии коэффициент рождаемости достигал 48,8–43,5, в Остзейских губерниях (Прибалтика) 29,1–23,5, в Финляндии – 29,1‰. В сравнении же с государствами Европы рождаемость в Баш-

---

[1] Памятная книжка Уфимской губернии на 1878 год. Отдел II. С. 59.

[2] Первая всеобщая перепись населения Российской империи. Уфимская губерния. Тетрадь 1. С. 8–9.

[3] Население России в XX веке. С. 16.

[4] *Коцоев А.Г.* Мировое развитие и проблемы народонаселения. М., 1990. С. 69–70; *Сови А.* Общая теория населения. М., 1977. Т. 1. С. 93.

[5] Ежегодник России за 1908 г. СПб., 1909. С. 77.

[6] Первая всеобщая перепись населения Российской империи. Уфимская губерния. Тетрадь 1. С. 1; Тетрадь 2. С. VII.

кортостане была выше вдвое (в Швеции в 1900–1911 гг. она составляла 26,9–23,8, Великобритании 28,0–27,9, Франции 22,0–18,7, Германии 35,7–28,6, Румынии 42,5–39,3‰). Наибольшими показателями отличались юго-восточные уезды, в 1897–1911 гг. рождаемость в Бирском уезде была в среднем 49,5, Мензелинском – 50,0, Белебеевском – 50,5, Стерлитамакском – 53,4, Уфимском – 53,7 и Златоустовском – 57,8‰[1].

Достаточно ранние браки и поощряемая традиционными устоями и всеми религиями многодетность приводили к частым родам. Согласно сведениям уфимского врача С. Пашкевича, собиравшего статистические данные: Е.М., 32-х лет, рожала 7 раз; Х.С., 42-х лет, рожала 10 раз; К.М., 39 лет, рожала 13 раз и т. д.[2] Врачи пореформенной России констатировали, что физиологическая стерильность у женщин непривилегированных сословий наступала уже к 40 годам, то есть за 5–7 лет до естественной менопаузы[3]. Непосильные физические нагрузки и тяжёлые условия жизни преждевременно лишали женщину способности родить ребенка.

Отмечались три максимума рождаемости: наивысший зимний («космический»), летний («бытовой») и осенний («праздничный»), связанные соответственно с зачатиями весной (апрель–июнь, в канун полевых работ), осенью (октябрь–ноябрь, после окончания жатвы) и в январе–феврале (мясоед и праздники после Рождества). Наиболее отчётливо цикличность рождаемости проявлялась у православных. Среди мусульманского населения, система праздников которого отличалась, наблюдались сравнительно небольшие отклонения. Например, в январе–феврале у православных Уфимской губернии в 1897–1911 г. родилось 17,38 % детей (из общего количества), у мусульман – 18,77 %, в октябре–ноябре – 18,34 и 16,98 %. Ещё большие различия фиксировались у язычников, хотя, возможно, здесь сказывалась неполная регистрация рождений. По всем конфессиям мальчиков появлялось на свет больше, чем девочек[4]. В городах края в целом динамика рождаемости была примерно такой же, хотя данные по Уфе показывают постепенное выравнивание по месяцам количества родов, что свидетельствует о меньшей зависимости от аграрно-религиозной цикличности[5].

Среди мусульманского (главным образом башкирского) населения Оренбургской губернии фиксировались сходные процессы. В 1897–1899 гг. в январе–феврале рождалось 22,7 % детей в Орском уезде и 22,9 % в Верхнеуральском уезде, в октябре–

---

[1] *Гиккель Э.И.* Указ. соч. С. 16–17, 19, 76–77.

[2] Протоколы общества врачей Уфимской губернии за 1907–1908 гг. Уфа, 1909. С. 65–68.

[3] *Новосельский С.А.* Обзор главнейших данных по демографии и санитарной статистике. СПб., 1916. С. 37.

[4] Анализ итоговых сведений свидетельствует о численном преобладании женщин в общем составе населения: по данным переписи 1897 г. в губернии насчитывалось 1 млн 89,6 тыс. мужчин и 1 млн 106,7 тыс. женщин (Первая всеобщая перепись населения Российской империи. Уфимская губерния. Тетрадь 2. С. 5). В Оренбургской губернии эти показатели составляли 793,8 и 806,4 тыс. (Там же. XXVIII. Оренбургская губерния. 1904. С. 23–24). Причины в том, что несмотря на численное преобладание в эмбриональный период и при рождении, мальчики отличались повышенной смертностью в детском возрасте, а также из-за более быстрого и значительного вымирания мужчин в старших возрастах (См.: *Кострова А.А.* Соотношение полов у человека в эмбриональном периоде и после рождения: Автореферат дисс. … канд. мед. наук. М., 1973. С. 12; *Урланис Б.Ц.* Продолжительность жизни мужчин и женщин // *Урланис Б.Ц.* Избранное. М., 1985. С. 58).

[5] *Гиккель Э.И.* Указ. соч. С. 19, 22–24, 78.

ноябре – 16 и 15,7 %. Высокая рождаемость была в марте и апреле, декабре, в летние месяцы она оставалась на уровне 6–7 %[1].

На цикличность рождаемости в традиционном крестьянском обществе влияло много факторов. Так, летний максимум стимулировался высокой детской смертностью, «освобождение массы матерей от умерших летом детей» повышало число зачатий осенью, чему также благоприятствовали бытовые обстоятельства (свадьбы, праздники, появление свободного времени – «бабье лето»)[2]. Но, с другой стороны, можно говорить о регулировании, сознательном ограничении рождаемости. Даже высокие показатели Уфимской губернии (52,1‰) не достигали возможного максимума рождаемости для сельского населения, составлявшего, по Э. Коулу, 76‰[3]. Очевидно, что родители из-за страха «иметь слишком много детей»[4] задумывались об уменьшении числа потомства. Врачи отмечали различные народные способы предотвращения беременности (поднятие тяжестей, употребление особых трав, удлинение лактации и вплоть до абортов)[5]. В д. Ново-Николаевке Уфимского уезда полиция завела дело на А.Т. Чепелову, которая предлагала «помощь» крестьянину Е.М. Худякову, имевшему к 1912 г. уже семь детей, «она устроит так, что жена его больше родить не станет». Знахарка подчёркивала: к ней обращались многие женщины и «результат получался благоприятный»[6]. Медицина того времени в целом осуждала контрацепцию, в 1889 г. съезд Общества русских врачей расценил аборт как нравственное и социальное зло[7]. Добавим, что аборты не просто осуждались всеми религиями, но по российскому законодательству являлись уголовным преступлением[8].

Столетиями крайне высокой оставалась **детская смертность**. На рубеже XIX–XX вв. в Уфимской губернии детей в возрасте до 10 лет среди всех умерших было 65,5 %, а лиц старше 60 лет – всего 12,5 %[9]. Например, в приходе Михайло-Архангельской церкви Архангельской волости Стерлитамакского уезда за 1896–1897 гг. в возрасте до 1 года умерло 115 чел., от 1 года до 5 лет – 47, 5–10 лет – 7 чел., 10–20 лет – 4 чел., 20–30 лет – 10 чел., 30–40 лет – 8 чел., 40–50 лет – 8 чел., 50–60 лет – 9 чел., 60–95 лет – 28 чел., всего – 236 чел.[10] Детей до 5 лет было 162 из 236 скончавшихся.

Каждый четвёртый появившийся на свет младенец умирал, не прожив и одного года. Хотя улучшение санитарно-гигиенических условий оказывало влияние, детская смертность снижалась очень медленно. В 1897–1911 гг. она сократилась с 24,1 до 21,35 % от всех родившихся. В среднем за эти 15 лет в Уфимской губернии на 100 появившихся на свет детей 22,4 % умирали в возрасте до года, ещё 14,05 % от

---

[1] *Кенигсберг М.М.* Указ. соч. С. 79–80.

[2] См.: *Гиккель Э.И.* Указ. соч. С. 24.

[3] *Коул Э.Дж.* Снижение рождаемости в Европе со времени французской революции до второй мировой войны // Брачность, рождаемость, семья за три века. М., 1979. С. 125–126.

[4] Протоколы общества врачей Уфимской губернии за 1910 год. Уфа, 1912. С. 83.

[5] *Кенигсберг М.М.* Указ. соч. С. 17.

[6] ЦГИА РБ. Ф. И-187. Оп. 1. Д. 464. Л. 544.

[7] Третий съезд Общества русских врачей в память Н.И. Пирогова в С.-Петербурге (2–10 января 1889 г.): Полный отчёт. СПб., 1889. С. 177–178.

[8] *Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А.* Энциклопедический словарь. СПб., 1892. Т. V. (полутом 14). С. 510–511.

[9] *Гиккель Э.И.* Указ. соч. С. 36.

[10] ЦГИА РБ. Ф. И-294. Оп. 3. Д. 457, 484.

одного до пяти лет, итого – 36,45 %[1]. Так, 25 июня 1903 г. у жителей села Архангельский завод И.П. и А.Т. Киселёвых родилась дочь Марфа, а 10 сентября того же года, прожив всего три месяца, девочка скончалась «от младенческой»[2].

Если для Европейской России детскую смертность в крае врачи считали «умеренной», то в сравнении с европейскими странами она являлась чрезвычайной. В Англии в начале XX в. в возрасте до 1 года умирало 13,2 % родившихся, во Франции – 13,7, Германии – 20,4 %.

Значительную роль в формировании количественных показателей детской смертности играли социальные, религиозные и иные факторы. В силу влияния религиозно-бытовых условий выше была смертность православных детей в возрасте от рождения до года по сравнению со смертностью от года до 5 лет. На рубеже XIX–XX вв. в Уфимской губернии у православной части населения на первом году жизни умирало 29,74 % детей данного возраста, у мусульман – 15,52 %[3]. В Оренбургской губернии у православного населения смертность среди грудных детей составляла 49,5 % всех скончавшихся, у мусульман на этот возраст приходилось 22,4 % общего числа умерших[4]. В возрасте от года до 5 лет у православных число умерших составляло в Оренбургской губернии 22,1 % общей смертности, а у мусульман – 35,3 %[5], в Уфимской губернии у православных – 23,4, у мусульман – 35,1 %[6]. Детская смертность была особенно высокой в летние месяцы: у православных Уфимской губернии 45 % детей до 1 года умирало именно летом, у мусульман – 33,4 %, язычников – 27, прочих исповеданий – 39 %. Пик младенческой смертности приходился на июль – август (православные – 34,09, мусульмане – 25,61 %). Аналогичная ситуация отмечалась врачами по соседним полиэтничным губерниям[7].

Одной из причин более высокой по сравнению с мусульманами детской смертности у православного населения являлся способ вскармливания грудных детей. Женщины-мусульманки в соответствии с религиозными предписаниями кормили детей грудью в течение почти двух лет, у православных дети со дня рождения получали различный прикорм[8]. Важным являлось также лучшее положение женщины-роженицы у башкир и татар, в то время как православные крестьянки не имели должного ухода после родов. Более того, матери истощались непосильной работой и, понятно, даже кормление грудью в эту пору не могло дать ребёнку необходимого иммунитета. По замечанию практикующих врачей, «в сравнении с русскими у детей магометанок питание на первом году поставлено значительно лучше, и вследствие этого у них смертность вдвое ниже»[9].

---

[1] *Гиккель Э.И.* Указ. соч. С. 46–48.

[2] ЦГИА РБ. Ф. И-294. Оп. 4. Д. 221.

[3] *Гиккель Э.И.* Указ. соч. С. 51.

[4] *Кенигсберг М.М.* Элементы естественного движения населения Оренбургской губернии по данным за пятилетие 1902–1906 гг. и по средним данным за 10-летие 1897–1906 гг. Оренбург, 1911. С. 20.

[5] Там же. С. 22.

[6] *Гиккель Э.И.* Указ соч. С. 36.

[7] Там же. С. 49–51, 57–58.

[8] *Новосельский С.А.* Демография и статистика. М. 1978. С. 172.

[9] *Гиккель Э.И.* Указ. соч. С. 61.

В русских семьях младенцы были подвержены громадному количеству различных инфекционных заболеваний, в частности дизентерии, а также эпидемиям оспы, скарлатины, дифтерии, кори, детской холеры[1]. По свидетельству священника Троицкой церкви с. Красный Яр Уфимского уезда, в 1859 г. из 141 скончавшегося в его приходе 42 умерли «от поноса», 41 «от младенческой»[2]. Летние православные посты (Петровский и Успенский), которые держали матери, также крайне отрицательно сказывались на здоровье и жизни грудных детей[3].

Но во всех следующих возрастных группах детская смертность у татар и башкир была выше, чем у русских. Например, умершие дети от 1 года до 2 лет составляли в общем количестве 13,41 % среди православных и 19,78 % среди мусульман, в возрасте от 2 до 3 лет – 6,33 и 12,09 % и т. д. Вначале молодые матери-мусульманки находились в относительно благоприятных условиях, но семье требовались рабочие руки и «магометанские дети со второго года поступают в обычные деревенские условия, с частым недоеданием, и создают особенно благоприятную почву для распространения детских эпидемий. Поэтому со второго года они начинают вымирать сильнее детей православных»[4]. В значительной степени увеличение детской смертности в мусульманских семьях происходило в результате отказов от прививок оспы своим детям[5]. Так, в губернаторском отчёте по Оренбургской губернии за 1888 г. указывалось, что «раскольники и инородцы считают за грех само оспопрививание, хотя эта мера… и гарантирует детей от натуральной оспы, всё же сырость, недостаточное или недоброкачественное питание, антисанитарные условия жилищ есть суть настоящая причина распространения заболевания»[6]. В результате итоговые показатели детской смертности у разных конфессий оказывались близкими.

Таким образом, высокий уровень рождаемости обеспечивался экстенсивным способом через высокий уровень брачности и, соответственно, брачной рождаемости, а также вследствие высокого уровня детской смертности в регионе, что становилось важным фактором бедности и недостатка здоровых трудовых ресурсов. Это явление было настоящим социальным бедствием для региона и отражало специфику демографической ситуации в России.

Смертность. Сравнительный анализ по 50 губерниям Европейской России показывает, что коэффициент смертности в Уфимской губернии в 1865–1900 гг. составлял 32,1‰[7]. В начале XX в. показатели практически не снижались: в 1902–1906 гг. смертность составляла 31,7, в 1907–1911 гг. – 30,4 на тысячу[8]. Если в Германии, Франции, Швеции, Англии и других странах, придерживавшихся так называемой западной модели демографического поведения, общий коэффициент смертности со-

[1] ГАОО. Ф. 6. Оп. 8. Д. 105. Л. 13; Д. 174. Л. 10; Оп. 6. Д. 14045/4. Л. 35 и об.
[2] ЦГИА РБ. Ф. И-294. Оп. 1. Д. 557.
[3] *Писарева Л.В.* Детские болезни. М., 1910. С. 185.
[4] *Гиккель Э.И.* Указ. соч. С. 60–61.
[5] ЦГИА РБ. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 506. Л. 39; Д. 493. Л. 15; Д. 447. Л. 86–92; Ф. И-11. Оп. 1. Д. 1214. Л. 18 и об.; Д. 1215. Л. 28–31.
[6] Обзор Оренбургской губернии за 1888 год. Оренбург, 1889. С. 43.
[7] *Рашин А.Г.* Указ соч. С. 184–185.
[8] *Гиккель Э.И.* Указ. соч. С. 76–77.

ставлял 15–20‰[1], то в Европейской части России в конце XIX – начале XX веков он достигал 34‰[2], снизившись с 1859 по 1913 гг. в городе с 53 до 27, в деревне – с 39 до 32 на тысячу человек[3]. Главными факторами понижения смертности в России были рост культурного уровня населения и расширение медицинской помощи.

Городская смертность в крае долгое время оставалась очень высокой и превышала сельскую. Например, в 1897–1901 гг. средняя смертность во всех уездах Уфимской губернии (без городов) была 29,3, а в Уфе – 36,3 (на тысячу человек), в 1902–1906 гг. – 31,7 и 37,6, в 1907–1911 гг. – 30,4 и 34,4[4]. Хотя в отличие от деревенской смертности городская стабильно снижалась (в городах было сосредоточено большинство аптек и медицинских учреждений), условия городской жизни были хуже, чем в деревне: слабое развитие коммунального хозяйства, вредные для здоровья профессии, развитие алкоголизма и проституции, а главное неудовлетворительная санитарно-гигиеническая обстановка[5].

Усилия властей по принятию предупредительных мер: обеспечить санитарную обработку и дезинфекцию, используя растворы железного купороса или извести, «в городах и селениях улиц, площадей, дворов, в особенности постоялых, отхожих мест и помойных ям», организовать вывоз «нечистот из очищаемых мест на значительное расстояние от жилищ в специальные ямы, а не сваливать в реки, как это обычно делается», производить зарывание павшего скота «вдали от жилых мест и при том по возможности глубже», разрешить продажу «съестных припасов и в особенности рыбу только в свежем виде» и прочее – приводили к ограниченным результатам[6].

На общую смертность населения, помимо эпидемий холеры, уносившей в годы вспышки болезни тысячи жизней, значительное влияние оказывали такие заболевания, как лихорадка, грипп, тиф, воспаление мозга, воспаление дыхательных путей и глаз, натуральная оспа, различные желудочно-кишечные болезни. Заболевания социально-бытового характера, такие как сифилис, чахотка, чесотка, золотуха, цинга, столбняк, водянка и пр. также повышали коэффициент смертности, хотя и в меньшей мере, чем болезни первой (так называемой климатической) группы.

Классификация причин смерти по данным Уфимского губернского статистического комитета, позволяет выделять смертность от родов и последствий родов как лидирующую, затем шли детские болезни до 5-летнего возраста, климатические и бытовые болезни, пьянство, отравления и убийства, естественную старость[7].

Прирост. В целом высокая рождаемость «перекрывала» смертность и Уфимская губерния отличалась очень быстрым увеличением населения. Если в 1900–1911 гг. на 1000 чел. прирост составлял в Швеции 11,9–10,0, Великобритании – 12,1, во Фран-

---

[1] Население России в XX веке. С. 41.
[2] *Рашин А.Г.* Указ соч. С. 179.
[3] *Новосельский С.А.* Смертность и продолжительность жизни в России. Пг., 1916. С. 180–187.
[4] *Гиккель Э.И.* Указ. соч. С. 77.
[5] См.: *Кенигсберг М.М.* Опыт медико–топографического исследования города Оренбурга. СПб., 1886.
[6] ЦГИА РБ. Ф. И-11. Оп. 1. Д. 56. Л. 20 об.
[7] Там же. Ф. И-148. Оп. 2. Д. 7. Л. 5.

ции от 1,8 до –0,5 (была уже убыль населения), Германии – 14,2–11,3, Румынии – 15,4–13,2, по Европейской России – 18,5–13,7, то в Уфимской губернии – 18,2–13,1. Если в городе Уфе средний прирост за 15 лет (1897–1911 гг.) был на «европейском» уровне – 10,8, то сельская местность давала двойное превышение показателей – 21,2 на 1000 чел. Лидировали самые многоземельные и зажиточные уезды: Златоустовский – 23,4, Стерлитамакский – 22,5, Белебеевский – 21,8, далее шли Уфимский – 21,7, Бирский – 20,5 и самый небольшой прирост населения был в малоземельном Мензелинском уезде – 18,8[1].

Среди сельского и городского населения господствовала малая семья, включавшая родителей с двумя-тремя детьми. По данным переписи 1912–1913 гг. в Белебеевском уезде средняя семья у русских состояла из 6,29 человек, украинцев – 6,37, белорусов – 6,86, башкир – 5,36, тептярей – 5,31, мишарей – 5,46, татар – 5,73, чувашей – 5,86, мордвы – 6,82, марийцев – 5,5, немцев – 5,9, крещёных татар – 6,16, а средняя крестьянская семья по уезду насчитывала 5,65 человек. Чем выше был уровень благосостояния в доме, тем больше имелось (выживало) детей. Если у беспосевных крестьян Белебеевского уезда семейство включало 4,24 чел., то дворы, имевшие посева до 2 дес., состояли уже из 4,5 чел., хозяйства с 2–4 дес. посева – 5,18 чел. Середняцкая семья с 4–6 дес. засеянной земли в среднем насчитывала 5,84 чел., крепкие посевщики (6–10 дес.) – 6,46 чел., а семейства зажиточных хозяев и деревенских предпринимателей в начале XX в. включали всех домочадцев в среднем 7,6 человек[2].

Таким образом, в крае господствовал традиционный тип воспроизводства населения с высоким уровнем рождаемости, обеспечивающий высокий уровень естественного прироста населения, несмотря на очень большую смертности, характерный для доиндустриального периода. Однако в пореформенный период началась урбанизации края, трансформация городов из административных пунктов в интегрирующие центры развития торговли и промышленности, именно в них получила развитие, несмотря на локализованный характер, система здравоохранения, возросли вложения в образование и другие сферы жизнедеятельности населения, что сыграло ключевую роль в наметившихся тенденциях снижения смертности и постепенного начала исторического демографического перехода от традиционного к современному (регулируемому) типу воспроизводства населения.

[1] *Гиккель Э.И.* Указ. соч. С. 17, 76–77.

[2] Крестьянское хозяйство Уфимской губернии. Подворная перепись 1912–1913 гг. С. 1798, 1823–1827.

§ 3. Этносословный состав населения края

Во второй половине XIX в. население Российской империи по-прежнему делилось по сословному признаку. Принадлежность к сословию обязательно указывалась в официальных документах и сопровождалась набором определённых прав (занятие должностей на государственной или военной службе, поступление в учебные заведения, имущественные и судебные отличия). Сословия подразделялись на более мелкие категории: среди дворянства выделялись титулованная потомственная знать, личные дворяне и др.; кроме купечества, состоявшего из двух гильдий, появилась сословная группа почётных граждан, крестьянство (сельские обыватели) состояло из множества разрядов – государственные, удельные, помещичьи (временнообязанные), вольные хлебопашцы и пр. Сословный характер имели некоторые другие группы населения (башкиры, тептяри).

Сословия фактически подразделялись на «высшие» (дворянство, купечество, духовенство), представители которых имели целый ряд личных, административных и имущественных привилегий (в налогообложении, продвижении по службе, доступу к образованию и т. д.), и «низшие», податные сословия (крестьяне, мещане и др.).

По данным переписи 1865 г. в Уфимской губернии насчитывалось дворян потомственных 6446 чел. обоего пола, личных – 5337, православного духовенства – 2709, магометанского – 12 306 (выделены статистиками, но юридически самостоятельного сословия не образовывали), прочих священнослужителей – 28 чел., почётных граждан (потомственных и личных) – 57, купцов – 4109 чел. К городским сословиям кроме купечества относились мещане – 22 411 чел. Отдельно регистрировались иностранные подданные (535 чел.) и различные группы военнослужащих с семьями (находившиеся в регулярной армии, казаки, отставные солдаты и др.), которых насчитывалось 28 490 чел. Итого привилегированных и городских сословий, включая полуофициальное мусульманское духовенство, было 82 428 чел., или 6,4 % от всего населения губернии (1 291 018 чел.).

Подавляющее большинство жителей относилось к сельским сословиям: государственные крестьяне – 260 569 чел., бывшие удельные – 59 267, бывшие помещичьи – 123 708, бывшие заводские – 80 607 чел. К сельским обывателям принадлежало и мусульманское крестьянство (вотчинники, припущенники, др.), которое уфимскими статистиками во время переписи 1865 г. было объединено в единую категорию башкир – 679 168 чел. В целом, сельские сословия составляли 93,2 % населения Уфимской губернии[1]. Например, крестьянство Белебеевского уезда в 1896 г. включало вотчинников (14,5 % общего количества), припущенников (44,9 %), бывших государственных (17,1 %), бывших помещичьих (5,1 %), бывших удельных (0,5 %), бывших горнозаводских крестьян (1,5 %), надельных мурз, дворян, купцов и мещан (0,7 %),

---

[1] Способ вычисления наличного числа населения по сословиям и вероисповеданиям, посредством учёта движения населения, принятый уфимским статистическим комитетом с 1866 года. Уфа, 1872. С. 16. «Других лиц, сверх означенных» было 5271 чел.

вольных хлебопашцев (0,6 %), коренных собственников (4,3 %), а также переселенцев, прибывших после 1861 г. – 10,8 %[1].

Подобная пропорция в сословном делении сохранялась в дальнейшем. По сведениям местных статистиков в 1882 г. в губернии привилегированные и городские сословия (дворяне, духовенство, купцы, мещане, военные) охватывали 7,8 % жителей[2].

Во время первой в Российской империи всеобщей переписи в 1897 г. из общего количества населения Уфимской губернии (2 196 642 чел.) крестьян, куда вошли все разряды, включая башкир, насчитывалось 2 081 284 чел., или 94,8 % жителей. Дворян и чиновников с семьями было 15 822 чел. (0,7 %), лиц духовного звания (без мусульман) – 4426 чел. (0,2 %), купцов – 3755 (0,2 %), мещан – 87 715 (4 %), остальные – войсковые казаки (256 чел.), иностранные подданные (341 чел.), прочие[3].

Если численность уфимского дворянства за прошедшие пол века оставалась стабильной – 12 тыс. в 1865 г., 13,5 тыс. в 1882 г., 14,5 тыс. в 1897 г., то купеческое сословие сократилось, а количество мещан возросло в 4 раза. После отмены крепостного права отдельные крестьяне записывались в мещанское сословие. В Дедовской волости Стерлитамакского уезда надельные мещане (в основном татары) проживали в д. Атясево, Балыклыбашево, Балыклы, Денискино[4]. Специфической особенностью Башкортостана являлось наличие так называемых надельных дворян, потомков служилых людей XVII–XVIII вв., сохранивших принадлежность к сословию, но обедневших и занимавшихся обычным крестьянским землепашеством. Например, среди жителей Буздяка (Белебеевский уезд) существовала татарская община надельных мещан и дворян из 124 дворов[5].

В складывавшемся в России индустриальном (капиталистическом) обществе старинное деление населения по сословиям теряло своё значение. Среди дворянства немалую долю составляли лица с низким уровнем доходов, и, наоборот, некоторые разбогатевшие предприниматели продолжали числиться «крестьянами». Для занятия торговлей уже не обязательно было записываться в купеческую гильдию, а многие тысячи сельчан переселялись в города, где жили десятилетиями, обзавелись семьями, но по-прежнему состояли по документам бывшими государственными, удельными крестьянами, вотчинниками или припущенниками.

На смену сословному делению общества пришла дифференциация на основе имущественного положения. И хотя официальная статистика продолжала вести учёт сословиям, в реальной жизни они играли всё меньшую роль. Во время переписи 1917 г. в графе «сословие» отдельные жители Златоуста, например, указывали: обыватель, печник, пенсионер, подрядчик и пр.[6]

---

[1] Сборник статистических сведений по Уфимской губернии. Уфа, 1898. Т. IV: Белебеевский уезд. С. 68.

[2] См.: *Гурвич Н.А.* Справочная книжка Уфимской губернии. Уфа, 1883. Отдел III. С. 59–60.

[3] Первая всеобщая перепись населения Российской империи. Уфимская губерния. Тетрадь 1. С. 182–183.

[4] Крестьянское хозяйство Уфимской губернии. Подворная перепись 1912–1913 гг. С. 338.

[5] Там же. С. 1492.

[6] ЦГИА РБ. Ф. Р-473. Оп. 1. Д. 406.

В пореформенный период были прекращены проводившиеся с XVIII в. ревизии (переписи населения), во время которых происходил регулярный учёт численности народов Башкортостана. В официальном российском делопроизводстве указывалась только сословная принадлежность и общегосударственных переписей национального состава населения до 1916 г. не было. Регистрацию численности народов осуществляла местная администрация, организовывавшая исследования по собственной инициативе. От взглядов устроителей переписей во многом зависела итоговая информация.

Этническая структура Башкортостана включала две основные группы – тюркские народы (башкиры, татары и др.) и русское (восточно-славянское) население, кроме которых в крае проживали многочисленные представители поволжских народов и переселенцы из западных регионов Российской империи. По данным переписи 1865 г. башкиры и татары составляли 57 % сельского населения Уфимской губернии, русские – 33 %[1], по результатам земских исследований 1895–1897 гг. доля русских была 34 %, башкир, татар, мишарей (мещеряков) – 54 %[2]. Согласно всеобщей переписи 1897 г. на «русских» языках (великорусский, малорусский, белорусский) в губернии говорили 38 % жителей, а тюркоязычных мусульман (татарский, башкирский, мещерякский, тептярский и др. языки) насчитывалось 52 %[3]. По данным переписи 1912–1913 гг. башкиры и татары (с крещёными) составляли 55,3 % всех сельчан[4]. В целом тюрко-мусульманского населения Уфимской губернии во второй половине XIX – начале XX вв. насчитывалось более половины всех жителей.

В Оренбургской губернии русские, наоборот, составляли большинство населения. 73 % по сведениям переписи 1897 г. считали родными русский и др. славянские языки, на башкирском говорили 16 %, на всех тюркских языках (без чувашей) – 23 %[5].

Среди башкирского и татарского населения Уфимской губернии происходили сложные этнические процессы. За период существования кантонной системы (1798–1865 гг.) усилились интеграционные связи тюркоязычного населения края. Большинство мишарей и тептярей находилось в составе Башкиро-мещерякского (с 1855 г. Башкирского) войска, имели схожую структуру управления, исполняли близкие по характеру обязанности (военная служба, натуральные повинности, денежные выплаты), сформировалась низовая (кантонная) элита. Близким было экономическое положение. Мишари и тептяри относились к припущенникам, особой категории населения Башкортостана, в разное время и на разных условиях арендовавших земельные угодья у башкир-вотчинников. Их земли находились в общих территориальных дачах вместе с башкирами-вотчинниками, пахотные, сенокосные, пастбищные участки располагались чересполосно, имело место совместное использование земельных угодий.

---

[1] *Гурвич Н.А.* Краткие топографическо-статистические очерки Уфимской губернии // Сборник статистических, исторических и археологических сведений по бывшей Оренбургской и нынешней Уфимской губерниям, собранных и разработанных в течении 1866 и 67 гг. С. 3.

[2] Сборник статистических сведений по Уфимской губернии. Уфа, 1901. Т. VII, ч. I. С. 140–141.

[3] Первая всеобщая перепись населения Российской империи. Уфимская губерния. Тетрадь 2. С. 40–41.

[4] Подсчитано по: Крестьянское хозяйство Уфимской губернии. Подворная перепись 1912–1913 гг. С. 254–255, 562–563, 890–891, 1060–1061, 1434–1435, 1824–1825.

[5] Первая всеобщая перепись населения Российской империи. Оренбургская губерния. С. 56–57.

При наличии среди тюркского населения Уфимской губернии фактического языкового единства, общей религии (ислама), сходной культуры, распространения смешанных (межсословных и межэтнических) браков[1], часто совместного проживания в одних селениях, видимо, происходило формирование единой тюркоязычной общности на основе этнонима (самоназвания) «башкир». Тем более, что башкиры (вотчинники) со времени вхождения их в состав Русского государства относились к неподатному населению, имели более высокий общественный статус, пользовались очень большими земельными владениями. Этноним «башкир» ещё долгие десятилетия сохранял «привлекательность» среди самых разнообразных слоёв мусульман Уфимской губернии.

Например, в 1866 г. в прошении указывалось «мы… деревень Казакларовой и Зейлевой, из мещеряков башкиры», в 1890 г. представитель местных жителей (по происхождению татар) А. Шарипов подписался как «поверенный башкир деревни Казакларовой», в 1872 г. население д. Байгильдино именовало себя «ново-башкиры из черемис», в 1863 г. в документе крестьян д. Батраково (Мало-Бадраково) говорилось про «бывших мещеряков и тептярей (а ныне башкирцев)», в жалобе 1881 г. жители д. Мамадалино Асяновской волости (все Бирский уезд) назвали себя припущенниками из башкир[2]. На юге Уфимской губернии, преимущественно в Белебеевском уезде, вплоть до начала XX в. большое число бывших припущенников именовалось «ново-башкирами».

Уфимский статистический комитет, действовавший при губернаторе, в 1865 г. провёл единственную перепись, во время которой по всем волостным правлениям были разосланы бланки с вопросами (в том числе на тюрко-татарском языке). Первичную информацию предоставляли сельские старосты, само население не опрашивалось. В результате было установлено, что на 1865 г. в городах Уфимской губернии проживало 3032 татарина и 446 башкир, а в сельской местности – 619 286 башкир и 86 701 татар[3].

Статистики, исходя из собственного понимания проблемы и стремясь выделять только основные народы, отказались учитывать, например, тептярей, как «искусственно сложившуюся сословную и административную особь», которая распадается на «разноплеменные элементы» и термин «был уже полным анахронизмом». Они не стали восстанавливать «отжившую свой век этнографическую аномалию». Тептяри были распределены по башкирам, марийцам, удмуртам и татарам. Зато в составе башкир зафиксировали мещеряков (мишарей), «как старинных вотчинников среди башкирских дач», очень близких по культуре. «Слитие мещеряков с башкирами в один этнографический элемент, или пожалуй даже племя … есть этнографически совершившийся факт, против которого бессильны какие бы то ни было административные или фискальные мотивы разъединения», – утверждал уфимский исследователь Н.А. Гурвич.

---

[1] См.: *Асфандияров А.З.* Башкирская семья в прошлом (XVIII – первая половина XIX в.). Уфа, 1997.

[2] ЦГИА РБ. Ф. И-10. Оп. 1. Д. 1381. Л. 107; Д. 1324. Т. 2. Л. 427 об.; Д. 1323. Л. 18, 144; Д. 1366. Т. 1. Л. 111.

[3] *Гурвич Н.А.* Краткие топографическо-статистические очерки Уфимской губернии. С. 3.

Перепись 1865 г. отразила момент широкого распространения самоназвания «башкиры» среди населения вчера ещё существовавшего Башкирского войска. «Известно, что слово *башкир* употребляется двояким образом: во-первых, в смысле административном – сословном, а во вторых, в смысле этнографическом, генетическом, или племенном. В первом случае оно объемлет собою не одно чисто башкирское племя, а несколько, именно черемис, мещеряков, вотяков и бывших тептярей». Из числа башкир были исключены только удмурты и марийцы (ново-башкиры)*.

Однако в правительственных учреждениях тептяри и мишари продолжали учитываться и в 1871 г. местные статистики по данным казённой палаты определили, что в Уфимской губернии проживает 287 800 башкир, 97 200 мещеряков (мишарей) и 233 000 тептярей, итого 617 600 чел.[1], что почти совпадает с общей численностью башкир (в широком смысле) в 1865 г. – 619 286 чел.

Таким образом, если присоединить 89,7 тыс. татар, всё мусульманское население Уфимской губернии на рубеже 1860–1870-х гг. составляло примерно 708,3 тыс. чел., из которых башкир было 40,6 %, тептярей – 33, мишарей – 13,7, татар – 12,7 %.

В дальнейшем исследований «племенного состава» населения не проводилось, а уфимские статистики, опираясь на показатели естественного прироста, лишь высчитывали приблизительное количество проживавших в губернии народов. На 1874 г. они определили численность башкир в 714 278 чел., татар – 104 987 чел., в 1878 г. по их оценке было 455 700 башкир, 189 750 тептярей, 138 900 мишарей, 107 300 татар[2], в 1882 г. всего мусульманского крестьянства, объединённого под сословием башкиры, насчитывалось 881 617 чел.[3]

Изыскания местных статистиков показали устойчивость этносословных самоназваний и реально существовавшее единство внутри тюрко-мусульманского мира Башкортостана. Когда уфимская земская (негосударственная) статистика в 1895–1897 гг. организовала пообщинное обследование всей губернии, авторы не стали ломать голову над сложными проблемами, а объединили всё мусульманское крестьянство в одну графу «башкиры, татары и мещеряки» (1 066 691 чел. в губернии)[4]. Именно так выделяли тюркское население в северных Мензелинском, Бирском и Златоустовском уездах. На юге отдельно были зафиксированы «башкиры и мещеряки», а также «татары», но при подведении итогов по губернии их объединили. В Белебе-

---

* Распад полиэтничного тептярского сословия продолжался вплоть до 1917 г. После постепенного отказа марийцев и удмуртов от самоназвания «тептяр», хотя и не завершённого к началу XX в., подавляющее большинство тептярей состояло из татар и отатарившихся групп сельского населения.

[1] *Гурвич Н.* Племенной состав населения Уфимской губернии и приблизительная численность его в 1878 году. Уфа, [1880]. С. 7–10.

[2] Там же. С. 5–6, 14–15.

[3] *Гурвич Н.А.* Справочная книжка Уфимской губернии. Отдел III. С. 59.

[4] Сборник статистических сведений по Уфимской губернии. Т. VII, ч. I. С. 140–141. Под влиянием уфимских статистиков, при составлении списка населённых пунктов в 1870-е гг. в единую группу «Башкиро-тептяри-мещеряки» было объединено всё мусульманское крестьянство (см.: Список населённых мест по сведениям 1870 года. СПб., 1877. XLV. Уфимская губерния. С. CV), перепись при этом не проводилась. При проведении исследования землевладения также была выделена общая группа «Башкиры, мещеряки и тептяри» (Статистика землевладения 1905 г. СПб., 1906. Вып. 36. Уфимская губерния. С. 28).

евском уезде насчитывалось 226 942 башкир с мещеряками и 38 379 татар, в Стерлитамакском – 123 827 и 11 377 чел.[1] В Уфимском уезде статистики подсчитали число башкир – 41 020, особо башкир и мишарей – 66 326, татар – 7330 чел.[2]

При проведении в Российской империи всеобщей переписи в 1897 г. национальная принадлежность не устанавливалась, регистрировались сословие и родной язык. Хотя жители продолжали записывать в графе «сословие, состояние или звание» – башкиры, как происходило в д. Сейтяково Кубеляк-Телевской волости Верхнеуральского уезда Оренбургской губернии[3], в итоговую публикацию вошло единое сословие «крестьяне».

При ответе на вопрос о родном языке абсолютное большинство мусульман Уфимской губернии указало (или было записано старостами) башкирский язык – 899 910 чел. (из общего количества тюркского населения, без чувашей, в 1 148 319 чел.), что составило 78,4 %. В этом, по всей видимости, проявились как сохранившаяся от кантонной эпохи традиция отождествления припущенниками себя именно с башкирами, так и отсутствие у этносословных групп тептярей и мишарей собственных наименований своих языковых систем. Татарский в качестве родного указали 184 817 чел. (16,1 %), тептярский язык – 39 955 чел. (3,5 %), мещерякский – 20 957 чел. (1,8 %)[4].

Однако во второй половине XIX в. факторы, скреплявшие единство вотчинников и припущенников, начали разрушаться. В 1865 г. состоялась отмена кантонной системы, а затем в Башкортостане развернулось размежевание земли, юридическое отделение владений башкир-вотчинников и всех остальных жителей, включая припущенников, которое в Уфимской губернии к 1900 г. закончилось. Каждая деревенская община получила в точно установленных границах постоянный земельный надел, величина которого теперь не зависела от этнической принадлежности. Большая разница в обеспеченности землёй двух групп населения, действовавшее вотчинное право начали отделять малоземельных припущенников, столетиями проживавших рядом с башкирами и составлявших часто фактическое культурно-языковое единство.

Во второй половине XIX в. происходит постепенная смена элиты, когда общинно-волостную администрацию, выросшую в кантонную эпоху, в составе общего Башкирского войска, сменили следующие поколения, для которых времена военнослужилого сословия оставались лишь героическим преданием. Среди припущенников на западе исторической территории башкирского этноса начался отказ от самоназвания «башкиры», потерявшего практическое значение, что показывает, например, сравнение списков населённых мест Самарской губернии (информация поступала от сельской администрации, само население не опрашивалось).

---

[1] Сборник статистических сведений по Уфимской губернии. Т. IV. С. 66; Т. II: Стерлитамакский уезд. Самара, 1899. С. 80–81.

[2] Там же. Т. I: Уфимский уезд. Уфа, 1898. С. 112.

[3] ЦГИА РБ. Ф. И-148. Оп. 1. Д. 183. Л. 1.

[4] Первая всеобщая перепись населения Российской империи. Уфимская губерния. Тетрадь 2. С. 40–41. Кроме того туркменский язык зафиксирован в губернии в качестве родного у 2070 чел., турецкий – 521 чел. (скорее всего, это запись ответов сельчан, называвших родным просто «тюркский» язык), киргизский – 88 чел., сартский у одного.

Если в Алькеевской волости Бугульминского уезда в 1889 г. в четырёх селениях (Алькеево, Какры-Илга, Кама-Исмагилово, Нижнее Якеево) национальность была указана как татары и башкиры, то в 1910 г. – тептяри и татары. В Альметьевской волости в 1889 г. «народность» жителей д. Альметьево, Бигашево, Верхняя и Нижняя Мактама, Абдрахманово зарегистрировали как башкиры, то в 1910 г. башкиры остались только в Альметьево и Абдрахманово (часть населения). Подобные случаи отхода от башкирской самоидентификации были отмечены в Азнакаевской, Варваринской, Кузайкинской, Мензелибашевской, Мордовско-Ивановской и др. волостях. Если в 1889 г. в восточных уездах Самарской губернии (Бугульминский, Бугурусланский, Бузулукский) башкиры, одни или с иными этническими группами, были зарегистрированы в 101 селении, то в 1910 г. только в 63 деревнях. Лишь башкиры-вотчинники в основном продолжали хранить собственное этническое имя[1].

Схожие процессы зафиксированы при проведении земством в Уфимской губернии подворной переписи крестьянских хозяйств в 1912–1913 гг., когда глава семьи (домохозяин) лично должен был указать свою национальную принадлежность. Всего в сельской местности Уфимской губернии численность тюркских народов (с крещёными, но без чувашей) составила: 846 413 башкир, татар – 210 333, тептярей – 262 690, мишарей – 150 975 чел.[2] Итого, из 1 470 748 чел. (включая 337 киргиз[*]) башкир насчитывалось 57,5 %, татар – 14,3, тептярей – 17,9, мишарей – 10,3 %. По сравнению с переписью 1897 г. численность тюркоязычного населения Уфимской губернии (без чувашей) возросла почти на 320 тыс. чел., при уменьшении удельного веса башкир, в 1897 г. более 78 % тюрко-мусульман указали своим родным языком башкирский.

В Мензелинском уезде по переписи 1912–1913 гг. башкир насчитывалось 154 324 чел., или 49,7 % всего башкирского и татарского крестьянства, в Стерлитамакском – 100 305 (52,6 %), Уфимском – 96 421 (59,2 %), Златоустовском – 49 421 (59,2 %), Бирском – 232 977 (66,8 %), Белебеевском – 212 965 (56,9 %)[3]. Почти во всех уездах башкиры составляли большинство тюрко-мусульманского населения.

В Уфимской губернии, как и в Самарской, отход припущенников от самоназвания «башкиры» в начале XX в. не принял массового характера. Во многих общинах припущенники (население, верхушка) по-прежнему считали себя башкирами, традиция сплочения мусульманских этносословных групп сохранялась. Так, припущенники из тептярей[4] д. Райманово и Нижний Сардык Тюменяковской волости Белебеевского уезда, например, во время переписи 1912–1913 гг. были зарегистрированы башкирами[5].

---

[1] См.: *Кругликов П.В.* Список населённых мест Самарской губернии по сведениям 1889 года. Самара, 1889; *Подковыров Н.Г.* Список населённых мест Самарской губернии, составлен в 1910 году. Самара, 1910.

[2] Подсчитано по: Крестьянское хозяйство Уфимской губернии. Подворная перепись 1912–1913 гг. С. 254–255, 562–563, 890–891, 1060–1061, 1434–1435, 1824–1825. Не выделялись отдельные инонациональные семьи, проживавшие в деревнях.

[*] Так тогда назывались современные казахи.

[3] Там же.

[4] См.: *Асфандияров А.З.* История сёл и деревень Башкортостана. Уфа, 1993. Кн. 4. С. 98–101.

[5] Крестьянское хозяйство Уфимской губернии. Подворная перепись 1912–1913 гг. С. 1676–1677.

Процесс консолидации нации в начале XX в. происходил и среди татарского населения[1], что, однако, осложнялось слабым распространением этнонима «татарин» среди тептяро-мишарского крестьянства Уфимской губернии. Возрастала «конкуренция» двух быстро развивавшихся этносов (татар и башкир) за промежуточные, смешанные группы. Экономический подъем в Башкортостане, формирование значительного слоя башкирских сельских предпринимателей вело к складыванию новой общинно-волостной элиты, включавшей мусульманское духовенство и башкирскую гуманитарную интеллигенцию. Мощное воздействие оказала демократизация общественной жизни в Российской империи после 1905 г., ускорилось развитие городских центров башкирской культуры, что оказывало непосредственное воздействие на рост национального самосознания.

Последним массовым источником по этническому составу населения края стала всероссийская сельскохозяйственная перепись 1917 г., проводившаяся уже Временным правительством, в обстановке политических свобод[2]. На западе и в центре Башкортостана (Бирский, Белебеевский, Уфимский уезды) были зафиксированы сходные процессы. В сравнении с земской переписью 1912–1913 гг. здесь произошло сокращение численности башкир и татар, увеличилась доля тептярей и мишарей, впервые статистики зарегистрировали новые (локальные, конфессиональные, смешанные) определения своей национальности, которые ранее, при обработке итоговых данных, унифицировались.

Например, в Бирском уезде (без города) по переписи 1917 г. проживало 208 579 башкир, 81 815 тептярей, 63 945 мишарей, 12 507 татар (по переписи 1912–1913 гг. число татар – 17 287 чел.), 14 812 мусульман («магометан»), всего 382 286 чел.[3] Больше половины всего тюрко-мусульманского населения северного Башкортостана по-прежнему составляли башкиры (54,6 %). В Белебеевском уезде в 1917 г. башкир насчитывалось 184 878 чел., тептярей – 138 781, мишарей – 40 258, татар – 36 731 (в 1912–1913 гг. – 47 440 чел.), мусульман – 3269, тюмен – 230, всего – 404 147 чел.[4] Удельный вес башкир здесь сократился с 56,9 до 45,7 %.

В Уфимском уезде переписью 1917 г. было зарегистрировано 66 760 башкир, 53 345 тептярей, 49 430 мишарей, 650 татар (в 1912–1913 гг. – 1182), прочих – 146, итого – 170 331 чел., из них башкиры составляли 39,2 % (по переписи 1912–1913 гг. – 59,2 %). Именно в центральной Башкирии наблюдался наиболее массовый переход припущенников от этнонима башкиры к самоназваниям тептяр или мишар (напри-

---

[1] См.: Татары. М., 2001; Единство татарской нации. Казань, 2002; *Давлетшина З.М.* Татарское население Башкортостана: этнодемографическое исследование. Уфа, 2001.

[2] Первичные данные (ответы домохозяев о своей национальности, часто информацию указывала и низовая администрация) не сохранились только по Мензелинскому уезду.

[3] *Роднов М.И.* Крестьяне Бирского уезда по переписи 1917 года. Уфа, 1997. С. 119–120. Включены 628 чел. прочих (604 тептяр-татар и др.).

[4] Подсчитано по: ЦГИА РБ. Ф. Р-473. Оп. 1. Д. 169–178, 180–192, 194–228, 229 (Т. 1, 2), 230–267, 503, 518, 562; *Роднов М.И.* Итоги переписи 1917 г. по Белебеевскому уезду // Археография Южного Урала. Уфа, 2004. Не сохранились материалы по башкирам (около 300 семей), татарам и тептярям (103 двора).

мер, д. Калтаево, Ново и Старо-Курмашево, Якупово и др. Покровской волости)[1]. Тем не менее, по результатам переписи 1917 г., проводившейся в условиях максимальной свободы, башкиры остались крупнейшей этнической группой среди тюрко-мусульманского крестьянства, в Бирском уезде по-прежнему охватывая более половины всего населения.

С другой стороны, перепись 1917 г. отразила неустойчивое состояние среди бывших припущенников (особенно мишарей) на западе и в центре Башкортостана, были зафиксированы конфессиональная (мусульмане) и архаичная локальная самоидентификация (тюмены, темниковские мишари). Несмотря на быстрое развитие татарской культуры в начале XX в., складывание буржуазной нации, массовое проникновение в край прессы и литературы из Казани и других городов, активную просветительскую деятельность интеллигенции, этноним «татары» не получил широкого распространения в народной среде. В отдельных селениях жители (элита) отказывались от самоназвания татары. В д. Бибихтино Нагаевской волости Уфимского уезда по переписи 1912–1913 гг. всё население татары, в 1917 г. здесь проживало 671 тептярей, 7 мишарей и 6 татар[2]. В Старо-Балтачевской волости жители д. Старо-Янбаево и Султангулово из татар перешли в мишари и тептяри[3].

Первичные материалы переписи 1917 г., отразившие этнические представления самого крестьянства, подтвердили устойчивое бытование в народной среде традиций кантонной эпохи (Башкирского войска). В Белебеевском уезде ново-башкирами назвали себя (или были записаны старостами) жители д. Муллагалюмово, Нижне-Ибраево, Ново-Айдаралино, Ямгурчи (Артюховской волости), Аитово, Баязитово, Большие Каркали, Зильдярово, Ново-Ишлы (Зильдяровской), большинство населения д. Елбулак-Тамак Илькульминской волости[4]. В Киргиз-Миякинской волости ново-башкиры проживали в д. Аняс, часть крестьян из смешанной д. Байтимирово указаны как «башкиры-мишари»[5]. В Кичкиняшевской волости ново-башкиры в 1917 г. были зарегистрированы в д. Ново-Тавларово, Нуреево, Старо-Тамьяново, Тарханово (некоторые – «башкиры-тептяри»), Тлявли, Чуваш-Тамьяново[6]. В Тюрюшевской волости, кроме также широкого бытования этнонима «ново-башкир» (пос. Акчуринский, д. Кузеево, Кусекеево, Новая Чишма, Ново-Абзаново, Тюрюш-Тамак и др.), в графе национальность у многих жителей записано «ново-башкиры-мишари» (Ахметовский, Исмагиловский, Кучербаево, Тюркеево), в Ново-Тамьяново – «башкиры-тептяри»[7].

Продолжались фиксироваться случаи перехода (возврата) к башкирскому самоназванию. Во время переписи 1917 г. население д. Размекеево и Юмураново Бакаевской

---

[1] См.: *Роднов М.И.* Крестьянство Уфимского уезда по переписи 1917 года. Уфа, 1997. С. 42, 188–189.

[2] Крестьянское хозяйство Уфимской губернии. Подворная перепись 1912–1913 гг. С. 686–687; *Роднов М.И.* Крестьянство Уфимского уезда по переписи 1917 года. С. 99.

[3] Крестьянское хозяйство Уфимской губернии. Подворная перепись 1912–1913 гг. С. 1302–1303, 1310–1311; ЦГИА РБ. Ф. Р-473. Оп. 1. Д. 373–376.

[4] См.: *Роднов М.И.*, *Дудина О.И.* Крестьянство Уфимской губернии в 1917 году: Белебеевский уезд // Башкирский край. Уфа, 1991. Вып. 1. С. 90–91,109–111, 115–116 и др.

[5] ЦГИА РБ. Ф. Р-473. Оп. 1. Д. 219–221.

[6] Там же. Д. 223–225.

[7] Там же. Д. 252–257.

волости Уфимского уезда – башкиры (в 1912–1913 гг. мишари и башкиры). Башкирами записались (были учтены) жители д. Биштяки и Ильтуганово Биштякинской волости, тогда как по предыдущей переписи они являлись мещеряками и тептярями[1].

На востоке Башкортостана в 1910-е гг. отмечен рост численности башкир. В Златоустовском уезде, с учётом населения второй Айлинской волости (д. Абдрезяк, Арасланово, Асылгужино, Кулбаково, др.[2]), где в графе «сословие» у сельчан было записано «башкиры-вотчинники», национальность – «татары», а также реконструкции количества населения деревень, подворные карточки на которые были утеряны, общая численность башкир по переписи 1917 г. составила около 55 тыс. чел. (в 1912–1913 гг. – 49,4 тыс.), мишарей – 19,5 тыс. (18,4 тыс.), тептярей – 15,4 (15,1), татар – 3,7 тыс. (0,2 тыс.)[3].

По Стерлитамакскому уезду также пропала небольшая часть материалов переписи 1917 г. Башкир насчитывалось 111 872 чел., а с учётом восстановленного примерного количества жителей деревень, по которым не сохранилось подворных карточек, их в уезде было около 122 тыс. чел.[4] (по переписи 1912–1913 гг. – 100,3 тыс.). По сохранившимся первоисточникам удельный вес башкир в Стерлитамакском уезде в 1917 г. составлял 57,4 % (по переписи 1912–1913 гг. – 52,6 %). Из остального мусульманского населения (195 039 чел, подсчитано по подворным карточкам) в Стерлитамакском уезде по переписи 1917 г. насчитывалось 46 396 татар, 17 083 тептярей, 16 530 мишарей, 2084 мусульман, 681 башкиро-тептярей, 344 алаторов (алатырские мишари) и пр.[5] В Стерлитамакском уезде возросла численность башкир, а в общинах припущенников, как и на западе края, бытовали традиции кантонной эпохи. Среди мусульманского населения Бишкаиновской волости есть записи – «ново-башкиры», «башкиры из мещеряков», «башкир-мещеряк»[6].

На востоке Уфимской губернии вотчинники (башкиры) и припущенники проживали более обособленно, сильнее проступали хозяйственно-культурные различия, многоземельное башкирское крестьянство твёрдо хранило свою идентичность, что наблюдалось и на юго-востоке Башкортостана.

Среди мусульман Оренбургской губернии в 1894 г. насчитывалось башкир 229 877 чел., тептярей 21 628, «инородцев» – 4661 чел.[7] Поволостные и поуездные данные за 1895 г. показывают уточнённые сведения по гражданской территории и землям Оренбургского казачьего войска, где проживала небольшая часть башкир

[1] Крестьянское хозяйство Уфимской губернии. Подворная перепись 1912–1913 гг. С. 590–591; *Роднов М.И.* Крестьянство Уфимского уезда по переписи 1917 года. С. 52, 56.

[2] О башкирском происхождении этого населения см.: *Асфандияров А.З.* История сёл и деревень Башкортостана. Уфа, 2001. Кн. 9. С. 176–186.

[3] *Роднов М.И.* Крестьянство Златоустовского уезда по переписи 1917 года. Уфа, 2002. С. 9; Крестьянское хозяйство Уфимской губернии. Подворная перепись 1912–1913 гг. С. 1060–1061.

[4] См.: *Роднов М.И.* Численность башкир по переписи 1917 года // Археография Южного Урала. Уфа, 2001. С. 141.

[5] Подсчитано по: ЦГИА РБ. Ф. Р-473. Оп. 1. Д. 242, 437–458, 458а, 459–478, 480–489, 492–502, 504–505, 513.

[6] См.: Там же. Д. 446–448, 450, 459–460, 480.

[7] Адрес-календарь и памятная книжка Оренбургской губернии на 1896 год. Оренбург, 1895. Статистические сведения за 1894 год. С. 2–3.

и татар. В Оренбургском уезде в 1895 г. насчитывалось в волостях и станицах 43 509 башкир, 29 529 татар, 3231 тептярей, 904 мишарей и 282 нагайбаков, всего 77 455 чел. В Орском уезде проживало 92 014 башкир, 9013 татар, 9 тептярей, нагайбаков 101, всего 101 137 чел. В Верхнеуральском уезде было 24 014 башкир, 3515 татар, 15 020 тептярей, 2538 мишарей, 6426 нагайбаков, всего 51 513 чел., в Троицком уезде – 13 107 башкир, 1201 татарин, 2410 нагайбаков, 62 тептярей, всего 16 780 чел. В Челябинском уезде в 1895 г. насчитывалось 43 947 башкир, 1623 татарина, 7079 мишарей и 4 тептярей, всего 52 653 чел.[1]

Из всех мусульман (без казахов) Оренбуржья в 299 538 чел. башкир было 216 591 чел., или 72,3 %. На территории Оренбургского казачьего войска проживало лишь 6627 чел., или 3 % от общей численности башкир в губернии. Удельный вес башкир во всём тюркском населении в 1895 г. составлял в Оренбургском уезде – 56,2 %, Орском – 91, Верхнеуральском – 46,6, Троицком – 78,1 и Челябинском – 83,5 %.

К этим данным близки материалы первой всероссийской переписи. В 1897 г. в Оренбургской губернии указали в качестве родного языка башкирский – 254 561 чел., татарский – 92 926, мещерякский – 4898, тептярский – 16 877, киргизский – 4971 чел. и т. д., итого тюрок-мусульман (без чувашей) насчитывалось 374 948 чел., из них башкир – 67,9 %.[2]

По итогам переписи 1917 г. (гражданская территория и без городов) в Оренбургской губернии проживало 290 541 башкир. В Оренбургском уезде их насчитывалось 56 134 чел., что составляло 61,1 % из всего мусульманского (башкиры, тептяри, мишари, татары) населения, в Верхнеуральском уезде – 52 146 (68,8 %), Орском – 121 899 (96,2 %), Троицком – 11 483 (99,6 %), Челябинском – 48 879 чел. (85 %). В целом башкиры составляли 79,9 % сельского мусульманского населения гражданской территории Оренбургской губернии[3].

Основная часть башкирского этноса находилась в пределах Уфимской и Оренбургской губерний, но значительные компактные группы башкир с древнейших времён проживали в ряде соседних губерний. По данным переписи 1897 г. в Пермской губернии 85 395 чел. указали своим родным языком башкирский, во всех семи уездах Самарской губернии – 57 242 чел. Здесь основное число башкир проживало в Бугульминском уезде – 29 647 чел., Бузулукском – 9877, Бугурусланском – 9501 и Николаевском – 7468 чел. В Уральской области в 1897 г. башкирский язык считали родным 713 чел., преимущественно в Уральском уезде, в Тургайской области – 1598 чел. (главным образом в Кустанайском уезде). На правобережье Волги, в Саратовской губернии 1262 жителя указали своим языком башкирский (почти все в Петровском уезде). Отдельные семьи башкир расселились по различным регионам империи. Так, в Казанской губернии 38 чел. назвали родным языком башкирский[4].

---

[1] Подсчитано по: Адрес-календарь и памятная книжка Оренбургской губернии на 1897 год. Оренбург, 1897. Статистические сведения за 1895 год. С. 3–11.

[2] Первая всеобщая перепись населения Российской империи. Оренбургская губерния. С. 56–57.

[3] *Фиельструп Ф.А.* Этнический состав населения Приуралья. Л., 1926. С. 32.

[4] Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. XIV. Казанская губерния. С. 103; Там же. XXXI. Пермская губерния. С. 97; Там же. XXXVI. Самарская губерния. С. 58; Там же.

Структура тюркоязычного населения Пермской губернии по данным исследования 1908–1909 гг. была следующей: Екатеринбургский уезд (9327 башкир и 3544 мещеряков-мишар), Красноуфимский (12 301 башкир, 22 362 татар, 2755 мишарей), Кунгурский (3164 татар), Осинский (43 809 башкир, 16 528 татар, 579 мишарей), Пермский (3334 башкир, 3838 татар), Шадринский (27 655 башкир, 14 811 мишарей), а всего в Пермской губернии проживало 96 426 башкир (без городов)[1].

Небольшая группа башкирского населения находилась в Закамье, в пределах Вятской губернии, где к 1875 г. их насчитывалось 8862 чел. (5002 в Елабужском, остальные в Сарапульском уездах)[2]. На 1902 г. в Елабужском уезде проживало 6019 башкир, ещё 4907 чел. были зарегистрированы в Сарапульском уезде[3], итого 10 926 чел.

Хотя на 1917 г. нет полных сведений о численности башкир Мензелинского уезда Уфимской, а также Пермской, Вятской и других соседних губерний, по данным сельскохозяйственной переписи 1917 г. приблизительно можно установить, что всего в России проживало около 1,2 млн башкир[4]. К началу XX в. процессы формирования татарской и башкирской буржуазных наций, происходившие и на территории Башкортостана, были далеки от завершения, сохранялись большие промежуточные группы населения с неопределившимся самосознанием. Несмотря на отсутствие единого центра, немногочисленность городских социальных слоёв, «конкуренцию» родственного татарского народа, развитие башкирского этноса определяли устойчивые традиции собственной самобытной культуры, сформировавшаяся местная элита (администрация, предприниматели, гуманитарно-религиозная интеллигенция), а экономической основой по-прежнему оставалось вотчинное право – до конца 1917 г. юридически незыблемое владение на значительные территории. Башкиры-вотчинники являлись одной из самых многоземельных групп населения всей Европейской России. В Альшеевской волости Белебеевского уезда в среднем на одно хозяйство башкира-вотчинника в 1912–1913 гг. приходилось в д. Альшеево – 53,1 дес. земли, в Идрисово – 37,8, Кармышево – от 44 до 64 дес., тогда как у припущенников д. Ибраево было 17,5 дес. на двор, в Верхне-Аврюзово – по 12,3 дес.[5] В горно-лесных волостях обеспеченность земельными угодьями башкир-вотчинников была ещё выше.

Второй основной этнической группой являлись русские. В 1865 г. их насчитывалось в Уфимской губернии 456 153 чел., в том числе среди городского населения они составляли 91 %. По переписи 1897 г. великорусский язык считали родным 834 135 чел., среди сельского населения по переписи 1912–1913 гг. русских было 876 549 чел.[6] Во второй половине XIX в. продолжался непрерывный приток русских

XXXVIII. Саратовская губерния. С. 81; Там же. LXXXVII. Тургайская область. С. 38; Там же. LXXXVIII. Уральская область. С. 48.

[1] Свод данных, помещённых в «Списках населённых мест Пермской губ.», изд. 1908–9 гг., и другие краткие статистические сведения о Пермской губернии. Пермь, 1910. С. 22–23.

[2] Статистическое описание Вятской губернии и справочные сведения / Сост. Н. Спасским. Вятка, 1875. С. 35–36.

[3] Календарь Вятской губернии на 1902 г. Вятка, 1903. С. 27 (информация Р.Н. Рахимова).

[4] См.: *Роднов М.И.* Численность башкир по переписи 1917 года. С. 142.

[5] Крестьянское хозяйство Уфимской губернии. Подворная перепись 1912–1913 гг. С. 1452–1453.

[6] *Гурвич Н.А.* Краткие топографическо-статистические очерки. С. 3; Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. XLV. С. 40–41; Крестьянское хозяйство Уфимской губернии. Подворная перепись 1912–1913 гг. С. 254, 562, 890, 1060, 1433, 1823.

переселенцев из центральных районов России. В северную часть Башкортостана прибывали выходцы из Вятской, Пермской и др. губерний, в южной (лесостепной) зоне селились уроженцы центрально-чернозёмных и приволжских губерний (Тамбовской, Курской и пр.)[1]. Вдоль железной дороги и на юге (возле Стерлитамака – Мелеуза) складываются новые районы сплошного расселения русских, наряду со старыми в Прикамье, на Средней Белой (Уфа – Бирск) и горном Урале. Вплоть до 1917 г. русские составляли большинство горожан, хотя их удельный вес снижался.

На рубеже XIX–XX вв. активное экономическое развитие, рост разнообразных социокультурных контактов привёл к широкому распространению русского языка как средства межэтнического общения, значительная часть мужского населения среди башкир и татар владела разговорным минимумом. Набирали скорость процессы аккультурации и обрусения, затрагивавшие в первую очередь городское (индустриальное) население, представителей других славянских народов, немцев, евреев, мордву, кряшен. В Башкортостане началось формирование русскоязычного населения, иного по происхождению, но уже перешедшего в быту на русский язык. В промышленных районах Златоустовского и Уфимского уездов во время переписи 1917 г. иногда национальность «русский» указывалась у мусульман, как, например, у А. Шакирова, Г. Нафикова, К. Мингалеева в Симской волости[2].

Во второй половине XIX в. происходит широкая миграция украинцев и, позже, белорусов, заселявших территории вдоль железной дороги, степные волости юга и лесное предгорье. По переписи 1897 г. украинский («малорусский») язык в Уфимской губернии считали родным 4996 чел., по переписи 1912–1913 гг. в сельской местности проживало уже 56 923 украинца[3]. На белорусском языке говорили в 1897 г. 505 чел., в 1912–1913 гг. белорусов насчитывалось 7672 чел.[4]

Оказавшиеся в дуалистичном (русско-мусульманском) окружении, многие славяне-переселенцы сначала отождествляли себя с родственным русским (православным) населением и именовались русскими. Со временем, обустроившись, крестьяне возвращались к своей исконной этнической принадлежности. Сравнение переписей 1910-х гг. показывает случаи отказа от самоназвания «русские». Жители пос. 1-го Новосёловского Булекей-Кудейской волости Уфимского уезда из русских стали белорусами, в Преображенском – украинцами и белорусами. Имели факты «перехода» из белорусов в украинцы, и обратно. Аналогичные процессы наблюдались в рядах беженцев Первой мировой войны, когда в 1915–1916 гг. в Уфимскую губернию прибыло около 60 тыс. чел. из прифронтовых Холмской, Гродненской и др. губерний,

---

[1] См.: *Усманов Х.Ф.* Развитие капитализма в сельском хозяйстве Башкирии в пореформенный период. 60–90-е годы XIX в. Гл. 2; *Самородов Д.П.* Русское крестьянское переселение в Башкирию в пореформенный период.

[2] *Роднов М.И.* Крестьянство Уфимского уезда по переписи 1917 года. С. 169–170.

[3] *Бабенко В.Я.* Украинцы Башкирской ССР: поведение малой этнической группы в полиэтничной среде. Уфа, 1992. С. 31.

[4] Первая всеобщая перепись населения Российской империи. Уфимская губерния. Тетрадь 2. С. 40–41; Крестьянское хозяйство Уфимской губернии. Подворная перепись 1912–1913 гг. С. 562, 890, 1823.

а также Польши[1]. Среди беженцев преобладали украинцы и белорусы (с западнославянскими фамилиями), но многие назвались русскими[2].

Данные переписи 1917 г. по сельскому славянскому населению отражают незавершённые межэтнические процессы. В Белебеевском уезде в 1917 г. проживало 120 132 русских, 38 091 украинец, 4732 белоруса, что всего составило 25,5 % жителей. В Уфимском уезде было 250 609 русских, 18 725 украинцев и 15 348 белорусов, итого восточнославянское население охватывало 59,7 %. В Златоустовском уезде насчитывалось в 1917 г. русских – 154 131 чел., белорусов – 3418, украинцев – 2787, или 61,7 % сельского населения, по которому сохранились подворные карточки. В Бирском уезде было зарегистрировано 170 239 русских, 2076 украинцев, 420 белорусов (25,8 %), в Стерлитамакском уезде – 160 319 русских, 17 382 украинца, 2128 белорусов (42,1 %)[3]. В центре Башкортостана русские (вместе с родственными народами) к 1917 г. составляли большинство населения, на юге их доля превышала 40 %, на северо-западе – ¼ жителей.

Группы народов Поволжья (чуваши, мордва, марийцы, удмурты), издавна проживавшие в Башкортостане, сохраняли стабильный характер расселения. Распад тептярского полиэтничного сословия продолжался вплоть до начала XX в., по переписи 1917 г. в Бирском уезде у 1659 чел. национальность была указана как «тептяри-мари», 275 чел. назвались «тептяри-удмурты»[4]. Складывавшаяся у этих народов интеллигенция, зажиточные слои крестьян, православное национальное духовенство (и язычество) выступали защитниками этнической самобытности, что приводило к уменьшению воздействия ислама, сопротивлению политике обрусения и ассимиляции этих этносов в татарскую (мусульманскую) или русскую среду. Так, среди марийцев Прикамья в 1917 г. в большинстве случаев этническое самоназвание указано в форме «мари, марий», а не «черемис».

В 1865 г. в Уфимской губернии проживало 51 172 марийца, 34 296 чувашей, 19 994 удмурта и 18 650 мордвы[5]. Во время переписи 1897 г. 60 616 чел. указали своим родным языком чувашский, 22 501 чел. «вотяцкий» (удмуртский), 37 289 мордовский и 80 608 чел. «черемисский» (марийский)[6]. Близкие данные были получены в результате земского обследования 1895–1897 гг.: марийцев – 75 132 чел., чувашей – 45 157, удмуртов – 23 361, мордвы – 31 322 чел.[7] Среди сельского населения губер-

---

[1] Уфимская жизнь. 1915. 1 ноября.

[2] *Роднов М.И.* Крестьянство Уфимского уезда по переписи 1917 года. С. 38–39.

[3] Там же. С. 188, 190; *Он же.* Крестьянство Златоустовского уезда по переписи 1917 года. С. 66–67; *Он же.* Крестьяне Бирского уезда по переписи 1917 года. С. 119–120; *Он же.* Итоги переписи 1917 г. по Белебеевскому уезду. С. 162–163; Подсчитано по: ЦГИА РБ. Ф. Р-473. Оп. 1. Д. 242, 437–458, 458а, 459–478, 480–489, 492–502, 504–505, 513. В Стерлитамакском уезде не сохранились документы по русской Татьяновской волости, также учтены 10 казаков. В Бирском уезде проживало ещё 7 русин (закарпатских украинцев), в Уфимском – 9 белорусов-поляков, 111 казаков и 24 русина.

[4] См.: *Роднов М.И.* Крестьяне Бирского уезда по переписи 1917 года. С. 119.

[5] *Гурвич Н.А.* Краткие топографическо-статистические очерки. С. 3.

[6] Первая всеобщая перепись населения Российской империи. Уфимская губерния. Тетрадь 2. С. 40–41.

[7] Сборник статистических сведений по Уфимской губернии. Т. VII, ч. I. С. 140–141.

нии в 1912–1913 гг. насчитывалось марийцев – 90 506, чувашей – 79 338, удмуртов – 24 613, мордвы – 43 581 чел.[1]

С учётом небольших пропусков, по переписи 1917 г. в Белебеевском уезде проживало 40 682 чуваша, 14 173 чел. мордвы, 9792 марийца, 709 удмуртов, в Бирском – 81 212 марийцев, 8 мордвы, 29 277 удмуртов, 335 чувашей, а также вышеназванные тептяри, в Златоустовском – 3417 чел. мордвы, 41 чуваш, в Уфимском – 5568 чувашей, 4446 мордвы, 3817 марийцев и 709 удмуртов, в Стерлитамакском уезде было 28 367 чувашей, 19 055 мордвы, 54 марийца, двое удмуртов[2].

Кроме того, в Башкортостане селились представители различных западноевропейских этносов, работавшие на промышленных предприятиях, в административных и образовательных учреждениях, немало было торговцев и ремесленников. Наиболее крупными в городах были польская, основу которой сначала составили ссыльные участники восстаний,[3] и еврейская диаспоры (первыми представителями были кантонисты)[4]. С постройкой железной дороги в край прибыли переселенцы-фермеры немцы, латыши, эстонцы и небольшое число поляков. Центром немецкой общины в крае стало с. Давлеканово, где были сосредоточены различные предприятия немцев, а вокруг раскинулись их хутора и посёлки. Латыши в основном концентрировались в предгорных волостях к востоку от Уфы[5].

По данным всеобщей переписи 1897 г. в Уфимской губернии указали родными языками: польский – 956 чел., латышский – 3873, немецкий – 1082, еврейский – 634, эстонский – 617 чел.[6] Во время Первой мировой войны в Башкортостан приехало много беженцев-латышей и немцев, подданных Германии и Австро-Венгрии, высланных из столичных и прифронтовых губерний, которых селили по посёлкам соотечественников, а немцев также по различным русским деревням.

В годы войны в край прибывало большое число мигрантов разных национальностей, многие из которых обосновались в городах[7]. По сведениям переписи 1917 г. только в сельской местности пяти уездов (без Мензелинского) проживали 12 307

---

[1] Крестьянское хозяйство Уфимской губернии. Подворная перепись 1912–1913 гг. С. 255, 563, 891–893, 1061, 1434–1435, 1825.

[2] *Роднов М.И.* Крестьянство Уфимского уезда по переписи 1917 года. С. 188, 190; *Он же.* Крестьянство Златоустовского уезда по переписи 1917 года. С. 66–67; *Он же.* Крестьяне Бирского уезда по переписи 1917 года. С. 119–120; *Он же.* Итоги переписи 1917 г. по Белебеевскому уезду. С. 162–163; Подсчитано по: ЦГИА РБ. Ф. Р-473. Оп. 1. Д. 242, 437–458, 458а, 459–478, 480–489, 492–502, 504–505, 513.

[3] См.: *Латыпова В.В.* Ссыльные поляки на Южном Урале в XVII–XIX вв.: проблемы изучения // Поляки в России: история ссылки и депортации. СПб., 1995; Она же. Поляки на Южном Урале (XVII – начало XX вв.). Автореферат дисс. ... канд. ист. наук. СПб., 1996.

[4] См.: *Шкурко Э.А.* Очерки истории евреев Башкортостана. Уфа, 1999.

[5] См.: *Григорьев Д.В.* Немцы Башкортостана в конце XIX–XX вв. Уфа, 2002; *Роднов М.И.* Западноевропейское население в Уфимской губернии в начале XX в. // История христианства и деятельность небольших христианских церквей в Башкирии. Уфа, 2004.

[6] Первая всеобщая перепись населения Российской империи. Уфимская губерния. Тетрадь 2. С. 40–41.

[7] См., напр.: материалы городской переписи 1917 г.: *Сахратуллин С.Ф.* Бирская старина. Город Бирск. Книга вторая. Бирск, 2000.

немцев, 6338 латышей, 2144 поляков, 1244 эстонца, 313 евреев, 209 литовцев, 109 чехов и 83 австрийца[1].

Таким образом, Башкортостан во второй половине XIX – начале XX вв. оставался одним из самых многонациональных регионов Российской империи, куда вплоть до Первой мировой войны продолжали прибывать переселенцы, и где происходили сложные этнические процессы, особенно среди родственных, смешанных групп населения[2]. Несмотря на продолжавшуюся официальную политику русификации, в крае господствовали толерантные отношения между различными этносами, не было межнациональных конфликтов, столетиями проживавшие рядом народы выработали механизмы терпимого, уважительного восприятия других обычаев, религии, образа жизни соседа. Даже в условиях проходившего размежевания земли в Башкортостане не наблюдалось никаких сколько-нибудь существенных межэтнических конфликтов. Основой толерантных отношений между всеми народами края, включая и недавних переселенцев, являлись сходный уровень социально-экономического развития и огромный исторический опыт совместного проживания в рамках единого государства.

---

[1] *Роднов М.И.* Крестьянство Уфимского уезда по переписи 1917 года. С. 189–190; *Он же.* Крестьянство Златоустовского уезда по переписи 1917 года. С. 67; *Он же.* Крестьяне Бирского уезда по переписи 1917 года. С. 119–120; *Он же.* Итоги переписи 1917 г. по Белебеевскому уезду. С. 162–163; Подсчитано по: ЦГИА РБ. Ф. Р-473. Оп. 1. Д. 242, 437–458, 458а, 459–478, 480–489, 492–502, 504–505, 513. В числе чехов учтён один «мораванин».

[2] См.: *Кузеев Р.Г.* Народы Среднего Поволжья и Южного Урала. Этногенетический взгляд на историю. М., 1992.

ГЛАВА 2 ПРОВЕДЕНИЕ РЕФОРМ 1860–1870-Х ГГ. В БАШКОРТОСТАНЕ

§ 1. Отмена кантонной системы управления

Из 12 казачьих войск Российской империи Башкирское войско по количеству населения (главным образом башкиры-вотчинники и мишари) было самым крупным. На 1 января 1862 г. в поселениях войска проживало 1 008 876 душ об. пола, что составляло треть всего казачьего населения страны. За войском числилось 12 млн дес. земли. В 1855 г. к нему было присоединено тептяро-бобыльское население (266 069 душ об. п.) из татар, марийцев, чувашей[1]. Башкирское войско отличалось от других казачьих войск, ему не были присущи элементы казачьей демократии. Так, отсутствовало право выбора своих старшин, командный состав имел урезанные чины (зауряд-сотник, зауряд-есаул и др.), что закрывало им доступ в потомственное дворянство. Но главное отличие Башкирского войска состояло в преобладании трудовых повинностей над военной службой. К середине XIX в. войско по составу разделялось на 28 кантонов, из которых только в девяти несли военную службу, а также исполняли казённые работы (строительство крепостей и дорог, перевозка грузов, рубка и сплавка леса и др.), остальные 19 кантонов облагались денежным сбором.

Башкирское войско определённого штата не имело. По спискам на 1861 г. к строевому составу относились 477 генералов и офицеров и 41 284 нижних чинов, на 1862 г. – 511 и 36 753. Из них действительную службу несли соответственно 1081 и 1098 чел., то есть около 3 % списочного числа, прочие оставались «на льготе» в своих домах. По другим иррегулярным войскам в действительной службе принимали участие от 10 до 51 % строевого состава[2].

К середине XIX в. спрос на башкирскую военную силу стремительно падал, рубежи империи выдвинулись далеко за пределы Южного Урала. Оренбургская губерния из пограничной превращалась во внутреннюю область страны. Военным министерством и губернской администрацией рассматривались проекты полной отмены военной службы башкир и передачи их в гражданское управление. Кроме того, со-

---

[1] Военный сборник. СПб., 1863. Т. XXXIV. С. 540–541, 548.

[2] Там же. С. 538–539.

хранялось Оренбургское казачье войско, насчитывавшее 237 тыс. чел. обоего пола[1]. Оценивая деятельность иррегулярных войск в 1858 г., Военный министр Н.О. Сухозанет пришёл к выводу, что башкирские полки «совершенно не нужны для государства»[2], и предлагал начать реформу Башкирского войска с отмены службы во всех девяти кантонах, чтобы она не служила «приманкою к… независимости», которую «народ этот… успел удержать за собою в течение полутораста лет»[3].

Несмотря на то, что большинство башкир, мишарей и тептярей перестали отправлять военную службу, формально они продолжали оставаться в Башкирском войске и вся их жизнь регламентировалась кантонной, то есть военно-казачьей, администрацией. Характерно, что власти избегали упоминать про подушную подать, под которой мусульмане могли подразумевать харадж (поземельный налог)[4]. Повинности, которые исполняли башкиры, мишари и тептяри накануне освобождения вплотную приблизились к налогообложению государственных крестьян, экономически более крепких и свободных от тягот военной службы. Так, все денежные сборы с башкир и мишарей в 1860-х гг. составляли 4,25 руб. серебром на душу мужского пола, с тептярей – 4,32 руб., с государственных крестьян – 6,33 руб., с крестьян, добившихся права собственности на купленные у башкир земли всего 3,33 руб.[5]

Переход на денежные повинности опережал экономические возможности коренного населения и был разорителен для них. Кроме того, собираемые с башкир, мишарей и тептярей средства практически не расходовались на их нужды. Н.О. Сухозанет отмечал, что казачьи войска употребляют свои доходы «на собственное развитие», а большая часть сборов с башкир идёт «на предметы совершенно посторонние». В канун реформы из 725 253 руб. серебром, собранных с Башкирского войска, на содержание и усиление оренбургского казачества и Кавказского военного корпуса было израсходовано 411 236 руб. (57 %). Остальные деньги пошли на нужды чиновников Башкирского войска, потребности Военного министерства, содержание степных укреплений и пр.[6]

Упразднение кантонной системы управления в крае во многом было связано с именем Оренбургского и Самарского генерал-губернатора А.П. Безака (1860–1865 гг.), которому было официально поручено заняться реформой среди башкир, мишарей и тептярей, руководствуясь принципами Манифеста 19 февраля 1861 г. Проект А.П. Безака рассматривался Государственным Советом и 14 мая 1863 г. Положение о башкирах было подписано императором Александром II. В нём говорилось: «Инородцы, известные под названием башкир, мещеряков, тептярей и бобылей, имеющие общее наименование Башкирского войска, получают гражданское устройство как свободные сельские обыватели на основаниях, в сем Положении определённых»[7].

---

[1] *Машин М.Д.* Из истории родного края. Оренбургское казачье войско. Челябинск, 1976. С. 119.
[2] Очерки по истории Башкирской АССР. Уфа, 1959. Т. 1, ч. 2. С. 150.
[3] ЦГИА РБ. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 10077. Л. 22.
[4] *Асфандияров А.З.* Кантонное управление в Башкирии (1798–1865 гг.). Уфа, 2005. С. 185.
[5] ЦГИА РБ. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 13931. Л. 139, 180–181.
[6] Там же. Д. 10077. Л. 21 об. – 22.
[7] ПСЗ II. Т. 38. Отд. 1. № 39622.

Перевод в гражданское состояние коснулся башкир, мишарей и тептярей, проживавших в Оренбургской, Пермской, Самарской и Вятской губерниях. Положение 14 мая 1863 г. предоставляло им личные права, свободу входить в договорные отношения, приобретать в собственность движимое и недвижимое имущество, открывать и содержать промышленные и торговые заведения, заниматься ремёслами, переходить в другие сословия, отлучаться с мест жительства и пр. Сохранялась свобода исповедания и отправления обрядов мусульманской религии. В разделе о личных правах особо оговаривался вопрос о дворянстве. К потомственным дворянам относились, во-первых, башкиры, утверждённые герольдией в этом звании ранее, а также лица, получившие действительные армейские чины до 1845 г. и утверждённые императором; во-вторых, дослужившиеся до чина полковника или получившие до 1856 г. действительные чины войскового старшины за «военные подвиги». Но таких среди башкир и мишарей было мало. Офицеры, достигшие чина зауряд-есаула, получали личное дворянство, которое не распространялось на их детей.

Среди имущественных прав важное значение имело подтверждение вотчинного права башкир на владеемые ими земли. Припущенники бесплатно получали узаконенные пропорции земель из вотчинных угодий башкир. «Излишние», то есть сверхдушевые земли вотчинники могли продавать или сдавать в аренду посторонним лицам. Чиновникам Башкирского войска, а также чиновникам Оренбургского генерал-губернаторства и членам их семей, категорически запрещалось приобретение башкирских земель (очень скоро это будет нарушено самым грубым образом).

Согласно Положению о башкирах юртовая полувоенная администрация башкир, мишарей и тептярей ликвидировалась и на её месте создавалось сельское и волостное управление, сходное с крестьянским самоуправлением русского населения. К лету 1863 г. было образовано 808 сельских и 130 волостных обществ. Ежегодно из башкир и припущенников избирался волостной суд, который решал дела по маловажным проступкам (споры, ущерб имуществу и др.).

Положение 14 мая 1863 г. не упразднило до конца кантонную систему управления. Предусматривался двухгодичный переходный период для подготовки окончательного слияния башкир с прочим сельским населением. Для этого образовалось Особое управление башкирами под непосредственным наблюдением генерал-губернатора. Вместо упразднённых 28 кантонов были созданы 11 новых, совпадавших территориально с уездами. После реализации Положения о башкирах кантонное управление подлежало окончательной ликвидации.

Губернские власти тщательно подготовились к объявлению Положения о башкирах. Попечители и кантонные начальники получили подробную инструкцию об установлении строгого надзора за населением. Было составлено «Воззвание к башкирскому народу», сделана краткая выписка из Положения на тюрко-татарском языке[1] и разослана по кантонам для обнародования. В конце августа в Уфу съехались кантонные начальники, которые доложили, что новый закон был встречен населением с одобрением.

---

[1] «Положение о башкирах» было переведено на тюрко-татарский язык коллежским секретарём Явишевым (Яушевым – *авт.*) и коллежским асессором Батыршиным (ЦГИА РБ. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 12598. Л. 61 а).

Но опасения у местного населения были. Вскоре после объявления закона начали распространяться слухи, что правительство собирается лишить башкир вотчинного права на землю, наделить их угодьями как бывших крепостных, причислить башкир и мишарей к государственным крестьянам, брать с них рекрут, крестить мусульман. В некоторых местах тревоги башкир раздувались русскими жителями, которые, по примеру своих священников, уверяли башкир и татар, что скоро всех мусульман «выселят из этого края, а оставят только христиан и инородцев, принявших крещение»[1].

Вскоре стало известно о готовящемся переселении жителей некоторых деревень Белебеевского и Бугурусланского кантонов в Сибирь[2], что вызвало беспокойство властей, помнивших о массовом уходе крымских татар в Турцию после окончания Крымской войны. В такой ситуации генерал-губернатор А.П. Безак поручил надёжным чиновникам произвести осмотр кантонов для выяснения «политических настроений населения». Проверяющим вменялось в обязанность узнать, насколько народ охвачен указанными слухами, рассеивать их и разъяснять положительное, что несёт реформа башкирам: упразднение военно-казачьей опеки над ними, учреждение местного самоуправления, сохранение вотчинного права на земли и разрешение распоряжаться ими по своему усмотрению. Кроме того чиновники должны были проверить, как реализуется Положение – работает ли волостная и сельская администрация, благонадёжны ли избранные лица, нет ли постороннего влияния на население, как ведётся делопроизводство, как обстоит обучение русской грамоте, а также изучить экономическое положение бывшего войскового населения.

Осмотр кантонов Башкирского войска продолжался с весны до осени 1864 г. За это время чиновники собрали богатый материал о положении населения и его отношении к реформе. Оказалось, что слухи о желании переселяться с целью сохранения казачьего статуса сильно преувеличены. На это решались лишь единичные деревни. Так, жители д. Гайныямак Белебеевского кантона в числе 180 душ посылали двух поверенных для приискания места на Сибирской пограничной линии. Подходящую землю обнаружили на р. Ишим, после чего гайныямаковцы подали прошение о разрешении перейти на новые земли. Аналогичная просьба поступила от тептярей д. Бакирово Бугурусланского кантона Самарской губернии[3]. В населении не чувствовалось опасений по поводу перевода в христианскую веру. Зато сильно было беспокойство из-за потери войскового статуса, который освобождал башкир от рекрутской повинности и оберегал от корыстолюбивых гражданских властей.

Велики были опасения за земли. Хотя в Положении говорилось о сохранении за башкирами вотчинного права, там же указывались нормы наделов, на которые они могли рассчитывать – 40 дес. на мужскую душу по VII ревизии 1816 г. С тех пор население удвоилось и реальный душевой надел составлял около половины нормы. Особенно пугали возможности отрезок «сверхдушевых» угодий, как это проходило в частновладельческих и удельных селениях. Слухи подогревали опасения. Так, толчком

[1] ЦГИА РБ. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 13022. Л. 272 об.
[2] Там же. Л. 2, 67–68.
[3] Там же. Л. 2–3, 67–68.

к переселению из д. Гайныямак явились рассказы русского казака о возможной передаче башкирских земель государственным крестьянам. Волнения башкир не переросли в открытый протест благодаря усиленной разъяснительной работе, но общее мнение выразили жители Гайнинско-Бардымской волости Пермской губернии: «Мы видим, что всё, таким образом, идёт к тому, чтобы башкир сделать государственными крестьянами, а так как у крестьян земля не собственная и с крестьян берут рекрут, то мы опасаемся, чтобы и у нас не отняли земель и не стали брать рекрут»[1].

Наблюдалось недовольство новой раскладкой повинностей – по наличному числу ревизских душ без учёта больных, бедных, отслуживших стариков, многосемейных, уволенных в отставку, всех, ранее освобождавшихся от податей. Тревогой были охвачены и бывшие кантонные начальники. «Лица эти, – говорилось в отчёте чиновника особых поручений Рогали-Левицкого, – утратившие бывшее своё значение и лишившиеся при новом управлении некоторых косвенных доходов, почти или совершенно не сочувствуют видам правительства»[2].

Недовольство жителей вызывала работа вновь учреждённого местного самоуправления. По словам ревизора князя Церетелева, деятельность волостных учреждений сводилась к исполнению официальных предписаний начальства, заботы же о благоустройстве своей волости, о мирских капиталах, запасных магазинах, лесах, оброчных статьях, народной грамотности и т. п. оставались «совершенно чужды обществу»[3]. Большинство волостных старшин и сельских старост были непригодны к исполнению своих обязанностей и характеризовались словами: «неспособен по непониманию дела», «неспособен по нравственным качествам», «малонадёжен в отношении честности» и пр. Оказалось, что многими старшинами избирались лица, занимавшие в кантонное время какую-нибудь войсковую должность, а рядовые жители были отданы под власть имущих, продолжавших самоуправство как и прежде. Башкиры д. Ялчино и Зиянчурино Оренбургского кантона жаловались на зауряд-чиновников Утяшева и Тутлубаева, которые вели пьяную, «крайне неприличную» жизнь, жестоко избивали односельчан, без общего согласия пускали на зимовку стада, принадлежавшие казахам, а деньги получали сами[4]. Тревожным симптомом будущего разбазаривания вотчинных земель являлись жалобы на действия волостной верхушки, по своему усмотрению распоряжавшейся общинными угодьями. В отчётах чиновников-ревизоров отмечено много злоупотреблений со стороны местной администрации. До полного разорения довёл население следователь Крыжановский (Челябинский кантон). Он длительное время держал в заключении невинных людей, требуя за освобождение от 10 до 20 руб., оскорблял молодых женщин, вызванных к допросу и т. д.[5] Крайне отрицательно оценивалась деятельность волостных писарей, назначаемых властями из русских. Все они отмечены как «пьяницы». Общий вывод ревизоров был вполне определённым: местные чиновники составляют «зло

---

[1] ЦГИА РБ. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 13022. Л. 76.
[2] Там же. Л. 276.
[3] Там же. Л. 85 и об.
[4] Там же. Л. 33 об., 47.
[5] Там же. Л. 90 об.

Башкирии». В кантонный период традиционное народное самоуправление почти полностью было вытеснено башкирским войсковым чиновничеством, являвшимся частью общероссийской бюрократической системы.

Самой тревожной была информация о разорении населения. «Экономический быт башкир вообще крайне плох. Все заботы правительства в этом отношении мало принесли пользы до настоящего времени», – отмечал коллежский советник Плачковский, характеризуя хозяйство башкир Оренбургского кантона[1]. Существенной причиной экономического неблагополучия башкирского населения являлся кризис скотоводческого хозяйства. Ревизовавший волости Бугурусланского, Белебеевского и Стерлитамакского кантонов коллежский советник Рогали-Левицкий отмечал, что «большая часть башкирских земель удобна настолько, что могла бы не только с избытком продовольствовать местное население, но и развить хлебную торговлю на значительные суммы»[2].

Наиболее острым вопросом оставалось размежевание земель между башкирами-вотчинниками и припущенниками. По отзывам чиновников земельные споры были повсеместны. Они, как утверждал начальник Мензелинского кантона Гвоздиков, «заслонили реформу» 14 мая 1863 г. Разверстания земель по душам требовали и сами башкиры, так как богатые хозяева, имевшие большое количество скота, захватывали крупные участки общинных угодий и они становились их фактической собственностью. Без согласия вотчинников они отдавали землю другим лицам под пастьбу или посев хлеба. Во многих местах, особенно в восточных уездах, общинное владение было причиной больших ссор и опасных столкновений[3].

В своих донесениях генерал-губернатору чиновники предлагали ограничить деятельность мусульманского духовенства, его участие в шариатском суде, а также ведение делопроизводства в волостных правлениях на тюрко-татарском языке. Одновременно они отмечали, что башкиры и татары активно выступали против открытия винных лавок, рассматривая это как грубое вмешательство в быт мусульманского населения[4].

Генерал-губернатор А.П. Безак считал итоги первого этапа реформы удовлетворительными и в октябре 1864 г. возбудил вопрос об окончательной передаче башкир, мишарей, тептярей в гражданское ведомство. В первую очередь (с января 1865 г.) это затрагивало немногочисленное служилое население Пермской, Вятской и Самарской губерний. Затем военное управление упразднялось в Оренбургской губернии, причём здесь реформа должна была совпасть во времени с разделением края на две губернии – Оренбургскую и Уфимскую, чтобы жители приняли отмену кантонной системы «как необходимое последствие разделения губернии»[5].

2 июля 1865 г. был принят закон «О передаче управления башкирами из военного в гражданское ведомство», согласно которому окончательно упразднялась кантонная система управления. В конце 1865 и начале 1866 г. башкиры, мишари и тептяри перешли в заведывание общих губернских и уездных по крестьянским делам присутствий и

---

[1] ЦГИА РБ. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 13022. Л. 28.

[2] Там же. Л. 321 об.

[3] Там же. Л. 130.

[4] Там же. Л. 72 об., 164.

[5] Там же. Д. 13028. Л. 1 об.

мировых посредников. Были освобождены от военной службы и обложены денежными повинностями жители «служащих» Оренбургского и Верхнеуральского кантонов. Прекратило свою деятельность Особое управление башкирами[1].

Новая эпоха началась для башкир с тяжёлых испытаний. В 1864–1865 гг. разразилась эпидемия тифа, вызванная повторяющейся подряд засухой. Особенно пострадали кочующие башкиры южных уездов, где от голодной смерти погибло до 10 % жителей и выше. Вновь назначенный Оренбургский и Самарский генерал-губернатор Н.А. Крыжановский (1865–1881 гг.) организовал обследование причин постигшего бедствия, которое подтвердило ужасающую нищету населения, проступавшую в почти полном отсутствии пищи и одежды, тесных жилищах и т. д. Он выступил перед правительством с рядом предложений с целью разрешить кризис переходного периода в жизни башкир. Генерал-губернатор просил понизить «значительно высокие подати» в сравнении с налогами иных крестьян, принимая во внимание особенности хозяйства башкирского народа[2].

Башкиры являлись хозяевами своих земельных наделов и, по мнению Н.А. Крыжановского, «при однородности прав» должны были нести «однородные подати», как и крестьяне-собственники (не более 3 руб. 87 коп. серебром). Однако башкиры и мишари платили по 4 руб. 25 коп., тептяри – 4 руб. 42 коп. Генерал-губернатор докладывал Министру внутренних дел в апреле 1866 г., что раньше «башкиры отправляли службу в пределах Оренбургского края на собственные средства», а самый род службы башкир, употреблявшихся и как боевая сила, и как рабочие команды был труднее сравнительно со службою казачьих войск Оренбургского края, и потому служба «имела сильное влияние на расстройство быта башкирского народа». Опираясь на права казачьих войск, генерал-губернатор ходатайствовал о льготах в платеже податей ряду категорий башкир: выслужившим 25-летний обязательный срок службы; не выслужившим, но уволенным в отставку из-за полученных ран в боевых действиях с неприятелем; детям и сиротам зауряд-чиновников, которые сами избавлены от платежей. В марте 1867 г. Главный комитет об устройстве сельского состояния разрешил освободить от денежных сборов в казну и на государственные земские повинности (без отнесения платежей на остальных общинников) башкир, имеющих военные ордена или уволенных в отставку по ранению, а также их детей и сирот по достижению 18-летнего возраста. Всем остальным группам в льготах было отказано[3].

В ходе реформ 1860-х гг. высказывались критические оценки кантонной системы. Так, в 14 марта 1867 г. помощник начальника Оренбургского кантона есаул Альмухамет Куватов, дворянин, выпускник Казанского университета, подал в канцелярию генерал-губернатора записку «Причины обеднения башкирского народа»[4]. В ней Куватов называет некоторые причины разорения башкир – кантонная система управле-

---

[1] *Асфандияров А.З.* Указ. соч. С. 204.

[2] ЦГИА РБ. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 13931. Л. 178.

[3] Там же. Л. 184.

[4] Там же. Л. 275–290; *Гвоздикова И., Асфандияров А.* Публицистические работы Михаила Михайлова и Альмухамета Куватова о башкирах // Из истории башкирской литературы XIX в. Уфа, 1989. С. 73–86; *Шаяхметов Ф.Ф.* А.А. Куватов о причинах социально-экономического кризиса башкирского общества в середине XIX в. // Актуальные проблемы отечественной истории и современность. Уфа, 1992. С. 8–22.

ния, длительная военная служба, взяточничество чиновников, недостаточность «попечительных» мер властей в области хозяйства и просвещения, полукочевой образ жизни у многих башкир, слаборазвитое земледелие и др. Но главное объяснение упадку благосостояния и духа народа он видел в жестоком администрировании всей общественной жизни и быта башкир, нежелании местного начальства понять «характер и внутреннее положение народа». Губернаторы, командующие войском, попечители не знали и не вникали в характер и проблемы управляемого ими населения. «Удивительно, – пишет А. Куватов, – что народ, приносивший в общей массе верноподданных немаловажную пользу для государства, при последнем падении своём в благосостоянии, и когда шёл быстрыми шагами на пути к пролетариату, не обратил должного на себя внимания!» С гибелью почти всего скота в голодные годы башкиры оказались не готовыми к переходу к новому укладу жизни, так как высшее начальство управляло народом «без плана и систем … так, как заблагорассудится… Принимаемые ими для этого меры были несообразные с положением народа». Русским чиновникам была дана слишком широкая власть, что приводило к злоупотреблениям. Кантонные начальники, назначаемые генерал-губернатором из башкир, если вели себя не «подобострастно», увольнялись. Автор записки не принимал обвинений в том, что мусульманская религия являлась преградой на пути к прогрессу. Он отмечал, что религиозный фанатизм чужд башкирам, предлагал новым гражданским властям энергичнее проводить разумную попечительскую политику в отношении местного населения с тем, чтобы вывести его из «смрадного положения» переходного времени.

Одновременно в канцелярию генерал-губернатора поступили «Заметки о настоящем положении башкирского народа» майора С. Ольшевского, который считал материальное положение башкир «безвыходным и без последних неурожайных годов». Даже среди оседлых башкир многие живут без куска хлеба, деревни разорены, жители отказались от всякого труда, «о будущем совсем не думают, как будто оно для них не существует». «Было время, когда все жило на счёт башкир, всё брало взятки: и писаря, и юртовые старшины, и полиция, не отставали пристава по конокрадству, переводчики, помощники кантонных, кантонные, стряпчие, зачастую случалось, что и самые попечители, и даже само центральное управление не было в этом случае безупречно. Народ, видя всё это… пришёл к убеждению, что лучше ничего не делать, ничего не иметь, что как бы не трудился, исход один – бедность; всё, что выработаешь, всё заберут чиновники, да ещё и в острог посадят». Такая жизнь, по словам автора, вела к извращению нравов, когда многие начали заниматься воровством. Она развила в башкирах «страсть к чиновничеству», получение власти над другими являлось единственной возможностью поправить своё экономическое положение. Из огромного числа зауряд-чинов лишь пятая часть была получена за действительные заслуги, все остальные куплены за деньги. Став чиновником, бывший «обобранный» драл взятки с «живого и мёртвого».

Как и А. Куватов, Ольшевский причиной кризиса считал некомпетентность управленческого аппарата, правившего населением «без положительно определённой цели», покровительствуя злу и грабежу вокруг. Автор убеждён, что предполагаемая

распродажа вотчинных угодий обернётся их расхищением за бесценок. В башкирах он видел хороших работников, способных стать неплохими хлебопашцами: «обстоятельствами они поставлены на ту точку, на которой теперь находятся, обстоятельствами и будут сведены с неё»[1].

Таким образом, кантонная система управления, названная «мрачной эпохой», когда «один из самых беспокойных, энергичных и воинственных народов в древности превратился с течением времени в народ недеятельный»[2], представляла поистине переломный момент в истории башкирского народа. С конца XVIII в. в Башкортостане существовал своеобразный баланс интересов между государством и башкирами, когда официально разрешалось мусульманское вероисповедание, признавалось вотчинное право на землю, а башкиры объявлены военным сословием, что максимально учитывало их прежние повинности и особенности жизненного уклада. Но военно-феодальный режим, установленный в период кантонного управления в Башкортостане, отрицательно повлиял на развитие хозяйства, резко ухудшил материальное положение рядовых башкир и мишарей. Отдавая их под полный контроль феодальной верхушки и администрации Оренбургского генерал-губернаторства, власти сумели ослабить силу сопротивления трудовых масс социальному и национальному гнёту. По оценке современника, генерал-майора И.В. Чернова, произошло «раздвоение» башкир на рядовых и военных чиновников, в результате чего солидарность народа была разрушена и антиправительственные восстания сделались немыслимыми[3].

В то же время кантонная система имела и прогрессивные результаты. Она способствовала дальнейшей консолидации башкирского народа, переход к оседлости и земледелию вёл к разрушению отживающих форм уклада экономической жизни. Шло повышение хозяйственного и культурного уровня башкирской и мишарской деревни. Началось систематическое обучение башкирских детей в высших и средних государственных учебных заведениях. В годы войн России и во время постоянной пограничной службы в рядах многонациональной армии башкиры и мишари не раз демонстрировали своё воинское умение и мужество[4].

Реформы 1860-х г. открыли для башкир новую эру, наряду со всеми остальными группами крестьянства они теперь являлись «свободными сельскими обывателями». Освобождение их от военной повинности и ликвидация всей системы кантонного управления развязали хозяйственную инициативу, способствовали общему подъёму жизни башкирского народа. Башкиры сохранили свои вотчинные угодья, которые не требовалось выкупать. Перед народом стояли новые задачи, менялись идеалы, наступил век просветительства, быстрой модернизации всех сторон жизни.

---

[1] ЦГИА РБ. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 13931. Л. 448–449.

[2] *Филоненко В.И.* Башкиры. Уфа, 1915. С. 65.

[3] Записки генерал-майора И.В. Чернова // Труды Оренбургской учёной архивной комиссии. Оренбург, 1907. Вып. 18. С. 31.

[4] См.: *Асфандияров А.З.* Указ. соч. С. 206–210.

§ 2. Отмена крепостного права, реформа среди государственных и удельных крестьян

Поражение в Крымской войне явилось одной из основных причин, заставивших самодержавие взяться за реформирование феодальных отношений в стране. Инициатором подготовки отмены крепостного права выступил император Александр II, который заявил вскоре после подписания мира, выступая перед московским дворянством, что лучше отменить крепостное право «сверху», нежели ждать, пока оно будет свергнуто «снизу». Менее чем за пять лет после этого признания проект реформы был полностью подготовлен, и 19 февраля 1861 г., в пятую годовщину своего вступления на престол, Александр II подписал манифест об отмене крепостного права в России – «Положения о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости».

Александр II был не только инициатором реформы, но и гарантом успешного ее проведения. Этому способствовали сильные антикрепостнические настроения в стране, мощная поддержка преобразований либеральной частью общества, наличие кадров реформаторов и другие факторы.

Как и большинство российских душевладельцев, оренбургские дворяне относились к реформе враждебно. Вынужденные признать прекращение крепостной зависимости, члены Оренбургского дворянского комитета по подготовке проекта реформы предлагали тяжёлые условия для освобождения крестьян: сильно урезанные по сравнению с существующим пользованием земельные наделы (от 3,5 до 5 десятин на душу мужского пола), несмотря на относительное многоземелье края, а также высокие повинности за пользование угодьями. Даже по Положениям 19 февраля для Оренбургской губернии были установлены более высокие нормы наделов для помещичьих крестьян – от 4,5 до 7 дес. По мнению оренбургских дворян крестьяне в течение первых десяти лет после объявления воли должны оставаться «крепкими к земле», т.е. не могли отказаться от надела и уйти от своего владельца.

Для выработки проекта освобождения горнозаводского населения был образован губернский комитет, который тоже исходил из необходимости прикрепления бывших рабочих к предприятиям с целью обеспечения их дешёвой рабочей силой. Согласно проекту об устройстве горнозаводских крестьян, последние получали сразу свободу и безвозмездно усадебные земли. Но пахотные и сенокосные угодья рабочие должны были арендовать у заводовладельцев на кабальных условиях.

Положения 19 февраля 1861 г. состояли из 17 отдельных положений и «Дополнительных правил». Основные условия освобождения крестьян были изложены в «Общем положении о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости». Согласно этому законодательному акту, крепостничество отменялось навсегда. Крестьяне получали личные и имущественные права. Помещики сохраняли собственность на все принадлежавшие им земли, в том числе и на крестьянские наделы. В то же время за несение повинностей они должны были предоставить крестьянам усадьбу и полевой надел. Наделение землей производилось на основе «Местных положений». В первые девять лет крестьяне не могли отказаться от надела. Усадьба и надел приобретались ими в собственность за плату на условиях, изложенных в положении о выкупе. До

выкупа земли крестьяне продолжали нести феодальные повинности помещикам и назывались временнообязанными.

Экономические условия освобождения крестьян определялись уставными грамотами, составление и введение которых должно было завершиться в течение двух лет. Уставная грамота составлялась на каждое помещичье селение. Ее подготовка поручалась самим помещикам, а введение в действие – мировому посреднику, назначаемому из числа дворян. Последний читал уставную грамоту на сельском сходе и в особом поверочном акте указывал, с какими положениями крестьяне не согласны. В актах подписывались помещик, мировой посредник и представители крестьян. Всё это создавало видимость юридически узаконенной сделки между помещиками и крестьянами.

В Положениях 19 февраля 1861 г. нашли отражение и вопросы общественного устройства крестьян. В бывших помещичьих селениях создавалось крестьянское самоуправление в лице сельских обществ, которые, в свою очередь, образовывали волость. Волости создавались по территориальному принципу и включали от 300 до 2000 ревизских душ. Обычно территория волости совпадала с церковным приходом. Сельское управление составляли сельский сход, сельский староста, избираемый сходом, и другие должностные лица (сборщики податей, смотрители хлебных магазинов и т. д.). Волостное управление составляли волостной сход, старшина с волостным правлением и волостной крестьянский суд. Органы крестьянского самоуправления находились в полной зависимости от мировых посредников, назначаемых из потомственных дворян, обладавших земельным цензом от 150 до 500 дес. земли. Мировые посредники могли лишить должности сельских старост и временно – волостных старшин. Сельский и волостной сходы собирались только с их разрешения. Мировые посредники составляли уездный мировой съезд. Высшей инстанцией, окончательно утверждавшей наиболее важные вопросы проведения реформы (соглашения о дарственном наделе, понижение и повышение повинностей и т. д.), являлось губернское по крестьянским делам присутствие, возглавляемое губернатором.

Обнародованию закона о реформе предшествовала тщательная подготовка, направленная против крестьянских и рабочих выступлений. Оренбургский губернатор Е.И. Барановский составил специальный план о порядке привлечения «вооруженной силы для поддержания спокойствия»[1], согласно которому, в подавлении народных выступлений в губернии должны были участвовать Башкирское и Оренбургское казачьи войска. Каждый уезд, где имелось крепостное население, был разбит на шесть участков и за каждый участок отвечал отдельный чиновник.

Положения 19 февраля 1861 г. были доставлены в Уфу флигель-адъютантом царя Г.А. Кригером 14 марта 1861 г. На следующий день в кафедральном соборе состоялось объявление манифеста о реформе. Вскоре приступило к своей деятельности Оренбургское губернское по крестьянским делам присутствие. Реализацию Положений оно начало с создания новых крестьянских учреждений. В Уфимском уезде было учреждено 217 сельских обществ, Мензелинском – 105, Бирском – 41, Белебеевском – 83, Стерлитамакском – 89, Оренбургском – 83, Верхнеуральском – 8, Троицком – 8, Челябинском – 7. Всего в губернии было образовано 641 сельское общество, охваты-

[1] *Горовой Ф.С.* Падение крепостного права на горных заводах Урала. Пермь, 1961. С. 201.

вающее 108 985 душ м. п. помещичьих крестьян и горнозаводского населения. Одновременно было создано 110 волостей, в том числе 30 в Уфимском уезде, 18 – Мензелинском, 9 – Бирском, 12 – Белебеевском, 17 – Стерлитамакском, 14 – Оренбургском, 6 – Верхнеуральском, 3 – Троицком и 1 – в Челябинском. Все они были разделены на 26 мировых участков, столько же было назначено мировых посредников[1]. Подбор и назначение мировых посредников были закончены в мае 1861 г.

Составление и введение уставных грамот. Вначале этот процесс шёл крайне медленно. В 1861 г. в губернии было утверждено всего лишь 16 уставных грамот[2]. Крестьяне не хотели принимать грамоты на невыгодных для них условиях. Опасаясь, что введение уставных грамот не закончится в течение предусмотренного Положениями двухлетнего срока, Министр внутренних дел П.А. Валуев летом 1861 г. дал указание не приостанавливать введение их в действие из-за отказа крестьян от подписи. Это значительно ускорило введение уставных грамот. К 5 марта 1863 г. в Оренбургской губернии было введено 565 уставных грамот на 106 563 ревизские души бывшего крепостного, в том числе горнозаводского, населения[3].

Размеры душевых наделов крестьян были различны. «Местным положением о поземельном устройстве крестьян, водворенных на помещичьих землях, в губерниях: Великороссийских, Новороссийских и Белорусских» большинство уездов Оренбургской губернии было отнесено к черноземной полосе и лишь часть Стерлитамакского и Оренбургского уездов – к степной полосе Великороссийских губерний. В уездах, расположенных в черноземной полосе, наделы крестьян делились на высший и низший. Низший надел равнялся одной трети высшего. Для степной полосы был установлен один указной надел. В Уфимском, Мензелинском, Белебеевском, Бирском, Троицком, Челябинском и в черноземной части Стерлитамакского и Оренбургского уездов размер высшего душевого надела составлял от 4,5 до 6 дес., низшего надела – от 1,5 до 2. В степной части Стерлитамакского и Оренбургского уездов был установлен единый указной надел от 6 до 7 дес. на ревизскую душу[4]. Составители Положений 19 февраля 1861 г. утверждали, что высший надел определен, исходя из дореформенного крестьянского землепользования. На самом же деле во многих уездах он был ниже дореформенного надела. Следовательно, отрезки от дореформенных надельных земель были неизбежны даже при предоставлении крестьянам высшего размера душевого надела, определенного этими Положениями.

По уставным грамотам землю получили не все крестьяне. Согласно Положениям дворовые и крестьяне, не пользовавшиеся наделом до реформы, не подлежали наделению землей. Первых в Оренбургской губернии насчитывалось 4167, а вторых – 2387 душ. Из 60 820 душ бывших помещичьих крестьян, включенных в уставные грамоты, получили землю 54 266 человек[*]. До реформы в пользовании помещичьих

[1] РГИА. Ф. 1181. Оп. 15. Д. 15. Л. 713–715.

[2] Там же. Л. 719.

[3] Там же. Д. 181. Л. 64.

[4] Очерки по истории Башкирской АССР. Т. 1, ч. 2. С. 129–130.

[*] Изученные автором уставные грамоты охватывают 60 820 душ (91 %) помещичьих крестьян мужского пола.

крестьян губернии состояло 247 909 дес. земли. По уставным грамотам им было отведено 212 130 дес., остальные 35 779 дес. (14,4 %) оставались в руках дворян, т. е. были отрезаны от крестьянских наделов. Наибольшие отрезки были произведены в Мензелинском (25,7 %), Челябинском (23,2 %), Белебеевском (20 %) и Троицком (15 %) уездах. В Уфимском и Стерлитамакском уездах отрезки составляли от 6,8 до 10,6 % дореформенных наделов. В Бирском уезде в результате введения уставных грамот надельное землепользование крестьян увеличилось на 10,5 %[1].

Большой процент отрезанных земель в Мензелинском уезде объясняется его густонаселённостью. Здесь земля ценилась дорого. Будучи уверены в достатке рабочей силы и арендаторов земли, помещики хотели оставить ее в своих руках. В результате бывшие крепостные Мензелинского уезда получили в среднем лишь по 3,5 дес. угодий на ревизскую душу. Во всех остальных уездах Оренбургской губернии средний душевой надел крестьян сократился примерно до уровня высшего по Положениям 19 февраля 1861 г. надела. Чрезмерное уменьшение крестьянских земель в условиях слабонаселённого края могло привести к нежелательным для помещиков последствиям. Дворяне боялись, что обезземеленные крестьяне, имея возможность арендовать башкирские и другие угодья, вообще откажутся от владельческой земли и тем самым лишат их как выкупной платы, так и рабочих рук. Относительно большой процент отрезков в Челябинском и Белебеевском уездах объясняется значительным превышением дореформенного надела крестьян над высшим по Положениям 19 февраля 1861 г. размером надела. Сравнительно небольшие отрезки в Уфимском и Стерлитамакском уездах связаны с тем, что в них размеры высшего и дореформенного наделов были равны.

Отрезки земель нарушили установившийся уклад крестьянского хозяйства. Для крестьян и небольшое уменьшение угодий было чувствительным, а ведь в некоторых селениях отрезки достигали очень больших размеров. Например, помещики Осокин (с. Знаменское Белебеевского уезда), Стрелков (с. Добрая Надежда), Наумов (с. Хлебодаровка Стерлитамакского уезда), Языков (с. Тобулгак), Ринева (с. Хлебодаровка Уфимского уезда), Буткевич (с. Богородское), Дмитриев (с. Рождественное Мензелинского уезда) и другие при введении уставных грамот отняли у своих крестьян от 30 до 40 % надельной земли[2]. Крестьяне деревень Софьевка (Белебеевский уезд), Дежнево, Софийское поле, Кадырметово (Уфимский уезд), Троицкое и ряда селений дворян Левашовых и Языкова (Мензелинский уезд) потеряли от 40 до 70 % угодий[3]. Самые большие отрезки встречаются в Челябинском уезде. Так, крестьяне с. Петровское дворян Качко раньше пользовались 10 000 дес. земли, а по уставной грамоте получили 2795 дес., т. е. в три с лишним раза меньше[4]. Душевые наделы крестьян д. Федоровка помещика Портнягина сократились с 26,5 до 5 дес. или более чем в пять раз[5] и т. д.

---

[1] *Давлетбаев Б.С.* Крестьянская реформа 1861 года в Башкирии. М., 1983. С. 47.
[2] ЦГИА РБ. Ф. И-10. Оп. 1. Д. 163, 168, 335, 375, 485, 495, 659, 714.
[3] Там же. Д. 168, 333, 365, 378, 401, 427, 612, 658, 701, 727, 741, 783.
[4] РГИА. Ф. 577. Оп. 25. Д. 41.
[5] Там же. Ф. 573. Оп. 28. Д. 1275.

Среди бывших крепостных Оренбургской губернии встречаются крестьяне, получившие дарственные четвертные наделы (четвертую часть высшего размера). Дарственников было немного, они имелись лишь в Мензелинском уезде. Согласно Положениям 19 февраля 1861 г., четвертной надел отводился крестьянам по добровольному соглашению с помещиками. После получения такого надела крестьяне освобождались от всяких повинностей в пользу помещика, а также от выкупа земли. В уставных грамотах насчитывается 1529 душ дарственников, получивших 1984 дес. земли. Они составляли лишь 3 % помещичьих крестьян губернии. Хотя желающих заиметь дарственный надел было очень много, помещики не шли на это, считая для себя более выгодным получение оброка и выкупных денег.

После определения размера душевых наделов производилось разверстание крестьянских угодий. При этом помещики принимали все меры, чтобы оставить в своих руках наиболее ценные в данной местности угодья. По Положениям 19 февраля 1861 г. лесные угодья в состав крестьянского надела не включались. До реформы крестьяне пользовались ими бесплатно. Теперь лес отпускался им за плату. За самовольную порубку полагался большой штраф. Уставные грамоты запрещали крестьянам собирать ягоды, хмель, орехи, грибы. Право охоты принадлежало исключительно помещику.

Во всех уставных грамотах указывалось, что «берега речки, как сама речка, остаются в исключительной собственности помещика». Населению запрещалось ловить рыбу, мочить в реке коноплю, лён и другие изделия. Водопои преимущественно оставались общими для владельческого и крестьянского скота. Но были и такие случаи, когда дворяне лишали крестьян воды. Например, в Белебеевском уезде помещица Мартынова при отводе надела жителям с. Никольское отрезала у них полосу удобной земли, включавшей в себя оба берега речки Сосновой. В результате крестьянам приходилось гонять скот на водопой за несколько верст[1]. При введении уставной грамоты по с. Михайловка помещицы Россинской крестьяне заявили, что из-за недостатка воды их «жёны зимой ходят стирать бельё за семь верст»[2]. Всего по уезду жаловались на необеспеченность водой 8 % бывших помещичьих крестьян.

Многие помещики разверстали крестьянские угодья чересполосно с владельческими. Например, в Белебеевском уезде наделы крестьян с. Елизаветино были разбросаны вперемежку с помещичьими землями в семи отдаленных участках. Рядом же с деревней находились церковные земли. Большая часть наделов крестьян д. Екатериновка располагались посреди владельческих лесов, а остальные – вперемежку с землями крестьян д. Анновка[3]. Было много случаев, когда помещичьи земли соприкасались с крестьянскими усадьбами или врезывались в крестьянские угодья. Все это делалось для того, чтобы вынудить крестьян арендовать землю у помещиков и поставлять им рабочую силу.

В ряде деревень крестьянам были отведены наделы из спорных с башкирами участков. Так, поступили князья Тевкелевы в Белебеевском уезде, что привело к тому,

[1] ЦГИА РБ. Ф. И-10. Оп. 1. Д. 162. Л. 22–23.
[2] Там же. Д. 131. Л. 19–20.
[3] Там же. Д. 152. Л. 98–101, 118.

что вскоре башкиры-вотчинники и припущенники начали настоящую войну за землю[1]. Немало крестьян было наделено спорными башкирскими угодьями в Бирском, Уфимском и других уездах[2].

Повинности крестьян по уставным грамотам. За отведённый по уставной грамоте надел крестьяне должны были нести в пользу помещика повинности, которые подразделялись на денежную (оброк) и издольную (барщину). Положениями 19 февраля 1861 г. для всей Оренбургской губернии за высший или указной надел был установлен девятирублевый годовой оброк. Он был значительно выше суммы дореформенного оброка[3]. Следует отметить, что оброк в 9 руб. с души должны были платить те крестьяне, которые переходили с барщины на оброк после реформы. Там, где крестьяне и раньше платили оброк, его размер оставался прежним, и помещики не могли увеличить его до 9 руб. Но оброчных крестьян было немного – 14,1 %, а вместе с крестьянами, несшими смешанную повинность – 26 %. Остальные 74 % крестьян до объявления манифеста отбывали барщину. Поэтому для большинства крестьян размер оброка по сравнению с дореформенным повысился.

Оброк за пользование представленной по уставной грамоте помещичьей землей намного превышал существовавшие в крае свободные арендные цены, которые в конце 50-х гг. колебались от 25 коп. до 1 руб. за десятину пашни, от 10 коп. до 1 руб. за десятину сенокоса и от 1 до 6 коп. за десятину пастбища. Это говорит о том, что сумма оброка, назначенного Положениями 19 февраля 1861 г., была определена исходя из «доходности» крепостного права или крепостного труда.

В барщинных имениях за высший или указной надел крестьяне (мужчины в возрасте от 18 до 55 лет и женщины от 17 до 50 лет) должны были отработать помещику 70 дней барщины в год: 40 рабочих дней мужчины (в т. ч. 24 – летом и 16 – зимой) и 30 – женщины (в т. ч. 18 – летом и 12 – зимой). Мужские барщинные дни подразделялись на конные и пешие. Количество конных дней определялось помещиком.

Ограничение барщинных дней, возрастная регламентация и прочие меры, безусловно, имели положительное значение, но это не значит, что барщина облегчилась. С введением уставных грамот как в оброчных, так и в барщинных имениях повинности были переведены с тягла на ревизскую душу. В результате трудоспособным приходилось выполнять барщину не только за себя, но и за каждую нетрудоспособную мужскую ревизскую душу в семье (детей, престарелых и др.), а иногда даже за других членов общины, ибо за исправное отбывание барщины так же, как и уплату оброка, отвечало все общество на основе круговой поруки.

У барщинных крестьян протест вызывал и перевод их на оброк. Это объяснялось тем, что в условиях Башкирии чрезвычайно трудно было достать деньги для уплаты оброка. Помещики, однако, понимали, что после отмены крепостного права им не удастся заставить крестьян аккуратно выполнять барщину. Поэтому они часто переводили крестьян на оброк без их согласия. Если к моменту составления уставных грамот 74 % помещичьих крестьян губернии находилось на барщине, то спустя не-

[1] Очерки по истории Башкирской АССР. Т. 1, ч. 2. С. 224–225.
[2] ЦГИА РБ. Ф. И-10. Оп. 1. Д. 220, 225, 236, 602.
[3] *Давлетбаев Б.С.* Указ. соч. С. 57.

сколько лет на издольной повинности осталось только 28 % крестьян. В юго-восточных уездах (Оренбургском, Троицком, Челябинском) в 1865 г. не было ни одного барщинного крестьянина. Но много крестьян оставалось на барщине в Мензелинском (47 %), Белебеевском (53 %) и Стерлитамакском (60 %) уездах.

Выкуп земли. Завершающей частью реформы 1861 г. в помещичьей деревне являлся выкуп земли. Введение уставных грамот в помещичьих имениях не ликвидировало феодальных отношений между владельцами и бывшими их крепостными. Несмотря на получение личной свободы, крестьяне находились во временнообязанном положении и продолжали нести в пользу помещика барщину и платить оброк. Они становились собственниками своих наделов и юридически независимыми от помещика только после выкупа своих земель.

В 1862–1880 гг. помещичьи крестьяне Башкирии выкупили 189 815 дес. земли. За это государство выдало дворянам выкупную ссуду 4 591 685 руб.*, т. е. по 24 руб. за десятину. Рыночная же цена десятины земли в крае составляла тогда 4–11 руб. Следовательно, даже без учета дополнительных платежей крестьяне должны были платить за землю в 2–6 раз дороже рыночной цены. Выкупная плата, таким образом, представляла собой не столько стоимость наделов, сколько откуп от феодальных повинностей.

Огромные выкупные платежи, отсутствие заработков на большей части территории губернии привели к обеднению крестьян и упадку их хозяйства на целые десятилетия. Очевидец событий так характеризовал условия жизни крестьян после реформы: «С должников нечего взять, у них нет ни дома, ни кола. В заработки никто не берет, прокармливаются у ворот на большой дороге подаянием»[1]. Такую картину можно было встретить часто. Многие крестьяне переставали засевать поля и продолжали отказываться от наделов.

Введение уставных грамот на частных горных заводах. Реформа на частных заводах проводилась на основе «Дополнительных правил о приписанных к частным горным заводам людях ведомства Министерства финансов», включённых в Положения 19 февраля 1861 г.[2] Согласно этим правилам, горнозаводские рабочие получали личную независимость, право распоряжаться имуществом, заниматься торговлей, промыслами и т. д. Все казенные подати, которые платил заводовладелец за своих крепостных рабочих, с введением уставных грамот должны были отправляться самим населением. Безденежная выдача провианта отменялась. Рабочие должны были покупать его за наличные деньги или в счёт зарплаты.

Как и в помещичьих селениях, на горных заводах создавались сельские и волостные управления, организация которых завершилась к лету 1861 г. По «Дополнительным правилам» горнозаводское население делилось на две категории: мастеровых и сельских работников. К первой были отнесены рабочие, выполнявшие «технические горнозаводские работы», ко второй – люди, исполнявшие вспомогательные заводские работы и одновременно занимавшиеся хлебопашеством.

---

* Подсчитано по ведомостям выкупных сделок (РГИА. Ф. 577. Оп. 50. Д. 1343–1345, 1389, 1511, 1530).

[1] ЦГИА РБ. Ф. И-10. Оп. 1. Д. 218. Л. 77.

[2] ПСЗ II. Т. 36. № 36667.

Земельное устройство населения стало одним из главных вопросов проведения реформы на горных заводах. Заводовладельцы должны были наделять рабочих землёй с тем, чтобы прикрепить их к предприятию, а также получить оброчные и выкупные платежи за предоставленные угодья. Однако в землеустройстве мастеровых и сельских работников имелось важное отличие. Мастеровые имели право отказа от земельных наделов и переселения в другие места, а сельские работники такими правами не обладали. В условиях Башкортостана переселение на свободные земли являлось давнишним желанием не только горнозаводского населения, но и многих крестьян. «Вследствие климатических условий, – писал оренбургский губернатор в 1861 г., – неуверенности в плате и продолжительности действия заводов, рабочие преимущественно записываются в разряд мастеровых, как представляющий им скорейшую возможность приобрести право на выход из общества. Льготы, которые представлены им статьей 40 (об освобождении от рекрутской повинности – *авт.*), не считаются ими достаточными и не останавливают их желания переселиться на лучшие земли...»[1]

В результате в губернии из 47 370 душ м. п. крепостных рабочих 35 991 (76 %) были отнесены к категории мастеровых, действительная доля которых была намного меньше. Повсеместные отказы от земельных наделов привели почти к полному обезземеливанию горнозаводского населения. Рабочие сохранили всего лишь 34 497 дес. или 16 % земель, которыми они пользовались до отмены крепостного права. Если дореформенный душевой надел рабочих составлял 4,7 дес., то теперь он не достигал и 1 дес. Отнесение рабочих к разряду мастеровых не всегда устраивало горнозаводчиков. Как и помещики, они хотели получить выкупные платежи путем предоставления бывшим крепостным полных наделов и прикрепить к заводам как можно больше рабочих. Владельцы Белорецкого и Тирлянского заводов Пашковы в прошении, поданном в 1869 г. в Министерство внутренних дел, жаловались на «крайность положения», до которого они доведены «переименованием всех наших бывших крепостных крестьян в мастеровые»[2]. Далее они писали, что население заводов не пользуется заводскими угодьями, а арендует башкирские земли.

Массовый отказ рабочих от надельной, покосной и усадебной земли тревожили заводовладельцев. Опасаясь лишиться рабочих рук, многие из них уступали мастеровым приусадебную землю безвозмездно. Из 35 991 мастерового, наделенного усадебной землей, 24 817 душ (69 %) получили ее в дар. Сюда относится население заводов Белосельских-Белозерских – Катав-Ивановский, Усть-Катавский, Балашовых – Миньярский и Симский, Сухозанет – Юрюзань-Ивановский, Минский, Шешуковой – Кананикольский, Никифорова и Татаринова – Узянский и Кагинский, Подъячева – Шильвинский, Бенардаки – Верхне и Нижне-Авзянопетровский и часть населения Белорецкого и Тирлянского заводов Пашковых[3].

К разряду сельских работников было отнесено население Богоявленского, Верхоторского и Воскресенского заводов Пашковых и Благовещенского завода Дашковых,

---

[1] РГИА. Ф. 1181. Оп. 15. 1861 г. Д. 15. Л. 740.

[2] Там же. Ф. 1291. Оп. 66. 1867 г. Д. 22. Л. 54, 106.

[3] Там же. Ф. 1181. Оп. 15. 1863 г. Д. 17. Л. 574; Ф. 1281. Оп. 6. 1864 г. Д. 50. Л. 135.

насчитывавшее 11 379 душ (24 %). Рабочие первых двух заводов от высшего надела отказались и получили землю в дар до 1,25 дес. на душу, а всего на 5410 душ – 6762 дес.[1] Остальные сельские работники получили высший надел, который должен был ими выкупаться[2].

С введением уставных грамот «Дополнительные правила» получили реальное осуществление. Однако итогами реформы не были удовлетворены ни заводовладельцы, ни рабочие. С потерей права на даровой труд горные заводы начали сокращать производство. По словам одного из членов Редакционных комиссий Булгакова, «лишь те фабрики, которые на коммерческой ноге, приносят значительные доходы, а которые на египетском труде, те уже лопнули»[3]. Добыча руды за несколько сот верст, практиковавшаяся рядом заводов, была возможна лишь при бесплатной перевозке. Теперь заводы действовали только на прежних запасах руды. У владельцев их не было оборотного капитала. Не удивительно, что сразу же после реформы правительству стали поступать жалобы горнозаводчиков на «тяжёлое положение». Они просили льготы по горным податям.

После реформы ухудшилось экономическое положение рабочих. Из-за сокращения производства на большинстве заводов возникла безработица. Земли, которыми раньше население пользовалось бесплатно, теперь приходилось арендовать за значительную плату. Среди рабочих росло стремление уйти с заводов. Губернские власти с тревогой относились к переселению рабочих, ибо массовый уход их с мест жительства мог привести к упадку заводского производства. В то же время оставлять на месте тысячи безработных было небезопасно.

В первое время разрешение на выселение получили лишь 5209 чел. К 1867 г. было разрешено переселиться 10 911 мастеровым[4]. В отдельных случаях уезжали целые селения. Так, например, владельцы Преображенского и Кананикольского заводов разрешили уйти всему населению. К 1866 г. с этих заводов переселились в Томскую и другие сибирские губернии до 2000 мастеровых. В 1863 г. из д. Ивановка, принадлежавшей Симскому заводу, выехало 1942 чел. в Заманиловскую волость Челябинского уезда[5]. Однако на новых землях смогла обосноваться лишь незначительная часть выселившихся.

Одним из главных мест переселения рабочих служили казённые земли Челябинского и Оренбургского уездов. Наделением землей занималась Уфимско-Оренбургское управление государственных имуществ. Переселение шло крайне неорганизованно. Управление само точно не знало, где и сколько свободной земли имеется. Поэтому очень часто рабочие направлялись туда, где не было свободных угодий. Для поселения на новых местах нужно было получить согласие местных государственных крестьян о приеме прибывших в свое общество. Однако крестьяне-

---

[1] ЦГИА РБ. Ф. И-10. Оп. 1. Д. 544. Л. 19; Д. 541. Л. 7–11; Д. 858. Л. 78.

[2] РГИА. Ф. 577. Оп. 50. Д. 1343. Л. 52–54.

[3] *Степанов П.* Наделение землёй горнозаводского населения на Урале. СПб., 1914. С. 26.

[4] РГИА. Ф. 1281. Оп. 6. 1864 г. Д. 50. Л. 136–137; Ф. 1181. Оп. 15. 1864 г. Д. 18. Л. 498; 1865–1866 гг. Д. 19. Л. 510.

[5] ЦГИА РБ. Ф. И-10. Оп. 1. Д. 597. Л. 87.

старожилы к новым поселенцам относились враждебно. Порою был затруднен даже осмотр свободных казенных участков. Такое отношение объяснялось тем, что эти земли за небольшую плату арендовались самими государственными крестьянами, а переселенцы могли лишить их части землепользования.

Другим объектом переселения были восточные губернии. «Сибирь, как край незнакомый, представляла переселенцам более надежд... и потому большая часть выселившихся направлялась туда»[1], – говорится в отчете уфимского губернатора за 1866 г. Однако и здесь переселенцев ожидали разочарования. Истратив последние средства, они ходатайствовали о разрешении вернуться на старые места жительства, на заводы. Губернское по крестьянским делам присутствие удовлетворяло просьбы рабочих лишь с условием выплаты полученной от казны ссуды на переселение.

Население на горных заводах увеличивалось как за счет возвращающихся рабочих и естественного прироста, так и за счет притока рабочих со стороны. Заводчики всячески поощряли новых поселенцев. В результате этого в период проведения реформы на горных заводах края образовался избыток рабочих рук. Поскольку горнозаводское производство сокращалось, многие рабочие вынуждены были обратиться к земледельческим занятиям. Заводчики же с целью наращивания запасов рабочих рук продолжали наделять их землёй. Так, мастеровые Архангельского завода только в 1874 г. получили 5500 дес. земли вместо 161 дес., отведенной по уставной грамоте[2]. В 1876 г. по решению Главного комитета об устройстве сельского состояния население Усень-Ивановского и Верхне и Нижне-Троицких заводов получило полевые наделы из обращенных в казну заводских дач по 5 дес. на ревизскую душу. На земли были выданы владенные записи.

В связи с закрытием в 1908 г. Катав-Ивановского, Усть-Катавского и Юрюзанского заводов встал вопрос о дополнительном наделении землей их рабочих. В 1908, 1912–1915 гг. были составлены дополнения к уставным грамотам. В результате рабочие этих заводов на 22 692 наличных души м. п. получили 100 806 дес. земли (по 4,5 дес. на душу). Заводовладельцам полагалась из казны выкупная сумма свыше 2 млн. руб. Рабочие же получили землю бесплатно согласно манифесту от 3 ноября 1905 г.[3] В 1916 г. были наделены землей рабочие Тирлянского завода. На 3935 наличных мужских душ они получили 23 610 дес. (по 6 дес. на душу). Таким образом, в ходе длительной упорной борьбы многие рабочие частных горных заводов края добились наделения их землей.

Реформа на казённых заводах. Ликвидация военно-крепостнического режима на казённых заводах Башкирии проводилась на основе «Положения о горнозаводском населении казенных горных заводов ведомства Министерства финансов», изданного 8 марта 1861 г.[4] Согласно Положению от обязательного труда освободилось всего – 22 139 чел. (сюда включены и казённые рабочие Артинского завода, относившегося к

[1] РГИА. Ф. 1181. Оп. 15. Д. 19. Л. 486.

[2] Там же. Ф. 1291. Оп. 66. 1874 г. Д. 37. Л. 2–3, 206.

[3] Там же. Ф. 573. Оп. 28. Д. 2878, 2981, 2982, 2983, 2986.

[4] ПСЗ II. Т. 36. № 36719; *Боков В.Е.* Освобождение горнозаводского населения Урала от «обязательного труда» // Русский архив. 1861. № 1–3. С. 238.

Златоустовскому казенному округу, но находившегося в Пермской губернии)[1]. Теперь они работали на заводах только по вольному найму. Они могли заключать договоры, брать обязательства, заниматься торговлей, промыслами и т. п. Но Положение ограничивало промышленные занятия рабочих. Им запрещалось строить кузницы, лесопильные мельницы и заниматься торговлей лесом.

Как и на частных горных заводах, население казённых предприятий делилось на мастеровых и сельских работников. По Положению 8 марта 1861 г. создавались местные органы управления горнозаводского населения наподобие крестьянского самоуправления. В Златоустовском округе, куда входили Златоустовский, Саткинский, Кусинский и Миасский казенные заводы, сельские общества были созданы 15 февраля, а волости – в начале марта 1863 г.[2]

При освобождении сельские работники получали все те земли, которыми они пользовались раньше. Усадьбы и выгоны передавались мастеровым и сельским работникам «безвозмездно в собственность». За остальные угодья они должны были платить оброк по ставкам государственных крестьян данной местности.

Введение уставных грамот на казённых заводах Башкирии затянулось на ряд лет. В течение 1863–1864 гг. они пересоставлялись трижды и были введены в действие только в конце 1866 г. Уставные грамоты по Миасскому заводу с принадлежащими ему селениями (Сыростанское, Тургоякское и др.) были составлены в 1866 г., а окончательно введены в 1867 г. По Илецкой защите (соляные промыслы Оренбургского уезда) была составлена уставная грамота на 510 душ. Неустроенными в земельном отношении остались селения: Поляковское, Кирябинское и др. Они были расположены на землях башкир Каратабыно-Баратабынской волости и дело по землеустройству этого населения рассматривалось в Сенате[3].

Из включённых в уставные грамоты 18 394 душ м. п. казённых рабочих было наделено землей 15 886, в том числе 13 722 мастеровых и 2164 сельских работника. 2508 душ не имели права на получение наделов[*]. В общем итоге отрезки на казённых заводах составили 33,1 % прежних наделов рабочих. Мастеровые получили в основном усадебные земли и по 1 дес. покосов на ревизскую душу, сельские работники – по 3 дес. усадебной и полевой земли. Отрезки сразу не отбирались. До точного измерения наделов рабочие могли пользоваться всеми угодьями за оброк.

Сумма оброка (40,5 коп. за 1 дес.) определялась исходя из оброчной подати государственных крестьян. За полученные 21 233 дес. земли население казенных заводов должно было выплачивать ежегодно 8600 руб.[*] Эта плата была намного меньше оброка за землю помещичьих крестьян. Несмотря на относительно выгодные условия землепользования, рабочие выдвигали немало требований. Они настаивали на улучшении условий жизни на заводе: обеспечение заводскими работами, бесплатное

---

[1] *Боков В.Е.* Указ. соч. С. 239.

[2] Там же. С. 246–247.

[3] РГИА. Ф. 1181. Оп. 15. 1867 г. Д. 20. Л. 488.

[*] Подсчитано по уставным грамотам казённых заводов (РГИА. Ф. 47. Оп. 1. Д. 78). Сюда не включены данные по Артинскому заводу.

[*] Подсчитано по уставным грамотам.

пользование угодьями, снижение оброка, отмена недоимок. Требование переселения предъявлялось только в случае невозможности жить на старых местах, что объяснялось горьким опытом рабочих частных заводов. Иногда власти шли на уступки – списывали недоимки, разрешали переселяться на казённые земли и пр.

Важное значение в землеустройстве населения имел закон от 12 марта 1877 г., по которому «горнозаводское население казённых горных заводов сохраняет все..., состоящие в его пользовании земли и угодья; для довольствия же лесными материалами населению сему отводится лесной надел»[1]. Лес отпускался в малоземельных дачах по 1 дес., в многоземельных – от $^{7}/_{8}$ до 3 дес. на ревизскую душу. На пользование землями и угодьями населению выдавались владенные записи. В результате этого закона рабочие получили 52 900 дес., т. е. значительно больше, чем до реформы[2]. Последующий законодательный акт от 20 июня 1901 г. «О некоторых изменениях в правилах и поземельном устройстве горнозаводского населения на Урале» переводил рабочих казенных заводов на выкуп, который соответствовал выкупным платежам государственных крестьян[3].

Таким образом, горнозаводское население Башкортостана вышло из крепостной зависимости на более лёгких условиях, чем помещичьи крестьяне. Земли достались им дешевле, к тому же рабочие имели возможность подзаработать на заводских и иных промыслах.

Реформа в удельной деревне. Подготовка реформы в удельной деревне началась одновременно с разработкой положения по отмене крепостной зависимости помещичьих крестьян. Гражданские права удельные крестьяне получили еще в 1858–1859 гг. Однако сам закон о реформе был утвержден лишь 26 июня 1863 г.[4] Это объяснялось тем, что под влиянием массового крестьянского движения весной и летом 1861 г. первоначальный проект реформы среди удельных крестьян претерпел значительные изменения. Основное отличие Положения 26 июня 1863 г. от проекта закона состояло в том, что оно переводило всех крестьян на обязательный выкуп с 1865 г.

По Положению 26 июня 1863 г. удельные крестьяне получали все земли, которые числились за ними по табелям поземельного сбора. Если надел превышал высший размер надела для помещичьих крестьян, то он отрезке не подлежал. Если он был меньше этой нормы, то мог быть увеличен. Однако увеличение производилось только тогда, когда у крестьян при инструментальном измерении обнаруживались неучтенные ранее земли. В селениях, где не был введен поземельный сбор, крестьянам отводились земли, равные по количеству высшему или указному наделу для данной местности.

Реализация Положения началась с составления и введения уставных грамот (в Уфимской губернии – 114 уставных грамот на 121 селение). В этих грамотах данные о дореформенном землепользовании удельных крестьян очень приблизительны.

---

[1] ПСЗ II. Т. 52. Отд. 1. № 57054.

[2] НА УНЦ РАН. Ф. 3. Оп. 63. Д. 7. Л. 33.

[3] *Горовой Ф.С.* Указ. соч. С. 325.

[4] Положение о крестьянах, водворенных на землях имений государевых, дворцовых и удельных (ПСЗ II. Т. 38. № 39792).

Они основаны на крестьянских показаниях и явно преуменьшены. В уставных грамотах отмечалось, что точная площадь крестьянских угодий, следовательно, и отрезков, будет известна после инструментального измерения.

Разверстание земель удельных крестьян во многих местах губернии было связано с размежеванием угодий башкир-вотчинников и припущенников. Как известно, это размежевание затянулось на многие годы. В ходе разверстания крестьянские угодья подвергались точному измерению. Крестьянам отводился надел в соответствии с Положением от 26 июня 1863 г. В приложениях к уставным грамотам указывались размеры прежних крестьянских угодий, нового надела и отрезков. Судя по этим документам, в Уфимской губернии было наделено землей 23 529 душ м. п. по X ревизии (1859 г.) удельных крестьян. До реформы они имели 120 518 дес. угодий, по уставным грамотам получили 101 884 дес., 18 634 дес. или 15,4 % дореформенного землепользования было отнято в пользу удельного ведомства[1]. Часто крестьяне лишались большой доли прежнего землепользования. Поэтому они оказывались в тяжёлом положении, даже получая высший надел. Например, душевой надел крестьян д. Юрмаш (Уфимский уезд) сократился от 7 до 4,5 дес., Зайцево – от 7,9 до 5, Печенкино – от 8,5 до 5, Ляпустино – от 9,5 до 5, Калегино и Питяково – от 11 до 5 и Балтачево (Бирский уезд) – от 16 до 5 дес.[2]

Положение 26 июня 1863 г. предусматривало выкуп крестьянами своих наделов. Как и в помещичьей деревне, выкуп в удельных селениях являлся данью за освобождение личности крестьянина. Чтобы стать собственниками своих наделов, удельные крестьяне должны были нести прежние повинности еще в течение 49 лет. В ходе революции 1905–1907 гг. выкупные платежи были отменены. По данным Уфимской губернской казённой палаты, до 1906 г. удельные крестьяне губернии выкупили всего 99 668 дес. надельной земли. За это они заплатили (без процентов) 1 168 174 руб.[3] Десятина земли обошлась им в 11,7 руб., в два раза дешевле чем у помещечьих крестьян.

Реформа в государственной деревне. 18 января 1866 г. был утверждён закон «О преобразовании общественного управления государственных крестьян...»[4], который распространил на жителей казённых селений общие Положения 19 февраля 1861 г. Государственные крестьяне передавались в ведение крестьянских учреждений, созданных реформой 1861 г. Административное переустройство казенных деревень Оренбургской и Уфимской губерний было завершено к осени 1866 г.[5]

24 ноября 1866 г. был издан закон «О поземельном устройстве государственных крестьян в 36 губерниях»[6], согласно которому крестьяне сохраняли за собой все земли, находившиеся в их пользовании. В селениях, где наделы не были отграничены от казенных угодий, население получало надел в «соответствии с существующим

---

[1] *Давлетбаев Б.С.* Указ. соч. С. 99.
[2] РГИА. Ф. 10. Оп. 1. Д. 265, 287, 292, 301, 307, 804.
[3] ЦГИА РБ. Ф. И-139. Оп. 1. Д. 185. Таблицы 13, 14.
[4] ПСЗ II. Т. 41. № 42899.
[5] РГИА. Ф. 1291. Оп. 66. 1866 г. Д. 45. Л. 26, 30; Д. 50. Л. 93.
[6] ПСЗ II. Т. 41. № 43888.

пользованием», но не выше 8 дес. на душу мужского пола в малоземельных и 15 дес. в многоземельных уездах (в Уфимской губернии к малоземельным относились Белебеевский, Златоустовский, Мензелинский и Стерлитамакский, многоземельным – Бирский и Уфимские уезды; Оренбургская губерния целиком считалось многоземельной). На предоставленные наделы выдавались владенные записи – документы, аналогичные уставным грамотам. За пользование землей бывшие государственные крестьяне должны были платить оброк. В законе ничего не говорилось об обязательном выкупе наделов бывшими государственными крестьянами. Таким образом, жители казны оказались в положении бывших временнообязанных помещичьих крепостных.

Составление и выдача владенных записей шли более быстрыми темпами в Оренбургской губернии, где среди бывших государственных крестьян почти не было башкирских припущенников. К осени 1870 г. наделы были разверстаны здесь по 183 (38,6 %), а к 1873 г. – по 478 (97,7 %) из 489 казённых селений. Вскоре началось составление владенных записей. В 1874–1875 гг. было составлено и выдано крестьянам 472 документа на 122 463 (97,8 %) ревизские души. Им отводились наделы площадью 1694 218 дес. удобной земли или по 13,8 дес. на душу. За пользование этими угодьями была определена оброчная подать в 446 644 руб. 60 коп. В расчете на ревизскую душу это составляло 3 руб. 62 коп., а на 1 дес. надельной земли – 26 коп.[1] Эти цифры свидетельствуют об относительно легких условиях реформы в бывшей казенной деревне Оренбургской губернии.

В Уфимской губернии требовалось составить 817 владенных записей, из них 373 на крестьян, живущих на казённых и 444 – на землях башкирских припущенников[2]. Как и в Оренбургской губернии, введение этих документов шло быстрее в селениях, расположенных на казённых землях. К 1 января 1873 г. по этим селениям было составлено 333 владенных записи, к 1874 г. – 351 или 94,1 %. Более сложным было введение владенных записей в припущеннических селениях. В них казённые крестьяне пользовались башкирскими угодьями совместно с вотчинниками. Наделение этой категории государственных крестьян производилось из башкирских дач в ходе размежевания их по правилам от 10 февраля 1869 г.[3], согласно которым государственным крестьянам-припущенникам отводился надел в размере 15 дес. на душу по VII ревизии (1816 г.).

Разверстание угодий башкир и их припущенников продвигалось крайне медленно. К 1874 г., когда введение владенных записей на казенных землях в основном завершилось, в припущеннических селениях наделы государственных крестьян были ограничены всего лишь в 29 деревнях из 444[4]. К составлению владенных записей все еще не приступали. «Последствием неурядицы, – писал сенатор М.Е. Ковалевский в своём отчете, – является неправильность окладов казенной палаты, незнание сельским населением ни своих земельных владений, ни платежей, которыми оно обязано правительству и земству и, наконец, накопление недоимок»[5].

---

[1] РГИА. Ф. 1181. Оп. 1. 1876 г. Д. 113.

[2] Записка члена Государственного Совета сенатора Ковалевского. Б. м. и г. С. 52.

[3] ПСЗ II. Т. 44. № 46750.

[4] Отчет о работах по поземельному устройству государственных крестьян за 1873 г. СПб., 1874. С. 23.

[5] ЦГИА РБ. Ф. И-139. Оп. 1. Д. 94. Л. 494, 495 об.

12 июня 1886 г. государственные крестьяне были переведены на обязательный выкуп. Оброчная подать и лесной налог, которые до этого уплачивали крестьяне в казну, преобразовывались в выкупные платежи, значительно повышенные по сравнению с оброчным окладом. Выкупные деньги должны были вноситься крестьянами казне в течение 44 лет вплоть до 1931 г.

После издания закона об обязательном выкупе наделов введение владенных записей в припущеннических селениях ускорилось. Тем не менее, в Уфимской губернии процесс этот продолжался вплоть до революции 1905–1907 гг. К началу 1904 г. записи были составлены на все 444 селения припущенников, утверждены и выданы населению по 414 селениям на 40 534 ревизских душ крестьян. Они получили в надел 299 239 дес. земли[1].

В результате проведения реформы среди государственных крестьян Уфимской губернии владенные записи были выданы всего на 772 селения, где проживало 97 036 ревизских душ населения. Общая площадь надельных земель, отведенных бывшим государственным крестьянам, составляла 759 396 дес., или по 7,8 дес. на ревизскую душу. Из них было выкуплено 733 207 дес. земель[**], за которые определена выкупная сумма в 11 239 709 руб.[2] Десятина угодий обходилась казенным крестьянам в 15,3 руб., т. е. дороже десятины надела удельных крестьян губернии (11,7 руб.) и значительно дешевле земель бывших помещичьих крепостных (24 руб.).

Таким образом, государственные крестьяне оказались в более благоприятных условиях, чем жители бывших помещичьих и удельных деревень. Они получили большие земельные наделы, которые не подвергались отрезкам, платили меньше выкупных платежей, чем помещичьи крестьяне.

Революция 1905–1907 гг. освободила крестьян всех разрядов от выкупа – этого тяжелого наследия феодального прошлого. Манифестом от 3 ноября 1905 г. царь вынужден был провозгласить понижение выкупных платежей с 1906 г. наполовину, а с 1907 г. взимание их отменить вовсе. К этому времени крестьяне различных категорий успели сполна заплатить стоимость полученных наделов. Отменив выкуп, государство продолжало взимать накопившиеся на крестьянах недоимки. И только в 1913 г. крестьяне окончательно освободились от своих «долгов» по выкупу.

Волнения помещичьих крестьян. Тяжёлые условия освобождения от крепостной зависимости вызывали протест и открытую борьбу крестьян и рабочих. Поскольку экономические условия отмены крепостного права определялись уставными грамотами, выступления крестьян и рабочих, начиная с лета 1861 г., были связаны с составлением и введением этих документов. Борьба против уставных грамот, проявлявшаяся прежде всего в отказе подписывать их, охватила широкие массы бывших помещичьих крестьян и горнозаводского населения. Из 576 уставных грамот поме-

[1] Записка члена Государственного Совета сенатора Ковалевского. С. 52; РГИА. Ф. 396. Оп. 2. 1903–1905 гг. Д. 1443. Л. 44, 45 об.; ЦГИА РБ. Ф. И-139. Оп. 1. Д. 185.

[**] Уменьшение площади надельных земель объясняется, видимо, отказами крестьян от своих наделов и изъятием спорных земель в пользу крестьян других категорий.

[2] ЦГИА РБ. Ф. И-139. Оп. 1. Д. 185. Форма № 14. «Ведомость Уфимской казенной палаты о движении выкупного долга всех разрядов крестьян по 1907 г.»

щичьими крестьянами было бойкотировано 282 или 49 %. Их не подписало 55 % крестьян, что объясняется отказом от уставных грамот крестьян крупных селений, где были произведены наибольшие отрезки от наделов. Крестьяне протестовали против высоких повинностей, низкого качества земель и т. п. Многие крестьяне хотели уйти с помещичьих земель на казённые.

Составление и введение уставных грамот проходило в напряжённой обстановке. При чтении их крестьяне волновались, кричали, «что они ни на что не соглашаются, не хотят ни барщины, ни оброка, а потому вводимой уставной грамоты не принимают». За редким исключением крестьяне общества держались единодушно и спаянно. Часто наблюдалась картина, которая произошла в с. Дмитриевка (Бишкази) помещика Опочинина (Мензелинский уезд). Временнообязанные села при отводе надела отказались выбирать уполномоченных для составления приговора и идти в поле для показа границ крестьянских земель. Тогда помощник уездного исправника Табаровский велел наказать крестьянина Филиппа Михайлова, по его словам, «более других возражавшего». На это все остальные крестьяне ответили: «Коль сечь, так всех секи», – и начали снимать с себя кафтаны[1].

Волнения, начавшиеся в одном селении, быстро распространялись на другие, входившие в одно имение. Это хорошо наблюдается на примере имений Языкова, Пасмуровых, Пальчиковых в Мензелинском уезде, Тимашевых в Оренбургском и Стерлитамакском уездах и многих других. Но даже, если в одном селении находилось несколько имений, принадлежавших разным владельцам, движение чаще всего охватывало все селение.

Упорные выступления служили примером неповиновения и для крестьян соседних имений. В этом отношении показательна борьба крестьян д. Новая Бекетовка Белебеевского уезда, принадлежавшей Ивановой. В феврале 1862 г. при введении уставной грамоты они решительно отказались от высшего надела и потребовали низший. Боясь закрепить за собой надел, крестьяне весной не стали сеять хлеб. В деревню была вызвана военная команда, однако крестьяне не приступали к работе. Они послали в Петербург своих поверенных Ивана Кузьмина и Павла Федорова и решили не идти на соглашение с помещицей до тех пор, пока не получат от царя «личный отказ». Объезжавший деревни временнообязанных крестьян оренбургский губернатор заехал в Новую Бекетовку. Там он встретил «такое слепое упорство и явный оговор», что приказал троих крестьян наказать розгами, пять человек заключить в тюрьму и вызвать (второй раз) экзекуционную команду. «Для вразумления крестьян» в деревню приехали офицер корпуса жандармов и чиновник для особых поручений. Но все это ничего не изменило. Когда становой пристав хотел арестовать и выслать сельских вожаков, крестьяне оказали ему сопротивление. В Новую Бекетовку в третий раз была введена военная команда. Крестьяне не соглашались принять надел и говорили, что «и в Сибири живут люди»[2]. «Заразительный пример», как писал об этом выступлении оренбургский губернатор Министру внутренних дел П.А. Валуеву, начал «смущать» крестьян окружающих селений. Заволновались и отказались

[1] ЦГИА РБ. Ф. И-10. Оп. 1. Д. 721. Л. 27.

[2] РГИА. Ф. 1281. Оп. 6. 1864 г. Д. 50. Л. 148–150; Ф. 1291. Оп. 52. 1863 г. Д. 16. Л. 1–2, 26.

от надела жители д. Никулино. Произошли крестьянские выступления в имениях помещиков Богинской, Городецкой, Редина и Герн[1]. Особенно упорным было выступление временнообязанных крестьян семи селений Бенардаки. Владелец вынужден был пойти на уступки. Так, крестьянам д. Александровка он предоставил пятую десятину высшего надела бесплатно[2].

Борьба крестьян всколыхнула и соседних башкир-вотчинников. В Белебеевском уезде земли помещиков Осокина и Бенардаки когда-то принадлежали башкирам, проживавшим в 60 окружающих деревнях. Теперь эти земли считались спорными. Жители деревень Шахово, Бишиндов и других большими группами вторгались в лесные дачи Бенардаки и рубили лес. В 1862 г. ими было заготовлено 40 тыс. бревен. Вооружённые толпы башкир избили полесовщиков, помощника волостного старшины от завода, пристава и управляющего Троицкими заводами[3].

В том же году жители д. Слакбаш, вооруженные рычагами, целой деревней въехали в дачу помещика Осокина, прогнали с сенокоса временнообязанных крестьян с. Софиевка и д. Ивановка, завладели лугами, скосили сено и вывезли 230 стогов[4]. Башкиры д. Карьявды оказали сопротивление при нарезке спорных земель временнообязанным крестьянам помещика Тевкелева[5].

Рабочее движение. Наиболее упорная борьба против тяжелых условий «освобождения» развернулась на горных заводах Башкирии. В мае-июне 1861 г. начались стачки на рудниках и заводах Пашковых, Коссаковской и Белосельских-Белозёрских. Сельские работники Воскресенского, Богоявленского, Верхоторского и Архангельского медеплавильных заводов, находившиеся на Каргалинских рудниках в Стерлитамакском уезде, потребовали повышения заработной платы и выплаты владельческих долгов рабочим. Получив отказ, 3500 рудокопов бросили работу и ушли с рудников. Наряду с энергичными мерами по подавлению стачки владельцы были вынуждены повысить рабочим плату на 5-6 коп. в день[6].

Весной 1861 г. на Катавских заводах 362 чел. потребовали от волостного старшины выдачи им паспортов на вольные промыслы, а также разрешения на приписку к другим обществам, где они надеялись устроиться на свободных землях. В то же время они просили управляющего заводом понизить цены на хлеб. В ответ на отказ удовлетворить их требования свыше 1000 рабочих не явились на работу. Стачка на Катавских заводах прекратилась после некоторого повышения заработной платы[7].

Упорная борьба развернулась в ходе введения уставных грамот. Тенденция к отказу от земли наиболее сильной была там, где географические условия не позволяли занятие хлебопашеством. Это наблюдалось на Катавских, Юрюзань-Ивановском, Минском, Симском, Миньярском и других заводах. Одновременно рабочие выступа-

---

[1] РГИА. Ф. 1291. Оп. 52. 1863 г. Д. 16. Л. 1–2, 27.

[2] ЦГИА РБ. Ф. И-10. Оп. 1. Д. 152. Л. 49–50.

[3] Там же. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 556. Л. 67.

[4] Там же. Л. 6–7.

[5] Там же. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 12467. Л. 1–66.

[6] РГИА. Ф. 1181. Оп. 1. Д. 166. Л. 34–35, 83–88; Ф. 1291. Оп. 52. 1861 г. Д. 32. Л. 4; *Горовой Ф.С.* Указ. соч. С. 356–358.

[7] ЦГИА РБ. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 548. Л. 1–12.

ли против низкой заработной платы, новой раскладки повинностей, платежей за топливо, оброка за усадьбу и т. п.

18 мая 1862 г. рабочие Симского завода, проживавшие в деревнях Ерал, Муратовка, Малояз, Илек и Биянка, бросили работу. Причиной недовольства являлись несвоевременный расчёт по заработкам, недостаток продовольствия и задельных плат[1]. Боясь распространения волнений на соседние Катавские и Юрюзанский заводы, власти ввели в д. Ерал батальон солдат. В то же время губернатор указал заводоуправлению на необходимость выдачи паспортов «излишнему» населению, т. е. наиболее активной его части, чтобы она могла переселиться[2]. Такие же события происходили на Верхне и Нижне-Троицком заводах в конце марта 1862 г.[3]

Там, где условия местности давали некоторую возможность для занятий сельским хозяйством, рабочие не могли сразу решить, к какой категории им следует себя отнести. При введении уставных грамот население Белорецкого, Тирлянского и Архангельского заводов заявило, что их не устраивает ни разряд мастеровых («как будут жить без земли?»), ни разряд сельских работников (высокие повинности за землю)[4].

Не желая платить оброк за предоставляемый надел, рабочие Богоявленского завода в феврале 1862 г. отказались от уставной грамоты. Они требовали перевести их в казачье сословие или же отдать им землю даром. Вскоре на завод была введена казачья команда. Но население завода продолжало настаивать на своих требованиях. Рабочие отвечали, что не примут уставной грамоты даже тогда, «когда поставят их рядом и будут стрелять в них». Управляющий заводом Басманников выставил в дверях конторы казаков с шашками и потребовал от рабочих записываться либо в мастеровые, либо в сельские работники. Но и это не дало никакого результата. Тогда на завод для уговоров рабочих прибыли члены съезда мировых судей. Одновременно было доставлено три воза розог. Многих рабочих арестовали, непокорных наказали на церковной площади при тридцатиградусном морозе. Так была введена уставная грамота, по которой рабочих отнесли к разряду сельских работников[5].

Против уставных грамот выступали все заводские рабочие, отнесённые к разряду сельских работников. На некоторых заводах, например, на Благовещенском, борьба приняла драматический характер[6]. Население завода составляло два сельских общества – Благовещенское (2154 чел.) и Потешинское (473 чел.). Получая определенную выгоду от сельскохозяйственных занятий и лесных промыслов, рабочие при введении уставной грамоты просили земельный надел и записались все в разряд сельских работников. Однако вскоре население завода бойкотировало и уставную грамоту, и оброчные платежи.

---

[1] ЦГИА РБ. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 550. Л. 2.

[2] Там же. Л. 1–23; РГИА. Ф. 1291. Оп. 52. Д. 41. Л. 36–37.

[3] ЦГИА РБ. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 547. Л. 1–3.

[4] Там же. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 3343. Л. 5; Ф. И-10. Оп. 1. Д. 535. Л. 9, 20.

[5] Там же. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 549. Л. 1–44; РГИА. Ф. 1291. Оп. 52. Д. 41. Л. 1–4, 30–31, 48–54.

[6] Об этом выступлении см.: РГИА. Ф. 37. Оп. 5. Д. 736. Л. 1–28; Ф. 1281. Оп. 6. 1864 г. Д. 50. Л. 140–148; Ф. 1291. Оп. 52. Д. 32. Л. 26–45; ЦГИА РБ. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 555. Л. 1–21; *Айзенберг Л.* К трагедии горнозаводских крестьян в Оренбургском крае (по освобождении от крепостной зависимости) // Архив истории труда в России. Пг., 1923. Кн. 6–7. С. 137–154.

За исключением небольшой зажиточной части, население Благовещенского завода выступало организованно. Ни бесчисленные наказания, ни «вразумления» самого губернатора, ни четырехкратный ввод военных команд в 1861–1863 гг. не поколебали рабочих. Узнав о законе от 3 декабря 1862 г., предоставлявшего мастеровым, не пользующимся землей, ряд льгот, сельские работники потребовали перечисления их в мастеровые. Однако губернатор считал, что перевод их в разряд мастеровых послужит «дурным» примером для остальных сельских работников губернии.

Продолжительная борьба на Благовещенском заводе серьезно обеспокоила Министерство внутренних дел. 9 июня 1864 г. Главный комитет по крестьянскому делу принял положение «По устройству быта населения Благовещенского завода Дашковых в Оренбургской губернии». В нём говорилось, что при введении уставной грамоты население завода было неправильно отнесено к разряду сельских работников, поэтому теперь оно получает права мастеровых. Рабочие могли покинуть завод и направиться туда, куда хотят.

На заводе насчитывалось 2132 чел., желавших уехать. К середине августа 1865 г. переселение закончилось. Большая часть населения (1527 чел.) была отправлена на казённые земли Томской губернии. Новые места оказались крайне неблагоприятными для ведения хозяйства. Перезимовав там, переселенцы уже весной 1866 г. начали проситься назад. Разрешение Министра внутренних дел последовало лишь 29 апреля 1869 г. Но к этому времени почти все рабочие самовольно возвратились на завод. С условием выплаты полученных для переселения ссуд они были зачислены обратно в состав заводских обществ.

Упорный характер носила борьба мастеровых Белорецкого и Тирлянского заводов в 1862–1863 гг. Население Белорецкой заводской волости, включавшее 5000 рабочих, представляло, по словам губернатора, «верх невежества и упорства». Зачисление в мастеровые рабочие использовали для отказа от всех платежей. Как и на Богоявленском заводе, белорецкие мастеровые требовали отдачи им земли даром. На завод были введены одна за другой три военные команды. Рабочие оказали им сопротивление. Они освободили из-под ареста своего предводителя Волкова и схватились с солдатами, когда те хотели арестовать другого их вожака – рабочего Зайцева. Горнозаводское население не допускало представителей властей к описи имущества, реквизируемого в счет недоимок, прятало его или же передавало на хранение соседям-башкирам.

Многократные экзекуции и аресты ослабили движение. В последний раз при огромном стечении народа было наказано 66 и отправлено в тюрьму 20 человек. Многие рабочие пошли за арестантами с надеждой отбить их у д. Казаккулово, но каратели, узнав об их намерениях, усилили конвой. Несколько сот человек отправились в Оренбург для принесения жалобы губернскому начальству. Они были остановлены в крепости Магнитной и возвращены под конвоем обратно на завод. В конце концов мастеровые согласились принять в дар усадебные участки. Затем они обратились к губернатору с просьбой выпустить заключённых в тюрьму товарищей и освободить население от уплаты расходов на содержание военных команд. Эти просьбы были удовлетворены[1].

[1] РГИА. Ф. 1291. Оп. 52. 1883 г. Д. 16. Л. 3–9, 11–25.

Против уставных грамот выступило подавляющее большинство населения частных горных заводов. Их борьба явилась составной частью общей борьбы многомиллионного крестьянства России в ответ на реформу 1861 г. Выступления горнозаводского населения были более организованны по сравнению с разрозненными волнениями крестьян, поэтому они чаще вынуждали губернские и центральные власти идти на отдельные уступки.

Движение среди удельных и государственных крестьян. В ходе проведения реформы 1863 г. между Департаментом уделов и крестьянами развернулась упорная борьба из-за земли. Крестьяне утверждали, что их угодья приобретены у башкир и не признавали его права на их наделы. Отказ Департамента уделов признать право собственности крестьян на их наделы явился основной причиной бойкота уставных грамот. Из 111 грамот, введенных в удельных селениях Уфимской губернии, крестьяне подписали всего лишь 16, или 14 % от общего числа. Они продолжали бороться за свои земли и после введения уставных грамот, особенно в период размежевания башкирских дач и разверстания крестьянских наделов. Удел не признавал за крестьянами права на владение дореформенными наделами из-за отсутствия якобы юридических «доказательств». Предъявляемые договорные письма между башкирами и удельными крестьянами чиновники удельного ведомства рассматривали всего лишь как акты, дававшие крестьянам право считаться башкирскими припущенниками. Наделы же последних, независимо от их происхождения, считались собственностью Удела и должны были выкупаться. Крестьяне не могли мириться с таким беззастенчивым грабежом и в течение всего пореформенного времени продолжали добиваться прав на землю.

Следует отметить, что движение среди удельных крестьян носило более мирный характер, чем у бывших помещичьих крестьян и горнозаводского населения. Основной формой борьбы являлись жалобы и прошения, в которых жители пытались доказать «законность» их прав на владеемые земли, причём в их действиях сильнее сказывалась вера в царя и правительство.

В феврале 1865 г. в удельном селе Дуванеи распространился слух о том, что поверенный населения Благовещенского завода Швальников ездил в Петербург и добился свидания с царём. По словам крестьян, тот поговорил со Швальниковым и даже попробовал поднесённый им сотовый мед. Встретиться с царём ему помог какой-то чиновник, который вскоре будто бы приезжает на Благовещенский завод. Узнав об этом, дуванейцы привезли к себе «чиновника от царя». Им оказался отставной коллежский регистратор Яков Иванов. За деньги он составил дуванейцам прошение и заверил в положительном решении волновавшего их земельного вопроса[1].

Ещё более укрепила надежды крестьян на признание их прав на землю выдача Бирским уездным судом копий документов о допуске их башкирами к пользованию землей. Но вскоре на Бирский суд обрушились обвинения Министерства внутренних дел в распространении «ложных понятий» среди удельного населения. Впредь членам суда запрещалось выдавать документы, связанные с землей. В случае признания крестьян башкирскими припущенниками, согласно правилам 10 февраля 1869 г., они

[1] ЦГИА РБ. Ф. И-10. Оп. 1. Д. 253. Л. 84–139.

имели право на получение наделов по 15 дес. на душу по VII ревизии. Но удельное ведомство настояло, чтобы все удельные крестьяне Башкирии наделялись землёй на основе и по нормам Положения 26 июня 1863 г.

Безудержные аппетиты Департамента уделов пугали губернское по крестьянским делам присутствие. Во избежание волнений оно считало необходимым пойти на частичные уступки башкирским припущенникам. Таким, например, было Гребенское дело. В 1869 г. жители десяти селений Гребенской дачи Бирского уезда категорически отказались принять уставные грамоты, считая земли собственными. Особое недовольство их вызвало не включение в наделы обширных лугов под названием Голец, которые достались удельному ведомству. Чтобы как-то ослабить напряжение, мировой посредник и губернское по крестьянским делам присутствие предложили включить покосы в крестьянские наделы. Губернатор поддержал их и даже распорядился отдать выкошенное арендаторами сено удельным крестьянам. В следующем году решением Уфимской палаты уголовного и гражданского суда жители д. Силантьево были признаны собственниками земель. Вскоре судебная палата признала собственниками земли жителей еще двух селений: Ярославово и Бурново. Губернское же присутствие распространило это правило на жителей всех селений Гребенской дачи. Это вызвало серьезную тревогу в Департаменте уделов. Дело дошло до Сената, который отменил решения Уфимской палаты уголовного и гражданского суда. Надежды крестьян на получение бесплатных наделов рухнули. Однако они добились включения лугов Голец в свои наделы. Аналогичные события происходили и в других удельных селениях, где недовольство крестьян также не дошло до открытых выступлений, чему способствовала тактика губернских властей, прибегавших иногда к отдельным уступкам[1].

В казённых селениях не наблюдалось массового движения. Но это не значит, что государственные крестьяне безропотно принимали реформу. При введении владенных записей они протестовали против повышения оброчной подати и выкупных платежей. В припущеннических селениях одной из основных причин отказа от владенных записей являлось непризнание казной прав крестьян на дореформенные наделы[2].

Крестьяне и рабочие, считая, что местные власти подкуплены помещиками, посылали своих представителей к самому губернатору и даже царю. Таким ходокам никогда не удавалось встретиться с монархом. Власти следили за крестьянскими посланниками, арестовывали их сразу по приезде в Петербург и отправляли этапом домой. Оставшиеся дома крестьяне с нетерпением ожидали возвращения своих поверенных, не идя ни на какие соглашения с владельцами. Но и тогда, когда их представители возвращались без положительного ответа, крестьяне не теряли надежды на появление в скором будущем новых правительственных облегчений. В этом отношении характерен пример Богоявленского завода. Как только трое поверенных завода вернулись из столицы, к ним стали стекаться все жители завода и окружающих селений, распространялись всевозможные слухи. Желая предупредить последующие волнения, губернское начальство собрало на заводе сход и заставило ходоков рассказать

---

[1] РГИА. Ф. 1291. Оп. 66. Д. 34. Л. 6–79; Д. 65. Л. 1–20.

[2] ЦГИА РБ. Ф. И-351. Оп. 2. Д. 4903, 4917, 4984, 5233, 5387, 5469.

всем, какой успех имела их поездка, «стоившая 1500 рублей» общественных денег. Ходоки рассказали, что они подали государю свое прошение, который через своего адъютанта велел им вернуться домой и там ожидать «разрешения». Этого неопределенного ответа было вполне достаточно, чтобы все собравшиеся поверили в полный успех их ходатайства[1].

Распространенной формой крестьянского движения, тесно связанной с верой в справедливость верховных властей, являлись жалобы. Подача их крестьянами была официально разрешена в 1858 г. В них крестьяне и рабочие просили верховные органы избавить их от «незаконных» притеснений со стороны владельцев и местной администрации. Эта форма борьбы не выходила за рамки законности и не была опасной для государства. Жалобы и прошения, являясь своеобразным «громоотводом» недовольства крестьян, отвлекали их от более решительных действий. Это хорошо понимали губернские власти и широко использовали в своих действиях. Военные команды вводились ими лишь в тех случаях, когда из-за затяжных выступлений парализовалось производство и волнение начинало распространяться на окружающие селения. Отвечая на упреки некоторых дворян на недостаточно энергичное подавление беспорядков в Оренбургской губернии, губернатор Г.С. Аксаков в 1865 г. писал: «Четырёхлетний опыт доказал, что, чем спокойнее смотреть на крестьянское дело, тем развязка его легче. Нечего бояться жалоб: они есть выражение доверия к установленной власти»[2].

Властями применялись и другие средства для подавления крестьянского и рабочего движения. Известно, что борьба на горных заводах была прекращена не столько военными командами, сколько провалом переселенческого движения. Губернская администрация заранее знала, что неорганизованность переселений приведёт рабочих к разочарованию и усмирению.

В целом крестьянское движение в ответ на грабительские условия реформы имело большое значение. Оно явилось единственным фактором, ограничивавшим безудержный помещичий грабеж. Благодаря сопротивлению крестьян дворяне сумели навязать свои земли лишь 72,1 % крестьян. Остальные 27,9 % отказались от помещичьей земли и арендовывали за невысокую плату башкирские и казенные угодья. Положения 19 февраля 1861 г. разрешали дворянам взимание феодальных повинностей на неопределенное время. Однако упорная борьба крестьян вынудила их быстрее перевести население на выкуп земли. Из всех выкупивших свои наделы крестьян 85,6 % совершили это до 1869 г., что означало более скорую ликвидацию феодальных отношений в помещичьей деревне.

Не меньшее значение имела и борьба горнозаводского населения. В ходе составления уставных грамот рабочие отказывались от полевых наделов, за пользование которыми полагалась высокая плата. Боясь потерять рабочую силу, горнозаводчики предоставляли большинству мастеровых усадебные земли бесплатно. И хотя это было связано с понижением заработной платы рабочих, они получили заводские земли на более легких условиях, чем было регламентировано Положениями 19 февраля 1861 г.

---

[1] РГИА. Ф. 1291. Оп. 52. Д. 41. Л. 31.
[2] Там же. Оп. 66. Д. 19. Л. 118.

Большое значение имело движение в удельной и государственной деревне. В целом эти категории населения вышли из феодальной зависимости на более выгодных условиях, чем бывшие крепостные. Население удельного ведомства сразу переводилось на выкуп с меньшими по размерам выкупными платежами. Наделы государственных крестьян не подлежали отрезкам. Но те и другие выкупали земли, на которых они давно поселились и обработали своим трудом. По справедливому замечанию современников, это было «всё равно, что заставить дуб выкупить свои собственные корни».

§ 3. Проведение буржуазных реформ 1860–1870-х гг. в Башкортостане

Земская реформа. Буржуазные реформы в России, последовавшие вслед за отменой крепостного права, были вызваны экономическими и политическими причинами. В условиях острейшего внутреннего кризиса, внешнеполитических поражений, предопределённых отсталостью страны от передовых европейских держав, царизм вынужден был пойти на кардинальные преобразования, одним из которых стала земская реформа 1864 г., положившая начало местному самоуправлению[1]. Уфимское губернское дворянское собрание ещё 19 декабря 1868 г. постановило ходатайствовать перед правительством о скорейшем открытии земских учреждений на территории края[2]. В 1870 г. с подобной просьбой обратился оренбургский губернатор Г.М. Боборыкин[3]. Но введение земства в крае с незначительным дворянством и многочисленным нерусским населением, лишь недавно переведённым из военно-служилого сословия, произошло спустя десять лет. 14 мая 1874 г. Государственный Совет постановил: «Высочайше утверждённое 1-го января 1864 г. положение о земских учреждениях распространить на Уфимскую губернию»[4]. Учреждение земства на территории Оренбургской губернии, где очень мало было дворянского землевладения и располагались владения Оренбургского казачьего войска, отодвигалось на неопределенное время.

В Уфимской губернии земские учреждения были введены 25 февраля 1875 г.[5] Они состояли из распорядительных (уездных и губернских земских собраний) и исполнительных (уездных и губернских земских управ) органов, которые избирались на трёхлетний срок. Согласно Положению от 1 января 1864 г., выборы гласных (членов) уездных земских собраний проводились на трёх избирательных съездах или куриях: землевладельцев, городских избирателей и сельских обществ. Для участия в первом из них нужно было иметь не менее 200 дес. земли[6]. На втором съезде участвовали лица, имевшие купеческие свидетельства, промышленные и торговые пред-

---

[1] См.: ПСЗ II. Т. 39. Отд. 1. № 40457, 40458, 40934.
[2] *Новиков В.А.* Сборник материалов по истории Уфимского дворянства. Уфа, 1879. С. 178.
[3] ГАОО. Ф. 10. Оп. 9. Д. 76. Л. 4.
[4] Там же. Ф. 6. Оп. 8. Д. 220. Л. 54.
[5] Сборник постановлений первого уфимского губернского земского собрания. Уфа, 1875. С. 1.
[6] ГАОО. Ф. 6. Оп. 8. Д. 220. Л. 54.

приятия с годовым оборотом не менее 6 тыс. руб., а также владельцы городской недвижимости стоимостью не менее 500 руб. в небольших и 3 тыс. руб. в крупных городах[1]. Выборы в земства от сельских обществ были многостепенными. Сначала сельский сход выдвигал представителей на волостной сход, на котором избирались выборщики, а затем уездный съезд выборщиков избирал гласных в уездное земское собрание. Такая сложная система позволяла проводить в земства наиболее зажиточных и угодных администрации крестьян.

В 1875–1876 гг. в уездные земские собрания Уфимской губернии было избрано 256 человек. Из них от первого избирательного собрания 119 человек или 46,5 %, от второго – 20 чел. или 7,8 % и от третьего – 117 чел. или 45,7 %[2].

Таким образом, в уездном земстве преобладали представители дворян и буржуазии. Ещё большее представительство дворяне имели в губернском земском собрании, члены которого избирались на уездных собраниях. В 1875 г. на первом Уфимском губернском земском собрании среди 38 гласных было лишь 3 крестьянина и 4 купца[3]. Председателями губернского и уездного земских собраний были губернский и уездный предводители дворянства. В состав Уфимской губернской земской управы вошли крупные землевладельцы А.Д. Дашков (председатель управы), Н.Э. Эверсман, В.Э. Ляхов и В.А. Фок (члены управы). Председателями уездных земских управ, за исключением Златоустовской, также являлись дворяне.

Гласные земских собраний никакого вознаграждения не получали. Члены управ работали постоянно, им выплачивалось жалованье. Годовое содержание председателя губернской управы составляло 3 тыс. руб., членов управы – по 2 тыс. руб. каждому[4].

В земских учреждениях Уфимской губернии состав гласных определялся не только социальной, но и национальной политикой правительства. Из 38 гласных первого Уфимского губернского земского собрания был лишь один башкир Ш.С. Байтеряков[5]. А за период с 1875 г. по 1909 гг. среди 203 гласных губернского земского собрания башкир и татар насчитывалось всего 22 чел.[6] Из представителей этих народов не было ни одного председателя губернской земской управы. В 6 уездных земских управах за то же время только четырежды во главе Белебеевской и один раз Златоустовской управ находились представители коренной национальности[7].

Компетенция земств губернии ограничивалась хозяйственными и социально-культурными вопросами местного значения. Они ведали строительством и содержанием почтовых дорог, мостов, переправ, земских школ, больниц, приютов, попечением о местной торговле и промышленности, ветеринарной службой и т. д. В круг обя-

---

[1] Земские учреждения. Положения о губернских и уездных земских учреждениях. СПб., 1865. С. 9.

[2] Сборник постановлений первого уфимского губернского земского собрания. С. 4; Историко-статистические таблицы деятельности Уфимских земств. К сорокалетию существования земств Уфимской губернии. 1875–1914. Уфа, 1915. С. 234–235.

[3] Сборник постановлений первого уфимского губернского земского собрания. С. 4.

[4] Там же. С. 11–12.

[5] Там же. С. 4.

[6] Систематический сводный сборник постановлений Уфимского губернского земского собрания за 35-летие. 1875–1909 гг. Уфа, 1915. Т. 1. С. 24.

[7] Историко-статистические таблицы деятельности Уфимских земств. С. 220.

занностей земств входила также этапно-арестантская повинность на внутренних дорогах губернии, поставка подвод для разъездов гражданских и полицейских должностных лиц.

Для ведения хозяйственных дел и содержания собственных учреждений земствам предоставлялись права по назначению, раскладке, сбору и расходованию местных налогов – земских сборов. Ими облагались документы, дающие право на торговлю, городская недвижимость, леса и земли[1].

Наиболее значительной в губернском земском сборе была доля поступлений от земель и лесов. В 1880 г. она составляла 82,5 %, а в 1890 г. – 65,5 % от общей суммы земских налогов[2]. В 1876 г. с целью упорядочения раскладки сборов по губернии была образована оценочная комиссия. Она состояла из представителей уездных земств, а возглавлял её председатель губернской управы А.Д. Дашков[3]. Комиссия выработала систему оценки земли по уездам. В соответствии с их качеством и близостью к густонаселённым пунктам, земли делились на три разряда. Стоимость земли первого разряда колебалась от 9 руб. в Златоустовском уезде до 40 руб. в Мензелинском, а третьего разряда – от 3 руб. в Белебеевском и Златоустовском уездах до 12 руб. в Мензелинском[4].

Крестьянство выплачивало земские сборы на устройство и содержание почт. Так, жители селений, расположенных вблизи трактов, содержали за свой счёт станционные помещения с освещением и отоплением и платили по 40 руб. в год от каждого населённого пункта на канцелярские расходы. Жители деревень, находившихся вдали от почтовых дорог, должны были содержать помещение для приема почты и комнату для смотрителя и почтальона. Размер земских сборов с них составлял 40 руб. с селения. Земский сбор с одной ревизской души устанавливался сельским обществом в размере 40 коп.[5]

Земские налоги были обременительны для хозяйства крестьян, о чём свидетельствовал рост недоимок. В январе 1881 г. Белебеевская уездная управа объясняла свою задолженность губернскому земству тем, что «капиталы земские собираются с земских плательщиков медленно и взыскание земских сборов крайне неблагонадёжно в текущем году»[6]. В целом по губернии только в 1889–1890 гг. задолженность уездных земств увеличилась на 200 тыс. руб.[7] Для взыскания недоимок земства прибегали к помощи администрации и полиции. В марте 1881 г. уфимский вице-губернатор сообщил губернской управе, что он отдал распоряжение белебеевскому уездному исправнику предпринять «указанные в законе меры к более успешному взысканию земских сборов»[8].

---

[1] См.: Сборник постановлений 1-го очередного Уфимского губернского земского собрания. Уфа, 1876. С. 20–22.

[2] *Веселовский Б.* История земства за 40 лет. СПб., 1909. Т. 1. С. 38.

[3] *Красильников М.П.* Земские оценки имуществ в Уфимской губернии. Уфа, 1913. Вып. I. С. 8.

[4] Там же. С. 15.

[5] ЦГИА РБ. Ф. И-132. Оп. 1. Д. 164. Л. 21; Д. 165. Л. 10.

[6] Там же. Д. 2592. Л. 55.

[7] Обзор Уфимской губернии за 1890 год. Уфа, 1891. С. 52.

[8] ЦГИА РБ. Ф. И-132. Оп. 1. Д. 2592. Л. 59.

Собранные налоги шли в бюджет. Их расходы подразделялись на обязательные, которые вносились в ежегодные земские сметы, и необязательные, включение которых зависело от решения собраний. В число обязательных входили расходы по дорожной повинности, на содержание земских учреждений, перевозку новобранцев, оспопрививание. К необязательным относились общественное призрение, медицинская помощь, народное образование[1].

Из обязательных расходов земств самыми значительными были траты на дорожную повинность. Уфимское губернское земское собрание первого созыва приняло на себя расходы по строительству и содержанию всех дорожных сооружений на почтовых трактах губернии общей протяженностью в 1191 версту[2]. В 1877 г. при доходе земств в 187 284 руб. 60 коп. их дорожные расходы составляли 25 919 руб.[3] или 13,7 %, а в 1878 г. они увеличились до 20,2 %[4] от общего бюджета земств. Тяжесть дорожных повинностей заключалась не только в денежных затратах. Как признавал в 1875 г. уфимский губернатор И.Ф. Щербатский, в некоторых уездах участки дорог, отведённые крестьянам для ремонта, находились в 200 верстах от их места жительства[5].

В число дорожных расходов земств входило также устройство и содержание мостов и паромных переправ. На такую меру земство вынуждено было пойти потому, что вплоть до середины 1880-х гг. значительное число переправ через реки принадлежало жителям близлежащих селений. В одном только Бирском уезде в их руках находилась 21 переправа[6]. С пользующихся паромом лиц, если они не являлись жителями данных селений, взималась плата. Её размер определялся по договоренности, а иногда назначался произвольно. К тому же в большинстве случаев крестьяне предпочитали сдавать переправы в аренду. На сельском сходе они выторговывали себе арендную плату и бесплатное пользование паромом, в результате арендаторы получали право бесконтрольного грабежа всех остальных лиц, пользовавшихся переправой. «Завладев ... переправой, – писал председатель Стерлитамакской уездной управы губернатору, – арендатор строит на этом пункте шаткий мост или кое-как сбитый плот, обзаводится двумя т. н. «душегубками» и становится неограниченным властелином, до нитки обирающим каждого проезжающего. Везёт мужик на базар мешок муки – плати двугривенный, нет – сыпь муку; везет башкир дров на 40 коп. – плати гривну, нет денег – отберет топор»[7].

Подобные злоупотребления были настолько массовыми, что привлекли внимание администрации. Уфимский губернатор обратился к уездным земствам с предложением о передаче переправ в их ведение. Земские управы потребовали от владельцев и арендаторов установить твердую плату за пользование переправами. При отказе от этих условий земства выкупали паромные переправы. Так, Стерлитамакская земская

---

[1] См.: Сметы губернского земского сбора по Уфимской губернии на 1876 год. Уфа, б. г. С. 2–9.
[2] *Герасимов В.Ф.* Очерк деятельности Уфимского губернского земства. Уфа, 1914. С. 36.
[3] Смета и раскладка губернского земского сбора по Уфимской губернии на 1877 г. Уфа, 1877. С. 6, 20.
[4] Там же. С. 2, 6.
[5] См.: Сборник постановлений первого уфимского губернского земского собрания. С. 3.
[6] ЦГИА РБ. Ф. И-132. Оп. 1. Д. 166. Л. 16–23.
[7] Там же. Л. 28.

управа выкупила в 1885 г. частную переправу за 1000 руб.[1] Содержание переправ обходилось земствам довольно дорого. В 1888 г. Бирское земство израсходовало на устройство и содержание мостов и переправ 3382 руб. Златоустовскому земству в 1884–1886 гг. обошлось это в 10 845 руб. 56 коп.[2]

Народное образование относилось к необязательным или второстепенным расходам. Но земства губернии не хотели мириться с таким отношением к просвещению, «ограничивая расходы по другим предметам, земские собрания не только принимали без всяких возражений исчисленные управами расходы на народное образование, но ещё и значительно увеличивали их. Земства не только оказывали пособие существующим начальным школам и учреждали новые сельские школы. Они стремились и к удовлетворению потребностей населения в среднем образовании»[3]. Однако вклад уездных земств в развитие народного просвещения не был одинаков. Так, в смете Уфимского уездного земства расходы на просвещение колебались от 13,3 % в 1877 г. до 13,1 % в 1890 г.; Бирского – от 22 в 1877 г. до 11,3 % в 1890 г.; Белебеевского – от 15,9 до 14,1 %; Мензелинского – от 21,8 до 19 %; Стерлитамакского – от 15,1 до 14,1 %; Златоустовского – от 30,6 в 1877 г. до 22 % в 1890 г.[4] К 1890 г. происходило сокращение выделяемых средств на образование.

Здравоохранение также относилось к необязательным расходам земств. Их вклад и здесь был не стабилен. Так, в смете Уфимского уездного земства расходы на медицинскую помощь населению колебались от 20 в 1877 г. до 21 % в 1890 г.; Бирского – от 34 до 27,2 %; Мензелинского – от 25,6 до 27,4 %; Белебеевского – от 39,4 до 20 %; Стерлитамакского – от 27,5 до 29,4 %; Златоустовского – от 30,4 % в 1877 г. до 27,6 % в 1890 г. В целом расходы земств на здравоохранение были несколько выше, чем на просвещение. Однако выделяемых средств всё равно не хватало для медицинского обслуживания населения губернии. В 1898 г. на одного врача приходилось от 38,9 тыс. чел. в Златоустовском уезде до 65 тыс. чел. – в Бирском[5].

Хронически испытывая денежные затруднения, земства вместе с тем тратили большие суммы на финансирование собственных учреждений. В 1877 г. 39 493 руб. 73 коп. или 21 % общего бюджета были выделены на содержание губернской управы[6].

Земства Уфимской губернии с самого начала были поставлены под контроль губернской администрации. Многие постановления земских собраний вступали в силу лишь после утверждения их губернатором. Он мог исключить из числа гласных неугодную ему кандидатуру, как произошло с председателем Стерлитамакского уездного земского собрания чиновником Кавецким[7]. В то же время сами земства, не располагая достаточным исполнительским аппаратом, обращались за помощью к губернатору и полиции.

[1] ЦГИА РБ. Ф. И-132. Оп. 1. Д. 166. Л. 26.
[2] Там же. Д. 169. Л. 5, 10.
[3] Сборник постановлений 1-го очередного Уфимского губернского земского собрания. С. 8.
[4] *Веселовский Б.* Указ. соч. С. 724.
[5] Там же. С. 687, 696.
[6] Смета и раскладка губернского земского сбора по Уфимской губернии на 1877 г. С. 14–16.
[7] Сборник постановлений 1-го уфимского губернского земского собрания. С. 8.

Несмотря на зависимость земств от администрации и засилье в них представителей господствующего класса, они сыграли положительную роль в решении местных хозяйственных и культурных вопросов. Большинство сельских школ в губернии было обязано своим существованием земству. Оно выделяло средства на строительство и содержание сельских больниц и лечебных пунктов, медицинского персонала. Земство способствовало развитию кустарной промышленности, расширению путей сообщения, строительству мостов и дамб. Велика была роль земств в статистическом изучении хозяйства края. В Оренбургской губернии земства были введены только в канун Первой мировой войны.

Городская реформа. Поставленная правительством Александра II цель ускоренного экономического развития России, сопровождаемого неизбежной урбанизацией, требовали кардинальной реформы городского хозяйства. В 1862 г. последовал указ «об улучшении общественного управления во всех городах империи» по примеру Санкт-Петербурга. Министерство внутренних дел 26 апреля выпустило циркуляр о создании особых «комиссий из наиболее опытных и сведущих лиц, с приглашением в оные депутатов от всех сословий», полученный Оренбургским генерал-губернатором в мае 1862 г.[1] В 1866 г., согласно изданным правилам, на Южном Урале были упразднены магистраты и ратуши, дела передавались думам, а в небольших городах старостам.[2]

Окончательная реорганизация городской власти на основе всесословного имущественного ценза произошла в ходе реформы 1870 г. По закону от 16 июня органы управления – думы и управы – выбирались населением по трём разрядам. Избирательным правом наделялись лица, обладавшие недвижимостью или занимавшиеся торгово-промышленной деятельностью. Отказ от образовательного ценза привёл к исключению из рядов избирателей городской интеллигенции.

В городах с населением более 10 тыс. человек в первую группу избирателей входили владельцы собственности стоимостью не менее 7 тыс. руб. (купцы 1-й гильдии), во вторую – от 3 до 7 тыс. руб. (купцы 2-й гильдии), в третью – менее 3 тыс. руб., лица, торгующие по промысловым свидетельствам и билетам. В городах с меньшим числом жителей устанавливалась более низкая стоимость недвижимости[3].

В число городов, где Городовое положение 1870 г. вступало в силу незамедлительно, входила Уфа, как губернский центр. 5 августа 1870 г. губернатору было предписано провести подготовительные мероприятия для организации городского общественного управления по новому закону, 13 августа Уфимская дума приступила к составлению списка лиц, имеющих право голоса в избирательных собраниях по новой «трёхразрядной системе»[4].

Выборы в Уфимскую городскую думу проводились с 25 ноября по 7 декабря 1870 г. При 20 166 жителях общая численность избирателей составила всего

---

[1] ГАОО. Ф. 6. Оп. 6. Д. 13816. Л. 10; Материалы, относящиеся до нового общественного устройства в городах империи. СПб., 1877. Т. 1. С. 3–30.

[2] ГАОО. Ф. 6. Оп. 6. Д. 14073. Л. 2; ЦГИА РБ. Ф. И-332. Оп. 1. Д. 2. Л. 10.

[3] Материалы, относящиеся до нового общественного устройства в городах империи. СПб., 1878. Т. 2. С. 111–112.

[4] ГАОО. Ф. 6. Оп. 8. Д. 209. Л. 5, 9, 15.

1275 человек. Причём в первый разряд вошли 31 избиратель, во второй – 118, в третий – 1126. От каждого разряда выбиралось по 23 гласных (депутата), всего 69 чел.[1] С 1879 г. число гласных Уфимской думы увеличилось до 72. Проведение первых всесословных выборов сопровождалось немалыми трудностями: отсутствие разъяснительной работы в ходе подготовки, процедура выдвижения кандидатов в гласные, несовершенная техника голосования, а, главное, пассивность самих избирателей. На выборы гласных в Уфе в 1870 г. пришло всего 309 человек[2], что составило 24 % от общего числа лиц, получивших право голоса, и незначительное меньшинство всего городского населения. В состав Уфимской городской думы было избрано 38 купцов, 17 дворян, священник, 9 мещан, ахун и три крестьянина[3]. Значительный перевес получила торговая буржуазия.

В декабре 1870 г. в Уфе состоялись первые собрания гласных для выборов членов городской управы (исполнительного органа). Городским головой стал уфимский купец 2-й гильдии П.В. Попов, а членами управы коллежский асессор А.С. Листовский, купец 2-й гильдии Д.Л. Кондратьев, купеческий сын В.С. Глазырин, секретарём – С.Г. Челноков. Годовой размер содержания был назначен городскому голове – 2 тыс. руб., членам и секретарю по 1 тыс. руб.[4] 30 декабря 1870 г. Министр внутренних дел утвердил весь состав уфимской управы, а 26 января 1871 г. они приступили к исполнению своих обязанностей[5].

Вслед за Уфой изъявили желание ввести у себя городские учреждения и уездные центры, «в полной мере оценившие выгоды, представленные новым порядком, а также разные права и обязанности, соединённые с ним»[6]. На собраниях городских обществ принимались решения о необходимости введения Положения 1870 г., которые поступали губернатору, и последний, после согласия Министерства внутренних дел, дозволял городским думам и упрощённым общественным управлениям уездных городов приступить к проведению выборов в органы власти в соответствии с новым законоположением[7].

В 1871 г. реформа прошла в одном городе Уфимской губернии – Уфе, в 1872 г. – в Мензелинске, Стерлитамаке и Бирске, в 1874 г. – в Белебее и Златоусте. В 1871–1872 гг. думы и управы были открыты в городах Оренбургской губернии (кроме Илецка)[8]. Оренбургским городским головой был избран статский советник Оголин, а после его смерти купец Н.В. Ладыгин[9].

Деятельность городского самоуправления ограничивалась хозяйственными вопросами: благоустройство города, его санитарное состояние, исправное содержание

---

[1] ГАОО. Ф. 6. Оп. 8. Д. 209. Л. 47.
[2] РГИА. Ф. 1287. Оп. 38. Д. 1231. Л. 37.
[3] *Емалетдинова Г.Э.* Городское самоуправление на Южном Урале во второй половине XIX – начале XX вв. Уфа, 2003. С. 181.
[4] ГАОО. Ф. 6. Оп. 8. Д. 209. Л. 47.
[5] Там же. Л. 48.
[6] Там же. Ф. 10. Оп. 9 (III). Д. 76. Л. 5.
[7] Там же. Ф. 6. Оп. 6. Д. 14269. Л. 1–10.
[8] *Емалетдинова Г.Э.* Указ. соч. С. 182.
[9] ГАОО. Ф. 6. Оп. 6. Д. 209. Л. 37, 89.

мостов и переправ через реки, попечение о местной торговле и промышленности, устройство базаров, общественное призрение, вопросы здравоохранения и народного образования.

Бюджет городских дум формировался за счёт налогов с недвижимого имущества, торговых и промышленных заведений и т. д. В 1875 г. общий доход Уфы составил 55 530 руб., а расходы – 74 511 руб. Из них на благоустройство города (ремонт зданий, шоссирование улиц, поддержание чистоты, освещение) было ассигновано 18 895 руб., на содержание двух приходских училищ, Мариинского женского училища и женской гимназии – 2419 руб. Ещё меньшая сумма поступила на медицинскую помощь жителям Уфы. Содержание врача, двух оспопрививателей и повивальных бабок обошлось в 377 руб. В то же время на содержание самой городской управы было израсходовано 18 284 руб., на нужды суда, полиции и пожарных команд – 18 529 руб.[1]

Городская реформа в известной мере отвечала потребностям буржуазного развития городов Башкортостана, в которых развивались промышленность и торговля, улучшалось благоустройство, постепенно росло финансирование образования и здравоохранения. Вместе с тем реформа не была до конца последовательной. Городские учреждения находились под контролем губернской администрации, не могли свободно распоряжаться своими скудными денежными средствами, не имели принудительной власти и для исполнения своих распоряжений прибегали к помощи полиции.

Судебная реформа. В 1864 г. в России началось проведение судебной реформы, в основу которой были положены принципы буржуазного права западноевропейских стран. В 1870 г. с просьбой о скорейшей реформе суда в Оренбургской губернии обратился к правительству губернатор Г.М. Боборыкин. Её необходимость он обосновывал тем, что старая судебная система усиливает в населении «элементы развращающего своеволия»[2]. На формализм и медлительность существующего судопроизводства указывали уфимские губернаторы С.П. Ушаков, заявивший, что в 1871 г. из 3854 дел суды рассмотрели только 2185[3], и И.Ф. Щербатский, обратившийся в 1874 г. к Александру II с просьбой об упразднении старых судов, так как «неудовлетворительный личный состав» и недостаточное материальное вознаграждение судей способствуют злоупотреблениям с их стороны и ведут к потере уважения к ним со стороны населения. Преобразования предлагалось начать с введения мировых судов, «эта мера даст населению суд ему понятный и скорый взамен существующих уездных судов, несостоятельность которых заставляет желать скорейшего их упразднения»[4].

После длительной переписки между администрацией края и правительством последовал указ Александра II Сенату, предписывающий «во второй половине 1878 г. приступить к введению мировых судебных установлений, отдельно от общих, в гу-

---

[1] Обзор деятельности городского управления и положения хозяйства г. Уфы с 1870 по 1881 год. Уфа, 1881. С. 191–193.

[2] ГАОО. Ф. 10. Оп. 9. Д. 34. Л. 15 об.

[3] РГИА. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 3600. Л. 346–347.

[4] Там же. Д. 3794. Л. 265.

берниях Уфимской, Оренбургской и Астраханской». В соответствии с ним территория Оренбургской губернии делилась на 5 мировых округов, Уфимской – на 6. На некоторых участках кроме участкового и почетного мировых судей были также добавочные. Так, в Оренбургской губернии в 1878 г. помимо 30 участковых судей имелось 5 добавочных. Они наделялись такими же правами как участковые и заменяли их в случае необходимости. Почетный мировой судья проводил разбирательство дел, когда обе стороны обращались к его посредничеству[1].

Кандидаты в мировые судьи должны были иметь образование не ниже среднего, стаж судебной практики не менее 3 лет, возраст не моложе 25 лет, движимое или недвижимое имущество. В 1878 г. свои кандидатуры в мировые судьи выдвинули: по Уфимскому уезду – 97 человек, Стерлитамакскому – 21, Бирскому – 43, Мензелинскому – 30, Златоустовскому – 13, Белебеевскому – 33 чел. Помещиками с земельными владениями от 320 дес. были 230 кандидатов в мировые судьи по Уфимской губернии, семеро являлись владельцами домов, заводских и фабричных построек, стоимостью от 3 тыс. руб. и выше.[2] Минимальный земельный ценз, баллотировавшихся в мировые судьи Оренбургской губернии, колебался от 350 до 475 дес. Выборы мировых судей в Уфимской губернии проводились на уездных земских собраниях, после чего они утверждались в должности Сенатом. В Оренбургской губернии, где земств не было, правительство учредило временный губернский комитет по выборам мировых судей под председательством губернатора. В него вошли предводители губернского и оренбургского уездного дворянства, городской голова Оренбурга, губернский прокурор, председатель палаты уголовного и гражданского суда, непременный член губернского по крестьянским делам присутствия и старший член хозяйственного правления Оренбургского казачьего войска[3].

Участковый мировой судья получал годовое жалованье в 2,7 тыс. руб., добавочный – 1,5 тыс. руб., почетный судья исполнял свои обязанности безвозмездно. Мировые судьи рассматривали гражданские дела по искам, не превышавшим 500 руб., и мелкие уголовные преступления, за которые полагалось наказание в виде лишения свободы на срок не свыше года, арест до 3 месяцев или штраф до 300 руб.

Апелляционной инстанцией по пересмотру приговоров участковых судей был съезд мирового округа. В Уфимской губернии первый съезд состоялся 28 февраля 1879 г., в Оренбургской – в январе 1882 г.[4] На съездах Уфимского мирового округа в апреле-сентябре 1879 г. по жалобам на участковых судей было рассмотрено 85 дел. Из них 32 дела было решено в пользу обвиняемых, 7 отложено, 46 приговоров оставлено без изменения[5]. Таким образом, приговоры мировых судей не всегда являлись окончательными.

Образование института мировых судей являлось лишь частичной реализацией судебной реформы. Поэтому общественность края в 1880-х гг. неоднократно обращалась

[1] Оренбургские губернские ведомости. 1878. 27 мая.
[2] Уфимские губернские ведомости. 1878. 19 августа; 2, 16 сентября.
[3] Оренбургские губернские ведомости. 1878. 27 мая.
[4] Там же. 1882. 9 января.
[5] Уфимские губернские ведомости. 1879. 21 июля; 18 августа; 29 сентября.

к правительству с просьбой ускорить процесс её завершения. В 1894 г. был издан указ «О введении судебной реформы в полном объеме в Уфимской и Оренбургской губерниях», по которому губернские палаты уголовного и гражданского суда упразднялись, а вместо них создавались три окружных суда в Оренбурге, Уфе и Троицке, являвшиеся судами первой инстанции по уголовным и гражданским делам. Окружные суды состояли из председателя, его товарища (заместителя) и членов (в Уфе – 11, Троицке – 7, Оренбурге – 5 чел.), двух секретарей, их помощников и судебных приставов[1]. Однако дела подсудимых в окружных судах решались без участия в них присяжных заседателей, институт которых был введен в Башкирии только в 1898 г. одновременно с адвокатурой. Присяжными заседателями могли быть лица, владевшие недвижимым имуществом, оцененным от 500 до 2000 руб., или годовым доходом от 400 до 1000 руб., земельным наделом не менее 100 дес., а также купцы 1-й и 2-й гильдий. Подавляющее большинство крестьян и рабочих не могли попасть в число присяжных.

Непоследовательность правительства в проведении судебной реформы в крае проявилась и в том, что здесь не были учреждены судебные палаты, которые по закону являлись апелляционной инстанцией по пересмотру дел, решенных в окружном суде без участия присяжных заседателей. Применительно к Уфимской губернии ее роль стала исполнять Казанская судебная палата, а Оренбургской – Саратовская судебная палата. В каждой из них вводилась должность товарища прокурора по башкирским делам[2].

Судебная реформа начала проводиться в Башкортостане позже, чем в центральной России, а реализация затянулась на многие годы с отступлениями от положений уставов. Ведение судопроизводства на русском языке затрудняло нерусским народам края возможность отстаивать свои интересы. Однако при всех отличиях и несовершенстве реформа была значительным шагом вперед. Она ввела такие судебные учреждения и судебные порядки, которые ограничивали произвол и обеспечивали минимум законности, необходимой для буржуазного развития края.

Военная реформа. Крымская война 1853–1856 гг. и отмена крепостного права в стране поставили вопрос о преобразовании армии. Изменения коснулись в первую очередь комплектования. Согласно воинскому уставу от 1 января 1874 г., рекрутские наборы заменялись всеобщей воинской повинностью. Денежный выкуп и замена призываемого другим лицом запрещались. Срок службы в армии определялся в 15 лет (6 лет действительной службы и 9 лет в запасе), во флоте – 10 лет (7 лет действительной службы и 3 года в запасе). Учреждения по набору рекрутов передавали свои функции вновь образованным воинским присутствиям. Председателем губернского воинского присутствия назначался губернатор, уездных – председатели уездных земских управ или предводители дворянства. Кроме них в уездное по воинской повинности присутствие входили мировой посредник, представитель от военного ведомства, уездный исправник, военный приёмщик[3].

---

[1] РГИА. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 5203. Л. 596.

[2] *Ишкулов Ф.А.* Судебно-административная реформа в Башкортостане. Уфа, 1994. С. 79, 93.

[3] ГАОО. Ф. 188. Оп. 1. Д. 4. Л. 1; Ф. 6. Оп. 6. Д. 14420/а. Л. 27, 35; ЦГИА РБ. Ф. И-11. Оп. 1. Д. 263. Л. 43, 53, 57, 142.

По новому воинскому уставу уезды Уфимской губернии были разбиты на призывные участки от трех – в Златоустовском до десяти – в Бирском уездах, а в Оренбургской губернии от двух – в Троицком и Верхнеуральском до восьми – в Оренбургском уездах[1]. Призыв на службу начинался 1 ноября и заканчивался 15 декабря. Его длительность представители администрации края объясняли обширностью уездов, многочисленностью призывных пунктов и их удаленностью друг от друга[2].

Контингент призыва определялся ежегодно. Его распределение между губерниями производил Министр внутренних дел, а между участками губерний – казённые палаты под руководством губернаторов[3]. По каждому призывному участку составлялись списки лиц мужского пола, достигших 21 года, с указанием образования и вероисповедания. Затем из них исключали лиц, не прошедших медицинскую комиссию по состоянию здоровья. Некоторым из оставшихся призывников предоставлялись льготы. По семейному положению они давались единственному сыну у родителей, единственному кормильцу в семье при малолетних братьях и сестрах, а также тем призывникам, у которых старший брат находился в армии или отбыл срок действительной службы. Льготы по образованию устанавливались двоякого рода: отсрочка от призыва до окончания полного курса средних и высших учебных заведений и сокращение действительной службы сообразно полученному образованию. От действительной воинской службы в мирное время освобождались врачи, преподаватели высших и средних учебных заведений, учителя начальных народных училищ. Всех их зачисляли в ополчение[4]. Льготники служили от 6 месяцев до 4 лет в зависимости от полученного образования. Однако среди призванных в 1874 г. в Уфимской губернии таких было немного: окончивших гимназию и имевших право служить полтора года – один, получивших образование в уездных училищах с правом служить три года – 9, имевших свидетельства о начальном образовании с правом служить четыре года – 2. Из остальных призванных на службу 191 умели читать и писать или только читать, а 2702 были совершенно неграмотны[5].

Среди оставшихся проводилась жеребьевка. Её необходимость вызывалась тем, что ежегодному призыву подлежало гораздо больше людей, чем требовалось для комплектования армии и флота. Так, в 1874 г. в призывные списки по Оренбургской губернии было внесено 7484 чел. Между тем для нужд армии требовалось от неё всего 1506 чел.[6] По Уфимской губернии, обязанной поставить 2917 новобранцев, в призывные списки было занесено всего 13 754 чел.[7]

Призывников, не попавших по жребию на действительную службу, зачисляли в ополчение и делили на два разряда. Ратников ополчения первого разряда, признанных годными к военной службе, периодически созывали на сборы и обучали военному делу. Ратниками ополчения второго разряда считались ограниченно годные к во-

[1] Уфимские губернские ведомости. 1874. 12 октября; ГАОО. Ф. 6. Оп. 6. Д. 14420/а. Л. 27–32.
[2] РГИА. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 3794. Л. 259.
[3] Уфимские губернские ведомости. 1878. 28 января.
[4] Там же. 1875. 17 мая; ЦГИА РБ. Ф. И-11. Оп. 1. Д. 266. Л. 9; Д. 265. Л. 8.
[5] ЦГИА РБ. Ф. И-11. Оп. 1. Д. 263. Л. 67; РГИА. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 3794. Л. 288.
[6] ГАОО. Ф. 6. Оп. 6. Д. 14420/а. Л. 28.
[7] Уфимские губернские ведомости. 1874. 12 октября.

енной службе, единственные кормильцы в семье и учителя начальных народных школ. Их собирали лишь «в чрезвычайных обстоятельствах военного времени». Лица допризывного возраста, а также имевшие определенный образовательный ценз, могли поступать на действительную службу «вольноопределяющимися» и отбывать её на льготных условиях[1]. Тем самым открывался доступ к офицерским званиям выходцам из буржуазной и разночинной среды. Полностью освобождались от воинской службы только лица, занимавшие должности первых пяти классных чинов и духовенство[2].

В Уфимской губернии подавляющее большинство призванных на службу составляли крестьяне. В 1874 г. их насчитывалось 1786 чел., мещан и цеховых – 72, купцов – 7, почетных граждан – 1, дворян – 23 чел. и т. д. Среди призванных было 1686 башкир и татар, 959 русских, представители других национальностей[3].

С введением реформы башкиры наравне со всеми должны были нести военную службу в обычных частях. Это вызывало у администрации края опасение, что пользовавшиеся «с давних пор весьма важными льготами лично и по имуществу» башкиры, могут воспринять перемены как попытку изменить «внутренний строй их жизни». Для предотвращения возмущения башкир власти обратились за помощью к мировым посредникам, волостным старшинам, Оренбургскому муфтию и приходским муллам. В результате башкиры «совершенно безропотно, а иные даже с охотой являлись в призывные участки и поступали в войско, если кому выпадал такой жребий»[4]. Распространение всеобщей воинской повинности на башкир, мишарей и тептярей освободило их от уплаты особого военного сбора по 60 коп. с души, установленного Положением 14 мая 1863 г.[5]

Военная реформа облегчила комплектование армии и проведение мобилизации в случае войны. Льготами по образованию она создала стимул для распространения грамотности во всех слоях населения. Но и после военной реформы армия в основном комплектовалась из крестьян и городских низов, а офицерские кадры – из представителей господствующих классов.

К важнейшим преобразованиям 60-х гг. XIX в. относится и реформа народного просвещения. В результате ее проведения увеличилось число городских и сельских школ, оживилось гимназическое образование, появились специальные учебные заведения. Все это открывало детям имущих классов и разночинцев доступ к среднему и высшему образованию.

Реформы 1860–1870-х гг., начиная с отмены крепостного права, имели важное прогрессивное значение. Несмотря на свою непоследовательность и противоречивость, они знаменовали собой существенные изменения в экономическом и политическом строе России, создали условия для утверждения капитализма в стране.

---

[1] РГИА. Ф. 1263. Оп. 2. Д. 5446. Л. 644.
[2] ЦГИА РБ. Ф. И-11. Оп. 1. Д. 265. Л. 8, 10; Д. 266. Л. 70.
[3] РГИА. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 3794. Л. 288, 308.
[4] ГАОО. Ф. 6. Оп. 6. Д. 14420/а. Л. 99 об.
[5] Уфимские губернские ведомости. 1874. 19 января.

ГЛАВА 3

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ВЛАСТЬ И УПРАВЛЕНИЕ КРАЕМ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

§ 1. Губернские и уездные органы управления, общинно-волостная администрация

Во главе управления Уфимской и Оренбургской губерний, как и по всей России, стояли **губернаторы.** Они назначались и увольнялись по императорскому указу согласно представлению Министерства внутренних дел, считаясь «первыми блюстителями неприкосновенности верховных прав самодержавия». Кандидатуры на губернаторскую должность подбирались непосредственно царём в соответствии со строгим набором требований (потомственное дворянство, высокий военный или гражданский чин, образование, опыт государственной службы, вероисповедание и пр.) из числа правящей элиты Российской империи и являлись личными представителями царя в регионе.

Губернаторы нередко перемещались из одной губернии в другую, верховная власть придерживалась принципа частой сменяемости кадров. В Уфимской губернии с 1865 по 1917 гг. из 14 руководителей края никто не пребывал в должности больше 6–7 лет. Среди уфимских губернаторов были военные (полковник И.Ф. Щербатский, генерал-майоры Л.Е.Норд и И.Н. Соколовский), крупные гражданские чиновники, работавшие на второстепенных должностях, для которых назначение в Уфу стало вершиной служебной карьеры (вице-губернаторы: оренбургский С.Г. Аксаков, самарский С.П. Ушаков, воронежский В.Д. Левшин, таврический Л.Е. Норд), а также опытные администраторы, уже управлявшие другими регионами России (губернаторы: новгородский и архангельский П.А. Полторацкий, эстляндский и новгородский П.П. Башилов)[1].

Согласно «Общему наказу гражданским губернаторам», уставам, циркулярам и инструкциям, определявшим их полномочия, они непосредственно руководили всей разветвлённой системой государственных органов на местах, осуществляли подбор и назначение кадров, жёстко контролировали деятельность земского и городского самоуправления. Губернаторской ревизии в крае не подлежали только таможни, отделения Государственного банка и горные учреждения.

---

[1] *Кантемирова Р.И.* Государственное управление в Уфимской губернии во второй половине XIX – начале XX вв. Уфа; Стерлитамак, 2000. С. 76–78.

Губернаторы Уфимской губернии

Ф. И. О.	Дата назначения губернатором
Сергей Григорьевич Аксаков	11 июля 1865 г.
Сергей Петрович Ушаков	19 февраля 1867 г.
Ипполит Фёдорович Щербатский	2 марта 1873 г.
Владимир Дмитриевич Левшин	2 июля 1876 г.
Павел Платонович Шрамченко	11 августа 1880 г.
Николай Петрович Щепкин	23 января 1882 г.
Пётр Алексеевич Полторацкий	23 июня 1883 г.
Лев Егорович Норд 2-й	10 марта 1889 г.
Николай Христофорович Логвинов	февраль 1894 г.
Николай Модестович Богданович	29 октября 1896 г.
Иван Николаевич Соколовский	28 мая 1903 г.
Болеслав Павлович Цехановецкий	26 ноября 1905 г.
Александр Степанович Ключарёв	декабрь 1905 г.
Пётр Петрович Башилов	28 февраля 1911 г. (по 6 марта 1917 г.)

Источники: РГИА. Ф. 1284. Оп. 44. Д. 68. Л. 9–11; Д. 695. Л. 6; Оп. 45. Д. 90. Л. 2; Оп. 47. Д. 212. Л. 142–202; Оп. 52. Д. 1861. Л. 1; ГАОО. Ф. 6. Оп. 6. Д. 14112. Л. 1; Д. 14642. Л. 1; ЦГИА РБ. Ф. И-9. Оп. 1. Д. 500. Л. 23; Ф. И-11. Оп. 1. Д. 1313. Л. 269; Альманах современных русских государственных деятелей. СПб., 1897. С. 716–717; Уфимские губернские ведомости. 1905. 26 ноября.

Власть губернатора охватывала практически все основные стороны социально-экономической жизни региона, от обеспечения народного продовольствия, безнедоимочного поступления налогов до надзора за благотворительными заведениями, исполнения правил уставов о промышленных и фабричных заведениях, пожарного и строительного. Как высшее должностное лицо, губернатор контролировал и направлял деятельность правоохранительных органов (суды, полиция и жандармерия)[1], осуществлял предварительную цензуру местной прессы (введено уфимским губернатором С.П. Ушаковым в июне 1867 г.)[2]. В периоды политических кризисов полномочия губернаторов возрастали. Закон от 14 августа 1881 г. «О мерах по охранению государственного порядка и общественного спокойствия», изданный после убийства императора Александра II, предусматривал введение в регионах режима усиленной охраны. Губернаторы получили право «воспрещать всякие народные, общественные и даже частные собрания, делать распоряжения о закрытии всяких торговых и промышленных заведений»[3]. В чрезвычайных условиях первой русской революции по приказу губернатора могли арестовать на срок до одного месяца любого жителя по подозрению «в причастности к преступному сообществу». Он также имел право запрещать хранение, ношение и продажу оружия[4].

---

[1] *Кантемирова Р.И.* Указ. соч. С. 42–48.

[2] ПСЗ II. Т. 62. Отд. 1. № 44691.

[3] РГИА. Ф. 1276. Оп. 17. Д. 19. Л. 4.

[4] Уфимские губернские ведомости. 1906. 3 января.

В случае отсутствия губернатора его должность исправлял **вице-губернатор**. При болезни, отсутствии или увольнения губернатора, если при этом нет и вице-губернатора, управление краем возлагалось на председателя казённой палаты или на управляющего палатою государственных имуществ по старшинству чинов[1].

Губернатор управлял регионом с помощью коллегиального учреждения – **губернского правления**. Уфимское губернское правление, учреждённое в 1865 г., состояло из общего присутствия во главе с губернатором и канцелярии, руководимой вице-губернатором. В общее присутствие входили также советники, губернские врачебный инспектор, инженер и архитектор, другие чиновники[2]. Губернское правление имело типографию, архив, штат канцелярских служителей, при нём состояли губернский землемер и чертёжная с особыми уездными землемерами[3].

Губернское правление доводило до сведения подчиненных учреждений законы, следило за исполнением распоряжений губернатора, руководило деятельностью полицейских учреждений, занималось решением административных и хозяйственных вопросов, контролировало тюрьмы, судопроизводство, переселение, сбор налогов и т. д. Дела решались на заседаниях общего присутствия правления (в среднем 20 раз в месяц, где заслушивалось до 60 дел)[4]. Например, в январе 1880 г. правление рассматривало вопрос о продаже земли, разбирались рапорты уездных исправников, жалобы на медлительность в делах полицейских чиновников и т. п. Все постановления правления входили в силу только после утверждения губернатором.

Основные дела губернского правления были сосредоточены в канцелярии правления, осуществлявшей связь с вышестоящими органами. Сюда поступали указы Правительствующего Сената, журналы заседаний комитетов, комиссий, различная переписка, секретные бумаги, приказы губернатора, формулярные списки о службе чиновников и т. д. Канцелярия осуществляла сбор всевозможных статистических сведений, касающихся различных сторон жизни губернии, которые затем представлялись в хозяйственный департамент Министерства внутренних дел и Центральный статистический комитет. Эти сведения публиковались в приложениях к губернаторским отчётам. Местному административному аппарату была свойственна крайняя медлительность в производстве исполняемых дел. Анализ прохождения документации в губернских учреждениях показывает, что поступающие прошения, ходатайства и жалобы сплошь и рядом не рассматривались из года в год по несколько лет, а иногда и десятилетий. Большое количество дел, волокита с обилием всевозможных бумаг, которые плодились во всех губернских учреждениях, всё это тормозило должное исполнение чиновниками своих обязанностей. По свидетельству современников, каждая деловая бумага фиксировалась в шести книгах и переходила из рук в руки около 20 раз, а губернатор подписывал в среднем до 70 документов ежедневно[5].

---

[1] РГИА. Ф. 1284. Оп. 44. Д. 244. Л. 1.
[2] ЦГИА РБ. Ф. И-9. Оп. 1. Д. 679. Л. 78.
[3] Адрес-календарь Уфимской губернии на 1873 год. Уфа, 1874. С. 2.
[4] ЦГИА РБ. Ф. И-8. Оп. 1. Д. 100. Л. 1–93.
[5] *Кантемирова Р.И.* Указ. соч. С. 85.

Непосредственно губернатору и губернскому правлению подчинялись местные **полицейские органы**. В соответствии с «Временными правилами об устройстве полиции» от 25 декабря 1862 г. в Уфе, как в губернском городе, существовало городское полицейское управление, а в уездах – уездные полицейские управления[1]. По штатному расписанию 1906 г. городское полицейское управление насчитывало 120 служащих лиц[2]. Для усиления надзора за благонадежностью жителей Уфа делилась на полицейские части, а последние – на кварталы. Руководил городским полицейским управлением полицмейстер.

Губернское правление осуществляло также надзор за расположенными на территории губернии тюрьмами. К концу XIX в. в Уфимской губернии насчитывалось 6 тюремных замков и 62 этапных дома, а также исправительное арестантское отделение[3].

Главным инструментом правительства по преследованию революционного движения была **жандармерия**. Губернское жандармское управление вело наблюдение за благонадежностью граждан, проводило следствия по политическим делам, осуществляло надзор за лицами, выступавшими против самодержавного строя, прежде всего за государственными служащими местных органов управления. В канцелярии управления было заведено огромное количество дел о политической благонадёжности должностных лиц администрации. Проверялись буквально все: члены губернского правления, канцелярские служители и даже продавцы «питей в казённых винных лавках»[4].

Губернская администрация принимала различные меры в связи с ростом политической активности масс. Например, уфимский губернатор В.Д. Левшин в 1878 г. сообщал царю, что волнения среди башкиро-татарского населения по поводу слухов о насильственном обращении мусульман в христианство, которые были занесены из Казанской и Оренбургской губерний, устранены «путём простого вразумления и разъяснения означенного недоразумения»[5]. В 1897 г. без применения силы удалось прекратить волнения в Мензелинском и Белебеевском уездах, которые возникли в связи с проведением всеобщей переписи. Губернатор Н.М. Богданович сообщал, что недовольства населения, вызванные «невежеством и темнотой», прекращены благодаря деятельности администрации и полиции[6].

В борьбе с революционным подпольем губернская администрация, полиция и жандармерия применяли административную высылку, внезапные обыски, проверку писем, аресты и другие насильственные методы. В полицейском управлении существовало особое сыскное отделение, деятельность которого финансировалась из сметы Министерства внутренних дел.

---

[1] СЗ РИ. Т. 2, ч. 1. СПб., 1892. С. 639.
[2] ЦГИА РБ. Ф. И-9. Оп. 1. Д. 715. Л. 6.
[3] Памятная книжка Уфимской губернии 1889 г. Уфа, 1890. С. 79.
[4] См.: ЦГИА РБ. Ф. И-11. Оп. 1. Д. 1518. Л. 1–20.
[5] РГИА. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 4053. Л. 39.
[6] Там же. Д. 5324. Л. 1.

Большие усилия власть прилагала при подавлении первой российской революции. В докладе Николаю II уфимский губернатор А.С. Ключарёв так описывал свои действия: «Я приложил все старания к удалению из правительственных и общественных учреждений неблагонадёжных и вредных элементов. Дарованные Вашим Императорским Величеством милости относительно свободы слова, печати, собраний не остановили преступной деятельности врагов порядка. Напротив, они стали теперь более дерзкими и открыто исповедуют безумные теории. Возможно, скоро будет потрясение»[1].

Личность губернатора, как главы всего местного административного аппарата, проводника самодержавной политики в регионе становилась мишенью для революционеров. 6 мая 1903 г. в Уфе был убит губернатор Н.М. Богданович[2]. В мае 1905 г. было совершено покушение на жизнь губернатора И.Н. Соколовского, в январе 1906 г. тяжело ранен вице-губернатор А.И. Келеповский[3].

Губернатор был председателем ряда присутствий, комитетов и комиссий с различными задачами и уровнем полномочий. Их число доходило до полутора десятков. Эти учреждения являлись самостоятельными органами и дополняли деятельность губернского правления. В составе многочисленных «присутственных мест» были одни и те же лица. Например, председатель казённой палаты, входил в состав ещё одиннадцати учреждений, управляющий государственным имуществом – семи, председатель губернской земской управы и городской голова – девяти и т. д. Члены смешанных присутствий, обыкновенно, не имели вознаграждения за свою деятельность.

Во второй половине XIX – начале XX вв. в крае действовали **губернские административные учреждения**: присутствия по крестьянским, земским и городским, фабричным, податным, питейным делам, по воинской повинности, а также губернские комитеты – распорядительный, статистический, попечительства о народной трезвости, попечительное общество о тюрьмах, комиссия народного продовольствия и другие.

Уфимское губернское по крестьянским делам присутствие было образовано в 1865 г. Председателем был губернатор, в состав входили губернский предводитель дворянства, управляющий государственным имуществом, губернский прокурор, четыре дворянина-помещика и секретарь. Здесь рассматривались жалобы на действия мировых посредников, составлялись сметы расходов для найма частных землемеров, утверждались проекты распределения селений по волостям, рассматривались дела по увеличению или уменьшению повинностей[4] и др. С 1 октября 1894 г. оно было преобразовано в губернское присутствие с более представительным составом (губернатор, вице-губернатор, председатель Уфимского окружного суда, прокурор окружного суда, управляющий казённой палатой, начальник управления земледелия и государственного имущества, председатель губернской земской управы, управляющий отделением Крестьянского банка, окружной инженер, непременные члены присутствия

[1] РГИА. Ф. 1276. Оп. 17. Д. 19. Л. 6.
[2] ЦГИА РБ. Ф. И-11. Оп. 2. Д. 70. Л. 1–6.
[3] См.: Там же. Ф. И-187. Оп. 1. Д. 135; Уфимские губернские ведомости. 1906. 8 января.
[4] ЦГИА РБ. Ф. И-10. Оп. 1. Д. 9. Л. 1.

и секретарь)[1]. Губернское присутствие заслушивало отчёты земских начальников, разбирало их служебные проступки, руководило деятельностью комиссии по размежеванию башкирских дач и т. п.

28 июня 1870 г. открылось **Уфимское губернское по городским делам присутствие** под председательством губернатора. В него входили вице-губернатор, управляющий казенной палатой, исполняющий обязанности городского головы, губернский прокурор и другие[2]. Основной задачей губернского по городским делам присутствия сначала являлось составление списков лиц, имеющих право голоса на городских выборах, и распределение избирателей по разрядам в зависимости от уплачиваемых налогов. В дальнейшем присутствие контролировало деятельность городского самоуправления.

По положению 1864 г. для руководства хозяйственными делами местного значения учреждались земские органы самоуправления. Они состояли из распорядительных органов – **губернских и уездных земских собраний** и исполнительных – **губернских и уездных земских управ**, также находившихся под постоянным контролем губернской администрации, особенно после закона от 12 июля 1890 г. Председатель и члены управ были приравнены к чиновникам, усилился надзор за земствами. В помощь губернатору, следившему уже не только за «законностью», но и за «целесообразностью» действий земств, было учреждено по земским делам присутствие, с 1892 г. – **губернское по земским и городским делам присутствие**, состоявшее, главным образом, из чиновников.

Одним из учреждений, входивших в систему местных органов Министерства внутренних дел, являлись **почтово-телеграфные конторы** и их отделения, которые после 1885 г. были объединены в **Управление уфимского почтово-телеграфного округа**.

Финансовые реформы 1860-х гг. внесли изменения в организацию местных органов Министерства финансов: казённой палаты (высшего финансового учреждения губернии) и подчинённых ей казначейств. Уфимская казённая палата была образована в 1865 г. на основе бывшей оренбургской палаты[3]. Палата состояла из канцелярии и двух отделений: ревизского и казначейств. В конце XIX в. в Уфимской казённой палате числилось 23 чел. Ревизскому отделению поручалась организация и проведение переписей податного населения, рекрутских наборов. Канцелярия занималась личным составом казначейств.

Уфимская казённая палата ведала учётом населения, организацией сбора податей и взыскания недоимок, планировала все доходы, учитывала государственные расходы и составляла отчётность по ним, а также производила торги на казённые подряды и поставки, содействовала развитию торговли и промышленности. Законодательство обязывало руководство казённых палат все вопросы, связанные с деятельностью самих палат и подчинённых им органов, решать самостоятельно, а наиболее важные или спорные представлять на рассмотрение Министерства финансов[4].

---

[1] *Леонов Н.И.* Буржуазные реформы 60–70-х гг. XIX в. в Башкирии. Уфа, 1993. С. 27.

[2] *Емалетдинова Г.Э.* Городское самоуправление на Южном Урале во второй половине XIX – начале XX вв. Уфа, 2003. С. 67–70.

[3] ГАОО. Ф. 6. Оп. 8. Д. 222. Л. 13, 54–55.

[4] СЗ РИ. Т. 2, ч. 1. С. 1098.

В 1874 г. Уфимскому губернатору И.Ф. Щербатскому было направлено несколько циркуляров министра внутренних дел А.Е. Тимашева, в которых указывалось, что с введением всеобщей воинской повинности ревизские отделения казённых палат освобождались от дел о рекрутских наборах. Последние передавались вновь образованным **губернским по воинской повинности присутствиям**. В состав Уфимского губернского присутствия входили: губернатор, вице-губернатор, губернский предводитель дворянства, прокурор окружного суда, председатель губернской земской управы и другие[1].

Законом от 30 апреля 1885 г. при казённой палате была учреждена должность податных инспекторов. На них возлагался надзор за доходностью подлежащих обложению торгов и имуществ, а впоследствии – и надзор за сбором налогов вообще. Почти одновременно в губернии под председательством управляющего казённой палатой было создано **губернское по податным делам присутствие**, заведовавшее дополнительным сбором с торгов и промышленных предприятий. В ведении казённой палаты находились **губернское и уездные казначейства.** Они непосредственно занимались сбором налогов и пошлин, хранением, пересылкой и выдачей денежных средств, продажей всех видов гербовой бумаги и некоторыми другими операциями.

Сбором косвенных налогов занималось **губернское акцизное управление**. Акцизная система взимания налогов вводилась в стране законом от 1 января 1863 г. В состав акцизного управления входили управляющий, его помощник, ревизоры, особая канцелярия и другие. Глава губернского акцизного управления назначался министром финансов. Уфимское управление заведовало налоговыми поступлениями от производства и продажи вина, табака, сахара и некоторых других товаров. Акцизные органы выполняли функцию казенной продажи питей, введенную в Уфимской губернии губернатором Н.Х. Логвиновым 1 января 1895 г[2].

Согласно «Высочайше утверждённому 14 мая 1885 г. мнению Государственного Совета об изменении действующих правил о торговле крепкими напитками», в Уфимской губернии были созданы **губернские и уездные по питейным делам присутствия**, дававшие разрешения на открытие питейных заведений[3]. А 9 января 1895 г. был открыт Уфимский **губернский комитет попечительства о народной трезвости** под председательством губернатора. Совместно с уездными комитетами, он следил за правильностью продажи крепких напитков, отвлекал народ от пьянства посредством устройства читален, библиотек, концертов, развлечений[4]. В его состав входили начальники губернских учреждений, губернский предводитель дворянства, председатель и прокурор окружного суда, управляющий казённой палатой, представители губернских земских органов. Уездные комитеты под председательством уездных предводителей дворянства состояли из земских начальников, городских судей, управляющих заводов, а также крестьян.

---

[1] Календарь и справочная книжка Уфимской губернии на 1897 год. Уфа, 1898. С. 139.
[2] Уфимские губернские ведомости. 1896. 10 ноября.
[3] ЦГИА РБ. Ф. И-11. Оп. 1. Д. 1437. Л. 10, 52.
[4] Календарь и справочная книжка Уфимской губернии на 1897 год. С. 125.

Реформы государственного контроля привели к созданию самостоятельных местных органов. **Уфимская контрольная палата** была учреждена в 1866 г[1], она осуществляла ревизию касс и казначейств, наблюдала за сохранностью денежных средств. Контрольная палата, как государственное учреждение, принадлежала к ведомству Государственного контроля и была независима от губернаторов и других местных властей.

Важным звеном местного управления являлись учреждения Министерства юстиции. Указом от 20 ноября 1864 г., в стране были введены две системы **судебных учреждений:** суды с избираемыми судьями (мировые суды и съезды мировых судей) и суды с назначаемыми судьями (окружные суды и судебные палаты). В Уфимской губернии проведение судебной реформы началось в 1878 г.[2], в результате настойчивых ходатайств администрации и общественности края.

В 1890-е гг. в Оренбургской и Уфимской губерниях был проведён второй этап судебной реформы. Согласно новому положению мировые судьи были заменены земскими участковыми начальниками, а съезды мировых судей округа – уездными съездами земских участковых начальников[3]. Циркуляром министра внутренних дел И.Н. Дурново от 18 июля 1894 г. было предписано уфимскому губернатору Н.Х. Логвинову «вместо имевшихся в губернии раньше 32 мировых судей ввести 69 земских участковых начальников, а вместо 5 добавочных мировых судей городов – 9 городских судей». В результате проведения в жизнь указа 1894 г. административно-полицейская и судебная власть в Уфимской губернии была сосредоточена в руках назначаемых должностных лиц. Лишь в 1912 г. законом «О преобразовании местного суда» был вновь восстановлен институт мировых судей, в связи с чем у земских начальников судебные функции были изъяты, а должности городских судей стали упраздняться[4].

Среди местных должностных лиц Министерства народного просвещения центральной фигурой являлся **попечитель учебного округа**. Уфимская губерния вначале входила в состав Казанского, а с 1875 г. Оренбургского учебных округов[5]. Попечитель округа обладал большими полномочиями.

Рост количества средних и низших учебных заведений, наблюдение за направлением преподавания в них подтолкнули правительство законом от 14 июня 1864 г. создать губернские, уездные и городские **училищные советы**[6]. Они состояли из чиновников, представителей духовенства и земских органов. На училищные советы возлагалось управление начальными учебными заведениями, согласование деятельности различных ведомств по народному образованию. Чтобы улучшить контроль за школами местных народов и за деятельностью земских органов в области народного просвещения, 26 мая 1869 г. правительство учредило должность **инспектора народ-**

---

[1] ЦГИА РБ. Ф. И-142. Оп. 1. Д. 39. Л. 1.

[2] *Ишкулов Ф.А.* Судебно-административная реформа в Башкортостане. Уфа, 1994. С. 87.

[3] Там же. С. 122–123.

[4] Там же. С. 134.

[5] ГАОО. Ф. 6. Оп. 6. Д. 14045/8. Л. 57–59.

[6] *Ерошкин Н.П.* История государственных учреждений дореволюционной России. М., 1968. С. 249.

ных училищ. В 1871 г. в Казанском, а в 1875 г. и в Оренбургском учебных округах были учреждены особые должности инспекторов татарских, башкирских, казахских школ. В их обязанности входило обозрение мектебов и медресе, сбор сведений о них, составление и издание учебников на местных языках, надзор за постановкой учебной и воспитательной работы. Особое внимание инспекторы должны были обращать на открытие при мектебах и медресе, так называемых, русских классов[1].

Для сбора информации о населении, сельском хозяйстве, промышленности, народном образовании был учреждён **губернский статистический комитет** (уфимский с 1865 г.). Во главе его также находился губернатор, членами являлись вице-губернатор, предводитель дворянства, управляющий казённой палатой, городской голова и другие чиновники. Фактически работу вёл секретарь комитета, а статистические сведения с мест поставляли волостной и сельский аппарат. С 1860-х гг. выходили многочисленные справочные издания, адрес-календари, обзоры Уфимской губернии и другие издания.

Организация государственной службы в местных органах управления, принцип и порядок подбора, замещения государственных должностей были строго регламентированы. По законодательству Российской империи, при определении на государственную службу принимались во внимание сословное происхождение, возраст и уровень образования кандидата. Право поступления на гражданскую службу в административно-судебные органы имели дворяне, сыновья личных дворян, лиц, находившихся на государственной службе, купцов первой гильдии, ученых и художников. Запрещалось принимать на службу в административно-судебные органы лиц податных и других низших сословных групп без окончания учебного заведения, дававшего право на эту службу[2]. От лиц, имеющих право поступления в местные органы управления, требовалась элементарная грамотность, но уже при производстве в первый классный чин необходимо было сдать экзамен за курс уездного училища, что создавало для представителей нерусских народов губернии – башкир, татар, чувашей и других – фактические национальные ограничения, которые становились преградой при зачислении на службу, хотя в пятой статье «Устава о службе по определению от правительства» указывалось, что «различие вероисповедания или племени не препятствует определению на службу». Необходимо было знание русской грамоты, делопроизводство велось на русском языке, но к концу XIX в. только 0,6 % башкир и 2,7 % татар губернии владели русской грамотой[3], из которых немногие имели образование в размере уездного училища и могли претендовать на службу в местных государственных органах управления.

---

[1] *Фархшатов М.Н.* Народное образование в Башкирии в пореформенный период. 60–90-е годы XIX в. М., 1994. С. 42–43.

[2] СЗ РИ. Т. 3. Свод уставов о службе гражданской. СПб., 1892. С. 3; Устав о службе по определению от правительства. Т. 3. С. 3.

[3] *Фархшатов М.Н.* Указ. соч. С. 58.

Национальный состав аппарата местного государственного управления в Уфимской губернии в 1897 г.

Национальность	Количество чиновников			
	в городах	в уездах	Всего	
			в абс. цифрах	в % %
Башкиры	29	208	237	6,92
Татары	54	125	179	5,22
Русские	1616	1268	2884	84,18
Марийцы	3	21	24	0,7
Чуваши	2	21	23	0,67
Удмурты	1	7	8	0,23
Мордва	2	8	10	0,3
Прочие	43	18	61	1,78
Итого	1750	1676	3426	100

Источник: Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. XLV. Уфимская губерния. 1904. Тетрадь 2. С. 96–110.

По данным переписи 1897 г. в Уфимской губернии представители нерусских народов составляли 62 % от всего населения. В то же время в органах администрации, суда, полиции, на общественной и сословной службе их было всего 16 % от общего числа занятых там лиц, в том числе: башкир – 7 %, татар – 5 % и др. Русские же, занимая в составе населения губернии 38 %, в органах государственной власти были представлены 84 % служащих[1].

Таким образом, в Уфимской губернии система местного управления строилась на основе общих принципов, разработанных для губерний европейской части России. Управление губернией включало многообразные органы государственной власти, выполнявшие административные и судебно-полицейские функции, а центральным звеном был губернатор, который являлся председателем всех важнейших присутствий и комитетов с различными задачами и уровнем полномочий. Чиновниками многочисленных «присутственных мест» были одни и те же лица, стоявшие во главе правительственных учреждений.

Во второй половине XIX – начале XX вв. в Уфимской губернии **уездное управление** строилось по сословному принципу, который отстаивался местными дворянскими корпорациями, находившимися в ведении Министерства внутренних дел. Центральное место занимала фигура **предводителя дворянства**. Важную роль он играл и в системе местного управления в целом. Согласно указу от 24 июля 1867 г. уездный предводитель дворянства избирался сроком на три года местной дворянской корпорацией на уездном дворянском собрании[2], где могли присутствовать все дворяне, но право голоса имели только владевшие поместьями и старше 25 лет. В случае отсутст-

---

[1] Подсчитано по: Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. XLV. Уфимская губерния. 1904. Тетрадь 2. С. 96–110.

[2] ЦГИА РБ. Ф. И-11. Оп. 1. Д. 20. Л. 442.

вия или болезни предводителя, его должность исполнял кандидат на должность предводителя дворянства или депутат дворянского собрания. В Уфимской губернии насчитывалось пять уездных предводителей дворянства. В Бирском и Златоустовском уездах избирался один предводитель[1] из-за малого количества помещичьих земель и, следовательно, помещиков в этих уездах.

В своей деятельности предводители дворянства опирались на дворянские депутатские собрания и канцелярии. В обязанность уездных предводителей входило руководство присутствиями ряда учреждений. Уездные присутствия состояли из земских начальников, уездного исправника, председателя земской управы, податного инспектора и других. Уездному предводителю дворянства было предоставлено и общее руководство волостными учреждениями. Он имел право назначать и смещать волостных писарей, взыскивать и удалять от должности волостных старшин. Таким образом, руководство уездными присутствиями и волостными учреждениями сосредотачивало в руках предводителя дворянства все основные нити уездного управления.

Предводители дворянства в уездах Уфимской губернии традиционно являлись представителями наиболее родовитых и богатых дворянских фамилий – Новиковых, Кугушевых, Дурасовых и других. Так, например, в конце XIX в. родовое имение мензелинского уездного предводителя дворянства А.Н. Пасмурова занимало свыше 12 тыс. дес. земли. А владения предводителя дворянства Бирского и Златоустовского уездов А. Топорнина составляли 6426 дес[2]. Предводители жалованье не получали. Их положение было основано не на денежном довольствии, а на поместном землевладении. Участие предводителей дворянства в решении общих вопросов местного управления имело форму дворянской государственной службы, которая сохранилась вплоть до XX в. и являлась архаичным наследием крепостной эпохи.

В ведении Министерства внутренних дел находились уездные органы по управлению крестьянами. С образованием Уфимской губернии был создан **институт мировых посредников**. Он занимался введением уставных грамот между помещиками и крестьянами, а также разбором «недоразумений», споров и жалоб в поземельных отношениях. В принятых 19 февраля 1861 г. «Положениях о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости» указывалось, что крестьянские сословные должностные лица обязаны беспрекословно выполнять законные требования мировых посредников. Последние утверждали в должности волостных старшин, которых могли подвергать замечаниям, выговорам, денежным штрафам и арестам. Уездные съезды мировых посредников имели право отменять решения волостных судов[3].

В 1874 г. функции мировых посредников были переданы **уездному по крестьянским делам присутствию**, в состав которого входили: уездный предводитель дворянства (как председатель), исправник, председатель уездной земской управы и назначаемый правительством непременный член. Заседания уездных по крестьянским делам присутствий собирались не более одного раза в месяц[4]. На них разбирались дела адми-

[1] Календарь и справочная книжка Уфимской губернии на 1897 год. С. 182.
[2] ЦГИА РБ. Ф. И-9. Оп. 2. Д. 3. Л. 320.
[3] Там же. Ф. И-11. Оп. 1. Д. 20. Л. 73.
[4] РГИА. Ф. 1282. Оп. 2. Д. 9. Л. 12.

нистративного, судебного, хозяйственно-экономического характера, вопросы поземельного устройства крестьян, жалобы на взыскание податей и повинностей, споры о праве пользования и владения мирской землей. В уездах, где не было закончено размежевание башкирских земель, уездные по крестьянским делам присутствия занимались продажей и сдачей в аренду башкирских земель, а также разрешали споры о земельном владении между башкирами-вотчинниками и припущенниками.

Для уездных присутственных мест Уфимской губернии была свойственна крайняя медлительность в выполнении дел. Уездные присутствия порождали огромное делопроизводство и отличались формальным отношением к делу. Анализ прохождения документации в них показывает, что поступавшие прошения, ходатайства и жалобы сплошь и рядом не рассматривались по несколько лет, а иногда и десятилетий. Только в 1873 г. поступило в Уфимское губернское правление 98 жалоб на действия уездных присутственных мест и должностных лиц[1].

Законом от 12 июля 1889 г. уездные по крестьянским делам присутствия были заменены административно-судебными должностными лицами – **земскими участковыми начальниками.** Однако в Уфимской губернии этот закон был реализован значительно позже. Лишь в 1894 г. было принято положение «О приведении в действие законоположений от 12 июля 1889 г. о преобразовании местных крестьянских и судебных учреждений в губерниях: Астраханской, Олонецкой, Оренбургской и Уфимской», согласно которому волостные органы управления и суда полностью подчинялись участковым земским начальникам[2]. В 1894 г. Уфимская губерния была разделена на 69 участков, во главе каждого из которых стоял участковый земский начальник[3].

Должности земских начальников могли занимать местные потомственные дворяне, но в крае не находилось достаточного количества дворянства, поэтому Министерство внутренних дел назначало своих кандидатов. Для удобства земские участковые начальники были размещены в крупных селениях, заводах и городах. При каждом начальнике имелась канцелярия, состоявшая из трёх-четырёх канцелярских служителей. Действия земских начальников контролировались уездным съездом земских начальников и предводителем дворянства.

Земские участковые начальники получили право ревизии всех крестьянских учреждений, разрешали жалобы на лиц волостного и сельского управления, имели право устранять от должности писарей. Они осуществляли надзор за действиями старшин, старост, председателей волостных и шариатских судов, определяли круг вопросов, рассматриваемых на сельских сходах, утверждали гласных уездного земского собрания, волостных старшин и сельских старост. «Ненадёжных» лиц земские начальники могли отстранять от должности, даже если они были законно избраны населением[4]. Они же осуществляли контроль за наделением вотчинников и припущен-

---

[1] *Кантемирова Р.И.* Указ. соч. С. 138–139.

[2] ПСЗ II. Т. 52. № 57438.

[3] Список лиц, служащих по ведомству МВД в губерниях, областях и градоначальствах. СПб., 1903. Ч. 2. С. 719–722.

[4] *Ишкулов Ф.А.* Указ. соч. С. 128.

ников из земельных фондов башкирских общин, следили за правильной сдачей угодий в аренду или оброчное содержание. Кроме того, земский начальник имел право наказывать представителей крестьянского сословного управления: объявлял выговор, подвергал денежному штрафу до 5 руб., аресту до 7 дней. Административная власть земского начальника простиралась и на рядовое крестьянство[1] вплоть до ареста на трое суток или штрафа на 6 руб. за неисполнение распоряжений или требований земского начальника[2].

По указу от 6 июня 1894 г. были созданы **административные присутствия** уездных съездов земских участковых начальников, в состав которых входили представители дворянства, председатели земских управ, уездные члены окружного суда, почетные мировые судьи и городские судьи[3]. Уездные присутствия являлись апелляционными инстанциями для дел, которые рассматривались земскими начальниками и городскими судьями. Председателями уездных присутствий были предводители местного дворянства. Однако, в соответствии с «Положением о земских участковых начальниках», в уездах, не имевших дворянского представительства, губернаторы имели право выдвигать на эту должность одного из земских начальников. Предложенная губернатором кандидатура утверждалась правительством. Сначала в Златоустовском уезде, а затем на все должности председателей местных административных присутствий (по решению губернатора Н.Х. Логвинова) были назначены земские начальники, оказавшиеся в результате в независимом положении от местных дворянских корпораций. Таким образом, в конце XIX в. в руках земских начальников сосредоточилась административная, полицейская и судебная власть над рядовым крестьянством[4].

В ведении Министерства внутренних дел находились и **органы уездного полицейского управления**. В соответствии с «Временными правилами» об устройстве полиции от 25 декабря 1862 г. в Уфимской губернии во всех уездах действовали полицейские управления, возглавлявшиеся исправниками[5]. Они назначались губернатором из местных дворян. Исправник и подчиненный ему штат функционировали как в уездном городе, так и в самом уезде. Исправник входил в состав всех важнейших уездных присутствий, а уездное по питейным делам присутствие и распорядительный комитет возглавлял лично[6]. Положение от 27 июня 1874 г. передало исправнику обязанности по взиманию податей с сельских обществ. Он получил право наказывать крестьянских должностных лиц, а также требовать их устранения от должности. В случае задержки податей, исправники имели право отправлять под арест волостных старшин. Находясь во главе уездной полиции, они оказывали большое влияние на уездную жизнь.

---

[1] *Роднов М.И.* Крестьянство Уфимской губернии в начале XX в. (1990–1917 гг.): социальная структура, социальные отношения. Уфа, 2002. С. 103.

[2] *Ишкулов Ф.А.* Указ. соч. С. 128.

[3] Там же. С. 126.

[4] *Кантемирова Р.И.* Указ. соч. С. 112.

[5] СЗ РИ. Т. 2, ч. 1. С. 639.

[6] Адрес-календарь Уфимской губернии на 1897 год. Уфа, 1898. С. 144.

В полицейском отношении уезды делились на станы. В 1914 г. в Уфимской губернии насчитывалось 37 полицейских станов. Во главе каждого стана находился **становой пристав**, обеспечивавший правопорядок с помощью полицейского урядника, на которого возлагались разнообразные обязанности, начиная с надзора за «благочинием» во время богослужения в церквях и кончая наблюдением за продажей вина[1], и **уездной полицейской стражи**. В полном подчинении полицейских урядников находились **сотские** и **десятские**, рядовые крестьяне, избиравшиеся на время для охраны общественного порядка. В губернии на каждые 100–200 дворов выбирался сотский и на 10 дворов – десятский. Всего в Уфимской губернии в начале XX в. таких выборных полицейских насчитывалось около 16 тыс. чел.[2]

Уездные податные присутствия исполняли различные поручения казённой палаты по наблюдению за сбором пошлин с торговли и промыслов. Законом от 30 апреля 1885 г. была учреждена должность податных инспекторов, на которых вначале возлагался надзор за доходностью подлежащих обложению торгов и имуществ, а впоследствии – надзор за исправностью поступления налогов вообще[3].

Самым низшим звеном аппарата государственного управления было крестьянское общественное управление, утверждённое 19 февраля 1861 г. «Положениями о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости»[4]. В Уфимской губернии действие Положений было введено указом от 18 марта 1866 г[5]. Первичной административной единицей крестьянского сословного управления являлась **община,** поземельная соседская организация мелких производителей. Каждое сельское общество, включавшее одно или несколько селений, собиралось на **сельский сход**. В его работе участвовали все домохозяева сельского общества. На сходе разрешались дела о переделах земли, раскладке повинностей, семейных разделах, составлялись ходатайства по мирским делам. Кроме того, сельский сход избирал должностных лиц сельского общества – сельского старосту, сборщика податей, сотских и десятских, смотрителей хлебных запасных магазинов, лесных и полевых сторожей. Срок службы должностных лиц, избираемых сельским сходом, составлял три года, за исключением сборщиков податей, которые избирались ежегодно[6].

Главная роль среди должностных лиц крестьянского сословного управления отводилась **сельскому старосте**. Законодательство детально разработало его права и обязанности как представителя правительственной администрации в деревне: «староста есть власть сельская». На эту должность избирались лица не моложе 25 лет. Староста был обязан созывать сельский сход, наблюдать за правильным обсуждением дел на сходе, за казёнными, земскими, страховыми, волостными и мирскими сборами, контролировать исполнение натуральных повинностей, являться в волостное

---

[1] ПСЗ II. Т. 53. № 58610.

[2] *Роднов М.И.* Указ. соч. С. 105.

[3] См.: *Шумилов М.М.* Местное управление и центральная власть в России в 50-х – начале 80-х гг. XIX в. М., 1991. С. 111–128.

[4] ПСЗ II. Т. 36. № 36657.

[5] ЦГИА РБ. Ф. И-11. Оп. 1. Д. 19. Л. 24.

[6] См.: *Смыков Ю.И., Гончаренко Л.Н.* Крестьянство и административный аппарат Казанской губернии в последней четверти XIX в. Казань, 1984. С. 107–122.

правление для предъявления квитанций о взносах казенных, земских и страховых платежей. Он руководил переделами общинной земли и расходом мирских капиталов, наблюдал за благоустройством в селениях, за состоянием дорог и мостов, принимал меры по искоренению пьянства, сообщал о разбое, кражах, убийствах[1].

Законодательство не устанавливало конкретного содержания сельским старостам, община сама определяла размер жалованья. На должностях не всегда оказывались способные и пользующиеся хорошей репутацией лица. Служба сельского старосты была крайне обременительна для крестьян и рассматривалась ими как тяжёлая повинность. Выполнение многочисленных обязанностей требовало хотя бы элементарной грамотности. Однако в начале XX в. были целые волости, где не было ни одного образованного старосты. Поэтому особую роль играл **сельский писарь**, который вёл всю документацию и часто фактически руководил жизнью общины. Так, в небольшой деревне Кисеик Златоустовского уезда в 1912 г. староста И.Я. Борисов получал в год 12 руб. жалованья, а писарь А.Я. Домрачёв – 156 руб.[2]

Высшим органом крестьянского управления в волости являлся **волостной сход**. Он собирался с разрешения мирового посредника, а с 1894 г. – земского начальника. Волостной сход состоял из всех выборных должностных лиц, а также по одному представителю от каждых десяти крестьянских дворов. В его состав входили избираемый волостным сходом волостной старшина, особые заседатели, а также сельские старосты и сборщики податей. Обычно сход насчитывал несколько десятков, а то и сотен человек[3]. Сход выбирал волостных должностных лиц и представителей сельских обществ на предварительный съезд для выборов гласных в уездное земское собрание. В его компетенции также было разрешение хозяйственных проблем, вопросов о волостных запасных хлебных магазинах, проведение мероприятий по общественному призрению и т. д.

Начальником волости и волостного правления являлся **волостной старшина**. Согласно законодательству, старшина избирался сходом на три года из «самых исправных домохозяев безукоризненного и трезвого поведения», а затем утверждался в должности земским начальником. На время службы старшина освобождался от всех натуральных повинностей и телесного наказания, а беспорочно прослуживший два трехлетия освобождался навсегда от исполнения рекрутской повинности[4]. В начале XX в. в Уфимской губернии среднее годовое жалованье волостных старшин составляло 420 руб., причем у некоторых из них денежные оклады были гораздо выше. Так, содержание волостного старшины Дуван-Табынской волости Стерлитамакского уезда в 1910 г. составило 600 руб. в год[5]. Кроме того, все они вели свое собственное хозяйство. Таким образом, волостные старшины получали довольно значительные для крестьян годовые оклады[6].

---

[1] См.: *Чижов В.* Краткое руководство для сельских старост, волостных старшин и волостных правлений. М., 1895. С. 5–34.

[2] ЦГИА РБ. Ф. И-10. Оп. 1. Д. 1965. Л. 36–39.

[3] *Роднов М.И.* Указ. соч. С. 100.

[4] ПСЗ II. Т. 36. № 36 657.

[5] *Минцлов С.Р.* Уфа. Из кн. «Дебри жизни». Уфа, 1992. С. 78.

[6] *Кантемирова Р.И.* Указ. соч. С. 135.

Важнейшей обязанностью волостных старшин являлся сбор различного рода податей. Старшина созывал волостной сход, следил за правильным обсуждением дел, за отбыванием воинской повинности, благоустройством всей волости, торгами и промышленными заведениями. Выполняя указания земских органов, он отвечал за составление, систематическую проверку и дополнение страховых ведомостей по обязательному земскому взаимному страхованию, наблюдал за состоянием продовольственных запасов, отвечал за своевременное пополнение продовольственных магазинов. Старшина также выполнял некоторые полицейские функции: следил за «сохранением общественного порядка, спокойствия и благочиния в волости», боролся с пьянством и наблюдал за точным исполнением крестьянскими должностными лицами своих обязанностей[1].

Волостное правление состояло из избираемых сходом старшины, особых заседателей, сельских старост, сборщиков податей и писаря. В волостном правлении обязательным было присутствие только старшины и писаря. **Волостной писарь** нанимался на службу и утверждался мировым посредником, впоследствии земским начальником, и играл в волостном правлении немаловажную роль. Он, как правило, не занимался земледелием[2]. Если старшина Леузинской волости Златоустовского уезда получал в год 100 руб., то писарь – 516 руб., а его помощник 168 руб.[3] На писарях лежала огромная нагрузка по ведению многочисленной документации. «Волостной писарь – это та самая кляча, которая, в сущности говоря, везёт всю Россию и которую хлещет решительно всякий, кому ни вздумается, от прессы до последнего чинуши… Надо самому … повидать горы книг…, над которыми корпят писаря и их помощники!» – отмечал современник[4].

Ведению волостного правления подлежало расходование денежных сумм, определение и увольнение волостных должностных лиц, служащих по найму (в первую очередь волостного писаря), а также продажа крестьянского имущества по казенным и частным взысканиям. Правление составляло для уездных и губернских органов управления статистические отчеты о посевах, урожае, ценах на хлеб. Устав о воинской повинности возлагал на него призыв на военную службу, устав о земских повинностях предусматривал ряд обязанностей по военно-конской повинности. По уставу Крестьянского поземельного банка в обязанности волостных правлений входило взыскание недоимок с заемщиков банка и участие в продаже с торгов заложенных в банке земель[5]. Например, в волостном правлении Богадинской волости Белебеевского уезда выдавались паспорта, контролировалось опекунство и попечительство над сиротами и немощными, регистрировались сделки и договора, велся учет по воинской повинности. В правлении хранились планы на селения, была особая тетрадь по надзору за постройками[6].

---

[1] *Чижов В.* Указ. соч. С. 38–40.

[2] *Смыков Ю.И., Гончаренко Л.Н.* Указ. соч. С. 110–115.

[3] ЦГИА РБ. Ф. И-10. Оп. 1. Д. 1965. Л. 36–37.

[4] *Минцлов С.Р.* Указ. соч. С. 51.

[5] *Зырянов П.Н.* Социальная структура местного управления капиталистической России (1861–1914 гг.) // Исторические записки. М., 1982. № 107. С. 240–247.

[6] *Роднов М.И.* Указ. соч. С. 101.

Законом от 12 июля 1889 г. волостным правлениям были подчинены все мещане, ремесленники и цеховые мастера, проживавшие на территории волости[1]. В результате, к концу XIX в. волость превратилась в низший орган общественного управления и потеряла узкосословный облик, так как в волости, кроме крестьян, находились представители других сословий.

В первые пореформенные годы большинство конфликтов, возникавших в крестьянской среде, разрешалось в рамках самой общины. Для этого существовало несколько форм несанкционированных законом **общинных судов**. В башкирских и татарских волостях существовали шариатские суды мусульманского духовенства и местные суды башкир, основанные на обычном праве. Дела в шариатском суде рассматривались муллой в присутствии других мусульманских духовных лиц деревни, которые участвовали в суде как свидетели «законности выносимого решения». Шариатские суды решали дела по проступкам мусульманского духовенства, мелким ссорам, искам личного характера, связанные с семейно-брачными отношениями, наследованием, разделом имущества и т. д. При этом они принимали только такие дела, в которых сторонами выступали лишь мусульмане и не затрагивались интересы лиц других вероисповеданий.

К местным судам башкир относились, так называемые, народные суды, узаконенные царским правительством. Они состояли из старейшин, мулл, богатых хозяев. Местный суд имел право рассматривать только те дела, которые были возбуждены самими сторонами. Народный суд, в отличие от шариатского, имел право рассматривать споры по всем имущественным делам, кроме споров о земельной собственности[2].

Для рассмотрения споров и тяжб между крестьянами, а также мелких уголовных преступлений, существовал **волостной суд**, избиравшийся на сходе, решения суда с 1867 г. в могли быть отменены контролирующими чиновниками. Волостной суд постепенно приобретал административный характер. Каждое сельское общество выбирало кандидата в волостные судьи. Из их числа земский начальник назначал судей, из которых один, по решению уездного съезда, занимал должность председателя. На судей был распространен тот же порядок взыскания и отстранения от должности, какой существовал для волостных старшин. Земский начальник получал право посылать на пересмотр решения волостных судов по собственной инициативе[3]. В 1912 г., после восстановления судебных учреждений, существовавших до реформы 1889 г., земские начальники лишились судебных функций, снова был введён мировой суд, крестьянство получило право выбирать членов волостного суда, а не кандидатов[4].

Таким образом, в Уфимской губернии управление уездом находилось в руках помещиков-дворян и формировалось по сословному принципу. Административная, полицейская и судебная власти были сосредоточены в руках предводителя дворянства, полицейских исправников, мировых посредников, а позже земских начальников. Самую низшую ступень представляли крестьянские органы управления. Они являлись

---

[1] ПСЗ II. Т. 52. № 57438.

[2] *Ишкулов Ф.А.* Указ. соч. С. 112.

[3] *Кантемирова Р.И.* Указ. соч. С. 121–122.

[4] ЦГИА РБ. Ф. И-334. Оп. 1. Д. 29. Л. 1.

дополнительным бесплатным административно-полицейским звеном, которое закрепляло сословную неполноправность и замкнутость крестьянства.

Оренбургское генерал-губернаторство. Пограничное положение Южного Урала определило особый военный характер управления краем[1]. В 1851 г. было учреждено Оренбургское генерал-губернаторство в составе Оренбургской и Самарской губерний, возглавляемых гражданскими губернаторами, и западной части Казахстана, включавшей Область оренбургских киргизов (казахов) и Внутреннюю Букеевскую Орду. На его территории располагались три казачьих войска: Оренбургское, Башкирское и Уральское, а также Отдельный Оренбургский корпус, состоявший из пехотных, кавалерийских и артиллерийских частей.

Во главе администрации находился генерал-губернатор, управлявший военными, гражданскими и пограничными делами в крае. Его канцелярия состояла из трёх отделений: по гражданской части, иррегулярным войскам и пограничным делам[2]. На должности Оренбургского и Самарского генерал-губернатора пребывали генерал от кавалерии, генерал-адъютант В.А. Перовский (1851–1857), генерал-лейтенант А.А. Катенин (1857–1860), а с 1860 г. генерал от артиллерии А.П. Безак.

Участник русско-турецкой и Крымской войн, глава артиллерийского департамента и командующий 5-м армейским корпусом[3], А.П. Безак развернул активную деятельность по реорганизации управления краем. После знакомства с губернией генерал-губернатор в 1863 г. предложил разделить её на две – Оренбургскую и Уфимскую[4], что и было осуществлено в 1865 г. Однако должность генерал-губернатора и сама структура, включавшая две новые губернии, продолжали сохраняться. Лишь Самарская губерния была исключена из ведения начальника Оренбургского края[5].

После назначения в 1864 г. А.П. Безака командующим войсками Киевского военного округа, а также Киевским и Волынским генерал-губернатором, 9 февраля 1865 г. в должность последнего оренбургского генерал-губернатора вступил генерал-адъютант, генерал от артиллерии Н.А. Крыжановский, участник Крымской войны и обороны Севастополя, с 1857 г. начальник Михайловского артиллерийского училища и Артиллерийской академии, с 1860 г. начальник штаба 1-й армии в Варшаве, а затем исполняющий обязанности Варшавского генерал-губернатора и управляющего канцелярией Царства Польского. В 1862 г. он был отозван в Петербург и назначен председателем комитета для рассмотрения общих оснований военного и морского судопроизводства, в 1863 г. Н.А. Крыжановский – помощник командира Кронштадтского порта, а в 1864 г. помощник командующего Виленским военным округом[6], откуда был направлен в Оренбург.

---

[1] См.: *Семёнова Н.Л.* Военное управление Оренбургским краем в конце XVIII – первой половине XIX в. Стерлитамак, 2001. С. 177–179.

[2] ГАОО. Ф. 6. Оп. 6. Д. 11967. Л. 36.

[3] См.: Губернаторы Оренбургского края / авт.-сост. В.Г. Семёнов, В.П. Семёнова. Оренбург, 1999; *Лобысевич Ф.И.* Главные начальники Оренбургского края // Военный сборник. 1871. № 5.

[4] ГАОО. Ф. 6. Оп. 6. Д. 13762/1. Л. 2–4.

[5] ПСЗ II. Т. 40. Отд. 2. № 41755.

[6] Губернаторы Оренбургского края. С. 252–253.

Н.А. Крыжановский решительно занялся унификацией всей системы управления в крае, население которого (казаки, башкиры, крестьяне, купцы и пр.) подчинялось различным ведомствам, а также наведением порядка в запутанном землевладении, в том числе установлением границ между землями оренбургских и уральских казаков и жителями казахской степи, а также у башкир. Свою цель Н.А. Крыжановский сформулировал так: «развить край настолько, чтобы по-возможности сгладить те резкие особенности, которые отличают его от прочих частей империи»[1].

Большое внимание генерал-губернатор уделял внешнеполитической деятельности в Средней Азии, покорению Хивинского, Бухарского и Кокандского ханств. После учреждения в августе 1865 г. Оренбургского военного округа он стал его командующим[2]. В 1865–1866 гг. российские войска заняли Ташкент, Чимкент, Ходжент и др. крепости[3]. В сентябре 1865 г. Н.А. Крыжановский, прибыв в Ташкент, предложил создать независимое Ташкентское ханство, но жители в ответ подали ему прошение с просьбой сохранить российский административный порядок[4]. Тогда из вновь завоеванных земель была учреждена Туркестанская область, которая возглавлялась военным губернатором и входила в состав Оренбургского генерал-губернаторства[5]. В 1867 г. образуются самостоятельное Туркестанское генерал-губернаторство и Туркестанский военный округ[6].

В 1868 г. в западной части Казахстана были созданы Уральская и Тургайская области, которые также управлялись военными губернаторами, подчинявшимися Н.А. Крыжановскому[7]. Начальник Оренбургского края становится одним из крупнейших администраторов России, руководившим судьбами огромных территорий с многонациональным составом жителей, проводником имперской внешней политики в Средней Азии. По предложению генерал-губернатора был проведён ряд преобразований в казахской степи, упразднена оренбургская таможенная линия с расположенными на ней заставами и переходными пунктами, упорядочены сборы с населения, организована комиссия для утверждения прав собственности частных лиц и казны[8].

В конце 1860-х гг. Н.А. Крыжановский начал готовить военную экспедицию в Хиву. Он предложил план «умиротворения»: установить военную границу с Хивой между Каспийским и Аральским морями, построив там несколько укреплений между истоками Аму-Дарьи и Красноводском, занять города Куня-Ургенч и Кунград[9]. После достижения договорённостей с Англией, русские войска с четырёх сторон – от Оренбурга, Ташкента, Красноводска и с Мангышлакского полуострова – двинулись на Хиву. В мае 1873 г. ханство сдалось без боя.

---

[1] РГИА. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 4509. Л. 1, 7.

[2] Там же. Ф. 1282. Оп. 1. Д. 66. Л. 218.

[3] Там же. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 4509. Л. 8.

[4] *Корнеев В.В.* Управление Туркестанским краем: реальность и «правовые мечтания» (60-е годы XIX в. – февраль 1917 года) // Вопросы истории. 2001. № 7. С. 59.

[5] ПСЗ II. Т. 40. Отд. 2. № 41792.

[6] Там же. № 41870.

[7] Там же. Т. … № 46380.

[8] РГИА. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 4509. Л. 8.

[9] РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 200. Л. 3.

Большое внимание Н.А. Крыжановский уделял хозяйству края, культуре и просвещению[1], добился строительства железной дороги от Самары до Оренбурга[2]. Однако 30 марта 1881 г. всесильный правитель края был уволен от должности без прошения, а потому и без пенсии. По результатам сенаторской ревизии, вскрывшей злоупотребления в раздаче башкирских земель, новый император Александр III потребовал его отставки[3]. Одновременно изменилась ситуация в регионе и необходимость в генерал-губернаторстве отпала.

После учреждения Туркестанского генерал-губернаторства все вопросы внешней политики по отношению к среднеазиатским ханствам были сосредоточены в нём. Оренбургский военный округ обеспечивал комплектование и довольствие русских войск в Туркестане. В 1870-е гг. эти задачи были возложены на Западно-Сибирский военный округ, а из новобранцев, ежегодно направляемых в Среднюю Азию, 6500 человек следовали через Западную Сибирь и всего 500 из Оренбурга.

В конце 1870-х гг. в Оренбургском военном округе находились 4 батальона и 20 отдельных команд пехоты, 4 эскадрона кавалерии и 19 казачьих сотен, разбросанных на большой территории. По мнению Военного министерства из-за таких скромных сил не стоило содержать отдельный округ с дорогостоящими учреждениями. Тем более что Оренбургское и Уральское казачьи войска имели собственные начальства, сметы и хозяйство и не нуждались в окружном штабе. В правительстве было решено одновременно с военным округом упразднить и Оренбургское генерал-губернаторство, учитывая, что оно «образовано из элементов в высшей степени разнохарактерных, не имеющих между собой ничего общего и не поддающихся объединяющему началу»; Уфимская губерния, имея земские учреждения, «стоит особняком», Оренбургская губерния и Уральская область могут быть отнесены к прямому ведомству МВД, а Тургайская область – к Туркестанскому генерал-губернаторству[4].

Немаловажную роль сыграло сложное финансовое положение Российской империи. Ликвидация Оренбургского генерал-губернаторства позволяла казне сократить расходы более чем на 300 тыс. руб.[5] Аргументы, приведённые Военным министром и начальником Главного штаба, оказались убедительными, и Александр III указами от 11 и 12 июля 1881 г. упразднил Оренбургское генерал-губернаторство и Оренбургский военный округ[6].

Оренбургское генерал-губернаторство сыграло важную роль в процессе перехода системы управления Оренбургским краем к общероссийской модели, служило важным инструментом в завоевании Средней Азии. Вместе с ликвидацией генерал-губернаторства закончился длительный период военного управления на Южном Урале.

---

[1] Губернаторы Оренбургского края. С. 261.

[2] РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 216. Л. 4–5.

[3] См.: Записки генерал-майора И.В. Чернова // Труды Оренбургской учёной архивной комиссии. Оренбург, 1907. Вып. 18; Губернаторы Оренбургского края. С. 263.

[4] РГИА. Ф. 1282. Оп. 1. Д. 66. Л. 212–216.

[5] Там же. Л. 218.

[6] ПСЗ III. Т. 1. № 316; № 319.

§ 2. Уфимское земство и городское самоуправление

Уфимское земство. В ходе Великих реформ был поднят вопрос о создании всесословного местного самоуправления. Назревшие преобразования в России требовали раскрепощения народа в самом широком смысле этого слова. Крепостное право пустило слишком глубокие корни в обществе, все стороны жизни феодально-зависимого населения подчинялись строгой государственной регламентации, всё решалось бюрократическими методами без опоры на местную инициативу. В России земство было введено в 1864 г., в Уфимской губернии – в 1874 г.[1]

Право избирать в земские собрания получили состоятельные землевладельцы и городские жители, для крестьян имущественный ценз отсутствовал, но выборы для них были многоступенчатыми, от сельских обществ в них участвовало и местное духовенство. В результате первых выборов в уездные земские собрания Уфимской губернии крестьян гласных прошло столько же (117), сколько дворян-землевладельцев (119)[2]. Такое равенство отличалось от средних общероссийских показателей, где дворяне составляли большинство (70–80 %) гласных. В губернском земском собрании (38 гласных) большинство представляли помещики и чиновники[3].

Состав земских собраний Уфимской губернии изменился после земской контрреформы 1890 г. Новый закон усилил правительственный надзор за земством и обеспечил дворянское большинство в органах местного самоуправления. Цензовый принцип выборов был заменён сословным. В результате вдвое сократилось число крестьянских гласных (58 вместо 117), количество депутатов от дворян осталось почти прежним (110 вместо 119), от городов незначительно увеличилось (21 вместо 20)[4].

Двукратное превышение количества дворянских гласных над числом крестьянских избранников в губернии, где абсолютно преобладало крестьянское (в т. ч. башкирское) землевладение, явно нарушало имущественный принцип избирательной системы, провозглашённый земской реформой 1864 г. В Уфимской губернии периодически поднимался вопрос о восстановлении цензового принципа на земских выборах, однако, вопрос не был решен. Таким образом, всё местное самоуправление (и значительные финансовые ресурсы) оказалось в руках достаточно узкого круга лиц, представлявших региональную элиту.

В многонациональной Уфимской губернии преобладание в земстве гласных от дворян-землевладельцев, которые почти все состояли из русских помещиков, привело к недостаточному представительству других народов, которые наравне с русским населением несли земские повинности. Лишь в крестьянской курии башкиры, татары и иные национальности избирались пропорционально составу сельских обществ, выдвигавших выборщиков. Вопрос о пропорциональном представительстве мусульман-

---

[1] Подробнее см.: *Азаматова Г.Б.* Уфимское земство (1874–1917): Социальный состав, бюджет, деятельность в области народного образования. Уфа, 2005.

[2] ЦГИА РБ. Ф. И-11. Оп. 1. Д. 1024. Л. 4 об.

[3] Сборник постановлений первого уфимского губернского земского собрания. Уфа, 1875. С. 4.

[4] СЗ РИ. Т. 2. Положение о губернских и уездных земских учреждениях. СПБ., 1892. С. 46.

ского населения в земских учреждениях неоднократно рассматривался земством, которое признавало справедливость требований, но не поддержало идею выбора по национальному и вероисповедному принципу, опасаясь «столкновения противоположных интересов»[1].

Земские учреждения состояли из земских уездных и губернских собраний (распорядительные органы) и управ (исполнительные). Гласные губернских земских собраний выбирались на уездных собраниях. На земских собраниях определялись основные направления хозяйственной деятельности, производили выборы земских должностных лиц, утверждались отчёты управ об их деятельности и т. п.

В работе уфимских земств, как впрочем и в других губерниях, особенно на первых порах, наблюдались волокита и бюрократическое отношение к делу. В докладе Стерлитамакскому уездному земскому собранию в 1882 г. отмечалось: «Каждый земец протестует против увеличения в земской управе канцелярщины, которая заедает время у членов управы, превращая их не в земских деятелей, не в управителей земского хозяйства, а просто в столоначальников… Дошли до того, что писаря одной комнаты переписываются о том, что сторож управы уволен, а члены управы подписывают эти жалкие бумаги. Число выпущенных управою бумаг и составленных журналов должно падать на членов, как чёрное пятно, свидетельствуя о том, что очень много пропало денег земства даром»[2]. Выпускница женских медицинских курсов в Петербурге А.И. Веретенникова, приехавшая в Белебеевский уезд в качестве земского врача, вспоминала: «Во главе земского самоуправления стояли люди, чуждые всему, кроме заботы о личной выгоде и самых узких, мелочных интересов… Но эти люди, которые целые утра проводили в земской управе в бессмысленном переливании из пустого в порожнее, в покуривании папирос, в подписывании своей фамилии, и пальцем не шевельнут для того, чтобы предотвратить такое страшное бедствие, как эта эпидемия. …Меня как новичка, увлекающегося своим делом, глубоко возмущала эта халатность в общественном деле, этот бумажный механизм, заменяющий живую работу, и это позорное равнодушие представителей земства к интересам, которым они служат по общественному выбору»[3].

Таких бюрократов хватало, но, к счастью, не они являлись решающей силой в органах местного самоуправления. Ведущую роль в уфимском земстве играла передовая часть среднепоместного дворянства.

О верхах уфимского общества 1880-х гг. вспоминал ссыльный земский врач С.Я. Елпатьевский: «Представители этого общества, резко разделялись на два слоя – на людей во фраках и мундирах и людей в поддёвках. Фрачники были чиновничество… Это был замкнутый круг, с обособленными интересами, идеями, нравами, куда не допускались горожане-обыватели. Их глаза неуклонно прикованы к Петербургу… И были поддёвки. В поддёвках ходила губернская и уездная земская управа, начиная

---

[1] Журналы заседаний Уфимского губернского земского собрания 33 очередной и 39 чрезвычайной сессий 1906 и 1907 годов и доклады губернской управы. Уфа, 1907. С. 752–754.

[2] Вестник Уфимского земства. Вып. 5. Уфа, 1882. С. 111–112.

[3] *Веретенникова А. И.* Записки земского врача. Уфа, 1981. С. 20, 51, 52.

с председателя губернской управы А.Д. Дашкова, поддевки носили дворяне-помещики… К поддёвкам примыкали богатые башкиры-землевладельцы»[1].

Яркими представителями первых уфимских земских деятелей были братья Дашковы, представители русской аристократии, посвятившие себя служению местному самоуправлению. Старший из братьев Дмитрий Дмитриевич (1831–1901) являлся членом Рязанской губернской земской управы, затем приехал на принадлежавший ему Благовещенский завод, где проживал до конца жизни. В 1878 г. он был избран гласным от Уфимского уезда, часто привлекался к работе в губернском земстве. Благодаря ходатайствам Дашкова в Уфимском уездном земстве значительно выросли расходы на народное образование, заработная плата учителей увеличивалась в зависимости от числа учеников. Он жертвовал средства на постройку школьных зданий, заработную плату учителям, при участии братьев Дашковых открылась Благовещенская учительская семинария. Позже имя Д.Д. Дашкова было присвоено 12 стипендиям в Благовещенской учительской семинарии.

Младший брат – Андрей Дмитриевич Дашков (1833–1904) был первым председателем Уфимской губернской земской управы (1875–1884), отдавал все силы становлению самоуправления в крае. По свидетельству современников, в этом человеке сочетались просвещённый либеральный земец и крупный помещик-дворянин со строгим нравом. Благодаря разностороннему образованию, опыту и творческой энергии А.Д. Дашкова удалось организовать многие отрасли земского хозяйства: межевое дело, дорожное строительство, страхование, бухгалтерию, оказывались поддержка огородничеству, кустарным промыслам и распространению сельскохозяйственных знаний[2].

Выдающимся деятелем был Иван Григорьевич Жуковский (ум. 1907 г.) – убеждённый земец с широкими взглядами на самоуправление и, как и Дашковы, крупный помещик. Выпускник Московского университета, чиновник Петербургского окружного суда, И.Г. Жуковский был сторонником либеральных идей. В деятельности Уфимского земства он участвовал как губернский гласный от Бирского уезда с 1887 г., являлся неизменным председателем ревизионной комиссии. По предложению Жуковского была введена общегубернская агрономическая служба, он состоял попечителем Белебеевской сельскохозяйственной школы, в устройстве которой принимал активное участие, а для начальной школы передал помещение и участок земли.

На земских собраниях И.Г. Жуковский не раз выступал с требованиями расширения прав местного самоуправления. Так например в 1903 г. он внёс предложение о допущении земцев к обсуждению законопроектов, касающихся местных экономических интересов, в 1904 г. – об освобождении земства от опеки администрации при приёме служащих. Он являлся также участником общеземских съездов в 1904 г. в Санкт-Петербурге и в 1905 г. в Москве.

За свои независимые убеждения И.Г. Жуковский не раз встречал препятствия со стороны властей: его не утверждали в должностях председателя губернской земской управы в 1898 и 1903 гг., члена губернского по земским делам присутствия в 1902 г.

---

[1] *Елпатьевский С. Я.* Воспоминания за пятьдесят лет. Уфа, 1984. С. 91–93.

[2] Сельскохозяйственный листок. 1914. № 16–17. С. 60–65.

и почётным попечителем Уфимского реального училища в 1905 г. Тем не менее, И.Г. Жуковский не изменил своим убеждениям до конца жизни. В докладе управы за 1907 г. отмечалось, что «история деятельности Ивана Григорьевича как губернского гласного есть в то же время история двух десятилетий Уфимского губернского земского собрания … В его земских речах как выдающегося оратора бьётся пульс наиболее важных моментов, пережитых губернским земством. Вносимые им предложения, резолюции являлись нередко теми лозунгами, во имя которых велась борьба земских партий»[1].

В деятельности уфимского земства большую роль сыграл Сергей Петрович Балахонцев (ум. 1914). Выходец из уфимских дворян, выпускник Петербургского университета, земскую службу С.П. Балахонцев начал в должности секретаря Уфимской губернской земской управы, впоследствии был членом губернской управы (1896–1900), а затем её председателем (1901–1903). В работе был сторонником коллегиальности, уважал мнение избранных депутатов, предоставлял свободу инициативе «третьего элемента». Интересы земства были для него превыше личного благополучия. Например, на приёме у министра внутренних дел В.К. Плеве в Петербурге С.П. Балахонцев решился выступить в защиту служащих земской управы, которых Плеве считал нужным уволить. В 1905 г. он был избран депутатом I Государственной Думы, после её разгона в 1906 г. вместе с многими депутатами был подвергнут репрессиям властей. Опытный служащий смог устроиться лишь в качестве секретаря Стерлитамакской уездной земской управы, а затем Оренбургской губернской земской управы[2].

Председателями Уфимской губернской земской управы избирались А.Д. Дашков (1875–1884), Иван Дмитриевич Миклашевский (1884–1887), Андрей Андреевич Миславский (1888–1892), Михаил Дмитриевич Брудинский (1892–1898), Александр Валентинович Новиков (1898–1901), С.П. Балахонцев (1901–1903), Пётр Флегонтович Коропачинский (1904–1917 гг.)[3]. В рядах либеральных земских деятелей находились губернские гласные П.П. Толстой, Н.Э. Эверсман, В.А. Кугушев, А.Ф. Дубинин и многие другие. Влиятельными гласными в Мензелинском уезде были «шестидесятники» М.М. Останков – председатель Мензелинской управы в 1875–1890 гг., затем уездный и губернский гласный, И.И. Мазуревский – гласный губернского земского собрания, председатель управы в 1897–1904 гг., Н.П. Товарищев – председатель управы в 1904–1907 гг. В Бирском земстве выделялись активной деятельностью П.А. и А.А. Зеленцовы, М.В. Кутлубаев, В.Г. Кощеев, Л.П. Демидов и др., в Белебеевском земстве к «прогрессивной партии» относились Ш.Ш. Сыртланов, С. Джантюрин, И.В. Коротков, Ю.Ю. Блюменталь, К.Б. Тевкелев, в Златоустовском – П.Ф. Коропачинский и А.Б. Басимов, в Стерлитамакском – Н.П. Депрейс, Г.Х. Дашкин и др.

Такие люди, как Д.Д. и А.Д. Дашковы, С.П. Балахонцев, И.Г. Жуковский и их единомышленники создавали нравственную атмосферу в земстве, являлись идейны-

---

[1] Систематический сводный сборник постановлений Уфимского губернского земского собрания за 35-летие. 1875–1909 гг. Уфа, 1915. Т. 1. С. 263, 280; Т. 3. С. 631; ЦГИА РБ. Ф. И-151. Оп. 1. Д. 21. Л. 22.

[2] Сельскохозяйственный листок. 1914. № 16–17. С. 72–75.

[3] Историко-статистические таблицы деятельности уфимских земств. К сорокалетию существования земств Уфимской губернии. 1875–1914 гг. Уфа, 1914. С. 219.

ми ориентирами для остальных гласных. Признанием общественной деятельности местных земцев являлось выдвижение их в члены Государственной Думы. В первую Думу были избраны гласные П.П. Толстой, Г.В. Гутоп, С.Т. Джантюрин, К.Б. Тевкелев, Ш.Ш. Сыртланов, С.П. Балахонцев; во вторую: М.М. Биглов, К.Б. Тевкелев, Ш.Ш. Сыртланов, в третью – П.И. Шаховской, Ю.Ю. Блюменталь, Г.В. Гутоп, П.П. Толстой и К.Б. Тевкелев. Значительную часть деятелей местного самоуправления составляли прогрессивно настроенные гласные, которые внесли значительный вклад в земскую деятельность.

Крестьянские депутаты были мало подготовлены к участию в общественной жизни. Тем не менее, заметным влиянием в местном самоуправлении они пользовались в уездах, где слабо было представлено дворянство. На Урале «крестьянскими» являлись многие уездные земства Пермской губернии (Красноуфимское, Камышловское, Оханское, Чердынское, Екатеринбургское)[1]. В Уфимской губернии крестьянские гласные преобладали во всех уездах, кроме Уфимского и Стерлитамакского. Особенно ярко выраженным крестьянским земством являлось Златоустовское. Из шести председателей Златоустовской управы четверо были крестьяне: А.Г. Бунаков (1875–1879), А.Б. Басимов (1882–1897), А.А. Сычёв (1901–1904), И.С. Аистов (1904–1915). В этом уезде дворянское землевладение почти отсутствовало, большинство составляли русские – бывшие государственные крестьяне и башкиры. Златоустовское земство большее внимание уделяло нуждам рядовых жителей, обладало значительными средствами, а земские расходы на душу населения были самыми высокими в губернии[2]. Мензелинское уездное земство выделялось как наиболее самостоятельное и независимое от губернского земства, вся его деятельность была ориентирована на последовательное проведение в жизнь местных интересов.

На другом «полюсе» находилось Уфимское – дворянско-чиновничье уездное земство. Национальный оттенок в наибольшей степени был выражен в Белебеевском земстве. О нуждах нерусского населения здесь говорили представители мусульманского дворянства Ш.Ш. Сыртланов, К.Б. Тевкелев, С.С. Джантюрин и др. Председателями Белебеевской земской управы избирались А.А. Ахтямов (1883–1885 гг.), Ш.Ш. Сыртланов (1888–1892), М.М. Биглов (1907–1909), Ф.Г. Музафаров (1913–1917).

Большую роль в жизнестойкости земского самоуправления играл «третий элемент», вольнонаёмные земские работники – учителя, врачи, агрономы и др., численность которых быстро возрастала с конца 1890-х гг. К 1910 г. в рядах земской интеллигенции Уфимской губернии насчитывалось 64 врача, 25 ветеринарных врачей и 957 учителей[3], количество служащих земских управ: бухгалтеров, оценщиков, страховых агентов, техников, агрономов, статистиков и др. – к 1911 г. составляло 336 чел.[4]

Служащие-специалисты являлись исполнителями всех земских начинаний. Агроном А.И. Книзе в 1899 г. разработал проект агрономической службы Уфимского губернского земства. Обстоятельный анализ проблем школьного обучения детей, вы-

[1] *Веселовский Б.* История земства за 40 лет. СПб., 1911. Т. 4. С. 200.
[2] Историко-статистические таблицы деятельности уфимских земств. С. 213, 220.
[3] *Веселовский Б.* Указ. соч. С. 233.
[4] Историко-статистические таблицы деятельности уфимских земств С. 238–240.

полненный в 1900 г. С.Н. Салтыковым, положил начало планомерной и успешной работе губернского земства в области народного образования. Одним из видных земских деятелей в области просвещения являлся М.И. Обухов, учитель, школьный статистик, автор многих книг на педагогические темы[1].

На заседаниях Уфимского губернского земского собрания нередко выражалась благодарность врачам и фельдшерам, служба которых была сопряжена с риском для жизни. Так, во время холерной эпидемии в 1893 г. умерли фельдшеры Васильев и Аиткулов, в 1907 г. был убит пациентом заведующий психиатрической больницей врач Я.Ф. Каплан. Губернская управа характеризовала его «как крупную медицинскую силу и выдающегося работника»[2]. Образцом высокого служения народу являлась деятельность упомянутой выше А.И. Веретенниковой, которая в 1882 г. добровольно приехала в белебеевскую глушь и организовала врачебную помощь населению[3].

Финансовое существование земских органов самоуправления было связано с оценочными исследованиями. Большую роль в регистрации земельных имуществ сыграл землемер А.К. Траппер, служивший в земстве с 1875 г. Он возглавлял межевой отдел Уфимской губернской земской управы, которым были составлены важнейшие поземельные документы. Здесь работал помощником землемера Н.В. Ремезов, впоследствии известный публицист, разоблачавший всякого рода «земельных махинаторов» в крае[4]. Большой вклад в изучение Уфимской губернии внесли служащие статистического отдела губернской земской управы во главе с его заведующим М.П. Красильниковым, автором многочисленных статистических трудов[5].

Кропотливая и трудоёмкая работа статистиков, оценщиков, землемеров и многих других специалистов заложила основы для формирования земских доходов. Прежде чем установить земские сборы с населения, необходимо было привести в известность земельную собственность в крае, принадлежавшую башкирам-вотчинникам, горнозаводчикам, крестьянам различных категорий. Специальное межевание сельскохозяйственных угодий между различными владельцами закончилось к 1905 г. Составлялись планы почтовых дорог губернии, обслуживание которых входило в обязанности земств.

Следующим этапом работы явилась оценка учтённого в губернии недвижимого имущества и справедливая раскладка земских повинностей по отдельным объектам обложения недвижимого имущества: землям, торговым заведениям и документам на право торговли, а также фабрично-заводским предприятиям. Пока земство отыскивало более простой и дешевый способ оценочных исследований, появился закон 8 июня

---

[1] См.: *Обухов М.И.* На разные темы. Статьи по вопросам народного образования и учительского быта. Уфа, 1915; *Он же.* Занятия с подростками и взрослыми. Народные чтения. 1914–1915 уч. год. Статические очерки. Уфа, 1915; и др.

[2] Систематический сводный сборник постановлений Уфимского губернского земского собрания за 35-летие. Уфа, 1915. Т. 2. С. 188.

[3] См.: Врач А.И. Веретенникова в Башкирии. Публикация документов // Южноуральский археографический сборник. Уфа, 1973. Вып. 1. С. 375–389.

[4] См.: *Ремезов Н.В.* Очерки из жизни дикой Башкирии: Быль в сказочной стране. М., 1887.

[5] См.: *Красильников М.П.* Оценочно-статистическое дело в Уфимском земстве (Исторический очерк). Уфа, 1909; др. работы.

1893 г. о правилах оценки недвижимого имущества для обложения земскими сборами[1]. Уфимское земство первым среди всех российских земств к 1909 г. выполнило оценочно-статистические работы. Результаты оценочно-статистического исследования губернии были изданы в виде «Сборника статистических сведений по Уфимской губернии», состоявшего из 10 томов и 15 выпусков[2].

Основная сумма доходов местного самоуправления (23,74 из 30,34 млн руб., или 78 %) обеспечивалась земельным имуществом[3]. Доходность земельных угодий в дальнейшем увеличивалась за счёт крестьянской колонизации, интенсивной распашки степных и залежных земель, особенно в Белебеевском и Златоустовском уездах.

Земский бюджет регулировался правительством. Закон от 1 ноября 1866 г. ограничивал земское обложение торговых и промышленных заведений, в расчёт принимались ценность и доходность фабрично-заводских помещений, а не общая доходность предприятий. Это сильно сокращало поступления от промышленных заведений. Рядом законов 1868 г. из земского обложения были изъяты земли и недвижимое имущество железных дорог, церквей и монастырей. В 1890-е гг., в связи с введением винной монополии государства, доходы от питейного дела также стали недоступными для земства. Наконец, 12 июня 1900 г. правительство издало закон о предельности земского обложения, в силу которого земские сборы с недвижимого имущества не должны были повышаться более чем на 3 % в год.

Земства, испытывающие хронический дефицит средств, ходатайствовали перед правительством о расширении местных источников доходов. Лишь за 1865–1884 гг. в правительство поступило более полутысячи таких просьб от уездных и губернских земств. Среди них были ходатайства и из Уфимской губернии[4].

Несмотря на установленные ограничения, бюджеты Уфимского губернского и уездных земств росли довольно динамично. Уездные земства сначала удваивали свои доходы за каждые 15 лет, а с 1905 г. удвоение происходило уже за пятилетие. Росли и губернские суммы: за 1875–1890 гг. они увеличились в 1,5 раза, за 1890–1905 гг. – в три раза. В целом, за 40 лет (1875–1915) поступления во все земства увеличились в 17 раз[5].

Благодаря росту земских доходов стало возможным увеличение расходов на народное образование, медицинскую помощь населению, статистические исследования и другие нужды по усмотрению земских собраний. Эти статьи расходов назывались необязательными. К числу обязательных относилось содержание государственных учреждений и чиновников.

На начальном этапе деятельности земств в бюджете преобладали обязательные расходы. Например, в 1876 г. только содержание государственных учреждений обходилось в 117 624 руб., что составляло 23 % всех земских расходов. На медицину вы-

---

[1] ПСЗ III. Т. 13. № 9744.

[2] Сборник статистических сведений по Уфимской губернии. Уфа; Самара, 1898–1899. Т. I–VI; др.

[3] Историко-статистические таблицы деятельности уфимских земств. С. 98.

[4] Систематический сводный сборник постановлений Уфимского губернского земского собрания за 35-летие. Т. 2. С. 17, 366, 368, 380, 381–385, 398, 399, 419–428.

[5] Историко-статистические таблицы деятельности уфимских земств. С. 188–191.

делялось 124 032 руб. (23 %), народное образование – 101 043 руб. (19 %), ремонт дорог – 19 200 руб. (4 %), ветеринарию – 4150 руб. (0,8 %), на содействие экономическому благосостоянию – 1500 руб., или 0,3 % расходов земского бюджета[1]. Изменение соотношения в пользу необязательных расходов в уездных земствах наступило в 1882 г.[2] К 1914 г., когда деятельность земств уже была достаточно отлажена, расходы уездных и губернского земства на содержание государственных учреждений сократились до 4 %, на медицину по-прежнему выделялось 23 % бюджетных средств, несколько возросли сметы на дорожное строительство – 5 %, ветеринарию – 2 %, содействие экономическому благосостоянию – 6 %, а затраты на народное образование увеличились до 35 %[3]. В уездных земствах больше тратили на народное образование (44 % своего бюджета), а губернское земство лучше финансировало медицину – 28 %, дорожную повинность – 15 %, ветеринарию – 6 %, содействие экономическому благосостоянию – 12 %[4]. Основное внимание местное самоуправление уделяло распространению просвещения и медицинской помощи.

Компетенция земств в области народного образования сводилась главным образом к организационно-финансовым функциям. Они имели право открывать школы и выделять средства на их содержание, собирать статистические сведения совместно с дирекцией народных училищ о народном образовании, предоставлять кандидатов на учительские места, избирать попечителей содержимых земством школ, участвовать в работе училищных советов. Официальные ведомства постоянно указывали самоуправлению ту грань, которую не следовало переступать. Но при всех стеснениях деятельности земских учреждений в их распоряжении имелись такие немаловажные рычаги воздействия на школьное дело, как материальное обеспечение учебных заведений (за счёт земского бюджета) и право подбора кадров на учительские должности. Благодаря этим «лазейкам», земства пытались лучше организовать учебный процесс, влиять на качество и содержание обучения.

Земской школой называлась сельская общеобразовательная школа с организованным (с точки зрения педагогики) учебным процессом, содержавшаяся на средства самоуправления. Со временем она стала наиболее распространённым типом начальной народной школы: в 1894 г. земские училища составляли 38,4 % (182) в общей массе начальных школ, к 1917 г. – 69,4 % (1339)[5].

Благодаря земским субсидиям большинство сельских училищ переместилось из наёмных помещений в специально выстроенные здания. С 1902 г. они стали возводиться с учётом технических и санитарно-гигиенических требований, выработанных губернской управой с помощью врачей и техников. Благодаря санитарной организации гу-

---

[1] Историко-статистические таблицы деятельности уфимских земств. С. 208.

[2] Там же. С. 204–207.

[3] Там же. С. 209.

[4] Там же. С. 204–207.

[5] Календарь Уфимской губернии на 1894 год. Уфа, 1893. С. 60; *Обухов М.И.* Народное образование Уфимской губернии к 1917 году. Краткий очерк состояния народного образования ко времени преобразования земства. Уфа, 1917. С. 2.

бернского земства, введённой в 1909 г., осуществлялся санитарный контроль за ремонтом школ, состоянием зданий, подбором мест для строительства училищ и т. п.[1]

В целях повышения качества обучения земские специалисты подбирали более совершенные с педагогической точки зрения книги и благодаря этому дети учились по учебникам К. Ушинского, Н. Корфа и др. Большое значение уделялось распространению наглядных пособий, на губернском земском собрании 1908 г. была поставлена задача обеспечения ими каждой сельской школы[2]. При земских управах открывались музеи наглядных пособий, педагогические и научно-образовательные. Некоторые коллекции выдавались в сельские школы для временного пользования.

Земство стремилось шире охватить школьное дело. Материалы первого земского статистического обследования начальных учебных заведений края были обобщены к 1900 г. помощником секретаря губернской управы С.Н. Салтыковым[3]. С 1908 г. ведение текущей школьной статистики стало обязательным, материалы её ежегодно публиковались[4]. Для обсуждения практических мероприятий в области народного образования при губернской и некоторых уездных (Златоустовской, Белебеевской) управах собирались школьные комиссии, куда входили земские гласные, учителя, попечители школ, представители школьной инспекции и др. В них обсуждались меры по подготовке и улучшению учительских кадров, школьное строительство, программы начальной школы, внешкольное образование и др.

Согласно законопроекту о введении всеобщего обучения, подготовленного в 1907 г. Министерством народного просвещения, учреждения местного самоуправления обязаны были составить «школьную сеть», то есть план распространения училищ, с целью охвата детей школьного возраста начальным образованием[5]. В Уфимской губернии планы всеобщего обучения первым разработало Златоустовское уездное земство, которое с 1909 г. начало получать казённые пособия на школьное образование. В 1910 г. реализация «школьной сети» началась в Мензелинском и Бирском, а в 1911 г. – Уфимском, Белебеевском и Стерлитамакском уездах.

Земство признавало необходимость введения всеобщего начального образования и среди мусульманского населения. Для выяснения вопроса о типе массовой светской школы для башкир и татар Уфимское губернское земство провело научно-статистическое обследование мектебов и медресе[6]. Непосредственный вклад земских учреждений в распространение просвещения среди нерусских народов выразился в

---

[1] *Гиккель Э.И.* Отчёт о деятельности санитарного бюро с 15 ноября 1913 г. по 15 ноября 1914 г. Уфа, 1914. С. 17.

[2] Журналы Уфимского губернского земского собрания 33 очередной сессии 1907 г. с приложением докладов губернской управы и заключений по ним ревизионной комиссии. Уфа, 1908. С. 540.

[3] Доклад Уфимской губернской земской управы Губернскому земскому собранию 26 очередной сессии 1900 г. О положении начального образования в Уфимской губернии. Уфа, 1900.

[4] Текущая школьная статистика Уфимской губернии за 1908–1909 учебный год. Уфа, 1909; Текущая школьная статистика Уфимской губернии за 1909–1910 учебный год. Уфа, 1911; и др.

[5] Всеобщее обучение. Сборник законов и правительственных распоряжений. СПб., 1914. Вып. 1. 1907–1913. С. 3–8.

[6] *Обухов М.И.* Мектебы Уфимской губернии. Статический очерк татарских и башкирских низших школ (мектебов) Уфимской губернии по данным исследования Уфимской земской управы 1912–1913 гг. Уфа, 1915.

субсидировании русско-инородческих школ. Но многочисленные ходатайства мусульманской общественности о помощи конфессиональным школам земства, как правило, не удовлетворяли[1].

Земские учреждения активно содействовали развитию средних и профессиональных учебных заведений в Уфимской губернии, хотя это и не входило в круг их прямых обязанностей. Благодаря земским ходатайствам и финансовой поддержке открылись многие гимназии, реальные, ремесленные и другие профессиональные училища. Распространение учебных заведений в уездных городах и сельской местности, учреждение в них земских стипендий делали среднее и профессиональное образование доступнее для детей непривилегированных сословий.

В целях повышения качества обучения в народных школах земства участвовали в организации подготовки учительских кадров, повышении их квалификации и улучшении материального благосостояния. По инициативе и при финансовой поддержке губернского земства в 1876 г. была открыта первая в губернии учительская семинария в с. Благовещенский завод, в 1914 г. с помощью Белебеевского уездного и губернского земств учительская семинария в Белебее. Для ускоренной подготовки учителей начальных училищ и повышения их квалификации устраивались педагогические курсы.

Земские учреждения Уфимской губернии с первых же лет приняли расходы по содержанию учительского персонала, которые раньше падали на сельские общества. Средства на выдачу учителям заработной платы и «квартирных» (для найма жилья) денег составляли около половины всего бюджета уездных земств по народному образованию[2]. Оплата труда учителей земских школ была традиционно выше, чем в начальных училищах Министерства народного просвещения и Духовного ведомства: в 1910 г. наиболее распространённым в земских школах был годовой оклад в 373–467 руб., в министерских училищах – 369–431 руб., в церковно-приходских – 249–321 руб.[3] В числе земских мероприятий по улучшению материального положения и профессионального уровня учительских кадров можно отметить прибавки в некоторых уездах к окладу за долговременную службу и работу в многолюдных классах, организацию с 1904 г. при каждой уездной управе педагогических библиотек, устройство съездов, открытие в Уфе «Учительского дома» в 1912–1913 гг., в котором за дешёвую плату могли остановиться сельские учителя.

Земские учреждения явились организаторами внешкольного образования: обучения взрослого населения, устройства библиотек, распространения книжной продукции и т. д. До введения земских учреждений в России не было сельских библиотек. Существовавшие публичные библиотеки располагались в городах и были, в основном, платными. Решение об учреждении в Уфимской губернии при сельских школах народных библиотек было принято на губернском земском собрании в 1893 г. К 1912 г. их число достигло 664[4]. В некоторых населённых пунктах открывались са-

---

[1] ЦГИА РБ. Ф. И-295. Оп. 6. Д. 1269. Л. 6; Систематический сводный сборник постановлений Уфимского губернского земского собрания за 35-летие. Т. 1. С. 102.

[2] Историко-статистические таблицы деятельности уфимских земств. С. 268–281.

[3] Школьная статистика за 1909–1910 учебный год. Уфа, 1911. С. 128–129.

[4] Историко-статистические таблицы деятельности уфимских земств. С. 311.

мостоятельные народные библиотеки: в 1893 г. в Мензелинске, в 1897 г. в сёлах Благовещенский завод, Красный Яр, Калинники, Базилевка, Нижегородка Уфимского уезда. С 1900 г. при уездных управах были организованы библиотеки для земских служащих, с 1909–1910 гг. земство финансировало открытие библиотек имени Н.А. Пашкина, губернского земского гласного, завещавшего средства на открытие 12 народных библиотек в различных уездах[1].

В соответствии с основными принципами разделения библиотек, принятыми на I Всероссийском библиотечном съезде в 1911 г., земские библиотеки Уфимской губернии подразделялись на 3 категории: районные, повышенного и низшего типов. Районные библиотеки располагались в густонаселённых пунктах и обслуживали читателей всего района. Они помещались в отдельных наёмных помещениях, в которых, кроме комнат для хранения и выдачи книг, зачастую имелись небольшие залы для чтения журналов и газет. Библиотеки повышенного типа располагались в крупных селениях и нередко обслуживали близлежащие деревни. Они также помещались в наёмных зданиях. Самыми распространёнными и менее организованными являлись библиотеки низшего типа, возникшие из пришкольных народных библиотек. Они обычно располагались в зданиях начальных училищ или волостных правлений, реже в отдельных помещениях, и обслуживали всех жителей села.

К 1916 г. земство разработало проект общегубернской библиотечной сети[2]. Помимо народных библиотек при школах, уфимскими земствами к 1917 г. было открыто 6 центральных уездных библиотек, 81 районных, 270 сельских и 500 изб-читален с периодическими изданиями. Общее число читателей всех библиотек в 1916 г. составляло около 45 тыс. человек.

Как и школы, большинство народных библиотек находилось в русских селениях. К 1916 г. для нерусского населения было открыто 83 библиотеки (в т. ч. 20 районных и 63 низшего типа). К 1917 г. только около 20 % библиотек обслуживали нерусское население[3]. По национальностям читатели библиотек Уфимской губернии к 1913 г. распределялись следующим образом: 12 959 (92,3 %) – русские, 387 (2,8 %) – мордва, 180 (1,3 %) – башкиры и татары, 74 (0,5 %) – немцы, эстонцы, латыши, 44 (0,3 %) – чуваши, 7 (0,05 %) марийцы и 242 (1,7 %) – прочие. По занятиям основную группу составляли крестьяне – 5094 человек (38,4 % общего числа читателей) и учащиеся – 4548 (34,3 %)[4].

В распространении книжной продукции среди населения важную роль сыграла земская книжная торговля, которая осуществлялась с 1902 г. через Центральный земский книжный склад, в 1908 г. его филиалы открылись в Бирске, Стерлитамаке и Белебее. Самостоятельные книжные склады организовали Мензелинское и Златоустов-

[1] *Григорьев П.Н.* Очерк деятельности Уфимского губернского земства по народному образованию. 1875–1910. С. 109.

[2] Постановления школьной комиссии при Уфимской губернской земской управе 12–17 августа 1908 года по вопросам народного образования. Уфа, 1908. С. 50; Сборник журналов Уфимского губернского земского собрания 40 очередного собрания 1914 года. Уфа, 1915. С. 477–495.

[3] *Обухов М.И.* Народное образование в Уфимской губернии к 1917 году. С. 11.

[4] Историко-статистические таблицы деятельности уфимских земств. С. 314–317.

ское уездные земства. Земские книжные склады принесли немало пользы в распространении среди населения дешёвой и содержательной книги.

Земства принимали участие в организации воскресных школ и курсов для взрослых, публичных лекций (народных чтений) и спектаклей. В течение 1914–1915 гг. было проведено свыше 1000 публичных лекций, на каждой было до 100 и более слушателей. Народные чтения посвящались текущим политическим событиям и темам общеобразовательного характера по истории, литературе, географии и нередко сопровождались показом «световых картин», диапозитивов с помощью диапроекторов («волшебных фонарей»). В 1915 г. при содействии уездных земств было проведено около 100 спектаклей для населения. В 1916 г. при губернской земской управе возникла «Секция народного театра и распространения изящных искусств», при которой была образована драматическая труппа.

Земство способствовало распространению кинематографа. В 1916 г. в губернии действовало 10 передвижных земских кинематографов, которые обслуживали различные селения и имели большой успех среди населения[1].

Земство обратило внимание на дошкольное воспитание, которое в начале XX в. только нарождалось. Первые деревенские ясли–приюты в Уфимской губернии были открыты в 1899 г. на средства Красного креста в Бирском, Белебеевском и Мензелинском уездах[2]. Они создавались на время полевых работ в целях охраны здоровья детей от эпидемических болезней и травматизма. Летом 1905 г. на средства губернского земства были устроены ясли-приюты в селениях Уфимского (Енгалыш, Загорское), Мензелинского (Ляки, Кузайкино, Старо-Мазино), Бирского (Емаши, Надеждино), Белебеевского (Слакбаш, Буздяк, Суккулово), Стерлитамакского (Дедово, Табынск) уездах[3]. В 1915 г. земство организовало по губернии уже около 85 яслей-приютов[4]. Их работой руководили местные врачи и учителя. Располагались обычно ясли в помещениях школ и частных домов, дети получали организованное питание.

Среди обязанностей земских учреждений значились меры по содействию экономическому благосостоянию населения. В условиях ломки социальной структуры общества, обезземеливания крестьянства и периодических сельскохозяйственных кризисов необходимо было поддерживать и развивать традиционные отрасли хозяйства – земледелие и скотоводство. Мероприятия земства в этой области включали агрономическую помощь, распространение сельскохозяйственных знаний, кустарных промыслов, мелкого кредита и т. д.

В области агрономии усилия земства были направлены в первую очередь на борьбу с сельскохозяйственными вредителями и улучшение техники земледелия. Для обсуждения вопросов, связанных с экономическими мероприятиями, при Уфимской губернской земской управе в 1894 г. начал работать совещательный орган – губерн-

---

[1] Доклады губернской земской управы 41-му очередному Уфимскому губернскому земскому собранию сессии 1915 г. О внешкольном образовании. Уфа, 1915. С. 15.

[2] Доклад управы XXVI очередному Уфимскому губернскому земскому собранию. Б. м. и г. С. 2.

[3] Журналы заседаний Уфимского губернского земского собрания XXXI очередной и XXXVII чрезвычайной сессии 1905-1906 года и доклады управы. Уфа, 1906. С. 543.

[4] *Эльцин Б.М.* Для чего нужны и как устраивать ясли-приюты в деревнях Уфимской губернии. Уфа, 1916.

ский экономический совет, куда вошли земские гласные и специалисты в области сельского хозяйства. В том же году открылся склад сельскохозяйственных машин и орудий губернского земства, где по доступной цене можно было приобрести необходимый инвентарь, качественные семена трав, огородных и хлебных культур. Новые, незнакомые населению веялки и сортировки для очистки зерна, усовершенствованные плуги и др. орудия демонстрировались и продавались на льготных условиях.

Агрономическая помощь стала доступнее крестьянам с введением в 1910 г. сети агрономических участков, которых к 1913 г. стало 40[1]. При каждом участке действовали прокатные станции. Благодаря им, крестьяне вместо сохи шире стали использовали плуг и железную борону, узнали о культиваторах, сепараторах и маслобойках. На земских зерноочистительных пунктах и передвижных обозах осуществлялась сортировка зерна. В целях большего распространения очистки зерна земство продавало сортировальные машины сельским кооперативам со значительной скидкой[2].

Среди успешных агрономических начинаний следует отметить распространение травосеяния. Кормовые травы давали устойчивый урожай, и население оценило эту меру, так как во многих местностях хороших лугов было мало. В качестве новшества внедрялась также культура кормовой свеклы.

В целях распространения огородничества и садоводства земство устраивало показательные участки при начальных училищах и у отдельных домохозяев, бесплатно или по льготной цене распространяло среди крестьян семена огородных культур и саженцы плодово-ягодных кустарников и деревьев. Популяризации сельскохозяйственных знаний способствовали беседы и лекции, выставки и курсы, а также раздача популярных брошюр, издаваемых земством. Например, в 1900 г. было издано 9500 брошюр, а в 1914 г. уже 46 218 экземпляров брошюр, листовок и плакатов по сельскому хозяйству. С 1908 по 1917 гг. земством выпускалась газета «Сельскохозяйственный листок», которая с 1914 г. печаталась на русском и тюрко-татарском языках.

По мысли некоторых земцев, новый тип сельского жителя, грамотно организующего собственное хозяйство, можно было подготовить в сельскохозяйственных школах. С этой целью в 1891 г. была открыта Мензелинская сельскохозяйственная школа уездного земства и в 1896 г. Белебеевская сельскохозяйственная школа Уфимского губернского земства (с 1912 г. Аксёновское училище). Эти школы способствовали развитию многих отраслей сельского хозяйства в губернии, играли роль научно-практических центров. Экспонаты Белебеевской школы получили бронзовую медаль на выставке пчеловодства в Москве в 1908 г., серебряные медали – на международной выставке по пчеловодству в Казани, на Дюртюлинской и Стерлитамакской выставках по огородничеству в 1910 г.[3]

Для изучения местных условий ведения хозяйства в 1912 г. была открыта Чишминская сельскохозяйственная опытная станция, при которой имелись луговые уча-

[1] Земская участково-агрономическая организация Уфимской губернии в 1913 г. Уфа, 1915. С. 208.
[2] Отчёт Уфимской губернской кассы мелкого кредита за 1911 год. Уфа, 1912. С. 64.
[3] Отчёт по Белебеевской Уфимского губернского земства сельскохозяйственной школе 1-го разряда за 1911 год. Уфа, 1913. С. 36.

стки, поля, лаборатория, музей, ботанический сад и т. п. На станции испытывались различные сорта хлебов, корнеплодов, картофеля и др., выяснялось влияние времени и способов посева на урожайность, велись наблюдения за развитием и условиями произрастания различных культур.

Изучение климата губернии, влияние метеорологических факторов на рост и урожаи земледельческих культур, предсказание погоды осуществлялось с помощью метеорологических станций. Метеорологическая сеть была организована Уфимским губернским земством в 1896 г. в ответ на предложение метеорологической обсерватории Казанского университета. Всего в уезде было открыто около 30 земских станций, которые до 1912 г. находились в ведении Казанской университетской обсерватории. С 1913 г. при Уфимской губернской управе учреждается метеорологическое бюро со специалистами и изучение климата перешло под руководство земства. Количество метеорологических станций к 1914 г. было увеличено до 59, обновлялось и совершенствовалось их оборудование[1].

Задачи содействия скотоводству выполняла земская ветеринария. Возникновение ветеринарной службы в земствах Уфимской губернии относится к 1870-м гг., когда некоторые уездные земства начали борьбу с чумой рогатого скота. Эта болезнь животных приобрела в стране масштабы эпизоотии и наносила большой урон хозяйству. После издания правительственного закона от 3 июня 1879 г. о забое зачумлённых животных и налаживанию ветеринарной службы разрозненные усилия отдельных земств приобрели планомерный и результативный характер. В 1888 г. была создана губернская ветеринарная организация, представленная ветеринарным отделом при губернской земской управе и 14 врачебно-ветеринарными участками в уездах, число которых с каждым годом росло (в 1913 г. – 33[2]). К 1891 г. чума рогатого скота в Уфимской губернии была искоренена.

Ветеринарная организация служила не только для предотвращения заразных болезней домашнего скота – сибирской язвы, ящура, туберкулёза, но и выполняла в дальнейшем более широкие задачи: лечение домашних животных, улучшение пород скота, просветительская деятельность и т. д. С 1894 г. в крае, по примеру других земств, начали проводиться периодические съезды ветеринарных врачей, которые способствовали улучшению и постепенному развитию ветеринарного дела в губернии[3].

Актуальным являлся вопрос об улучшении пород домашнего скота. Эта проблема стояла одинаково остро по всей России и важность её решения признавалась как правительством, так и общественными учреждениями. Для разработки вопроса предпринимались специальные экспедиции и исследования, выводы которых были подчас противоречивы[4]. Уфимское губернское земство в 1911–1912 гг. предприняло масштабное обследование состояния крупного рогатого скота в крестьянских хозяй-

---

[1] Труды метеорологической сети уфимского губернского земства. Уфа, 1914. Вып. 1. С. 86.

[2] Историко-статистические таблицы деятельности уфимских земств. С. 326–327.

[3] См.: Труды 1-го и 2-го съезда ветеринарных врачей Уфимского губернского земства. Протоколы заседаний и доклады секций. Уфа, 1894.

[4] Там же. С. 25–31.

ствах, которое включало статистические и зоотехнические работы[1]. Полученные сведения учитывались при реализации общегубернского плана по массовому улучшению крупного рогатого скота, разработанного губернской управой[2]. В каждом уезде было выделено по два района с наиболее благоприятными кормовыми и др. условиями, где разводили определённые породы животных, соответствующие местным требованиям[3]. Кроме того, земские мероприятия по улучшению животноводства выразились в устройстве в 1909–1910 гг. рассадников породистых животных при Аксёновском и Мензелинском сельскохозяйственном училищах, случных пунктов, раздаче породистых производителей сельским обществам, кредитным товариществам, частным лицам. Популярной мерой было устройство выставок и курсов по животноводству, где крестьян учили способам правильного кормления и ухода за скотом. В целях развития молочного хозяйства губернское земство в 1910 г. устроило передвижной учебно-показательный маслодельный завод. В 1913 г. в губернии было 18 маслодельных артелей, 16 из которых образовались при финансовой помощи земства[4].

Необходимой составляющей экономической поддержки населения являлась организация доступного кредита. Распространённое в сельской местности ростовщичество имело разорительный характер для населения[5]. Уфимская губернская земская касса мелкого кредита была образована в 1907 г. Её капитал складывался наряду с земскими суммами из правительственных ссуд от Государственного Банка, сберегательных касс, Управления по делам мелкого кредита и т. д.[6] Земские кассы открылись и в уездах: Бирская в 1907 г., Уфимская и Белебеевская в 1909, Стерлитамакская в 1910, Мензелинская в 1911 г. Ссуды выдавались главным образом кредитным товариществам, производительным артелям и др. кооперативным организациям. Благодаря субсидиям сельские товарищества строили хлебные амбары для хранения зерна, покупали семена, сельскохозяйственные орудия и машины, кустарные артели получали на льготных условиях материалы и инструменты[7].

Немаловажное значение для деревни имело развитие кустарной промышленности. В целях поддержки местных промыслов земство открывало самостоятельные мастерские и ремесленные классы при начальных училищах, где обучались учащиеся и посторонние без различия возраста, субсидировало ремесленные школы (Аскинскую, Краснохолмскую, Дуванскую, Златоустовское училище и др.). К 1916 г. существовало 11 ремесленных классов при начальных школах губернии. Желая придать кустарному производству большие масштабы и перспективность, владелец Благовещенского заво-

---

[1] *Иванов П.М.* Материалы по исследованию крупного рогатого скота в крестьянских хозяйствах Уфимской губернии. Уфа, 1912.

[2] *Он же.* Массовое улучшение рогатого скота по общегубернскому плану. Уфа, 1913.

[3] Краткий очерк тридцатилетия земской ветеринарной организации в Уфимской губернии. Уфа, 1917. С. 8.

[4] Земская участково-агрономическая организация Уфимской губернии в 1913 г. С. 261; Историко-статистические таблицы деятельности уфимских земств. С. 394.

[5] *Роднов М.И.* Указ. соч. С. 179–184.

[6] Отчёт Уфимской губернской земской кассы мелкого кредита за 1911 г. Уфа, 1912. С. 19–32.

[7] Там же. С. 40–64.

да А.Д. Дашков наладил при нём производство веялок. Для этого промысла вначале приглашались вятские кустари. Впоследствии производство приняло крупные размеры и веялки «Уфимки» получили широкое распространение в губернии. Земство пыталось развить кустарное производство в районе закрытых в 1908 г. Катав-Ивановского и Юрюзанского заводов, для чего содержало там мастерские[1]. Кустари могли выгодно сбыть свои изделия через земские сельскохозяйственные склады, на различных выставках и конкурсах, организуемых земскими учреждениями. Хотя деятельность земства не смогла внести коренного изменения в местные условия кустарного производства (оно сохранило рассеянный и второстепенный характер в хозяйстве), она всё же способствовала экономической поддержке населения.

Таким образом, деятельность земств Уфимской губернии оставила заметный след в истории края. Наиболее активно она начала проявляться с начала XX в., что связано с увеличением земских доходов и расширением опыта местного самоуправления. Приоритетными направлениями стали распространение медицинской помощи и развитие народного просвещения. В результате повышался уровень культуры населения, в деревню стали проникать элементы цивилизованной жизни. Земские учреждения заложили основы таких отраслей как агрономия, ветеринария, метеорология и др. Многие достижения земства были использованы последующими поколениями.

Городское самоуправление в Уфимской губернии после реформы 1870 г. целиком находилось в руках местного купечества и мещанства, составлявших большинство среди лиц, обладавших избирательным правом. Например, в рядах гласных уфимской городской думы в 1871–1875 гг. купцов и почётных граждан было 40 из 69, в дальнейшем их число сократилось до 26–28 чел., но всё равно они оставались наиболее крупной социальной группой. С другой стороны, происходит постепенный рост количества гласных от дворян и чиновников, с 17 чел. в 1871–1875 гг. до 25 депутатов в 1879–1883 гг. В уездных городах перевес «третьего сословия» был ещё сильнее. В 1886–1889 гг. в уездных центрах (без Уфы) всего было избрано 112 гласных, из которых купцов – 62, мещан и крестьян – 72 чел., а дворян и чиновников – лишь 22 чел. Причём в Белебее в состав местной думы не попал ни один дворянин[2].

В городах Южного Урала во второй половине XIX в. абсолютно преобладало русское население и состав дум также в основном комплектовался из русских гласных, удельный вес башкир и татар в 1870–1880-х гг. в среднем доходил до 3–5 %, ещё от 3 до 10 % депутатов представляло иные национальные группы. Исключением являлась Стерлитамакская городская дума, в которой число гласных мусульман достигало 40 % от общего количества[3].

Появление новой, выборной, городской власти вызвало активность населения. Так, в Уфе в избирательной кампании участвовало около четверти жителей, имевших право

---

[1] *Герасимов В.Ф.* Очерк деятельности Уфимского губернского земства. К 50-летию введения земских учреждений. Уфа. 1914. С. 23.; Отчёт о деятельности Уфимской губернской земской управы по содействию кустарной промышленности. С. 3–17.

[2] *Емалетдинова Г.Э.* Указ. соч. С. 186–187.

[3] Подсчитано по: Адрес-календарь Оренбургской губернии за 1870 г. Оренбург, 1870. С. 55–57; Обзор деятельности городского управления и положение городского хозяйства г. Уфы в 1870–1871 гг. Уфа, 1881. С. 132; Памятная книжка Уфимской губернии на 1889 г. Уфа, 1889. С. 42–49.

голоса, что сильно выделялось на общероссийском уровне, где в среднем голосовать приходило 4–7 % горожан[1]. Но в дальнейшем активность избирателей падала, росло равнодушие к персональному составу местного самоуправления. Если на выборах в Уфимскую думу первого четырёхлетия (1871–1874) явилось 24,2 % жителей, имевших право голоса, то дума на четырёхлетие 1883–1886 гг. была избрана всего лишь 14,1 % горожан. В Оренбурге процент голосовавших упал с 10,7 до 10,5 %[2].

В первые десятилетия своего существования городские думы и управы набирались опыта в формировании местных бюджетов, началось развитие коммунального хозяйства и благоустройства городов, поддерживались народное образование и культура, общественное призрение. Среди первых руководителей городского самоуправления выделяется фигура Дмитрия Семёновича Волкова, уфимского городского головы с 1875 по 1886 гг. Сын протоиерея, выпускник Московской духовной академии, он с 1863 г. начинает службу в Уфимской губернии с рядовых чинов и делает блестящую карьеру. В 1872 г. ему присваивается потомственное дворянство, в 1872–1873 гг. Д.С. Волков замещает должность вице-губернатора, второго лица в администрации края, а затем трижды переизбирается уфимскими жителями городским головой. Особую роль сыграл Д.С. Волков в «пробивании» строительства железной дороги от Самары на Уфу и далее на восток. Совместно с самарским городским головой П.В. Алабиным, он возглавил пропагандистскую кампанию за прокладку железной дороги, убеждал правительственных чиновников в её необходимости, составлял петиции, участвуя в обсуждениях и совещаниях. Именно Д.С. Волков отстаивал проведения железной дороги непосредственно через Уфу, вместо более выгодного и дешёвого для строителей обхода города с востока (возле Чесноковки)[3]. Большой интерес проявлял городской голова к историческим изысканиям.

Однако, в условиях консервативного, традиционалистского курса императора Александра III, в 1892 г. было введено новое городовое положение, по которому усилился административный контроль за местным самоуправлением и, главное, резко сокращалось количество имевших право голоса из-за более высокого избирательного ценза. В ряды выборщиков включались владельцы недвижимого имущества, с оценкой в губернских городах не менее 1000–1500 руб., в уездных – 300 руб., а также лица или общества, обладавшие купеческими свидетельствами 1-й гильдии. Фактически ряды избирателей теперь состояли из домовладельцев, крупной торговой и промышленной буржуазии. Губернатору представлялись все постановления думы, он следил за «целесообразностью» её деятельности, а решения думы приводились в действие, если администрация не останавливала их в двухнедельный срок[4].

В сентябре 1892 г. под председательством губернатора Л.Е. Норда открылось Уфимское губернское по городским делам присутствие, которое начало подготовку к новым выборам; в октябре в управе были выставлены списки избирателей[5]. В Уфе

[1] *Емалетдинова Г.Э.* Указ. соч. С. 183; *Нардова В.А.* Городское самоуправление в 60–90-е гг. XIX в. (правительственная политика). М., 1992. С. 60–62.

[2] *Емалетдинова Г.Э.* Указ. соч. С. 185.

[3] Там же. С. 102–103, 139–141.

[4] Там же. С. 61–62.

[5] ЦГИА РБ. Ф. И-11. Оп. 1. Д. 1246. Л. 25, 33; РГИА. Ф. 1287. Оп. 38. Д. 2641. Л. 3.

(с населением 49,3 тыс. чел. в 1897 г.) правом участия в выборах городской думы по изменённому имущественному цензу обладало всего 320 человек. Новый состав Уфимской думы (34 гласных) включал фактически каждого десятого избирателя и, хотя из 32 депутатов (ещё двое назначены от духовного ведомства и земской управы) с высшим образованием было 13 человек, а восемь со средним[1]. Самоуправление выражало интересы незначительной городской элиты. Не только малосостоятельные слои населения, но и средний класс Уфы (интеллигенция, рядовое чиновничество, средние и мелкие предприниматели, квалифицированные рабочие) не принимали никакого участия в судьбах города. Например, правом выборов в Уфимскую думу на 1900–1904 гг. обладало 370 жителей (30 дворян, 50 чиновников, двое от духовенства, 96 купцов, 21 почётный гражданин, 99 мещан, 18 владельцев заводов, 15 крестьян, 26 бывших военных, 3 ремесленников, 6 «образованных лиц» и четверо избирателей представляли лиц или фирмы, уплатившие с промыслов)[2].

Аналогичная ситуация сложилась в уездных городах Уфимской губернии, где новое положение было введено в 1894 г.[3] Число лиц, получивших избирательное право, составляло от 94 человек в Стерлитамаке до 149 в Белебее (от 0,6 до 3,1 % всего городского населения)[4]. В Стерлитамаке количество избирателей с 1884 по 1892 г. сократилось в 6,6 раз (с 623 до 94)[5]. Новый имущественный ценз для уездных городов оказался очень высоким. На рубеже XIX–XX вв. количество стерлитамакских избирателей составляло от 90 до 108 человек, лишь при выборах гласных на 1909–1912 гг. число выборщиков возросло до 157. При непрерывном росте городского населения, в 1897 г. в Стерлитамаке в выборах думы участвовало 0,6 % жителей, к 1912 г. – 0,9 %[6].

По социальному составу в южноуральских думах по-прежнему доминировало купечество, но уже его верхушка. Изменение законодательства сказалось и на национальном составе самоуправления. Если раньше количество гласных из нехристиан могло составлять до 1/3 общего количества, то теперь – не более 1/5. В числе 22 гласных Стерлитамакской думы на 1910–1913 гг. были избраны К. Баязитов, Б. Гибадуллин, Х. Кайгулов, Г. Усманов[7].

Исполнительный аппарат городского самоуправления – голова, его заместитель («заступающий место»), секретарь и бухгалтер – наделялись правами государственных служащих, что усиливало бюрократизм и ещё больше отдаляло «самоуправление» от избирателей[8]. Городской голова одновременно возглавлял и думу, и управу.

Перед городскими думами Южного Урала стояло много проблем. Независимость от мнения подавляющего большинства горожан давала руководству дум и управ свободу манёвра, позволяло принимать нужные, хотя и не популярные решения, прово-

---

[1] РГИА. Ф. 1287. Оп. 38. Д. 2641. Л. 13, 33.
[2] *Емалетдинова Г.Э.* Указ. соч. С. 199.
[3] РГИА. Ф. 1287. Оп. 38. Д. 2641. Л. 62.
[4] *Емалетдинова Г.Э.* Указ. соч. С. 197.
[5] РГИА. Ф. 1287. Оп. 28. Д. 751. Л. 48.
[6] *Емалетдинова Г.Э.* Указ. соч. С. 178, 198.
[7] Там же. С. 62, 201.
[8] *Немчинов В.И.* Городское самоуправление по действующему городскому законодательству. М., 1912. С. 10.

дить жёсткую финансовую политику, выдвигать на руководящие посты квалифицированных специалистов, а не политических деятелей. В конце XIX – начале XX в. происходит быстрая урбанизация, доходы всех шести городов Уфимской губернии возросли с 221,2 тыс. до 1,6 млн руб. (или в 7,4 раза)[1], начинается массовое жилищное строительство, быстро развиваются торговля и промышленность, коммунальное хозяйство, города благоустраиваются, самоуправление активно финансирует культуру, здравоохранение и народное образование.

Самоуправление сыграло большую роль в развитии городов. В Уфе проходит шоссирование основных улиц и устройство тротуаров, введён регулярный контроль за санитарным и противопожарным состоянием, строятся мосты и дамбы внутри города, власти содержали плашкоутную Оренбургскую переправу через Белую. Важное значение имело устройство водовода, а в 1901 г. водопровода, решившего проблему снабжения Уфы хорошей питьевой водой. Началось освещение улиц, с 1898 г. в городе появились электрические фонари. Развивалось благоустройство и уездных городов края[2].

Несмотря на контроль консервативной губернской администрации, элита городов выдвигала на руководящие посты энергичных деятелей, таких как стерлитамакский городской голова К.Д. Ростовцев. Уфимскую думу долгое время возглавлял А.А. Малеев, крупный общественный деятель, в 1901 г. ставший инициатором нелегального общероссийского городского съезда[3]. Оппозиционные настроения, требования более решительной модернизации политического строя империи охватили и верхушку региональных торгово-промышленных кругов. Всего за период 1871–1917 г. в должности уфимского городского головы пребывали купец 2-й гильдии П.В. Попов (1871–1874 гг.), надворный советник Д.С. Волков (1875–1886), купец 1-й гильдии Ф.Е. Чижов (1887–1890), купец 1-й гильдии С.Л. Сахаров (1891–1894), коллежский, затем статский советник А.А. Малеев (1895–1906), надворный советник П.Ф. Гиневский (1906–1908), инженер Г.Г. Диц (1909), купец С.П. Зайков (1909–1913), титулярный советник А.И. Верниковский (1915–1917)[4].

---

[1] *Емалетдинова Г.Э.* Указ. соч. С. 214.
[2] Там же. С. 145–154.
[3] Там же. С. 166–170.
[4] Там же. С. 106.

§ 3. Судебные и правоохранительные органы

Организация судебной системы в Уфимской губернии по реформе 1864 г. Дореформенная судебная система в крае функционировала на основе «Учреждений для управления губерний Всероссийской империи» от 7 ноября 1775 г. Она была устроена по подчёркнуто сословному приниц累пу и состояла из волостных судов (для всех сельских обывателей), уездных судов (для дворян и сельских обываателей по делам, выходящим за пределы компетенции волостных судов, с 1867 г. для горожан и купцов), городовых магистратов и ратуш (для купцов и мещан до 1866 г.). Общесословными апеляционно-ревизионными инстанциями для них были Оренбургские и Уфимские палаты уголовного и гражданского суда[1].

Введение судоустройства и судопроизводства в Российской империи на новых началах было провозглашено судебными уставами от 20 ноября 1864 г. Организационная структура и процессуальная форма деятельности новых судебных органов были приспособлены к обслуживанию потребностей, связанных с развитием рыночных отношений. Новые суды создавались на началах бессословности, несменяемости судей, независимости от администрации, участия присяжных заседателей в рассмотрении уголовных дел в окружных судах, гласности и состязательности судопроизводства.

Судебные уставы значительно упрощали судебную систему. Вместо многочисленных инстанций дореформенного суда, создавалась новая система судебных органов: мировой суд в составе единоличного мирового судьи, а в качестве второй, апелляционной инстанции для дел, рассмотренных в мировых судах того или иного округа, – съезд мировых судей; общие судебные места – окружные суды и судебные палаты; кассационной инстанцией для всех судов империи являлись два департамента Сената – уголовно-кассационный и гражданско-кассационный.

Начало проведения судебной реформы в Уфимской губернии было положено указом от 2 мая 1878 г. «О введении в Уфимской, Оренбургской, Астраханской губерниях мировых судебных установлений отдельно от общих»[2]. К этому времени мировые судьи уже действовали в 32 губерниях по указу от 19 октября 1865 г. «О введении в действие судебных уставов». Уфимская и Оренбургская губернии были отнесены к VIII группе территорий, где вводились судебные уставы с некоторыми отступлениями от общих положений. Все восемь групп объединяло общее понятие «национальная окраина». Это были окраинные районы, значительно отдалённые от метрополии, с особым этническим и социальным составом населения, в котором преобладали коренные жители и казачество, со своеобразными культурными и религиозными традициями. Для южноуральских губерний были характерны сравнительная малочисленность населения, проживавшего на огромной территории, деятельность шариатных и народных судов башкир и татар, с которыми властям приходилось считаться и находить общий язык[3].

---

[1] *Абдрахманов А.Ф.* Государственное управление, суд и прокуратура Уфимской губернии 1865–1917 гг. Уфа, 2005. С. 41.

[2] ПСЗ II. Т. 40. № 42587.

[3] *Ишкулов Ф.А.* Указ. соч. С. 112; *Абдрахманов А.Ф.* Указ. соч. С. 66–69.

В жизни мусульман Уфимской губернии нормы обычного и шариатного права использовались более интенсивно, чем общепринятые законы. Для мусульман они были основным, а при отсутствии девиантных моментов в поведении, и единственном способом регулирование правопорядка. Для ограничения сферы действия обычного права правительство проводило довольно гибкую политику. Оно не стало насильно пресекать сложившуюся практику применения обычного и шариатного права, а попыталось заменить её более привлекательным способом регулирования правопорядка – введением института мирового суда. Но суд руководствовался законами, а между ними и нормами обычного права существовал значительный зазор. Чтобы его преодолеть, 27 декабря 1865 г. Александром II был утвержден «Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями». Он был создан по принципу прецедентного права и способствовал установлению компромисса между имперскими законами и нормами обычного права, для его разработки был использован отчасти «сельский судебный устав для государственных крестьян»[1]. Чтобы максимально уменьшить возможность неадекватных действий мирового судьи, к нему предъявлялось требование знания местных обычаев и использования их в судебной практике[2].

По указу от 2 мая 1878 г. судебные уставы в Уфимской губернии вводились в неполном объёме – создавались только мировые суды и съезды мировых судей округа. Мировые судебные участки состояли, как правило, из нескольких волостей и располагались в уездных и губернских городах. В Уфимской губернии было создано 32 судебных участка[3]. Судебно-территориальное деление совпадало с административно-территориальным. Организационно оно было связано с земствами: уездные земские собрания избирали судей, финансирование также производилось из земского бюджета. Хотя администрация не могла вмешиваться в подбор и назначение судей общих судов, в данном случае выборы уравновешивались поуездным делением, что позволяло держать под контролем сам процесс избрания и деятельности мировых судей.

Мировые судебные участки одного или нескольких уездов были объединены в мировой судебный округ. Число участков и участковых мировых судей в каждом из шести судебных округов колебалось от трёх до семи. В Уфимском судебном округе, например, было семь участков, в Бирском – шесть, в Белебеевском – пять, в Стерлитамакском – шесть, в Мензелинском – пять и в Златоустовском – три участка и столько же мировых судей, т. е. по одному судье на каждый участок. По указу в каждом из участков должно было быть столько почетных мировых и добавочных судей, чтобы в необходимых случаях заменить участкового судью.

Апелляционной инстанцией по пересмотру уголовных и гражданских дел, разрешенных мировыми судьями, был съезд мировых судей, председатель которого избирался из числа тех же мировых судей на три года и утверждался министром юстиции по представлению губернатора[4].

---

[1] ПСЗ II. Т. 39. № 41473, 41478.
[2] Там же. № 41475. Ст. 1.
[3] Там же. Т. 53. № 58457; СУ за 1878. СПб., 1879. № III.
[4] СУ за 1878. СПб., 1879. № III. Ст. II.

Съезд мировых судей состоял из всех мировых судей данного округа. Кроме председателя на нём избирались секретари съезда и их помощники. При этом один из добавочных мировых судей обязательно должен был входить в состав съезда в качестве непременного члена. Должность добавочного мирового судьи вводилась с конца 1867 г., однако не повсеместно, а главным образом в «национальных окраинах». К мировым съездам был прикреплен один из товарищей (заместителей) губернского прокурора, который осуществлял функцию надзора и давал заключения по делам, что, впрочем, не имело для съезда обязательного характера.

Для избрания или назначения мировых судей требовалось наличие у кандидата определенного ценза, установленного правительством. Согласно судебным уставам и Положению от 19 октября 1865 г. кандидатом в мировые судьи мог быть человек не моложе 25 лет, обладавший недвижимостью в размере не менее 400 дес. земли или владевший движимым имуществом стоимостью не менее 15 тыс. руб. (в городах – не ниже 3 тыс. руб.), имеющий высшее или среднее образование или не менее трёх лет стажа работы «преимущественно по судебной части» и не состоявший под судом и следствием[1]. Квалифицированных юристов в то время не хватало. От кадрового голода страдал не только мировой суд, но и вообще вся российская судебная система. Преодолеть такой дефицит можно было только путем смягчения требований образовательного ценза. Официальная точка зрения Государственного Совета на это звучала следующим образом: «мировой судья должен пользоваться особым доверием местных жителей, а доверие это он может заслужить не столько юридическим образованием, сколько знанием народных понятий, нравов, обычаев».

Примечательная особенность формирования мировых судов в Уфимской губернии, в отличие от других «национальных окраин», заключалась в том, что здесь устанавливался самый высокий земельный ценз для кандидатов: для центрального Уфимского уезда он составлял 950 дес., а для всех других уездов губернии – 500 дес.[2] В других «национальных окраинах» имущественный ценз вообще отсутствовал. В Кубанской и Терской областях кандидаты должны были удовлетворять только служебно-образовательному цензу. В Прибалтийских губерниях при недостатке кандидатур имущественный ценз из условий изымался[3].

Несменяемость судей в Уфимской губернии существовала лишь формально, поскольку срок полномочий участковых мировых судей здесь вообще не был установлен. Общий срок полномочий почетных мировых судей был определён в 3 года, это давало возможность правительству сменить их в любое время по своему усмотрению. К тому же, кандидат на должность мирового судьи мог быть не утвержден правительством[4].

Ревизия члена Государственного Совета сенатора М.Е. Ковалевского деятельности административных и судебных учреждений Уфимской губернии в 1880–е гг.

---

[1] *Джаншиев Г.А.* Эпоха великих реформ. СПб., 1901. С. 454.

[2] СУ за 1878. № III. Ст. 4. С. 464.

[3] ПСЗ III. Т. 39. № 41475. Ст. 438, 562.

[4] Систематический сводный сборник постановлений Уфимского губернского земского собрания за 35-летие. Уфа, 1915. Т. 3. № 5282.

вскрыла случаи волокиты в судебных округах при безучастном отношении к этому мировых судей и их съездов. Сенаторские ревизии и в последующем не раз выявляли подобные недостатки в других губерниях страны. Итогом стало издание указа Сената от 6–12 июня 1886 г. «О мерах к устранению медленности в мировых учреждениях»[1]. С этим изъяном в работе пытались бороться путём увеличения канцелярской отчетности. Но основной причиной длительного рассмотрения дел была нехватка участковых мировых судей и большая загруженность судей.

Вплоть до 1894 г., когда мировые судебные учреждения были ликвидированы, в статусе мировых судей принципиальных изменений не происходило. Мировые суды Уфимской губернии постепенно переводились на казённое финансирование. В период финансирования мировых учреждений за счёт земской казны (выборы, жалованье, штаты канцелярии, помещение) и формирования судебного корпуса путём земских выборов появился небезосновательный повод говорить о зависимости мировых судей от местной власти. Известная оппозиционность земств по отношению к правительству сказывалась и на мировых судьях, что для самодержавия было неприемлемо.

Постепенно управление мировой юстицией в губернии становится более централизованным. Это проявлялось в расширении полномочий министра юстиции по назначению, перемещению или увольнению судей и председателей съездов (в ряде случаев – по совету с губернаторами), определению места и времени проведения мировых съездов; в финансировании, осуществлявшемся за небольшим исключением из государственный казны. Во всём проявлялось стремление правительства сохранить приоритет дворянства в мировых судах (в конечном счете – усилить центростремительные тенденции в управлении).

Введение мировых судебных учреждений в Уфимской губернии указом от 2 мая 1878 г. привело к упорядочению и основательной переработке судоустройства. Прежняя тяжеловесность, запутанность, множественность инстанций уступали место строгой системе и ясности.

Окончательные приговоры и решения мировых судебных учреждений и Уфимской палаты гражданского и уголовного суда не подлежали пересмотру в апелляционном порядке, а могли быть обжалованы или опротестованы только в кассационном порядке в уголовный и гражданский кассационные департаменты Сената.

С введением мировых судебных учреждений Уфимская палата гражданского и уголовного суда стала исполнять роль окружного суда и рассматривала в качестве первой инстанции все дела, превышающие компетенцию мировых судов. Но после введения порядка пересмотра приговоров и решений мировых судов через Казанскую судебную палату, апелляционные функции Уфимской палаты гражданского и уголовного суда ликвидируются.

17 декабря 1885 г. на заседании губернского земского собрания было принято ходатайство об отмене существующего апелляционного порядка пересмотра приговоров губернской палаты гражданского и уголовного суда через Сенат и об отнесении этого вопроса к ведению Казанской судебной палаты. Данная просьба была удовлетворена, и с декабря 1885 г. Уфимская палата гражданского и уголовного суда по

[1] Вестник Европы. 1886. Кн. 10. С. 865–866.

апелляционным делам была отнесена к Казанской судебной палате. Эта мера положила начало второму этапу проведения судебной реформы[1].

Министр юстиции Н.В.Муравьев 22 июня 1894 г. в Уфе объявил о закрытии Уфимской палаты гражданского и уголовного суда и открыл **Уфимский окружной суд**.

Следуя требованиям «Дополнительных правил о порядке окончания дел прежних судебных мест», вышедших 10 марта 1869 г., неоконченные дела в палате прекращались, либо получали дальнейшее движение, часть передавалась в нотариальный архив. Так, нерешённые уголовные дела были переданы, в соответствии с уставом уголовного судопроизводства, прокурору окружного суда. Отзывы и протесты на решения палатой такого рода дел приносились в окружной суд для представления Сенату. Нерешённые гражданские дела направлялись палатой в окружной суд для производства в соответствии с уставом гражданского судопроизводства. Жалобы на решения палаты также подавались в окружной суд для представления их Сенату.

Требование губернского земского собрания о введении суда присяжных заседателей при окружных судах было оставлено без удовлетворения со ссылкой на указ от 9 марта 1892 г., где было сказано, что «дела о преступлениях и проступках, подсудных окружному суду, ведаются этим судом без участия присяжных заседателей»[2].

Уфимский окружной суд подразделялся на уголовное и гражданское отделения. Председатель суда, его товарищ и члены окружного суда назначались императором по рекомендации министра юстиции. Отделениями руководили товарищи председателя окружного суда, пользовавшиеся одинаковыми с председателем правами в области судопроизводства. По данным на 1897 г. председателем суда был Н.К. Безе, товарищем председателя – В.А. Соколовский, членами суда по гражданскому отделению – Л.И. Гординский, Е.Г. Левберг, В.А. Чмыков; по уголовному отделению – Н.М. Захаров, И.В. Сперанский, Г.В. Россинский. По штату Уфимского окружного суда, в соответствии с указом от 18 декабря 1892 г., было предусмотрено 11 членов суда, два секретаря, помощников – 8, переводчик, архивариус, судебных приставов – 11, прокурор – один, секретарь при прокуроре – один[3]. Но в Уфимском окружном суде вместо положенных 11 членов состояло только 6. Это было вызвано недостатком местных жителей, окончивших высшие учебные заведения, а также отдалённостью Уфимской губернии от центра, так как жалованье в 1000 руб. и перспектива жить в уездном городе или в селении не могли привлечь на данные должности образованных людей из университетских городов страны[4]. Поэтому места членов суда продолжительное время оставались незамещёнными.

Уфимский окружной суд, как и в остальных губерниях империи, был судом первой инстанции по уголовным и гражданским делам жителей губернии. Он был причислен к округу Казанской судебной палаты, в связи с чем штат палаты был увеличен за счёт образования второго уголовного департамента с председателем и членом палаты.

---

[1] *Ишкулов Ф.А.* Указ. соч. С. 115.

[2] ПСЗ III. Т. 2. № 8400.

[3] См.: Календарь и справочная книжка Уфимской губернии на 1897 год.

[4] *Головачёв А.А.* Десять лет реформ 1861–1871 гг. // Вестник Европы. СПб., 1872. С. 179.

Первый отчёт Уфимского окружного суда охватывал сведения о деятельности округа с 22 июня 1894 по 1 января 1895 г.[1] В течение года рассматривалось около 500 дел. Число осуждённых в 1895 г. составило 461 чел., в 1896 г. – 512, 1897 г. – 418, 1898 г. – 459, 1899 г. – 575 и в 1900 г. – 552 чел. Большинство (70 %) были осуждены за преступления против жизни, здоровья, свободы и чести частных лиц (ст. 1449–1548 Уложения о наказаниях) или за преступления против собственности частных лиц (ст. 1601–1711)[2].

В составе окружных судов образовывались присутствия из нескольких судей, которые рассматривали большинство дел, отнесённых к компетенции общих судебных установлений. К их основным полномочиям относилось рассмотрение уголовных и гражданских дел по первой инстанции. В период реализации положения о земских начальниках от 12 июля 1889 г., Уфимский окружной суд с 1894 г. выступал в роли второй инстанции по отношению к мировым судьям и проверял законность их судебных решений.

Суд с участием сословных представителей был одним из проявлений непоследовательности судебной реформы. Власти не решились полностью изолировать суды от влияния сословных интересов. Были выделены категории преступлений, рассмотрение дел о которых ставилось под контроль представителей сословий. К таким преступлениям относились, например, дела о государственных преступлениях, о «преступлениях по должности». При их разбирательстве к профессиональным судьям присоединялись четыре сословных представителя – губернский и уездный предводитель дворянства, городской голова и волостной старшина. Так, 7 июня 1901 г. председатель Уфимского окружного суда просил городского голову Златоуста принять участие в заседаниях окружного суда в этом городе 22, 23 и 24 июня при разрешении дела с участием сословных представителей, а в случае невозможности участвовать лично пригласить своего заместителя. Рассмотрение уголовных дел с участием сословных представителей осуществлялось не только в окружных судах, но и в судах других инстанций общих судов – в судебных палатах и Сенате.

В ежегодных отчётных ведомостях Казанской судебной палате Уфимский окружной суд представлял сведения о деятельности суда, состоящих при нем должностных лиц, о числе и занятиях кандидатов на должности по судебному ведомству.

По предложению гласных губернского земского собрания совместно с председателем Уфимского окружного суда Н.К.Безе и по представлению министра юстиции 2 февраля 1898 г. был издан указ «Об утверждении в Оренбургской и Уфимской губерниях суда с участием присяжных заседателей»[3]. Он вводился с 1 июля 1898 г., однако на деле **суд присяжных заседателей** был открыт лишь 2 сентября 1898 г.[4]

[1] НА РТ. Ф. 51. Оп. 1. Д. 377. Л. 8.

[2] Обзор Уфимской губернии за 1895 год (приложение к всеподданнейшему отчёту). Уфа, 1896. С. 86; Там же за 1896 год. Уфа, 1897. Табл. 17; Там же за 1897 год. Уфа, 1898. Табл. 15; Там же за 1898 год. Уфа, 1899. Табл. 16; Там же за 1899 год. Уфа, 1900. Табл. 15.

[3] ПСЗ III. Т. 18. № 14978.

[4] *Абдрахманов А.Ф.* Указ. соч. С. 88.

Суды присяжных состояли из трёх судей-профессионалов и 12 присяжных заседателей. Присяжными могли стать российские подданные, которые отвечали установленным требованиям (возраст от 25 до 70 лет, хорошее состояние здоровья, знание русского языка, ценз оседлости, т. е. проживание не менее двух лет в уезде, где производится выбор в заседатели, и обладание земельным наделом размером не менее 100 дес. или недвижимостью). Жители Уфимской губернии, желавшие попасть в список присяжных заседателей, должны были иметь недвижимое имущество стоимостью от 500 до 2000 руб., или годовой доход от 400 до 1000 руб., или земельный надел в 100 дес., или же быть купцом 1-й и 2-й гильдии (без ценза)[1]. Имущественный ценз устанавливался с учётом местных условий различных губерний России, размер земельного – колебался от 20 до 80 дес. В Уфимской губернии он был самым высоким – 100 дес.

В конце XIX в. в Уфимской губернии наблюдалось возрастание количества уголовных дел. Данное явление было связано в какой-то мере с постройкой Самаро-Златоустовской железной дороги, когда в губернию хлынул поток переселенцев. По статистике каждое третье преступление совершалось на железной дороге. Поэтому в конце XIX в. в Уфимском окружном суде было создано второе уголовное отделение. Состав окружного суда был увеличен за счёт введения новых должностей. На 1 января 1900 г. каждое из двух уголовных отделений Уфимского окружного суда состояло из товарища председателя, 6 членов, 2 секретарей и 5 их помощников, архивариуса, 19 канцелярских служителей, 2 переводчиков, 4 старших и 4 младших кандидатов на судебные должности, 10 судебных приставов и 7 частных поверенных. Гражданское отделение состояло из товарища председателя, 4 членов суда, секретаря, двух его помощников и 10 других канцелярских служителей[2].

По мере развития товарно-денежных отношений и постепенного включения Уфимской губернии в общероссийский рынок, наблюдается резкое увеличение количества уголовных дел во всех судах губернии. Если в 1885 г. было рассмотрено 3786 дел, в 1897 г. – 5347 дел, то в 1909 г. – 12 274 уголовных дел только по наиболее тяжким видам преступлений, а в 1916 г. уже 24427 дел, что больше в 1,9 раза по сравнению с 1909 г.[3]

Одной из особенностей деятельности губернских судов середины 1890–1900-х гг. было то, что наряду с рассмотрением дел, связанных с внутренней жизнью губернии, увеличилось количество процессов, связанных с социально-политическими изменениями в масштабе всей Российской империи. Причём такая категория дел по статистике Уфимского окружного суда с каждым годом возрастала. Наряду с притоком крестьянского населения, в край прибывали лица, состоявшие под полицейским надзором, мошенники, воры, выгнанные со службы полицейские, заразные больные, разорившиеся банкиры, должники и пр., что усиливало криминогенную обстановку в губернии[4]. Именно с 1895 г. начинается дополнительное строительство тюремных

---

[1] ПСЗ III. Т. 18. № 14978.

[2] ЦГИА РБ. Ф. И-334. Оп. 1. Д. 63. Л. 7–8.

[3] *Абдрахманов А.Ф.* Указ. соч. С. 91–92.

[4] НА РТ. Ф. 51. Оп. 2. Д. 456. Л. 9.

замков в уездных городах Уфимской губернии[1]. Всё это толкало администрацию губернии просить центральные государственные учреждения увеличить штат губернской полиции и Уфимского отделения Самарского жандармского полицейского управления железных дорог.

Русско-японская война 1904–1905 гг. также повлияла на работу судов. Демобилизованные, морально-подавленные солдаты и младшие офицерские чины из разных губерний, возвращаясь железнодорожным путем, часто оставались в Уфимской губернии, особенно в Златоустовском уезде, где значительно увеличилось число уголовных преступлений, совершаемых именно возвращающимися с войны[2].

Революционные события 1905–1907 гг. тоже сказывались на деятельности судебных учреждений, в особенности на Уфимском окружном суде, так как именно в нём решались дела о печатании разного рода революционных воззваний, оскорблении императора и его семьи, сбыте огнестрельного оружия, неповиновении властям, распространении революционных прокламаций. Многие участники революционных событий в столицах, спасаясь от преследования властей, перебирались в Уфимскую губернию в силу её отдаленности от центра, и продолжали здесь антигосударственную деятельность. Вместе с тем, как видно из отчетов Уфимского окружного суда в Казанскую судебную палату, в данный период фигурирует множество уголовных дел о массовых беспорядках в крупных городах в 1904–1905 гг., грабежах ювелирных магазинов, частных лавок, квартир, разбойных нападениях и т. д.[3]

Новая аграрная политика правительства П.А. Столыпина, составной частью которой было переселение крестьян из центральных губерний, привела к росту с 1906 г. спорных дел о земле между местными жителями и переселенцами, сопровождавшихся драками, увечьями, поджогами, массовыми нападениями на сёла переселенцев, вплоть до совершения убийств[4].

В связи с увеличением числа апелляционных жалоб на решения Уфимского окружного суда в Казанскую судебную палату, в 1909 г. старший председатель судебной палаты назначил внеочередную ревизию Уфимского окружного суда. После неё ревизор отмечал: «Я нашел оное [судебное делопроизводство] в хорошем виде, дела рассматривались без замедления, решались весьма удовлетворительно». В своём отчёте он указал, что приговоры и решения выносились по существу дела, определения по возникающим из них частным вопросам излагались и мотивировались обстоятельно, ведение дел в канцелярском отношении было исправно[5].

Суд присяжных заседателей в Уфимской губернии не имел того успеха и популярности, как в других регионах. Это объясняется низким уровнем правовой культуры поликонфессионального населения края и невостребованностью данного института. На практике суд присяжных заседателей Уфимской губернии отражал в себе все недостатки общества, в котором он зарождался, и вместо тщательно оберегаемого

[1] ЦГИА РБ. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 3350. Л. 3; Д. 275. Л. 2; Д. 259. Л. 7; Д. 502. Л. 1; Д. 369. Л. 11; Д. 372. Л. 4.
[2] См.: НА РТ. Ф. 51. Оп. 3. Д. 137, 198, 199.
[3] Там же. Д. 114. Л. 7–9, 13–14.
[4] Там же. Д. 237. Л. 15.
[5] Там же. Оп. 1. Д. 35. Л. 9–10, 12.

детища стал – «обременительным подкидышем». В списки присяжных по небрежности или злому умыслу заносились сумасшедшие, умершие, слепые и глухие, состоящие под судом, перешедшие 70-летний возраст[1].

Закон 12 июля 1889 г. упразднил одно из важных начинаний судебной реформы – стремление к отделению судебной власти от власти административной; вместо отдельных органов административной и судебной власти в уезде – уездных по крестьянским делам присутствий и мировых судей и их съездов – был введен институт **земских участковых начальников**. Основной их задачей был строгий правительственный контроль, государственная опека над общинным крестьянством. В подчинении земских начальников отныне находились все должностные лица волостей, а также волостные суды. Своеобразие введения положения о земских участковых начальниках состояло в том, что данный указ вступил в силу только через пять лет (1 октября 1894 г.), хотя в 37 губерниях России положение было введено в 1890 г.

Организация института земских начальников осуществлялась одновременно с введением Уфимского окружного суда, в связи с чем по указу от 6 июня 1894 г. в крае были упразднены обе инстанции судов мировой юстиции, за исключением почётных мировых судей, как «вполне надёжный и весьма полезный элемент в нашем судопроизводстве»[2]. Так, почётными мировыми судьями в 1899 г. по Уфимскому уезду являлись министр юстиции Н.В. Муравьев, статский секретарь А.В. Новиков, коллежский регистратор Н.А. Гурвич, действительный статский советник Н.Э. Эверсман; по Стерлитамакскому уезду – надворный советник П.А. Биркель, губернский секретарь А.А. Биркель[3]. От прежних мировых судов были сохранены должности переводчиков и представителей православного и мусульманского духовенства (по одной должности в каждом участке).

Указом министра внутренних дел И.Н. Дурново Уфимскому губернатору Н.Х. Логвинову от 18 июля 1894 г. было поручено вместо имевшихся в губернии 32 мировых судей ввести 69 земских участковых начальников и столько же кандидатов к ним, а вместо 5 добавочных мировых судей в городах – 9 городских судей[4]. Земские участковые начальники были распределены следующим образом: Уфимский уезд – 11 участков, Стерлитамакский уезд – 12, Белебеевский – 13, Бирский – 16, Мензелинский – 11 и в Златоустовском уезде было 6 участков[5]. Всего насчитывалось 69 участков.

Почётные мировые судьи продолжали действовать совместно с земскими начальниками. Соотношение почетных мировых судей и земских начальников к концу XIX в. в Уфимской губернии было приблизительно равно 1 к 7. Как видим, мировой суд не был полностью уничтожен законом 1889 г., была лишь разрушена относительно единая система данных судов.

---

[1] НА РТ. Ф. 51. Оп. 3. Д. 354. Л. 49–51.

[2] Журнал Соединённых департаментов Государственного Совета. СПб., 1889. № 44. С. 54.

[3] См.: Адрес-календарь Уфимской губернии на 1899 год. Уфа, 1900.

[4] ЦГИА РБ. Ф. И-11. Оп. 1. Д. 431. Л. 1–2.

[5] См.: Адрес-календарь Уфимской губернии на 1896 год. Уфа, 1897.

Земские начальники назначались министром внутренних дел по представлению губернатора. Ими могли стать исключительно потомственные дворяне. Причем имущественный ценз, необходимый для назначения, хотя и был ниже, чем у мировых посредников и мировых судей, но в отличие от последних, земельные владения земского начальника должны были располагаться только в пределах его уезда. Сеть земских начальников ещё более консолидировала дворянское сословие, так как в 1890 г. вступило в силу новое положение о губернских и уездных земских учреждениях. Именно тогда потомственные и личные дворяне объединились в одну избирательную курию.

Вторую апелляционную инстанцию для дел, рассмотренных земскими начальниками, составляло судебное присутствие уездного съезда. Возглавлял судебное присутствие предводитель уездного дворянства. Сюда входили: уездный член окружного суда, почетные мировые судьи, городские судьи и земские начальники данного уезда[1]. Почётные мировые судьи и земские начальники заседали в судебном присутствии уездного съезда по очереди. На заседаниях мог присутствовать товарищ прокурора окружного суда для дачи заключения по рассмотренным делам.

Кассационной инстанцией для дел, которые были рассмотрены земскими начальниками, становилось губернское судебное присутствие. Оно действовало под председательством губернатора и состояло из губернского предводителя дворянства, вице-губернатора, прокурора окружного суда или его товарища и двух непременных членов. В состав присутствия на правах членов для участия в рассмотрении судебных дел, поступавших из уездных съездов, приглашался председатель или член Уфимского окружного суда.

Кроме того функции упразднённого мирового суда перешли к **городским судьям**, которые вводились в уездных и губернских городах и назначались Министерством юстиции. Для занятия должности городского судьи необходимо было иметь высшее юридическое образование или доказать на службе свои навыки по судебной части.

Количество городских судей было распределено следующим образом: Уфа с пригородами и заводами в Усть-Катаве, Катав-Ивановске, Симе и Миньяре – 4 судей; Златоуст и прилегающие к нему заводские поселения (Куса и Сатка) – 2 судей; Мензелинск, Бирск, Стерлитамак – по одному судье. В Белебее должность городского судьи не была учреждена. Кассационной инстанцией для дел, рассмотренных городскими судьями, объявлялось губернское присутствие, т. е. тот же орган, что и для земских начальников.

Третьим судебным органом, созданным вместо мировых судов, был **уездный член окружного суда**. Они назначались министром юстиции по одному на уезд с правом рассмотрения всех возникавших гражданских и уголовных дел, отнесённых судебными уставами к ведению мировых судей и не подсудных земским начальникам и городским судьям, а также дел охранительного производства, отнесенных уставом гражданского судопроизводства к ведомству мировых судей[2]. Уездные члены

[1] См.: *Абдрахманов А.Ф.* Указ. соч. С. 98–101.

[2] ПСЗ III. Т. 9. Отд. 2. Ст. 29.

окружного суда участвовали в заседаниях окружного суда. Они могли привлекаться для пополнения присутствия окружного суда при недостатке наличных его членов. Апелляционной инстанцией для уездных членов окружного суда был окружной суд, а кассационной – соответствующий департамент Сената.

Таким образом, после введения закона от 12 июля 1889 г. в Уфимской губернии были упразднены основные институты мировой юстиции и покончено с принципом выборности судей, а судебная система вернулась, к множественности судебных учреждений. Был нарушен и принцип независимости судебной власти, так как судебное присутствие уездного съезда состояло из трёх лиц – председателя съезда и двух земских начальников. По данным на 1897 г., земские начальники и их уездные съезды рассмотрели 28,8 тыс. дел, что составляло 60 % всех дел, подлежавших юрисдикции волостных судов и земских начальников[1].

Нововведения закона от 12 июля 1889 г. в судебную систему Уфимской губернии не устранили имевшиеся недостатки судопроизводства. Даже 69 земских участковых начальников не в состоянии были обслуживать губернию с населением 2,3 млн чел. и общей площадью почти 105 тыс. квадр. вёрст. Тем более, что в руках земских участковых начальников была сосредоточена, помимо судебной, и административная власть. На практике они доказали свою неспособность и неэффективность в делах правосудия. Многие судебные дела решались с нарушением процессуальных норм судопроизводства. Количество судебных дел, рассмотренных земскими начальниками и волостными судьями в Уфимской губернии, росло, но качественная сторона оставляла желать лучшего.

После введения закона 1889 г. в целом по губернии уменьшилось количество апелляционных дел, рассмотренных судебным присутствием уездного съезда. Такое положение дел можно объяснить только тем, что правовая культура крестьян была очень низкой. Решение начальника, в руках которого была сосредоточена в первую очередь, административная, и только во вторую – судебная власть, не подлежало пересмотру.

Прокуратура. Образованная во второй половине 1860-х гг. Уфимская губернская прокуратура основывалась на началах «Учреждения о губерниях» 1775 г. с последующими изменениями и дополнениями. Поскольку судебная реформа в Уфимской губернии вводилась с большим опозданием, здесь сохранялась и старая губернская прокуратура. Уфимская губернская прокуратура вплоть до судебной реформы 1894 г. не принимала на себя функции обвинительной власти. За ней сохранялись обязанности надзора за местами лишения свободы, за губернским правлениям, губернским по крестьянским делам присутствием, полицией и другими учреждениями.

Компетенция губернской прокуратуры определялась и так называемыми облегчительными правилами, которые были приняты 11 октября 1865 г. и распространяли отдельные положения судебных уставов на судопроизводство в дореформенных судах[2]. В соответствии с ними прокурор имел право передавать дознание судебным следователям, если считал прекращение дела органами полиции необоснованным,

---

[1] См.: Обзор Уфимской губернии за 1897 год.
[2] ПСЗ II. Т. 40. № 42548.

а также опротестовывать приговоры и решения судов. Губернская прокуратура приближалась к новой с изданием утвержденных 10 марта 1869 г. царем правил, по которым она наделялась всеми правами надзора за дознанием и следствием и обязанностью поддерживать обвинение в палате уголовного суда[1]. В еще большей степени Уфимская губернская прокуратура приблизилась к новой, когда был принят указ от 2 мая 1878 г. «О введении в Уфимской, Оренбургской и Астраханской губерниях мировых судебных установлений отдельно от общих»[2]. В заседаниях мирового съезда в обязательном порядке участвовал губернский прокурор или его товарищ (заместитель)[3]. Но они не были обвинителями, а только осуществляли функцию надзора за законностью в ходе судебного разбирательства и давали заключение по делу.

Губернские прокуроры оставались в непосредственном подчинении министра юстиции. В 1876 г. Уфимским губернским прокурором был назначен коллежский советник Е.С. Веригин. Тогда в штате губернского прокурора состояли: товарищ губернского прокурора – И.В. Свентицкий, губернский стряпчий – Л.А. Григорьев и письмоводитель – А.В. Петров[4]. Для губернии столь малая численность состава губернской прокуратуры, за исключением уездных стряпчих, вела к несвоевременности и медлительности прокурорского надзора. Уже в 1889 г. в штате Уфимского губернского прокурора состояли: сам прокурор – С.Д. Бабушкин, его товарищи – В.А Чмыков, А.И Шонецкий, А.И. Смердынский, М.И. Гаменовский, В.А. Нордель, А.А. Рышков, Д.С. Аполлонов, а также письмоводитель и три писца[5]. Заместители губернского прокурора подчинялись только прокурору и как стряпчие не входили в состав губернского правления, чем обеспечивалась их независимость от губернской администрации, подтверждённая определениями I Департамента Сената от 20 января 1872 г., 3 и 7 марта 1874 г.[6]

По происхождению прокуроры были выходцами, как правило, из бедных дворянских фамилий, но нередко встречались люди из других сословий: духовенства, разночинцев, купечества. В любом случае это были лица небогатые, жившие преимущественно от доходов службы и незаинтересованные портить отношения с губернским начальством, за деятельностью которых они были обязаны надзирать.

Прокуратура вела работу по пресечению разнообразных правонарушений. Из сообщения Уфимского губернского прокурора в 1-й уголовный департамент Министерства юстиции об арестованных, содержавшихся под стражей в Уфимской губернии в мае 1878 г., и из ведомости об арестах по Уфимской губернии за 1879 г. следует, что самыми распространенными видами преступлений являлись воровство, конокрадство, бродяжничество, убийства. На май 1878 г. под стражей содержались 597 арестованных[7]. Рассматривалось немало дел о «словесных оскорблениях императора или царской семьи». Подобного рода дела по сообщению уездных исправников на-

---

[1] [1] ПСЗ II. Т. 44. № 46840.
[2] Там же. Т. 40. № 42587.
[3] Там же. Т. 43. № 46061.
[4] Уфимский календарь на 1876 год. Уфа, 1877. Вып. 1. С. 31.
[5] Уфимский календарь на 1889 год. Уфа, 1900. С. 13.
[6] ПСЗ II. Т. 44. № 46840.
[7] ЦГИА РБ. Ф. И-333. Оп. 2. Д. 28. Л. 67.

правлялись в губернскую прокуратуру. Прокурор поручал своим заместителям по уездам произвести дознание с дальнейшим представлением. Если прокурор считал нужным, он направлял дело «для производства нового расследования», а «ввиду малой опасности» дело мог и прекратить.

Прокурор и его заместители проводили серьёзную работу по пресечению правонарушений не только среди простых граждан, но и среди представителей местной администрации. Так, в 1896 г. на имя прокурора поступило 32 жалобы на неоправданные действия сотрудников полиции, на 21 чиновника были составлены обвинительные акты о придании их суду. Значительная работа проводилась с обращениями по различным гражданским искам[1].

Такая же напряженная работа проходила в уездах края. Товарищ прокурора Стерлитамакского участка коллежский асессор Н.М. Уваров рассмотрел и закончил 438 дел, из них 22 было отправлено с обвинительными заключениями, кроме того, он 27 раз выступал на заседаниях уголовного отделения окружного суда, 34 раза – на съездах уездных мировых судей, произнёс на различных судебных заседаниях 145 обвинительных речей, представил 913 заключений[2].

Уфимская губернская прокуратура, как и все губернские прокуратуры, где не были введены судебные уставы от 20 ноября 1864 г., не представляла собой стройной целостной системы, поскольку отсутствовал единый законодательный акт о её организации и деятельности. Всё это приводило к тому, что к началу 1890-х гг. губернская прокуратура, как и губернские судебные учреждения, требовала коренной реорганизации.

22 июня 1894 г. состоялось открытие Уфимского окружного суда. Согласно судебным уставам Александра II в окружном суде учреждались должности прокурора и его четверых заместителей – товарищей, из которых один состоял при окружном, а другие в уездных городах округа. Первым прокурором Уфимского окружного суда до 1900 г. был коллежский советник М.А. Плавский. Товарищами прокурора являлись В.А. Гунбин, Н.М. Уваров (Уфимского городского участка), А.А. Щуров (Уфимского уездного участка), И.И. Любовицкий (Уфимско-Стерлитамакского участка). Жительства всех 4 заместителей было в Уфе. В Бирском уезде Бирский участок возглавлял товарищ прокурора коллежский асессор Л.К. Шурась, проживавший в Уфе. Бирско-Белебеевский участок находился на попечении коллежского секретаря Л.О. Свиртуна, который квартировал в Бирске. В Мензелинском уезде товарищем прокурора участка состоял коллежский асессор А.А. Козулин, располагавшийся в Мензелинске. По Белебеевскому участку прокурорский надзор осуществлял коллежский асессор В.М. Шаланин, живший в Уфе. В Стерлитамакском уезде товарищем прокурора состоял коллежский секретарь А.В. Зайцев, камера которого находилась в Стерлитамаке (в 1905 г. он стал прокурором Уфимского окружного суда). В Златоустовском уезде товарищем прокурора был С.А. Кубеев, его камера находилась в Златоусте[3].

---

[1] ЦГИА РБ. Ф. И-333. Оп. 1. Д. 10. Л. 31, 33 об.
[2] Там же. Л. 195 и об.
[3] Памятная книжка Уфимской губернии на 1894 год. Уфа, 1895. С. 98.

В местных судебных органах прокурорские должности не учреждались. До середины ноября 1894 г., когда в Уфимской губернии полностью был введен закон от 12 июня 1889 г. о земских начальниках, в съездах мировых судей прокурорские обязанности осуществлялись заместителем прокурора окружного суда. Уфимский окружной прокурор и его товарищи назначались на должности министром юстиции по представлению прокурора Казанской судебной палаты. Назначение министром юстиции служило подтверждением тому, что прокуратура не только в центре, но и на местах выступает в качестве органа высшего надзора.

Прокуратура продолжала участвовать в работе некоторых губернских административных органов, тем более что для этого имелась законодательная база. Так, по закону от 7 марта 1866 г., представитель прокуратуры вводится в состав губернского по крестьянским делам присутствия. Этим же законом на прокурора возлагалось не только наблюдение за тюрьмами, но и непосредственное участие в управлении ими[1]. Впоследствии прокуроры вошли в состав чуть ли не всех губернских присутствий, которые представляли собой административные коллегиальные учреждения и состояли из губернских начальников различных ведомств. Они участвовали в работе губернских присутствий по городским делам, земским, воинским, фабричным делам, а также в губернском правлении при освидетельствовании сумасшедших (всего около тридцати присутствий, комитетов и комиссий)[2].

Прокурор принимал участие в работе губернских административных органов в качестве одного из членов с правом голоса, но без права протеста. Он выступал «скорее в качестве юрисконсульта и представителя судебного ведомства, нежели блюстителя законного порядка»[3]. С 1898 г. после учреждения в Уфимской губернии суда с участием присяжных заседателей прокуратура по законам от 12 июня 1884 г. и 28 апреля 1887 г. была привлечена к участию в составлении списков присяжных заседателей[4]. В уголовном судопроизводстве прокурор окружного суда имел право отвода, без оглашения причин подозрения, до шести присяжных заседателей.

По наиболее важным делам прокурор окружного суда и его товарищи наблюдали за производством дознания и предварительного следствия лично. Например после убийства левыми эсерами уфимского губернатора Н.М. Богдановича в 1903 г., прокурор Уфимского окружного суда А.В. Зайцев осуществлял руководство следствием, в том числе оперативно-розыскными мероприятиями по данному делу. Ответственность за неполноту дознания по делам о государственных преступлениях, производимого чинами отдельного корпуса жандармов, также лежала на сотрудниках прокурорского надзора.

Каждый заместитель прокурора окружного суда заведовал одним или несколькими следственными участками. Так, товарищ прокурора по Мензелинскому участку А.А. Козулин, располагаясь в Мензелинске, курировал 4 участка судебных следова-

---

[1] ПСЗ II. Т. 41. № 43077.

[2] Там же. Т. 44. № 46971, 48498, 52983.

[3] *Муравьев Н.В.* Прокурорский надзор в его устройстве и деятельности. М., 1989. С. 447.

[4] ПСЗ II. Т. 4. № 3321; Т. 7. № 4396.

телей уезда. Из них три следователя были расквартированы в Мензелинске и один в Набережных Челнах[1].

Число лиц, осуществлявших прокурорский надзор в Уфимском окружном суде, постоянно росло. Если в 1897 г. штат прокуратуры состоял из 2 товарищей, находившихся в Уфе и 8 товарищей прокурора по уездам, то в 1900 г. уже действовало 4 товарища прокурора при камере губернского прокурора и 8 по уездам губернии[2]. Постоянно увеличивались и должностные оклады чиновников прокуратуры. Так, в начале XX в. товарищи прокурора окружного суда получали примерно в 10 раз больше, чем учителя народных школ и в 2 раза больше земских врачей[3].

В отличие от судебных органов губернии в результате проводимых контрреформ система органов прокурорского надзора существенно не изменилась вплоть до падения царского режима. Даже революция 1905–1907 гг. не привела к заметным изменениям в её организации, если не считать увеличения числа административных органов, в которых должен присутствовать прокурор. Так, в соответствии с временными правилами, утвержденными царём 4 марта 1906 г., сам прокурор или один из его товарищей должны были присутствовать в губернском комитете.

Важным направлением в деятельности прокурорского надзора в начале XX в. была его поддержка государственных властей и прежде всего жандармского управления в их преследовании так называемых «сепаратистов», или «панисламистов». При этом преувеличивалось значение и распространенность «панисламизма», тем более в его сепаратистской вариации. В жандармско-полицейском толковании он выглядел как стремление выделить «физически» и политически всех мусульман России в сепаратистское антирусское государство. Ярлык «панисламизма», несомненно, служил эффективным оружием, помогающим жандармерии, при безусловной поддержке лиц губернского прокурорского надзора, бороться с зарождающейся национальной буржуазией, татаро-башкирской интеллигенцией, духовенством и учащейся мусульманской молодежью.

Обличение в «панисламизме» и «пантюркизме» являлось излюбленным средством государственных учреждений. При этом защитники «единой и неделимой», под флагом борьбы с «сепаратистами» проворачивали и свои собственные интересы, обвиняя личных врагов в «сепаратизме» и неуважении к «единодержавному отцу отечества». «Ведь посмотрите, господа, – говорил с трибуны IV Государственной Думы депутат от Уфимской губернии, член мусульманской фракции Г.Х. Еникеев, – вокруг этого мифического инородческого сепаратизма сколько народу кормится и как ловко многие выслуживаются, ведь это для них очень интересная и очень выгодная статья»[4].

Новая прокуратура хотя и продолжала оставаться органом исполнительной власти, непосредственно подчиненным правительству, но по сравнению с дореформен-

---

[1] Календарь и справочная книжка Уфимской губернии на 1897 год. С. 57.

[2] Адрес-календарь Уфимской губернии на 1900 год. Уфа, 1900. С. 78.

[3] *Гредингер Ф.Н.* Прокурорский надзор за 50 лет. Пг., 1915. С. 87.

[4] Стенографический отчёт о заседаниях первой сессии 4-ой государственной думы. Б. м., 1913. С. 2139–2140.

ной губернской прокуратурой оказалась более самостоятельной и независимой от губернских властей. Усиление прокурорского надзора в крае сопровождалось превращением прокуратуры в сугубо карательный орган. Эта сторона деятельности прокурорского надзора особенно ярко прослеживается после революционных выступлений гражданского населения губернии в 1905–1906 гг., на которые прокуратура, наряду с другими губернскими правоохранительными органами, отвечала массовыми репрессиями. В целом «совмещённость прокурорских органов с судами позволяла с максимальной эффективностью защищать интересы государства, как в гражданских, так и в уголовных процессах, порой затрагивающих его политику и правовые основы»[1].

После отмены крепостного права в 1861 г. начинаются качественные структурные преобразования в системе полицейских органов России, вызванные усилением революционного движения, массовыми крестьянскими волнениями, общим развитием капитализма и ростом городов.

25 декабря 1862 г. были изданы «Временные правила об устройстве полиции в городах и уездах губерний, по общему учреждению управляемых», которые, сохранив в губернских и крупных городах структурную самостоятельность **полицейских учреждений**, объединили в земскую и городскую полицию небольших городков. Создавались уездные полицейские управления, главы которых (уездные исправники и полицмейстеры в крупных городах) не избирались местным дворянством, а назначались правительством и непосредственно подчинялись губернатору и губернскому правлению.

В сельской местности сохранялось деление уездов на станы, которыми руководили становые приставы. Станы были разбиты на участки (сотни), включавшие несколько селений. Полицейские обязанности в них возлагались на избиравшихся населением сотских и десятских, подчинявшихся становым приставам. В городах, посадах и местечках, входивших в ведение уездной полиции, назначались городские приставы, чьи права и обязанности соответствовали становым приставам, а также их помощники. Большие города могли делиться на части, которые возглавляли полицейские надзиратели. Штаты, оклады и звания полицейских чинов зависели от разряда города, который определялся количеством проживающих в его черте жителей[2]. Оренбург и Уфа были отнесены к городам 2 разряда[3].

Реорганизация полиции на Южном Урале началась с кадрового обновления аппарата. В мае 1863 г. Оренбургский и Самарский генерал-губернатор А.П. Безак рассматривал кандидатуры на должности уездных исправников, полицмейстеров и их помощников[4]. Штаты Уфимского городского полицейского управления, утверждённые А.П. Безаком 18 мая 1863 г., состояли из 14 сотрудников: полицмейстера, секретаря, столоначальника, 3 приставов, 3 помощников пристава, переводчика и 4 писцов[5]. Пер-

[1] *Зиннуров Р.Н.* Прокуратура Республики Башкортостан. Уфа, 1996. С. 25.
[2] ПСЗ II. Т. 37. № 39087.
[3] ЦГИА РБ. Ф. И-9. Оп. 1. Д. 715. Л. 108.
[4] ГАОО. Ф. 6. Оп. 8. Д. 163. Л. 41–42.
[5] ЦГИА РБ. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 3263. Л. 50.

вым руководителем уфимской полиции с годовым окладом 1200 руб. стал коллежский асессор Н.А.Сысоев. Он исполнял обязанности уфимского полицмейстера до 1869 г.[1] В последующем в штаты городской полиции были включены должности околоточных надзирателей, столоначальников, регистратора, канцелярских служителей и др. Годовая зарплата пристава составляла 600 руб., помощников пристава – 400 руб.[2] Подавляющее большинство сотрудников уфимской городской полиции были выходцами из семей военнослужащих и дворян, имели достаточно высокое по тем временам образование, средний возраст составлял 25–30 лет, что свидетельствовало о потенциально подготовленном кадровом составе подразделения[3].

В 70-е годы происходит расширение численного состава городской полиции за счёт изменения принципов комплектования. Если раньше рядовой состав пополнялся солдатами и унтер-офицерами старших возрастов, непригодных к службе в армии и служивших в порядке отбывания воинской повинности, то в связи с проведением военной реформы 1874 г. и отменой рекрутской системы, был введен принцип вольного найма по контракту. В 1872 г. было завершено строительство двухэтажного каменного здания Уфимского городского полицейского управления стоимостью в 28 тыс. руб.[4] К 1880 г. в составе полицейской команды несли службу 44 городовых.

В городах, подведомственных уездному полицейскому управлению, службу несли городские приставы и надзиратели. Рядовую работу выполняли городовые, составлявшие полицейские команды. Штатная численность сотрудников зависела от количества жителей. Например, в 1880 г. в уездных городах Уфимской губернии несли службу 54 рядовых полицейских: в Бирске и Мензелинске по 10 чел., Белебее – 8, Стерлитамаке – 9, Златоусте – 17 чел.[5]

В пореформенный период происходили большие изменения в характере российской преступности, устойчивой тенденцией становится её количественный рост, преступность становится более мобильной и агрессивной. В 1912 г. число осуждённых общими и мировыми судами (на 100 тыс. чел. населения) составляло в Пермской губернии – 190, Оренбургской – 132, Вятской – 115, Уфимской – 106, Казанской – 91, Самарской – 60[6]. Реакцией государства на криминализацию общества становится создание в 1878 г. в рамках уездной полиции звена полицейских урядников, на которых возлагается проведение дознания, а также предупреждение преступлений. По службе они находились непосредственно в ведении становых приставов, от которых получали все поручения и приказания преимущественно в устной форме. В прямом подчинении полицейских урядников находились сотские и десятские.

Штатная численность урядников распределялась с учётом размеров территории губернии, местного населения, криминогенной обстановки и других условий. Они назначались на должность уездным исправником из лиц, наиболее годных к поли-

---

[1] См.: Там же. Ф. И-9. Оп. 2. Д. 3. Л. 44–57.

[2] Там же. Д. 5. Л. 9–10, 40–46.

[3] *Хакимов С.Х.* Полиция в системе органов губернского управления в пореформенной России (1862–1914 гг.). Уфа, 2003. С. 80.

[4] Вестник Уфимского земства. 1881. Вып. 4. С. 17.

[5] См.: ЦГИА РБ. Ф. И-11. Оп. 1. Д. 1149. Л. 12–44.

[6] Россия. 1913 год. Статистико-документальный справочник. СПб., 1995. С. 398.

цейской службе и прошедших под наблюдением исправника испытательный срок. Урядник должен был иметь собственную лошадь с седельным прибором и форменную одежду по установленному образцу. Им оказывали содействие старшины и сельские старосты, но сами урядники не имели права участвовать в общественных и хозяйственных делах сельских обществ и волостей и вмешиваться в действия волостного суда[1].

Численность штатных сотрудников уездных полицейских управлений Уфимской губернии в 1900 г.

Уезды	Жителей	Волостей	Становых приставов	Урядников	Сотских и десятских
Уфимский	331219	28	6	22	2377
Златоустовский	191148	23	4	18	700
Мензелинский	368102	31	6	23	2707
Бирский	467165	36	7	28	3217
Белебеевский	431437	30	6	26	4053
Стерлитамакский	311739	33	5	23	2780
Всего	2105810	178	34	140	15834

Источник: ЦГИА РБ. Ф. И-9. Оп. 1. Д. 622. Л. 2.

В начале XX в. сельская местность Уфимской губернии обслуживалась крайне небольшим количеством профессиональных полицейских. Один становой пристав приходился в среднем на 50–60 тыс. чел. (от 47,8 тыс. в Златоустовском до 71,9 тыс. в Белебеевском уездах), а урядник – на 15–16 тыс. чел. (от 10,6 в Златоустовском до 16,7 тыс. чел. в Бирском уездах). Сходная ситуация была в Оренбургской губернии, где практической работой по предупреждению и выявлению преступлений, наблюдением за политическими ссыльными, проведением следственных действий, обысков, арестов в сельской местности занимались 21 становой пристав, столько же помощников пристава и 88 полицейских урядников[2]. При такой нагрузке трудно было ожидать серьёзной и эффективной работы по охране общественного порядка и предупреждению преступлений.

8 мая 1900 г. для охраны порядка и безопасности на золотых приисках Урала, Западной и Восточной Сибири была образована горно-полицейская стража из вольнонаёмных лиц во главе с горными исправниками. Министерство внутренних дел получило также право учреждать на частные средства должности полицейских урядников, пеших и конных стражников во всех губерниях страны[3]. В 1899 г. на 15 заводах и фабриках Уфимской губернии за счёт средств владельцев были введены 77 полицейских надзи-

---

[1] ПСЗ II. Т. 53. № 58610.

[2] *Злобин Ю.П.* Органы полиции в Оренбургской губернии 60–80 гг. XIX в. // Правоохранительные органы Южного Урала: История и современность. Оренбург, 2000. С. 78–79.

[3] ГАРФ. Ф. 102. Оп. 302. Д. 707. Л. 80 об.

рателей, урядников и городовых[1]. Общие расходы на содержание полицейских составили 12 285 руб. К 1903–1904 гг. предприниматели, заинтересованные в укреплении порядка, предупреждении краж и других правонарушений, финансировали за свой счёт полицию на Симском, Катав-Ивановском, Аша-Балашевском, Юрюзанском металлургических предприятиях Уфимской губернии, Белорецком и Авзяно-Петровском заводах Оренбургской губернии[2]. Горно-полицейская стража исполняла широкий круг обязанностей, имела право применять оружие при нападении на них, защите других лиц, задержании преступников, преследованиях арестантов[3].

Важной мерой явилось учреждение полицейской стражи, состоявшей из урядников и стражников, конных и пеших, по расчёту один урядник на каждую волость и не более одного стражника на каждые 2500 душ населения[4]. Её главной задачей являлось пресечение антиправительственных выступлений местного значения с тем, чтобы не отвлекать основные силы полиции. «Уездная полицейская стража, – говорилось в циркуляре Министерства внутренних дел от 12 февраля 1906 г., – есть, прежде всего, сила в руках губернаторов и уездных исправников для подавления беспорядков и для прекращения разбоя в губерниях и уездах, не прибегая к содействию войск и не отрывая последних от прямых обязанностей»[5]. В Уфимской губернии отряды уездной полицейской стражи были сформированы в 1905–1906 гг.

Численность уездной полицейской стражи в Уфимской губернии

Уезды	Урядники		Стражники		Всего
	пешие	конные	пешие	конные	
Уфимский	6	22	150	70	248
Бирский	8	28	183	70	289
Мензелинский	6	23	153	70	252
Стерлитамакский	6	25	102	65	198
Белебеевский	3	26	167	65	261
Златоустовский	4	18	70	60	152
Итого	33	152	825	400	1400

Источник: ЦГИА РБ. Ф. И-11. Оп. 2. Д. 119. Л. 68 об. – 72.

В 1906 г. в крае было сформировано 37 отрядов пеших и 10 отрядов конных стражников в составе 6 рот, общей численностью в 1400 человек. Пешая стража Уфимского уезда в составе 150 чел. была расквартирована казарменным порядком в становых квартирах в селениях Чишмы, Топорнино, Иглино, Булгаково, на Благовещенском (по 20 чел.) и Усть-Катавском заводах (25) и в самой Уфе находилось

[1] Во славу Отечества. В 3-х тт. Уфа, 2002. Т. 1. На государственной службе. С. 58.

[2] ЦГИА РБ. Ф. И-85. Оп. 1. Д. 2. Л. 1–14 об.

[3] *Рукосуев Е.Ю.* Горно-полицейская стража на золотых и платиновых приисках Урала в конце XIX – начале XX вв. // Проблемы истории России. Екатеринбург, 1998. Вып. 2. С. 249.

[4] ПСЗ III. Т. 23. № 22906; *Белецкий С.*, *Рудкевич П.* Исторический очерк образования и развития полицейских учреждений в России, СПб., 1913. С. 35.

[5] Вестник полиции. 1910. № 10. С. 263.

25 чел. Кроме того, конная стража располагалась около Уфы при винокуренном заводе наследников Видинеевых.

Жильё предоставлялось бесплатно только холостым, семейные стражники были вынуждены нанимать квартиры. На Усть-Катавском, Катав-Ивановском, Симском заводах полицейские были размещены в удобных помещениях, отведенных заводоуправлением бесплатно, в других местах они располагались при квартирах приставов в частных домах за плату в 2,5–3 руб. (без отопления и освещения).

Стражники выполняли все полицейские обязанности по охране порядка: оберегали винные лавки и почтовые конторы, сопровождали почту от почтовых контор до станций железной дороги и обратно. Конная стража в Уфе ежедневно утром и вечером исполняла наряды по сопровождению денежных сумм от почтово-телеграфной конторы до железнодорожного вокзала. 10 стражников охраняли с наружной стороны тюрьму с 8 часов вечера до 6 часов утра, а 4 чел. с 11 часов утра до 2-х часов дня сопровождали кассира Государственного банка с денежными суммами до почтовой конторы и обратно. Кроме того стражники направлялись в окрестности города и по уезду для разных сыскных целей. 10 стражников из пешей команды находились в распоряжении уфимского полицмейстера по участкам, 8 чел. охраняли канцелярию губернатора, 23 были в тюрьме на внутренних постах, трое сопровождали почту в Бирск и Стерлитамак, другие охраняли уфимское почтовое отделение, губернскую типографию и пр.

Кроме того, стражники часто командировались в помощь уфимской городской полиции при производстве политических обысков и задержании подозреваемых лиц, охраняли уездное полицейское управление, посылались в различные части уезда для сопровождения арестантов и доставления по принадлежности экстренных важных бумаг, охраняли уездное воинское присутствие во время призыва новобранцев.

Конная стража направлялась из Уфы по уездам. Так, стражники участвовали в разоружении населения Катав-Ивановского, Усть-Катавского и др. заводов, охраняли общественный порядок на Симском заводе при производстве дознания и следствия по делу о вооруженном нападении жителей на квартировавших здесь урядника и стражников, а на Благовещенском заводе поддерживали порядок во время призыва молодых людей на военную службу и т. д. В рапорте уфимского уездного исправника отмечалось, что «результаты появления стражи во всех этих пунктах, достигали намеченной цели, не оставляли желать ничего лучшего и, в частности, в буйно настроенном Симском заводе отряд стражи дал возможность беспрепятственно произвести все розыскные и следственные действия по назначенному вопиющему делу и взять 27 чел. виновных, тогда же отправленных в тюрьму»[1].

В составе полицейской стражи Уфимской губернии более 80 % составляли лица, уволенные в запас с военной службы преимущественно из местных жителей. «Для избежания нежелательных контактов местных уроженцев стражников с местным населением, – отмечалось в одном из служебных документов, – при назначении на службу применялся такой порядок, по которому они направлялись в отдаленные от

[1] Там же. Л. 272 и об.

мест своего жительства отряды»[1]. Нередко на службу по согласованию с Департаментом полиции приглашались представители казачества и горцев Северного Кавказа. Например, в 1907 г. в Мензелинском уезде в составе полицейской стражи проходили службу 187 уволенных из армии, в их числе: вахмистров и фельдфебелей – трое, унтер-офицеров – 71, ефрейторов – 37, рядовых – 76. Хотя часть стражников являлись уроженцами данного уезда, но они распределялись по отрядам на расстоянии не менее 50 вёрст от своего места жительства[2]. Стражники принимались на службу по контракту от 1 до 5 лет. Предварительно требовались сведения об их нравственности и благонадёжности от властей по месту жительства кандидатов, а также запрашивались аттестаты из войсковых частей.

Из 1400 полицейских стражников Уфимской губернии на долю башкир и татар приходилось около 10–12 %. Они, как правило, несли службу в русскоязычных волостях края. Так, в 1907 г. из 9 конных стражников, служивших на Усть-Катавском заводе, было 5 башкир и татар: И. Терегулов, Н. Мамлеев, Х. Мухаметгалиев, Н. Еникеев, Х. Шигабутдинов. На Симском заводе из 13 стражников было шестеро башкир и татар. Всего же по 5 стану Уфимского уезда (горнозаводские волости) из 57 стражников мусульман насчитывалось 11 чел.[3] В то же время, в абсолютном большинстве случаев, в местах компактного проживания татаро-башкирского населения охрану общественного порядка несли русские стражники, а привлечение служащих коренной национальности являлось исключением. Это нередко вызывало негативную реакцию местного населения, особенно при рассмотрении различных спорных дел, столкновений на почве вероисповедания и т. д.

Формирование подразделений сельской полиции на базе мобильных отрядов уездной полицейской стражи было шагом вперёд в деле предупреждения и пресечения административных и уголовных преступлений, охраны общественного порядка и личной безопасности граждан. В то же время следует отметить слабое вооружение, недостаточную строевую и боевую выучку, профессиональную подготовку стражников.

Впервые обучение нижних полицейских чинов в Уфе было организовано в июне 1905 г., когда при Уфимском уездном полицейском управлении под руководством исправника были открыты временные курсы для подготовки стражников. Двухнедельный курс обучения состоял из общеобразовательных предметов, которые вели городские учителя, и изучения общеполицейских обязанностей и инструкций для полицейских стражников[4]. В январе 1906 г. губернатор А.С. Ключарёв отдал распоряжение полицмейстеру об организации при городском управлении полицейского резерва, «куда бы поступали нижние чины полиции при определении на службу». При резерве предполагалось открыть школу, где все поступившие, наряду с урядниками, конными и пешими стражниками, будут изучать разработанный по специальной программе курс общеполицейских знаний. Уфимская городская дума предоставила под

---

[1] Там же. Л. 309 об.
[2] Там же. Л. 310.
[3] Там же. Ф. И-85. Оп. 1. Д. 2. Л. 4 об. – 12.
[4] Там же. Ф. И-9. Оп. 2. Д. 83. Л. 191–192.

будущую школу помещение, обязалась выделять средства на приобретение оборудования, учебных пособий[1]. 12 января 1913 г. губернатор П.П. Башилов утвердил «Положение о школе урядников полицейской стражи в г. Уфе»[2]. Заведующим школой был назначен конный офицер уездной полицейской стражи штабс-ротмистр П.В. Есипов. Школа явилась первым в крае учебным заведением по подготовке полицейских кадров младшего звена.

Особое место в системе правоохранительных органов края занимали уфимские полицмейстеры, возглавлявшие полицию губернской столицы. В 1903–1912 гг. эту должность исполнял Г.Г. Бухартовский. А в сентябре 1912 г. уфимским полицмейстером был назначен С.А. Шамлевич, служивший до февраля 1917 г. Он происходил из потомственных дворян Новгородской губернии, окончил Чугуевское юнкерское училище, служил в армии (поручик), участвовал в русско-японской войне. В органах общей полиции Новгородской губернии С.А. Шамлевич прошёл от станового пристава до начальника уездного управления. За службу награждён орденами и медалями. В Башкирию его перевод был связан с назначением в 1911 г. в Уфу губернатора П.П. Башилова, ранее возглавлявшего Новгородскую губернию[3]. Годовая зарплата полицмейстера составляла 4250 руб. (жалованье – 1400, столовые – 1400, квартирные – 700, разъездные – 750 руб.)[4].

Значительное финансирование на нужды полиции выделяла Уфимская дума. С 1890 по 1913 гг. расходы на содержание сотрудников городской полиции возросли с 11 057 до 44 200 руб., или в 4 раза. В 1913 г. из городской казны на квартирное довольствие, отопление, освещение, вооружение, лечение и добавочные за выслугу лет, пенсии городовым и их вдовам было выделено 17 460 руб.[5] В среднем, среднегодовая зарплата старших городовых составляла 300, младших – 240 руб., что примерно соответствовало среднегодовой зарплате рабочего[6].

Одним из наиболее ответственных и сложных участков в деятельности полиции был уголовный сыск. В Уфе сыскное отделение было организовано в 1904 г., в его состав входили антропометрическое бюро, фотолаборатория и типография. Первым руководителем был назначен И Ф. Андреев, ранее исполнявший обязанности пристава 3 участка Уфы[7].

Единая общегосударственная система уголовного сыска в стране создаётся лишь в июле 1908 г. Согласно закону учреждались сыскные отделения четырёх разрядов, в зависимости от количества жителей. В 1909 г. в Уфе было создано отделение 3 разряда (для городов с населением от 35 до 90 тыс. чел.). Временно исполняющим обя-

---

[1] Журналы Уфимской городской думы 1906 года. Уфа, 1908. С. 30.

[2] *Хакимов С.Х.* Страницы истории Уфимской школы по подготовке урядников полицейской стражи (1913–1917 гг.) // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2001. № 3. С. 71.

[3] ЦГИА РБ. Ф. И-9. Оп. 2. Д. 118. Л. 1 и об.

[4] Там же. Л. 5–6 об.

[5] Журнал Уфимской городской думы 1913 года. Уфа, 1916. С. 118.

[6] ЦГИА РБ. Ф. И-9. Оп. 2. Д. 7. Л. 191.

[7] Там же. Оп. 1. Д. 1055. Л. 34–37.

занности начальника стал пристав 1 участка В.А. Ошурко. В штате состояли три полицейских надзирателя[1]. С 1912 г. начальником сыскного отделения стал профессиональной сыщик, приглашенный из рижский полиции В.А. Мурнек. Он более 8 лет работал полицейским надзирателем, имел многочисленные поощрения и благодарности «за умелые и энергичные действия по раскрытию большого количества краж и задержанию многих выдающихся воров-рецидивистов»[2].

Служба полицейского была трудной и опасной, приходилось рисковать жизнью и здоровьем. За успешные операции полицейские поощрялись денежными премиями. В 1912 г. 97 отличившихся урядников и городовых Уфимской губернии были награждены серебряными медалями «За беспорочную службу в полиции»[3], в том числе конный урядник Уфимского уезда И. Богданов, пеший стражник И. Андреев, старший городовой уфимской городской полиции М. Терегулов, младший городовой Г. Абдулгалимов и др.[4]

Кроме полиции охраной правопорядка занимались региональные **жандармские управления**. В 1867 г. было произведено реформирование политической полиции. Согласно «Положению о корпусе жандармов» вместо прежних округов на основной части страны создавались новые территориальные подразделения – губернские жандармские управления (ГЖУ), в том числе Уфимское и Оренбургское. Офицеры корпуса должны были иметь как минимум среднее образование и прослужить в войсках не менее пяти лет. Не допускались к переводу в жандармерию офицеры, «бывшие в штрафах по суду и следствию и имевшие денежные долги»[5].

Жандармское управление проводило розыск, расспросы и негласное наблюдение, собирало информацию о внутриполитическом положении и настроениях в обществе. В штат входили начальник (обычно в звании генерала или полковника), его помощник (подполковник или ротмистр), адъютант, секретарь и два писаря. Наблюдательный состав Отдельного корпуса жандармов, переименованный в 1870 г. в дополнительный штат губернских жандармских управлений, состоял исключительно из унтер-офицеров. В их задачу входил сбор информации об умонастроениях населения[6].

Начальники Уфимского ГЖУ периодически сменялись. Так, в начале XX в. на этой должности пребывали полковники И.И. Яковлев (1905–1907), Н.Н. Ловягин (1908), Н.А. Красногорский (1908–1911), В.П. Иванов (1911–1913) и генерал-майор В.С. Устинов. Они были опытными профессионалами, мастерами политического сыска. Например, генерал В.С. Устинов, участник русско-турецкой войны 1877–1878 гг., работал в приграничных губерниях, возглавлял жандармерию Черноморско-

---

[1] Адрес-календарь Уфимской губернии и справочная книжка на 1910 год. Уфа, 1910. С. 27.
[2] ЦГИА РБ. Ф. И-9. Оп. 2. Д. 57. Л. 149.
[3] См.: Там же. Оп. 2. Д. 98. Л. 86–97.
[4] Там же. Л. 2, 73, 92.
[5] ПСЗ II. Т. 53. № 44956.
[6] *Оржеховский И.В.* Самодержавие против революционной России (1828–1880 гг.). М., 1982. С. 135; Полиция и милиция России: страницы истории. М., 1995. С. 55.

го округа и Терской области на Кавказе, в 1904–1905 гг. был участником борьбы с революционным движением в Санкт-Петербурге, возглавлял Тамбовское ГЖУ[1].

Уфимское ГЖУ вело регулярное наблюдение за представителями политической оппозиции, ссыльными революционерами из крупных промышленных центров России – Петербурга, Москвы и др. Так, на рабочего из Нижнего Новгорода А.И. Бронина, находившегося в ссылке в Мензелинске, давалась такая характеристика: «известен как убеждённый и смелый пропагандист революционных идей, имевший большое влияние на рабочих»[2]. Только в 1895 г. от штатных сотрудников поступило 33 сообщения чинам прокурорского надзора и полиции, 367 донесений начальнику управления. Свыше 80 чел. находились под их негласным надзором. Для секретной деятельности из Департамента полиции выделялись немалые суммы (в 1896 г. – 203,2 руб., 1899 г. – 300, в 1901 г. – 600 руб.)[3]. Сюда входили плата за телефон, отправка служебных телеграмм, снятие фотографий, вознаграждение агентуры и т. д.

В состав корпуса жандармов также входили жандармско-полицейские управления железных дорог, которые располагались в городах, являвшихся важными транспортными узлами[4]. Они осуществляли обеспечение общего порядка на участке магистрали в 2000 вёрст, охраняли железнодорожные сооружения, боролись с революционным движением, принимали меры по предотвращению стачек и др.[5] В пределах Башкирии участок Самаро-Златоустовской магистрали находился под контролем Самарского жандармского полицейского управления железных дорог. В 1896 г. функционировало два отделения – Уфимское и Ашинское[6].

К концу 1902 г. были учреждены розыскные отделения (в 1903 г. переименованы в охранные). В отличие от жандармских управлений сотрудники охранки не имели права производить официальные следственные действия, а занимались исключительно оперативно-розыскной работой. 14 июня 1903 г. охранное отделение было открыто в Уфе[7]. Поскольку именно на них было возложено наружное наблюдение и использование секретной агентуры, охранные отделения оказались на переднем крае борьбы с революцией[8]. В 1906 г. начали создаваться районные охранные отделения. Уфимская губерния и Челябинский уезд Оренбургской губернии в 1908 г. входили в состав Пермского районного отделения[9].

Пик работы сотрудников жандармских учреждений падает на годы революции 1905–1907 гг., рабочего движения накануне Первой мировой войны. Например, в июле 1907 г. в результате решительных действий сотрудников Мензелинской уезд-

---

[1] После революции (документы по истории антиправительственного движения и деятельности правоохранительных органов в Уфимской губернии в конце 1907 – первой половине 1914 годов). Сб. док. Уфа, 2002. С. 10, 12–13.

[2] На Башкирской земле (К пребыванию В.И. Ленина в Уфе). Уфа, 1971. С. 72.

[3] ЦГИА РБ. Ф. И-187. Оп. 1. Д. 9. Л. 20 об. – 21; Д. 25. Л. 28, 143.

[4] *Тимофеев Л.* Обязанности жандармской железнодорожной полиции. СПб., 1912. С. 2.

[5] Полиция и милиция России: страницы истории. С. 51.

[6] Адрес-календарь и справочная книжка Уфимской губернии на 1897 год. Уфа, 1898. С. 154.

[7] ЦГИА РБ. Ф. И-187. Оп. 1. Д. 25. Л. 172.

[8] *Рууд Ч.А., Степанов С.А.* Фонтанка, 16: Политический сыск при царях. М., 1993. С. 92.

[9] *Анисимов Н.Н.* Борьба большевиков против политической тайной полиции самодержавия (1903–1917 гг.). Свердловск., 1989. С. 93.

ной полиции – станового пристава А.А. Уджмаджуридзе, урядника М. Салимова, стражников Гайфуллина и др. был задержан бежавший из мензелинской тюрьмы боевик М. Кадомцев. Во время перестрелки получил смертельное ранение стражник Санников[1].

Но в работе жандармерии было немало и промахов. По сведениям начальника Пермского ГЖУ, проводившего инспекцию в 1908 г., «розыскная часть в Уфимской губернии до назначения полковника Красногорского, очевидно, находилась в самом плачевном состоянии, агентуры совершенно не было, работали наружным наблюдением и при том так неумело, так что в настоящее время требуется немедленная замена агентов наружного наблюдения, так как они стали почти все известны деятелям революции»[2].

Вплоть до конца 70-х годов XIX в. **тюремные учреждения** находились в ведении нескольких органов, при этом тюремное управление не отделялось от полицейского. Политическими тюрьмами непосредственно ведало Третье отделение императорской канцелярии. Общеуголовные тюрьмы были подчинены Департаменту полиции МВД. В губерниях общеуголовными тюрьмами управляли губернаторы. В местах заключения имелись смотрители из полицейских чинов, в распоряжении которых находилась команда надзирателей[3].

В 1877 г. Государственным Советом была создана специальная комиссия по тюремной реформе. Результатом её работы явилось создание Главного тюремного управления, которое до 1895 г. находилось в компетенции Министерства внутренних дел, а затем было передано в систему Министерства юстиции, где оставалось до 1917 г.[4] В 1890 г. создаются губернские тюремные инспекции. Управлявший тюрьмами и арестными домами инспектор подчинялся непосредственно губернатору.

В 1874 г. в Уфимской губернии находилось 5 тюрем, один рабочий дом со смирительным отделением в Уфе и 2 этапа в Мензелинском и Златоустовском уездах. В тюрьмах содержалось 5773 арестанта, из них в Уфе – 2458 осуждённых (43 % от общего количества), в Белебее – 529, Бирске – 1440, Мензелинске – 571, Стерлитамаке – 895 чел. В течение 1874 г. из тюрем губернии выбыло 4658 и осталось к 1 январю 1875 г. 1115 заключённых[5].

Полицейские принимали активное участие в охране тюремных учреждений и задержании преступников. Так, в ночь с 30 на 31 декабря 1906 г. полицейский стражник Т. Горохов, стоявший на посту, своей бдительностью и решительными действиями предотвратил побег шести арестантов. «Считаю своим долгом, – писал в приказе уфимский исправник, – от лица службы принести такому молодцу, Горохову, мою сердечную благодарность и о его похвальных действиях донести его превосходительству господину Уфимскому губернатору». Стражник П. Новиков, «находясь в

---

[1] ЦГИА РБ. Ф. И-187. Оп. 1. Д. 263. Л. 15–16.
[2] Там же. Д. 262. Л. 14.
[3] История органов внутренних дел дореволюционной России. М., 1984. С. 23.
[4] *Ерошкин Н.П.* История государственных учреждений дореволюционной России. М., 1968. С. 230.
[5] ЦГИА РБ. Ф. И-9. Оп. 1. Д. 1680. Л. 66.

карауле в Уфимской тюрьме, предотвратил побег арестантов, а Ефим Колесниченко – покушение на жизнь начальника тюрьмы. У арестанта был отобран нож»[1].

Таким образом, в пореформенный период складывается система правоохранительных органов в крае. Центральное место среди них занимали местные подразделения МВД: общая и политическая полиция (жандармерия), которые, несмотря на относительную малочисленность, выполняли свои основные функции по охране общественного порядка, пресечению уголовных преступлений, борьбы с политической оппозицией.

§ 4. Структуры российской армии на территории Башкортостана

Во второй половине XIX – начале XX в. в крае постоянно находились отдельные воинские части, подчинявшиеся **Казанскому военному округу**. В ходе военной реформы произошло разделение территории России на военные округа. Высочайше утвержденным Положением от 6 августа 1864 г. и приказом военного министра № 267 вся страна была разделена на 15 военных округов. Каждый округ являлся органом строевого управления войсками и военно-административного устройства. В них создавались артиллерийское, инженерное, интендантское и военно-медицинское управления. Первым командующим войсками Казанского военного округа был назначен генерал от кавалерии В.К. Кнорринг. Затем округом командовали генерал от инфантерии А.И. Косич, в 1906–1907 гг. генерал Карас, в 1907–1911 и 1915–1917 гг. генерал от инфантерии А.Г. Сандецкий[2]. В 1911–1914 гг. округом командовал генерал от инфантерии А.Е. Зальца.

В 1865 г. в состав Казанского военного округа были включены войска Оренбургского военного округа, дислоцировавшиеся в Екатеринбурге, а в 1881 г. Оренбургский военный округ с территорией от Оренбурга до Перми полностью вошел в состав Казанского военного округа. С 1881 г. в КазВО входили Казанская, Оренбургская и Уфимская губернии, часть территории Пермской губернии, а также Уральская и Тургайская области. Со временем территория округа увеличилась. В 1916 г. в его составе значились Вятская, Казанская, Уфимская, Пензенская, Саратовская, Астраханская, Самарская, Пермская (с Екатеринбургом) и Оренбургская губернии, Уральская и Тургайская области, территории Оренбургского и Уральского казачьих войск.

К концу XIX в. на территории Казанского военного округа дислоцировались пять резервных пехотных бригад, бригада кавалерийского запаса, две (резервная и запасная) артиллерийские бригады, подразделения Астраханского, Оренбургского и Уральского казачьих войск, а также четыре местные бригады и отдельные резервные команды. Кроме того, на территории округа размещались различные интендантские, военно-медицинские и военно-судебные учреждения, а также целый ряд военно-учебных заведений. Общая площадь территории округа в конце XIX в. составляла 1 млн 917 тыс. кв. вёрст с населением 25 млн чел.

---

[1] Там же. Ф. И-11. Оп. 3. Д. 13. Л. 2, 116.

[2] *Деникин А.И.* Путь русского офицера. М., 1990. С. 198–205.

На рубеже XIX–XX вв. призыв новобранцев производился на основании всеобщей воинской повинности по уставу 1874 г., за исключением Оренбургского и Уральского казачьих войск. Постепенно срок службы сокращался. К 1912 г. он составлял: в пехоте и артиллерии 3 года, в запасе – 15 лет; кавалерии и конной артиллерии 4 года, в запасе – 13 лет; на флоте – 5 лет, и в запасе также 5. Все запасные предназначались для укомплектования частей армии и флота в случае мобилизации. В мирное время их могли призывать на учебные сборы. По окончании срока нахождения в запасе они перечислялись в государственное ополчение, в котором находились до 43-х летнего возраста. Призывники, а также всё остальное мужское население страны от 20 до 40 лет, способное носить оружие, но не числившееся в постоянных войсках, образовывало государственное ополчение, разделенное на два разряда. В первый входили ополченцы в возрасте от 20 до 23 лет, он был предназначен для формирования ополченских частей и укомплектования армии; во второй причислялись мужчины старшего возраста, этот разряд предназначался исключительно для укомплектования ополченских частей в тылу. Вся территория страны разделялась на участки комплектования двух категорий – с русским и нерусским населением. В каждом полку 75 % некомплекта пополнялось из участков с русским населением[1].

Все достоинства всеобщей воинской повинности продемонстрировала разумно проведённая мобилизация во время русско-турецкой войны 1877–1878 г. В каждой губернии и уезде учреждалось управление воинского начальника, в каждом районе комплектования – управление начальника местной бригады. Они подчинялись командующему военным округом. Все округа были разделены на районы комплектования запасных бригад, в которых организовывался призыв, подготовка запасных и комплектование маршевых частей. Таким образом, в ведении местного начальника находились все людские и материальные ресурсы для развертывания запаса и осуществления в случае войны мобилизации.

Население Башкортостана в целом приняло всеобщую воинскую повинность. Современник отмечал, что дух верноподданничества у башкир «развит ничуть не менее, чем у коренных русских жителей. Оттого на все государственные повинности, в том числе и на военную, они смотрят, как на дело законное и неизбежное. Я заметил даже, что башкиры гордятся своими военными заслугами, с удовольствием вспоминая те или иные эпизоды из жизни существовавших прежде башкиро-мещерякских полков»[2]. А.Ф. Риттих, изучавший призывной состав русской армии, говорил о башкирах: «по характеру услужливы, … отчаянные всадники, … пригодны для комплектования легкой кавалерии (гусар)»[3]. Высокие качества призывников-башкир отмечались и противником. В годы Первой мировой войны Осведомительный отдел Главного Австрийского командования в обзоре «Русская армия на начало 1917 г.» о башкирах писал следующее: «к службе всегда готовы, … хорошие лёгкие кавалеристы…»[4].

---

[1] *Ульянов И.Э.* Регулярная пехота 1855–1918. М., 1998. С. 10.

[2] *Флоринский В.* Башкирия и башкиры. Путевые заметки // Вестник Европы. 1874. Т. VI. С. 741.

[3] *Риттих А.Ф.* Племенной состав контингентов Русской армии и мужское население Европейской России. СПб., 1875.

[4] *Гринев Г.* Оценка австрийцами русских войск к началу 1917 г. // Военная Быль. Париж, 1974. № 128. С. 13.

Если в физическом отношении призывники из Уфимской губернии не вызывали претензий со стороны армейского руководства, то крайне низким оставался среди них уровень грамотности. Генерал А.И. Деникин отмечал: «Почти поголовно грамотных призывных давал прибалтийский край, за ним шли Ярославская и столичные губернии, в хвосте плелись польские и малороссийские, и совершенно ничтожный % грамотных поступал из Уфимской»[1].

Военная служба башкир в конце XIX – начале XX в. При подготовке Устава о воинской повинности встал вопрос о порядке службы башкир. Оренбургский генерал-губернатор Н.А. Крыжановский и военное руководство страны предполагало уравнять башкир с прочими призывниками. Созданная в 1873 г. особая комиссия под председательством генерал-майора Тихменева признала возможность привлечения башкир к воинской повинности на общих основаниях. Однако для башкир Челябинского, Верхнеуральского и Оренбургского уездов было сделано исключение. Предполагалась служба их в составе специального подразделения. 6 июля 1874 г. был сформирован Башкирский эскадрон[2], имевший постоянный и переменный составы. В постоянном находились офицеры, чиновники и нижние чины регулярной кавалерии, в переменном 250 башкир, набираемых ежегодно. Вооружение и экипировка эскадрона была казачьей. 21 июля 1875 г. Башкирский эскадрон был переформирован в дивизион[3] с аналогичной структурой. В связи с русско-турецкой войной Башкирский конный дивизион 1 апреля 1878 г. был переформирован в Башкирский конный полк[4]. Согласно «Временному положению» полк состоял из четырёх эскадронов, имевших, как и прежде, постоянный и переменный состав. В постоянный входили офицеры, унтер-офицеры, трубачи и нестроевые чины армейской кавалерии, в переменный – башкиры, желающие отбывать воинскую повинность в полку на собственном коне. Основной задачей полка было обучение башкир-новобранцев военному делу, так как во время войны он должен был стать основой для формирования башкирских конных частей. В том же году сформированный полк совершил марш в Одессу, где на смотре получил благодарность от императора.

Башкиры-новобранцы служили в полку 1 год и 8 месяцев, после чего увольнялись во временный отпуск с обязательством являться на лагерные сборы в течение двух лет. Служба начиналась в январе и продолжалась до сентября следующего года. На втором году службы наиболее способные поступали на обучение в полковую школу, после окончания которой производились в ефрейторы, а лучшие из них в унтер-офицеры. Численный состав полка изменялся в течении года. С января до начала лагерных сборов (они проходили с 20 мая по 20 сентября) в полку было около 800 человек – офицеры, кадровый состав, молодые солдаты. Во время сборов в полк прибывали временно-отпускные и состав полка увеличивался до 1400 человек. После лагерного сбора до января в полку оставались лишь офицеры и кадровый состав – 450 человек. Современник отмечал, что «башкиры гордятся своим конным полком и

[1] *Деникин А.И.* Старая армия. Офицеры. М., 2005. С. 360.
[2] ПСЗ II. Т. 49. № 53706.
[3] Там же. Т. 50. № 54927.
[4] Там же. Т. 53. № 58341.

смотрят на него, как на возрождение войска, о существовании которого живы ещё предания среди старожилов»[1].

В 1882 г. при новом императоре Александре III был поднят вопрос о необходимости башкирского полка. «Отчёт по выполнению воинской повинности» за 1880 г. показал, что в Оренбургской губернии из 2220 новобранцев, принятых на службу, было 700 башкир, или около 31 %. Получалось, что треть всех новобранцев должна была служить 20 месяцев в Башкирском полку, тогда как остальные – 6 лет, нарушался принцип всеобщей воинской повинности. Отчёты о состоянии Башкирского конного полка за 1880 и 1881 гг. показали невысокие результаты в стрельбе, знании материальной части оружия, строевой подготовке[2]. Основной причиной такого состояния дел было незнание русского языка башкирами и короткий срок нахождения их в части.

В 1882 г. проводилась реорганизация русской кавалерии. Все гусарские и уланские полки стали драгунскими, сокращена казачья конница, в частности упразднена 3-я Кавказская казачья дивизия, и ряд полков. 24 июля 1882 г. Башкирский конный полк был упразднён, а в военное время башкиры должны были формировать Башкирскую конную милицию[3].

При организации военной службы в крае вначале сохранялась специфика для башкир, что было связано с прошлым периодом в истории Башкортостана, когда он находился в положении приграничной территории, а его мужское население несло службу на Оренбургской линии.

Части регулярной армии на территории Уфимской губернии в конце XIX – начале XX в., участие в военных действиях. 13 августа 1864 г. Оренбургский № 10 батальон, бывший ранее Уфимским гарнизонным батальоном, стал именоваться Уфимским губернским батальоном, затем это – Уфимский местный батальон (с 1874 г.), Уфимский резервный кадровый батальон (с 1887, в 1888 г. пожаловано знамя), Златоустовский резервный батальон (с 1891 г.), 243-й Златоустовский резервный батальон (с 1899 г.). Соединение было расквартировано в Златоусте и частично в Уфе, где находился штаб. 4 января 1904 г. на празднование своего 100-летнего юбилея батальон получил новое знамя. В Златоусте также квартировал 214-й Мокшанский резервный батальон. В начале XX в. обе части получили всероссийскую «известность», когда три роты Мокшанского и две роты Златоустовского батальонов приняли участие в расстреле рабочих в марте 1903 г. в Златоусте. С октября 1879 по 1880 г. в Уфе квартировал Оренбургский казачий № 5 полк.

В связи с началом русско-японской войны 243-й Златоустовский батальон 1 июня 1904 г. был отмобилизован и развёрнут в два полка по четыре батальона каждый: 243-й пехотный Златоустовский и 311-й пехотный Челябинский. 20 сентября 1904 г. 243-й полк (командир полковник А.С. Оглоблев) отправился на Дальний Восток.

---

[1] *Квитка А.* Заметки о башкирском конном полку // Военный сборник. 1882. № 6. С. 316.

[2] *Афанасьев В.* По поводу заметки: «О Башкирском конном полку» // Военный сборник. 1882. № 8. С. 332.

[3] *Казин В.Х.* Казачьи войска. Справочная книжка императорской главной квартиры. СПб., 1912. / Репринт. изд. СПб., 1992. С. 23.

В боевых действиях на территории Маньчжурии (Китай) участвовал: с 13 ноября 1904 по 31 января 1905 г. в передовой линии у д. Ланшенпу; 19 февраля в атаке на д. Ланшенпу; 22 февраля в боях при Бейтанцзыне и Дакишинпу; 25 февраля в атаке на д. Тава. В марте полк был свёрнут в 243-й Златоустовский резервный батальон и 5 июня 1906 г. вернулся в Уфу[1]. Всё это время в городе находился 311-й Челябинский пехотный полк (командир полковник Ф.М. Старов), а его 4-й батальон квартировал в Златоусте[2]. Затем 311-й Челябинский полк был расформирован.

214-й Мокшанский резервный батальон был направлен в Екатеринбург, где был переформирован в 214-й пехотный Мокшанский полк и 3 июня 1904 г. отправился на войну, отличился в сражениях под Ляояном и Мукденом. В июле 1905 г. в 214-м Мокшанском батальоне (полк был вновь свёрнут в батальон), вернувшемся в Златоуст, произошли волнения нижних чинов, недовольных бытовыми условиями. Зачинщики были арестованы, и солдаты попытались их освободить. Прибывшие части войск быстро нейтрализовали активных участников. Батальон был направлен в Уфу, в Златоусте оставлен штаб и лазарет. Такой же бытовой характер имели волнения, случившиеся в августе 1905 г. в следовавшем в Челябинск запасном полку, состоявшем из башкир. Полицейский урядник в пос. Карасинский обозвал одного из солдат «собакой», те в ответ его избили. Затем полк по частям был отправлен в город[3]. В сентябре 1906 г. 214-й Мокшанский резервный батальон был переведен в Самару. Эта воинская часть вошла в историю русской музыкальной культуры. В 214-м Мокшанском полку в 1903–1910 г. капельмейстером служил И.А. Шатров, участвовавший вместе с полком в войне. Вернувшись в 1906 г. в Златоуст, он начал работу над созданием вальса «Мокшанский полк на сопках Манчжурии», ставшего в короткое время необычайно популярным и вошедшем в историю под названием «На сопках Манчжурии»[4].

В связи с революцией для обеспечения порядка в губернии и охраны железной дороги в Уфе в 1905 г. временно находился штаб 16-го Оренбургского казачьего полка, рота 312-го Березинского полка, штаб и лазарет 6-й Запасного пехотного батальона. В 1907–1910 гг. в Уфе временно размещались отдельные части русской армии: 4-й батальон 8-го пехотного Эстляндского полка, батальон 12-го пехотного Великолуцкого полка, 1-й эскадрон 53-го драгунского Новоархангельского полка, управление 3-й Отдельной кавалерийской бригады, полторы сотни 11-го Донского казачьего полка[5]. В 1908 г. в Уфе располагалось управление 61-й пехотной резервной бригады (командир генерал-майор И.Ф. Казакевич) и 243-й Златоустовский резервный батальон (полковник М.К. Россоловский)[6].

---

[1] См.: *Герн.* Краткая история 190 пехотного Очаковского полка. Уфа, 1911.

[2] Адрес-календарь Уфимской губернии и справочная книжка на 1906 год. Уфа, 1905. С. 38, 79.

[3] Очерки по истории Башкирской АССР. Уфа, 1959. Т. I, ч. 2. С. 335.

[4] Высказана точка зрения, что это произошло в Екатеринбурге. См.: *Земцов В.Н.*, *Ляпин В.А.* Екатеринбург в мундире. Форменная одежда в истории Екатеринбурга XVIII – начала XX в. Екатеринбург, 1992. С. 186.

[5] См.: Обзоры Уфимской губернии за 1905–1908 гг. Уфа, 1906–1910.

[6] Адрес-календарь Уфимской губернии и справочная книжка на 1908 год. Уфа, 1908. С. 38.

11 июля 1910 г. в Уфе был сформирован **190-й пехотный Очаковский полк**, вошедший в состав 48-й пехотной дивизии, находившейся в 24-м армейском корпусе. При формировании в него вошли 208-й пехотный резервный Очаковский полк, 209-й пехотный резервный Николаевский полк и 243-й Златоустовский резервный батальон, квартировавший в Уфе. Старшинство полку было дано по 243-му Златоустовскому батальону, как старейшей части полка, существовавшей с 4 января 1804 г. Полковой праздник был установлен 16 августа в честь Спаса Нерукотворного, а полковым знаменем стало прежнее знамя 243-го батальона. Первым командиром полка был назначен бывший командир златоустовцев полковник П.Н. Любавский, участник русско-турецкой и русско-японской войн, имевший среди наград золотое оружие. По штату 1910 г. в полку в четырёх батальонах состояло 78 офицеров, 10 чиновников военного ведомства, 4011 нижних чинов и 234 нестроевых[1].

С началом Первой мировой войны в Башкортостане впервые в истории была проведена всеобщая мобилизация. 190-й пехотный Очаковский полк выделил так называемый «скрытый кадр», т. е. офицеров и солдат для формирования второочередного пехотного полка – 330-го Златоустовского. С 17 июля 1914 г. Уфа стала губернским сборным пунктом запасных и ратников ополчения. Уже к концу года в армию по призыву ушли 16 803 чел. и было мобилизовано ещё 109 908 чел.[2] По данным сельскохозяйственной переписи 1917 г. из Уфимской губернии было призвано в войска за 1914–1917 гг. 323 181 человек, что составило 44,7 % от всего мужского населения рабочего возраста (723 234 чел.)[3]. В действующей армии и тыловых гарнизонах находился каждый второй взрослый уроженец края.

Ещё в 1911 г. на базе резервных частей Казанского военного округа началось развертывание 16-го и 24-го армейских корпусов, а непосредственно перед началом войны на базе штаба округа было сформировано управление 4-й армии.

На полях сражений Первой мировой войны сформированный в Казанском военном округе 24-й армейский корпус, куда входил «уфимский» Очаковский полк, стяжал себе бессмертную славу в составе 8-й армии генерала А.А. Брусилова. 48-я пехотная дивизия в августе 1914 г. была направлена на фронт, где сразу показала свою стойкость, за что получила названия: «суворовская» и «стальная».

190-й Очаковский полк провел свой первый бой 12 августа 1914 г. у Монастыржиска на реке Золотая Липа во время Галицийской битвы (Австро-Венгрия), в ходе которой погибли начальник штаба полковник Ивашкевич, командир 2 батальона полковник Любавский, командир 3 батальона подполковник Протопопов, а всего было убито и ранено 22 офицера. С 26 августа командиром дивизии стал Л.Г. Корнилов. А.А. Брусилов так отзывался о нём: «Странное дело, ген. Корнилов свою дивизию никогда не жалел, во всех боях, в которых она участвовала под его начальством, она несла ужасающие потери, а между тем офицеры и солдаты его любили и ему верили.

---

[1] См.: *Герн.* Указ. соч.

[2] Обзор Уфимской губернии за 1914 год. Уфа, 1916. С. 67.

[3] Поуездные итоги Всероссийской сельско-хозяйственной и поземельной переписи 1917 года по 57 губерниям и областям // Труды ЦСУ РСФСР. М., 1923. Т. 5, вып. 2. С. 126.

Правда, он и себя не жалел, лично был храбр и лез вперед, очертя голову»[1]. С 23 октября 1914 г. начался знаменитый поход 48-й пехотной дивизии, который ознаменовался героической переправой через реку Сан 27–28 октября. 3 ноября дивизия овладела перевалами главного Карпатского хребта. В течение ноября она вела тяжелые бои против превосходящих сил противника, в ходе которых были убиты, ранены и пропали без вести 32 офицера и 5079 нижних чинов. В плен она взяла генерала, 58 офицеров и 6756 нижних чинов[2].

После окончания «Венгерского похода» части 48-й пехотной дивизии провели зиму 1914–1915 г. в оборонительных боях в лесистых Карпатах. В январе–марте 1915 г. дивизия участвовала в Карпатской операции. 24 апреля, обороняя Дуклинский перевал, она попала в окружение, а её полки начали прорываться сквозь позиции австрийцев. Смогли выйти лишь 191-й Ларго-Кагульский полк и батальон Очаковского полка. Остальные были вынуждены сложить оружие и сдаться в плен вместе с генералом Л.Г. Корниловым. Пробившиеся из окружения солдаты и офицеры вынесли все знамёна дивизии. В боях 21–24 апреля дивизия потеряла убитыми и ранеными около 6 тыс. человек[3]. После этих событий она была выведена в резерв. Несмотря на неудачу, дивизия оставалась боеспособной. За семь месяцев горной войны с октября 1914 по апрель 1915 г. она взяла в плен 35 тыс. пленных. Противник оценивал дивизию следующим образом: «испытана в боях, очень дисциплинирована»[4].

Летом 1915 г. дивизия продолжала героически сражаться с противником. На Таневе при контратаке через реку солдаты Очаковского полка вели бой, стоя по грудь в воде. От полка осталось 60 человек, но победа была одержана[5]. После пополнения 15 октября 1916 г. 48-я дивизия погрузилась на станции Кривичи и отбыла на Румынский фронт. В декабре 1916 г. дивизия вела затяжные бои в районе горы Водаш. В январе 1917 г. из неё были выделены кадры для сформирования 188-й пехотной дивизии 4-й очереди, которая прекратила свое существование в октябре этого же года. Летом 1917 г. 48-я пехотная дивизия приняла участие в Фокшанской операции. 24 февраля 1918 г. 190-й Очаковский полк был расформирован. В марте его офицеры и солдаты, как и вся русская армия, были демобилизованы.

За боевые подвиги ряд офицеров 190-го пехотного Очаковского полка были награждены орденами Св. Георгия 4-й степени или Георгиевским оружием: поручик С.-Г.Г. Бикмеев, подполковник П.Н. Габов (попал в плен), штабс-капитан Н.Н. Златоустов (убит 8 мая 1915 г.), поручик Н.А. Минервин (пропал без вести 5 июля 1915 г.) и др.[6] Полными георгиевскими кавалерами* в полку стало несколько рядовых, в том числе уроженцы Верхнеуральска И.В. Погорельских и Н.Н. Фролов[7].

---

[1] *Брусилов А.А.* Мои воспоминания. М., 2001. С. 109.

[2] *Юшко В.* 48-я пехотная дивизия // Рейтар. 2003. № 3. С. 192–193.

[3] Там же. С. 197.

[4] *Гринев Г.* Указ. соч. С. 16.

[5] *Керсновский А.А.* История русской армии. М., 1994. Т. 4. С. 189.

[6] *Юшко В.* Указ. соч. С. 209–210.

* Георгиевские кавалеры – нижние чины, награждённые последовательно Георгиевским крестом 4–1 степени и четырьмя Георгиевскими медалями за личное мужество и храбрость.

[7] *Курепин Ю.* Герои 190-го Очаковского полка // Кавалер. 2005. №. 12. С. 30–35.

Новобранцы, призываемые из Башкортостана в армию, на фронте попадали служить в различные части. Офицер 13-го лейб-гренадёрского Эриванского полка К.С. Попов вспоминал о пополнении полка зимой 1915 г.: «Помню, как ко мне в роту влили вдруг 100 человек татар-уфимцев. Беда была с ними первые дни, редко кто из них говорил по-русски, но сразу можно было видеть, что это прекрасный боевой материал. Народ был храбрый, честный, привязчивый и исполнительный. В солнечные дни их сажали по всему окопу и обучали словесности. Это была сплошная комедия: Государь Император и ротный командир в их понимании никак не укладывались, всё у них путалось, и временами я хохотал до слёз»[1].

Летом 1916 г. на Урале создавалась 3-я Особая пехотная бригада в составе 5-го Особого пехотного полка (формировался в Екатеринбурге) и 6-го Особого пехотного полка (в Челябинске). Комплектование происходило из состава армейских полков и запасных батальонов, причём основным критерием отбора были хорошие внешние данные. Штат бригады составлял 104 офицера и 9197 нижних чинов. В составе находилось много уроженцев Башкирии, в частности из Уфы. Бригада была направлена в Архангельск, откуда морским путем добралась до Франции и вместе с 1-й бригадой воевала против Германии на Западном фронте. За боевые отличия в апреле 1917 г. бригада была награждена Военными крестами с пальмами на знамена полков. В середине мая 1917 г. из 1-й и 3-й бригад сформирована 1-я Особая пехотная дивизия под командой В.М. Марушевского, а затем Н.Н. Лохвицкого. Несмотря на разложение дивизии после революции, около 4 тыс. остались верны присяге и в декабре 1917 г. из них был сформирован русский «Легион Чести», который участвовал во всех боях кампании 1918 г., и за проявленное мужество был удостоен права участия в победном параде в Париже. После окончания войны легионеры были отправлены в Россию. В 1920 г. из Франции вернулось около 15 тыс. человек, большая часть в Советскую Россию, треть попала в войска белого движения[2].

Во время Первой мировой войны в Башкортостане были сформированы запасные полки. В них призванные на воинскую службу проходили подготовку, а затем направлялись в составе маршевых рот на пополнение частей армии. В начале войны настроение было патриотичным, отмечалось даже желание быстрее попасть на фронт. Об этом свидетельствует и характер писем, отправляемых новобранцами. По сведениям Уфимского военно-цензорского пункта солдатские письма распределялись по настроениям следующим образом: 95–96 % – вполне патриотические, 1 % – нет ни слова о войне, 1 % – содержали сведения о военной тайне, 1–2 % – критика и брань в адрес офицеров и начальников, 2 % – стремление к скорейшему миру[3].

Впоследствии, запасные батальоны были развернуты в полки. В Уфе были расквартированы 103-й и 144-й Запасные пехотные полки, в Челябинске – 109-й и 163-й полки. Кроме того, для отправки на фронт в Уфе в 1917 г. была сформирована 696-я

---

[1] *Попов К.С.* Воспоминания кавказского гренадера 1914–1920. Белград, 1925. С. 78–79.

[2] *Юшко В.* Генерал Марушевский – из Франции в Россию // Рейтар. 2003. № 2. С. 145.

[3] *Валиуллин А.Р.* Настроения солдат гарнизонов Уфимской губернии в годы Первой мировой войны (1914–1917) // Мировые войны и развитие человечества (к 90-летию Первой мировой войны). Уфа, 2004. С. 30.

дружина ополчения. Уфимский гарнизон насчитывал в разное время 28–35 тыс. человек. В Белебее гарнизон составлял около 10 тыс. чел., гарнизоны были в Бирске, Стерлитамаке, Златоусте.

Таким образом, во второй половине XIX – начале XX вв. на территории края постоянно размещались воинские соединения российской армии, являвшиеся важной составной частью властных структур, укреплявшие стабильность и сыгравшие немалую роль в подавлении революционных выступлений. Уроженцы Башкортостана участвовали во всех войнах, которые вела Российская империя, героически проявляли себя на полях сражений. В годы Первой мировой войны в ряды вооружённых сил была призвана почти половина мужского населения края.

ГЛАВА 4

ПОЗЕМЕЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В БАШКОРТОСТАНЕ В 1860–1910-Х ГГ.

§ 1. Размежевание земельных владений в крае

Особенностью землевладения в Башкортостане оставалась крайняя запутанность поземельных отношений, отсутствие чётких, юридически оформленных границ между различными собственниками, чересполосица, споры и судебные разбирательства. Противоречивые законы XVIII–XIX вв., регулировавшие взаимоотношения башкир-вотчинников и припущенников*, ещё более осложнили обстановку. В условиях либеральных реформ 1860-х гг., после отмены крепостного права и ликвидации кантонной системы, начавшегося массового переселения на Южный Урал русского крестьянства, что требовало свободного земельного рынка, сохранение подобной ситуации препятствовало дальнейшему социально-экономическому развитию края.

Всего насчитывалось 135 башкирских дач** с общей площадью (включая земли всех владельцев) в 13 857 866 дес., из них в Уфимской губернии находилось 87 дач (6 959 525 дес.), Оренбургской – 27 дач (4 955 411 дес.), Пермской – 12 дач (1 479 287 дес.), Самарской – семь дач (432 733 дес.) и в Вятской губернии располагались две башкирские дачи площадью 30 910 дес.[1] Некоторые дачи находились на территории двух губерний.

По инициативе местных властей, 10 февраля 1869 г. император Александр II утвердил правила «О размежевании башкирских дач для наделения землёю башкир-вотчинников и их припущенников, и о порядке продажи и отдачи в оброчное содержание общественных башкирских земель». Были установлены нормы для наделения землёй: в многоземельных дачах вотчинникам полагалось по 40 дес. на мужскую ду-

---

* Вотчинники являлись полноправными (коллективными) собственниками своих угодий, а припущенники находились на положении наследственных арендаторов, которые лишь во второй половине XIX в. получили окончательное юридическое признание их прав собственности на земли, где они проживали уже столетия. Военными припущенниками считались мишари и тептяри, состоявшие в Башкирском войске, а так называемыми гражданскими припущенниками – удельные, государственные и прочие крестьяне, чьи земли лежали в пределах башкирских дач.

** Дача – исторически сформировавшийся территориальный участок, где могли находиться земли разных собственников. В Башкортостане дачи в основном образовывались и именовались по первоначальным владельцам – башкирам-вотчинникам.

[1] *Усманов Х.Ф.* Развитие капитализма в сельском хозяйстве Башкирии в пореформенный период. 60–90-е годы XIX в. М., 1981. С. 39.

шу VII ревизии (1834 г.), военным припущенникам – 30 дес., гражданским – по 15 дес. В малоземельных дачах вотчинники получали по 15 дес. на мужскую душу по X ревизии (1859 г.), военные припущенники – не более 11 дес., гражданские – 6 дес.[1] «В связи с исключением из состава башкирского войска» припущенников их душевые наделы (30 дес.) сокращались наполовину, земли эти предполагались для обеспечения малоземельных припущенников, а уменьшенные наделы освобождались «от уплаты в казну оброчной подати»[2]. С 1882 г. постановлением Государственного Совета в малоземельных дачах, где самим вотчинникам не хватало 15-десятинной пропорции, припущенники обретали высший надел по положению 18 февраля 1861 г. из башкирских угодий, а вотчинники получали вознаграждение за десятину удобной земли (8 руб. 50 коп. в Мензелинском, 7 руб. 50 коп. в Бирском уездах)[3].

Размежевание проводилось государственным аппаратом, губернскими крестьянскими учреждениями (мировые посредники, присутствия, затем специальные межевые комиссии). На первом этапе (1860–1890-е г.) разграничивались земли башкир-вотчинников и всех остальных собственников (припущенников, государственных и удельных крестьян, казны, частных владельцев), определялись точные границы, производился, если нужно, обмен участками, измерялись площади, устанавливались на местах межевые знаки (столбы, треугольные ямы, борозды). Межевание производилось за счёт населения, с жителей башкирских дач с 1870-х гг. взимался сбор в 8 коп. за отмежёванную десятину[4], с 1898 г. уже по 24 коп.[5]

После окончания межевых работ на местности составлялся раздельный акт о распределении земли между всеми группами собственников, устанавливались границы каждого владения, включая выделявшиеся запасные участки для наделения малоземельных припущенников. Башкирам-вотчинникам отграничивались их угодья (по 40 или 15 дес.), а также «свободные за душевым наделом» (количество сверх установленной нормы) земли. Затем выдавались общинам документы на право владения. При выделе участков гражданским припущенникам территория отходила не сельчанам, а ведомствам, которые «производят уже сами наделение своих крестьян» за выкуп. Если казна в основном всю площадь передавала жителям, то удел «излишки земель оставляет за собой»[6].

Важные изменения внесли правила по размежеванию башкирских дач, утверждённые Оренбургским генерал-губернатором 4 августа 1878 г., по которым душевые наделы «вотчинникам должны быть отграничены непременно в 15 десятинном размере на души 10 ревизии, так как эта только пропорция состоит под запрещением отчуждения в посторонние руки». Как у всего остального российского крестьянства, надельные земли запрещалось продавать, они должны были оставаться в исключительном владении сельской общины, в чём проявлялась патерналистская политика

---

[1] Там же. С. 38; *Акманов А.И.* Башкирское землевладение в XIX – начале XX вв. Уфа, 2000. С. 102–103.

[2] Сборник законов, распоряжений и сведений для руководства межевых комиссий, их членов и землемеров при размежевании башкирских дач. СПб., 1899. С. 118.

[3] Там же. С. 120; Статьи к особому приложению к девятому тому Свода законов. Б. м. и г. С. 117.

[4] Статьи к особому приложению к девятому тому Свода законов. С. 115.

[5] *Родоканаки А.И.* Особые и местные межевания и землеустройство. Уфа, 1910. С. 32.

[6] Там же. С. 34.

царского самодержавия. В тех дачах, где успели выделить вотчинникам по 40 дес., размежевание требовалось провести «вновь». Свободные земли башкир также за счёт 8-копеечного сбора можно было выделять обществам и селениям, подтверждалось право получения отдельными домохозяевами-вотчинниками своей земли в частную собственность[1].

Межевые работы развернулись на огромном пространстве Южного Урала. Так, 30 января 1878 г. был составлен раздельный акт на земли дачи башкир-вотчинников Ельдякской волости д. Верхне-Манчарово (Сатлыганова тюба), находившиеся в Бирском и Белебеевском уездах. Всего здесь располагалось 53 деревни вотчинников, припущенников, государственных и удельных крестьян (Асяново, Дюртюли и др.). В 1875 г. инженер Чернавский произвёл измерение угодий, из общей площади дачи (101 413 дес. 1406 саж.) башкирам-вотчинникам нарезали по 15 дес., а припущенникам по 6 дес. 1612 саж. (на мужскую душу X ревизии). Итого вотчинникам отошло 39 930 дес., бывшим военным припущенникам – 39 986 дес. 737 саж., бывшим государственным крестьянам – 2036 дес. 889 саж., бывшим удельным – 2790 дес. 1990 саж. удобной земли. К раздельному акту прилагались описания точных границ наделов каждого селения. Например, припущенники д. Асяново получили 2515 дес. 596 саж. в трёх участках, д. Иванаево – 1527 дес. 1948 саж. удобной земли также в трёх участках.

Большинство жителей на своих сельских сходах с раздельными актами соглашались, но в судебные инстанции (вплоть до Сената) поступил ряд жалоб. Крестьяне д. Учпили, Казакларово и Зейлево (все Бирский уезд) требовали признать их собственниками земли, купленной ещё в 1713 г., припущенники д. Верхе и Нижне-Уткинеево, Байгильдино, вотчинники д. Габлюкучуково, Нижне-Каргино и др. не соглашались с произведёнными изменениями границ общинных угодий, припущенники д. Каралачук и Верхне-Каргино спорили с вотчинниками д. Юкаликулево, Верхне и Нижне-Каргино, жители д. Назитамак потеряли часть покосов и т. д. Во время ревизии Уфимской губернии сенатором М.Е. Ковалевским в 1881 г. ему были поданы жалобы от крестьян д. Иванаево, Дюртюли, Куккуяново и Ельдяк. Казусная ситуация сложилась у жителей д. Ельдяк, чьи угодья лежали в двух башкирских дачах (Ельдякской и Канлинской). В результате размежевания в 1875 г. их земли отошли к д. Янтузово, а взамен они должны были получить надел из владений д. Казы-Ельдяк. Но размежевание в Ельдякской даче ещё не закончилось и крестьяне на несколько лет остались почти без земли, хотя налоги с них собирали в полном объёме.

Чиновник Н.А. Ермолов отмечал в 1878 г.: размежевание «продолжается более 6 лет, что такой срок вредно влияет на хозяйство населения дачи, возбуждая ссоры и драки»[2]. Исправленный в 1886 г. раздельный акт (уже на общую площадь в 108 200 дес.) был утверждён Уфимским губернским по крестьянским делам присут-

---

[1] Сборник законов, распоряжений и сведений для руководства межевых комиссий, их членов и землемеров при размежевании башкирских дач. С. 93–94, 97, 99.

[2] Подобная ситуация была нередка в многоземельных дачах. К концу 1880-х гг. отмечались «постоянные споры из-за пользования землёю и возникает масса жалоб на захват угодий, своз сена, снятие хлеба и потраву полей», возбуждается масса административных и уголовных дел, «а взаимные отношения сторон обостряются иногда до пределов вооружённого столкновения» (Там же. С. 120).

ствием в 1887 г. Правительствующий Сенат, рассмотрев жалобы жителей Ельдякской волости (д. Верхне-Манчарово и др.), в 1887–1888 гг. оставил их «без последствий», в 1889–1891 гг. на местности провели границы и лишь в 1891–1892 г. состоялось окончательное («формальное») размежевание этой дачи, длившееся в итоге свыше 20 лет. Всего образовалось 158 земельных участков (62 вотчинников, 77 припущенников, 11 государственных и 8 удельных крестьян). По постановлению частного волостного схода башкир-вотчинников (28 деревень), оставшиеся сверх надела «свободные» земли были отмежёваны каждому селению[1].

Уже к 1890 г. в Уфимской губернии размежевание было окончено в 53 из 87 башкирских дач, в остальных работы продолжались, а 8 дач не подлежали размежеванию как «единственное владение вотчинников»[*]. В Оренбургской губернии из 27 дач окончательно были размежёваны 14, в восьми дачах, где припущенники или совсем не проживали, или были крайне малочисленны, размежевание не велось. В Пермской губернии в 1890 г. закончилось размежевание в 4 дачах (из 12), в Самарской – в пяти (из 7), обе башкирские дачи Вятской губернии были полностью размежёваны в 1874 г. К 1898 г. межевые работы происходили в последних 12 дачах (5 в Оренбургской, 5 в Пермской и две в Самарской губерниях), они были завершены в начале XX в.[2] После 1898 г. припущенникам было отмежёвано всего лишь 30 165,5 дес.[3]

Таким образом, к концу 1890-х гг. сложнейший вопрос установления точных, юридически признанных границ территориальных владений в крае в основном был решён, что заложило основы для формирования регионального рынка земельной недвижимости. Размежевание угодий между различными группами крестьянства вызвало многочисленные жалобы и судебные иски, однако кроме экономических конфликтов на бытовой почве никаких серьёзных столкновений на национальной, конфессиональной или сословной почве не происходило, что показало высокий уровень толерантности в народной среде Башкортостана. С другой стороны, объективно ухудшилось положение припущенников, которые ранее нередко совместно пользовались угодьями с вотчинниками, а длительный характер размежевания задержал их миграцию на малозаселённые земли многоземельных башкирских дач.

Серьёзным препятствием для развития регионального земельного рынка в крае являлось нераздельное владение башкир-вотчинников, когда жители всех деревень были собственниками всех волостных угодий. Это препятствовало покупке и аренде земли у башкир переселенцами, равномерному налогообложению. Правила 1878 г., требовавшие соединённого схода всех деревень для обсуждения вопроса о продаже или сдаче в аренду угодий, создавали большие сложности при оформлении сделок.

---

[1] ЦГИА РБ. Ф. И-10. Оп. 1. Д. 1183. Л. 1а-4, 12, 120; Д. 1255. Т. 2. Л. 312, 422, 472; Д. 1324. Т. 2. Л. 1401, 1405; Д. 1346. Л. 303–304; Д. 1366. Т. 2. Л. 210–211, 214, 221–228; Д. 1390. Л. 191–195, 200 об.; Д. 1432. Л. 75 об.

[*] То есть в этих дачах не было припущенников, проживали одни вотчинники.

[2] Сборник законов, распоряжений и сведений для руководства межевых комиссий, их членов и землемеров при размежевании башкирских дач. С. 120–124; *Усманов Х.Ф.* Указ. соч. С. 39–40.

[3] Отчёт Уфимской межевой комиссии о размежевании башкирских дач. Уфа, 1912. Приложения. С. 94–95.

По инициативе генерал-губернатора в Оренбургском и Орском уездах в 14 башкирских дачах, а также в пяти в Самарской губернии началось внутриселенное размежевание (были отделены земли каждой деревни, душевые наделы и «свободные»). Но к 1890 г. подобное размежевание прошло лишь в 19 из 135 башкирских дач[1]. Само башкирское население (особенно местная элита, фактически распоряжавшаяся общинными землями) не стремилось к размежеванию собственных волостных угодий, опасаясь, что их также заберут в казну, «желаем владеть по-старому» – заявляли вотчинники Мурзаларской и Айлинской волостей Златоустовского уезда. Современник замечал по этому поводу, «что же сделаешь с башкирами, потерявшими всякое доверие к близко стоявшим к ним правительственным лицам»[2].

Новый этап наступил после принятия закона от 20 апреля 1898 г. Размежевание теперь было возложено на межевые комиссии: Уфимскую (действовала также в Самарской и Вятской губерниях), Оренбургскую и Пермскую, находившихся в ведомстве Министерства юстиции со своими штатом, землемерами, чертёжной и канцелярией. Помимо окончания размежевания вотчинников и припущенников, главным являлся «раздел башкирских вотчинных земель между селениями и обществами», разрешение споров, установление точных границ и выдача «владельцам межевых актов».

Территория единой башкирской дачи разделялась, для каждого селения (общины) теперь отводилась отдельная земля. Если жители желали иметь какой-либо участок в общем владении, требовалось согласие крестьян, полученное на сходах. Вотчинники получили право изменения границ душевых наделов и свободных земель, для чего требовалось решение большинства схода в 2/3 голосов[3].

Внутрибашкирское размежевание отвечало потребностям рядового населения, потому что волостные угодья в реальности находились в пользовании только близлежащих деревень. Жители удалённых селений не могли там ни сеять, ни косить, иногда им просто не разрешали заниматься хозяйством, хотя они платили налоги за общую землю. Так, башкиры д. Нижне-Манчарово (Бирский уезд) в июле 1896 г. обратились с прошением о распределении участка в 6 тыс. дес., за который они платили все повинности «наравне с прочими, землёй же по настоящее время не пользуются». Все угодья находились в фактическом владении вотчинников д. Нижне и Верхне-Каргино, Юкаликулево, Старо-Султанбеково и других, а их «к пользованию не допускают»[4]. С другой стороны, размежевание нарушало интересы волостной верхушки, в распоряжении которой на деле нередко находились общие территории.

Размежевание столкнулось с открытым сопротивлением в некоторых дачах Белебеевского, Уфимского, Орского и др. уездов. Башкирское население не принимало разделения своих исконных владений на душевые и «свободные» земли, опасаясь

---

[1] Сборник законов, распоряжений и сведений для руководства межевых комиссий, их членов и землемеров при размежевании башкирских дач. С. 126.

[2] Цит. по: *Усманов Х.Ф.* Указ. соч. С. 176–177.

[3] См.: Сборник законов, распоряжений и сведений для руководства межевых комиссий, их членов и землемеров при размежевании башкирских дач. С. 4–10.

[4] ЦГИА РБ. Ф. И-10. Оп. 1. Д. 1432. Л. 104–105.

изъятия последних правительством, да ещё по душам VII или X ревизий, прошедших много лет назад, раздел «следовало провести по наличным душам, о чём многократно возбуждались ходатайства». По жалобам башкир на размежевание Сенатом «было издано 123 указа, из коих только двадцатью отменялись решения комиссии, а в 103 случаях (84 %) жалобы оставлены без последствий»[1]. С подозрениям относясь к мероприятиям правительства, население всячески противодействовало размежеванию, разрушавшему давние традиции совместного землевладения, «дачу [Уфа-Таныпскую] желаем оставить в общем владении двадцати деревень». Особенно упорное и длительное сопротивление было в Булекей-Кудейской волости Уфимского уезда, куда пришлось вызывать войска, проводить аресты и вести настойчивую агитацию[2].

В целом к началу Первой мировой войны межевые комиссии выполнили поставленные цели. Размежевание в Башкортостане фактически закончилось. Если в 1912 г. в неразмежёванных башкирских дачах оставалось 432 594,5 дес., то в 1913–1915 гг. – 273 484,4 дес., а к 1917 г. – только 131 826,4 дес.[3] В 1912 г. продолжались судебные споры между вотчинниками и частными владельцами по Большой и Малой Кущинским и Тарнаклинской волостям, заканчивалось межевание Кальчир-Табынской волости[4], к 1917 г. остались неразмежёванными два спорных участка в Бирском и Златоустовском уездах[5].

Установление точных границ всех видов поземельной собственности способствовало развитию регионального земельного рынка, формированию института частной собственности, облегчило процесс купли-продажи, в том числе для колонизации края переселенцами, складывания предпринимательского хозяйства, ликвидировало архаичную неопределённость в землевладении, доставшуюся от традиционного общества.

§ 2. Эпоха свободной торговли. Расхищение башкирских земель

Перевод башкир в общегражданское состояние, признание их полными хозяевами своих владений поставил вопрос о праве продажи земли. По положению о башкирах 1863 г. они могли выставить на рынок излишки сверх 40-десятинного душевого надела, для чего требовались решения сельского и волостного сходов, утверждённые оренбургской властью. Административный контроль фактически не допускал торговли землёй и в феврале 1866 г. генерал-губернатор Н.А. Крыжановский представил в МВД проект отмены правительственной опеки над арендой и продажей земли, что, по его мнению, несогласно с признанием башкир «полноправными собственниками».

Этот проект был Высочайше утверждён 10 февраля 1869 г. По новому указу в окончательно размежёванных башкирских дачах, после отвода наделов по 15 дес. на

---

[1] Отчёт Уфимской межевой комиссии о размежевании башкирских дач. С. 26.

[2] *Калмантаев Н.М.* Башкортостан в условиях Российской революции 1905–1907 гг. Уфа, 2000. С. 38–40.

[3] См. Обзоры Уфимской губернии за 1912–1915 годы. Уфа, 1914–1917. Прил. 1; ЦГИА РБ. Ф. И-148. Оп. 1. Д. 174. Л. 37.

[4] Отчёт Уфимской межевой комиссии о размежевании башкирских дач. С. 18.

[5] ЦГИА РБ. Ф. И-168. Оп. 1. Д. 383. Л. 14–15.

душу X ревизии, остальные угодья, так называемые «свободные за душевым наделом» земли, можно было свободно продавать. Решение принималось сельским или волостным (где было общее землевладение нескольких деревень) сходами, в последнем случае многое зависело от волостного правления, а мировой посредник оформлял купчую крепость, при этом не входя «в рассмотрение выгодности или невыгодности продажи»[1].

В реальности продажа земли оказалась целиком в руках волостной элиты, которая договаривалась с покупателями и зачастую принуждала рядовое крестьянство (волостной сход) к утверждению сделок, получая немалую «компенсацию» в виде так называемых «тёмных денег». Продавались участки главным образом в башкирских волостях лесного Приуралья, тогда как на северо-западе и в центре Башкортостана, где население понимало ценность земли как основного источника собственного благосостояния, фактов торговли угодьями практически не было. Например, в Кальчир-Табынской волости Стерлитамакского уезда в декабре 1873 г. продажу Заварицкому и другим покупателям 20 тыс. дес. (по цене в 1 рубль) организовывал старшина Юлуков, который на волостном сходе убеждал вотчинников избавиться от якобы излишней земли, за которую нужно платить налоги или её заберут в казну. Согласным подписать купчую тут же раздавали чай, сахар и деньги, но требуемых по закону 2/3 голосов всё равно не хватало и только после применения насильственных мер к концу четвёртого дня сделка была совершена[2].

Край охватила настоящая «земельная лихорадка», сразу с 1869 г. началось оформление сделок. По приблизительным сведениям (площади продавались «по урочищам», без точного измерения территории) было куплено у башкир в 1869 г. – 15 811 дес., в 1870 г. – 11 083, в 1871 – 35 241, 1872 – 84 571, 1873 – 86 194, 1874 – 200 701, 1875 – 66 300, 1876 г. – 37 214 дес., а всего 537 034 дес. В Уфимском уезде башкиры продали 198 207 дес., Стерлитамакском – 166 756, Бирском – 148 309, Белебеевском – 26 693, Златоустовском уезде – 15 тыс. дес. Во многих случаях, когда границы продаваемых участков определялись по естественным ориентирам (горы, реки и пр.), оговаривалось, если будет лишняя земля, она переходит «к покупателю бесплатно». Например, бирский купец Уткин приобрёл 30 тыс. дес., а после измерения в участке оказалось 56 тыс. дес. За счёт этого необычайно низкие цены на башкирские земли (средняя по Уфимской губернии – 1 руб. 40 коп. за десятину, в Бирском уезде – всего 69 коп.) в реальности оказались ещё меньше, если «не считать угощений и раздачи всем домохозяевам на руки подарков»[3]. По данным Х.Ф. Усманова в период «свободной» продажи в Уфимской и Оренбургской губерниях у башкир всего было приобретено около 1 млн дес.[4] В отдельных случаях землю у башкир за недоимки покупала казна[5].

---

[1] *Шрамченко П.* Земельный вопрос в Уфимской губернии // Русский вестник. Апрель 1882. Т. 158. С. 463–467.

[2] *Усманов Х.Ф.* Указ. соч. С. 46.

[3] *Шрамченко П.* Указ. соч. С. 467–468.

[4] *Усманов Х.Ф.* Указ. соч. С. 47.

[5] *Родоканаки А.И.* Указ. соч. С. 35; *Акманов А.И.* Указ. соч. С. 113.

Когда генерал-губернатор Н.А. Крыжановский в конце 1870-х гг. затребовал из Уфы сведения о продажах земли из башкирских дач, оказалось, что все сделки «совершены неправильно, ибо продажи допущены везде до выдела душевых наделов в натуре». В 1869–1878 гг. в Уфимской палате уголовного и гражданского суда было совершено 112 купчих крепостей на приобретение башкирской земли, по 24 сделкам были поданы жалобы «на неправильное составление приговоров и на действия должностных лиц волостного и сельского управления и мировых посредников». Сельчане протестовали, что земли продаются задёшево, «несогласных заставляли подписывать приговоры», широко практиковались подкуп и угощения, захватывались даже обрабатываемые угодья.

Всего было начато следствие по 28 сделкам. Генерал-губернатор Н.А. Крыжановский сначала предлагал отменить 11 купчих, совершённых «с особенно выдающимися отступлениями» от закона. Но в результате расследования была аннулирована одна сделка, к суду привлекли двух мировых посредников, остальные жалобы оставлены без последствий. Пока шло разбирательство, на три года на всех совершённых купчих лежало запрещение, что сильно осложнило поземельные отношения в крае. Часть земель уже перепродали, многие были заложены в банках, на участках поселилось немало арендаторов. При расторжении сделок башкиры должны были вернуть полученные деньги, и вообще отмена купчих вызвала бы массу судебных исков, поэтому местные власти предложили признать сложившийся переход земли. Однако протесты башкирского населения, возмущение общественности привели к изданию Государственным Советом указа 9 мая 1878 г., по которому продажа башкирских земель допускалась частным лицам и крестьянским обществам только с публичного торга мелкими участками и через посредничество губернского по крестьянским делам присутствия, что фактически вообще прекратило торговлю[1].

Не меньшее возмущение вызвала раздача так называемых запасных земель. В 1870 г. генерал-губернатор Н.А. Крыжановский в своём представлении царю предлагал раздавать в Оренбуржье участки казённой земли «в видах увеличения в крае образованного земледельческого сословия», обещая, что скоро в казну поступит до 3 млн дес. башкирских земель. В результате 4 июня 1871 г. были приняты правила о льготной продаже казённых владений в Уфимской и Оренбургской губерниях «служащим лицам», «от водворения коих ожидается более пользы». Участки нарезали площадью до 2000 дес. по распоряжению министра государственных имуществ.

Целью льготной продажи провозглашалась необходимость использования свободных земель, создание в крае контингента культурных собственников, а главное – возможность «разъединить сплочённую массу мусульманского населения, поселением между ними людей чисто русских». Но вместо казённых площадей власть обратила внимание на запасные участки, которые создавались при размежевании военных припущенников. Им полагалось по 15 дес. на мужскую душу X ревизии, остальные 15 дес. отходили в запас для наделения припущенников из малоземельных дач (в Бирском и Мензелинском уездах таковых насчитывалось свыше 9500 душ)[2].

---

[1] *Шрамченко П.* Указ. соч. С. 468-472; *Усманов Х.Ф.* Указ. соч. С. 47–48.

[2] *Ковалевский М.Е.* Всеподданнейший доклад по делу о распродаже башкирских земель // Шпицер С.М. Из прошлого башкирского народа. Уфа, 1929. С. 7–8; *Шрамченко П.* Указ. соч. С. 474–477, 480.

В 1875 г. Н.А. Крыжановский получил право распределить около семи участков, судьбу остальных решал министр государственных имуществ П.А. Валуев (в докладах испрашивалось высочайшее соизволение на продажу участка по льготной цене). В итоге в 1876–1880 гг. было распродано 369 887 дес. Владения получили крупные чиновники, их знакомые и родственники, не имевшие никакого отношения к краю, к тому же по произвольным и сильно заниженным расценкам. Управлявший отделом министерства, в ведении которого находились дела о льготной продаже, Климов получил 1939 дес. первоклассного строевого леса, землями обзавелись управляющий канцелярией Оренбургского генерал-губернатора А.Д. Холодковский, управляющий государственными имуществами Уфимской и Оренбургской губерний Ивашинцев, уфимский губернатор В.Д. Левшин, а также семь родственников Н.А. Крыжановского (брат, зять, дочь и прочие).

Из 278 лиц, купивших землю на льготных условиях, 223 служили за пределами Уфимской губернии. Лишь 49 участков обрабатывались новыми владельцами, в 57 они возвели какие-либо постройки. Подавляющее большинство собственников и не собирались становиться «культурными» хозяевами, угодья приобретались со спекулятивными целями, либо в лучшем случае сдавались в аренду. Генерал-майор Греве свой участок в 1828 дес., купленный за 4356 руб., заложил в банк за 15 тыс. руб., генерал-майор Гейнс в 1876 г. приобрёл 2227 дес. за 7373 руб., а через два года продал землю Варшавскому за 56 719 руб., фон-Вольский, получив участок за 500 руб., через месяц перепродал его крестьянам за 15 тыс. руб. По подсчётам М.Е. Ковалевского убытки казны от намеренного занижения цен превысили 1 млн руб.

Раздача запасных земель шла с нарушениями закона, до утверждения раздельных актов и размежевания дач площади расхватывались в спешке. Хотя в 1878 г. уфимские власти просили оставить последний участок в Чубильминской даче, который был нужен для поселения мишарей из д. Сафарово и Термы, в 1879 г. его всё-таки продали. Новые собственники «в первое время не могли разыскать своих земель, а вотчинники и припущенники были крайне изумлены появлением на своих землях нежданных владельцев»[1].

В отличие от земель, покупавшихся у башкир-вотчинников в восточных многоземельных дачах, запасные участки образовывались в западной части Башкортостана, где уже ощущалась нехватка угодий. Власти продемонстрировали пренебрежение интересами населения. В 1878 г. оказалось, что малоземельные припущенники Ельдякской волости Бураевой тюбы (3460 душ) находятся в безвыходном положении, но все ближайшие участки уже были распроданы. К началу 1880-х гг. никакого переселения припущенников не проводилось, пригодные земли лежали в сотнях вёрст, сельчане же продолжали надеяться, «что правительство даст им надел при местах жительства»[2].

Расхищение земель, реализация указов 1869 и 1871 гг. встретили сопротивление населения, «примириться с лишением прежнего простора они не могли». Вдобавок с 1874 г. Уфимская палата уголовного и гражданского суда стала принимать иски

---

[1] *Ковалевский М.Е.* Указ. соч. С. 15–16, 19–21, 24; *Шрамченко П.* Указ. соч. С. 479–480, 482, 485–486.

[2] *Шрамченко П.* Указ. соч. С. 479, 481.

припущенников к вотчинникам о признании за ними «права собственности на занимаемые земли, по закону давностного владения»[1]. К началу 1880-х гг. обстановка в крае накалилась. Помещик А.Д. Дашков отмечал, что «малейшая искра, пустой слух, всякая мелочь может породить движение»[2]. Большую роль сыграла и российская пресса, обратившая внимание общественности на злоупотребления в крае. В различных столичных изданиях («Неделя», «Северный Вестник», другие) выходили многочисленные публикации о расхищении башкирских земель и злоупотреблениях чиновников, вызвавшие общественное возмущение. Особое значение имели статьи уфимца П.И. Добротворского, хорошо знавшего ситуацию в крае. Его материалы читали министр внутренних дел М.Т. Лорис-Меликов и сам император Александр II, поручивший сенатору М.Е. Ковалевскому, проводившему ревизию в Казанской губернии, разобраться и с положением дел в Башкирии[3].

Публикации о расхищении башкирских земель, появившиеся с конца 1880 г., были хорошо известны в Уфимской губернии, «нумера газет с помянутыми статьями имелись у многих башкир», среди которых немало людей знали русскую грамоту. Возбуждение («газетными статьями») населения привело к открытому противодействию размежеванию в октябре 1880 г. Илькульмино-Кульильминской дачи Белебеевского уезда. 3 февраля 1881 г. в Уфу с ревизией прибыл М.Е. Ковалевский. К нему потянулись сотни просителей, в канцелярию сенатора «было подано инородцами до 2000 прошений». Среди крестьянства распространялись слухи о возврате изъятых земель. Когда же М.Е. Ковалевский в апреле распорядился отложить на время межевание Илькульмино-Кульильминской дачи, результатом стал «общий отказ припущенников» повиноваться распоряжениям межевых чинов[4].

Конец хищническому расхищению земель положили ревизия сенатора М.Е. Ковалевского и смена правительственной политики после 1 марта 1881 г. Консервативный курс нового императора Александра III, опора на общину и традиционалистские устои в целом, борьба с либерализмом привели к большим переменам в Башкортостане. 3 мая 1881 г. была прекращена льготная продажа казённых земель в Уфимской и Оренбургской губерниях, последовал ряд кадровых перестановок, 30 марта 1881 г. в отставку отправили всесильного Н.А. Крыжановского, а 12 июля ликвидировали само Оренбургское генерал-губернаторство, и, наконец, 15 июня 1882 г. царь подписал закон о порядке продажи свободных башкирских вотчинных земель.

Хотя башкиры оставались полноправными собственниками своих вотчинных владений, их распоряжение недвижимостью контролировалось государством. Теперь свободные за душевым наделом угодья продавались без торгов самими жителями, но

---

[1] *Шрамченко П.* Указ. соч. С. 512, 515.

[2] См.: *Давлетбаев Б.С.* Крестьянская реформа 1861 года в Башкирии. М., 1983. С. 115.

[3] *Бок В.И.* Пётр Ив. Добротворский. Критико-биографический очерк // Добротворский П.И. В глуши Башкирии. Рассказы. Воспоминания. Уфа, 1989. С. 208–209. По выводам автора, «немногие публицисты могут похвалиться подобным успехом своей деятельности, какой выпал на долю Добротворского» (Там же. С. 209). В 1881–1884 гг. цикл статей о расхищении башкирских земель публикует в казанской прессе («Казанский биржевой листок», «Волжский вестник») Н.В. Ремезов, впоследствии выпустивший отдельную книгу (*Ремезов Н.В.* Очерки из жизни дикой Башкирии. Быль в сказочной стране. М., 1887).

[4] *Шрамченко П.* Указ. соч. С. 515–517.

покупать вотчинные земли могли только казна или крестьянские общества. Вводились ограничения на скупку наделов в одни руки[1]. Землевладельцы – некрестьяне (дворяне, купцы, мещане, пр.) лишались прав на приобретение башкирских угодий. Патерналистская, охранительная политика самодержавия в целом обеспечила башкирам-вотчинникам защиту от спекулятивного расхищения их наследственных владений. Указ 1882 г. действовал вплоть до 1917 г.

Размежевание и законодательные акты 1869–1882 гг. способствовали разрешению сложных, запутанных поземельных отношений в крае, установлению юридически оформленных границ владений, формированию регионального рынка земельной недвижимости. Однако, при решении объективно назревших проблем самодержавное государство не забывало собственные интересы. Главное внимание продолжали привлекать обширные угодья башкир. Современники отмечали, что вотчинники «получают от бывших своих огромных богатств только собственно остатки»[2].

В период либерального правления Александра II малограмотное, слабо разбиравшееся в новых экономических условиях население башкирских общин оказалось участником свободного земельного рынка, что вылилось в разгул спекуляций и широкомасштабное расхищение башкирских угодий. С другой стороны, государство отказалось признать как вотчинников, так и припущенников полными собственниками на все их территории, хотя неприкосновенность землевладения башкир-вотчинников ранее неоднократно подтверждалась верховной властью.

Земли вотчинников были разделены на душевые наделы и свободные за душевым наделом участки, последние предназначались для продажи и специально выделялись. На практике башкиры-вотчинники отказывались это признавать. Припущенники бывшего военного звания, наделявшиеся из башкирских дач и сами претендовавшие на землю на правах давностного владения, из 30 дес. (на мужские души VII ревизии) получали только половину (в действительности меньше), а оставшиеся площади, под предлогом создания запасного фонда для малоземельных припущенников, совершенно незаконно были перечислены в разряд казённых, хотя башкиры-вотчинники (и их припущенники) никогда не проживали на государственных землях.

Даже после прекращения «свободной» продажи башкирских владений, в ходе размежевания вотчинников и припущенников продолжалось выделение запасных участков, фактическое присвоение казной крестьянской земли. Из уже размежёванных башкирских дач к 1890 г. «в запас, в распоряжение казны» отошло 558 034 дес. в Уфимской и 23 468 дес. в Оренбургской губерниях[3]. К 1898 г. по 71 башкирской даче Уфимской губернии запасные земли составили 786 310 дес.[4] Например, в Каршинской волости в даче с центром в д. Мамяково (Уфимский уезд) припущенники получили 6-десятинные душевые наделы общей площадью в 11 934 дес., а в запас отреза-

[1] *Усманов Х.Ф.* Указ. соч. С. 41, 48–49.

[2] *Родоканаки А.И.* Указ. соч. С. 35.

[3] Сборник законов, распоряжений и сведений для руководства межевых комиссий, их членов и землемеров при размежевании башкирских дач. С. 122.

[4] *Усманов Х.Ф.* Указ. соч. С. 40.

ли 4447 дес.[1], которых всё равно было недостаточно для нормального обеспечения крестьян угодьями. Государство изначально создавало в крае группу малоземельного населения, а запасные участки раздавались на льготных условиях чиновникам, продавались русским и иным переселенцам, сдавались в аренду, принося в казну значительную прибыль.

§ 3. Землевладение в Башкортостане к началу XX в.

На рубеже XIX–XX вв. для поземельных отношений в Башкортостане было характерно сосуществование капиталистического земельного рынка и значительного фонда так называемых надельных земель, которые были изъяты из свободного оборота. Патерналистская политика самодержавия, направленная на сохранение устоев традиционной общины, запрещала торговлю крестьянскими угодьями, чтобы избежать обезземеливания народа и «язв пролетариатства». Могли продаваться только свободные за душевым наделом земли башкир-вотчинников, а непосредственно надельные участки крестьяне должны были сначала оформить («укрепить») в качестве единоличной собственности (вотчинники с 1863 г., все остальные с 1906 г.) и лишь потом получали право свободного распоряжения своей недвижимостью.

В 1917 г. из всей территории Уфимской губернии в 10,9 млн дес. крестьянские надельные земли охватывали 5,9 млн дес.[2] или 54 %. На юго-востоке Башкортостана также подавляющее большинство земель находилось у крестьян (башкир). Всего в 1915 г. из общей площади Оренбургской губернии в 14,6 млн дес. надельные крестьянские земли занимали 5,5 млн дес. (38 %), Оренбургскому казачьему войску, чьи владения тоже не подлежали продаже на свободном земельном рынке, принадлежало 6,3 млн дес. (44 %)[3]. Основная часть территории края была фактически изъята из товарооборота.

Многоукладному характеру российской экономики соответствовала сложная структура поземельной собственности. Наследием крепостнической эпохи выступало привилегированное **дворянское** землевладение. Урал являлся крайним восточным рубежом его распространения, в Сибири дворянство практически не имело поместий, и во многих частях Башкортостана, например на северо-востоке, в земледельческой зоне Златоустовского уезда, его также никогда не было. В рядах дворянства выделялись владения горнозаводчиков, которым принадлежали крупнейшие имения края, но где сельскохозяйственного производства почти не велось, большую часть занимали покрытые лесами горы с очень редким населением.

После отмены крепостного права основная масса уфимского дворянства с трудом приспосабливалась к новым экономическим условиям, начинается массовая распродажа поместий. За счёт правительственных льгот на приобретение запасных участков и расхищения башкирских угодий произошло временное (спекулятивное) увеличение дворянского землевладения.

---

[1] *Акманов А.И.* Указ. соч. С. 122.
[2] ЦГИА РБ. Ф. И-148. Оп. 1. Д. 174. Л. 37.
[3] Журнал Оренбургской губернской оценочной комиссии. 14 января 1915 г. Б. м. и г. С. 18–19.

**Дворянские земли Уфимской губернии
во второй половине XIX – начале XX вв.**

Год	Площадь (тыс. дес.)	Год	Площадь (тыс. дес.)
1859	1546,0	1905	1381,7
1877	1851,1	1912	1045,2
1881	2164,3	1914	747,8
1887	1934,8	1917	681,9

Источник: Усманов Х.Ф. Указ. соч. С. 150; Обзор Уфимской губернии за 1912 год. Уфа, 1914. Прил. 1; Там же за 1914 год. Уфа, 1916. Прил. 1; ЦГИА РБ. Ф. И-148. Оп. 1. Д. 174. Л. 37.

Максимальной величины дворянское землевладение достигло к моменту издания указа 1882 г., но уже к 1887 г. было распродано почти 230 тыс. дес., а к началу XX в. дворянских земель стало меньше, чем в канун отмены крепостничества. Во время «великого страха» революции 1905 г. сотни дворян предлагали банкам свои поместья, к 1912 г. почти на 1/3 уменьшилась площадь дворянских имений. Только за период с 1893 по 1912 гг. дворяне потеряли 784 тыс. дес.[1], с 1 октября 1910 по 1 октября 1911 г. по 333 купчим актам от дворян перешло 15 206,4 дес. к крестьянам, 2190,3 дес. дворянам, 30,7 дес. купцам и мещанам[2]. В 1913 г. огромное владение дворян Балашовых (255 тыс. дес.) вошло в состав акционерного общества Симских горных заводов[3]. Непрерывная распродажа дворянских земель продолжалось вплоть до 1917 г.

Если в 1905 г. дворянству принадлежало 13 % всей территории Уфимской губернии, то в 1911 г. – менее 10 %, а в 1917 г. – 6,3 %. В западных, земледельческих, уездах к 1917 г. удельный вес дворянского землевладения не превышал 5 %, на востоке Башкортостана лежали латифундии горнозаводчиков. В Уфимском и Златоустовском уездах располагалось крупнейшее дворянское владение края – Катавский округ князя К.Э. Белосельского-Белозёрского (в 1917 г. – около 241 тыс. дес.), в Стерлитамакском уезде наследникам В.А. Пашкова принадлежало 103,3 тыс. дес.[4] В этих двух имениях была сосредоточена половина всей дворянской земли губернии.

В Оренбургской губернии также происходила массовая распродажа дворянских поместий, площадь под которыми сократилась с 1000,3 тыс. дес. в 1877 г. до

[1] Подсчитано по: Материалы по статистике движения землевладения в России: Купля-продажа земель в Европейской России в 1910 г. Пг., 1917. Вып. XXV. С. 63; Обзор Уфимской губернии за 1910 год. Уфа, 1913. С. 5; Там же за 1911–1912 годы. Уфа, 1914. Прил. I.

[2] Уфимский земский календарь на 1912 год. Уфа, 1912. С. 26.

[3] *Буранов Ю.А.* Акционирование горнозаводской промышленности Урала (1861–1917). М., 1982. С. 190–191.

[4] ЦГИА РБ. Ф. И-148. Оп. 1. Д. 174. Л. 68, 69, 71.

557,9 тыс. в 1905 г.[1] Основное количество имений дворян находилось в сельскохозяйственных районах. Горнопромышленнику С.П. фон Дервизу в Верхнеуральском уезде принадлежало 58,3 тыс. дес. Крупнейшие землевладельцы края нередко имели латифундии и в других регионах империи. Так, дворяне Балашовы являлись собственниками поместий в Гомельской, Новгородской, Орловской, Подольской, Пермской, Саратовской и Киевской губерниях, князю Белосельскому-Белозёрскому принадлежали имения в Тамбовской и Московской губерниях[2].

Спасением от неминуемого банкротства для многих дворян стали залог и перезалог своих поместий. В 1873 г. на территории Оренбургской и Уфимской губерний открыл деятельность Нижегородско-Самарский акционерный земельный банк, в 1886 г. в Оренбургской губернии начал выдавать ссуды под залог недвижимости Донской земельный банк, один из крупнейших и быстро развивавшихся в начале XX в. частных ипотечных банков России[3], впоследствии распространивший свою деятельность и на Уфимскую губернию.

Жёсткие финансовые условия коммерческих банков вызывали протест правящей элиты Российской империи, требовавшей долгосрочного льготного кредитования. «Теперь мы в качестве беспомощных зрителей должны присутствовать при всё более усиливающемся переходе дворянских родовых имений в руки владельцев из других сословий», – свидетельствовал современник. В 1885 г. был учреждён Государственный Дворянский земельный банк, уфимское дворянство обслуживалось его Самарским отделением. Помещики получали под залог (и повторный перезалог) земли ссуды (до 60 и даже 75 % от стоимости имения) на крайне выгодных условиях, под 5,5 % годовых (с 1899 г. – 4,5 %), тогда как частные ипотечные банки предоставляли кредит под 6,25–7,5 %[4].

Одновременно в Башкортостане начинает деятельность также учреждённый государством Крестьянский поземельный банк (в Уфе с 1883 г., Оренбурге с 1885 г.)[5], который выдавал сельчанам ссуды для покупки дворянских земель, избавлял помещиков от хлопот по распродаже своих имений мелкими участками и проблем с получением денег от должников. Деятельность всех ипотечных банков (частных, Дворянского, Крестьянского) привела к быстрому развитию регионального земельного рынка, росту цен на недвижимость, в значительной степени приостановила разорение местного дворянства и получила самое широкое распространение. К 1905 г. 68,73 % всех частных (дворянских, купеческих, крестьянских) земель Уфимской губернии были заложены в банках, в Оренбургской губернии – 55,96 %[6].

Благодаря деятельности, в первую очередь, государственных банков дворянство аккумулировало огромные финансовые ресурсы. Помимо залога и перезалога, обре-

---

[1] *Усманов Х.Ф.* Указ. соч. С. 150.

[2] *Буранов Ю.А.* Указ. соч. С. 51–52, 105.

[3] *Проскурякова Н.А.* Земельные банки Российской империи. М., 2002. С. 128, 168.

[4] Там же. С. 237, 248.

[5] *Усманов Х.Ф.* Указ. соч. С. 95.

[6] *Проскурякова Н.А.* Указ. соч. С. 402. При средней цене на землю в Уфимской губернии в 45 руб., в Оренбургской – 28,5 руб. (одни из самых низких по Европейской России), десятина оценивалась в 22–23 руб. и выдавалась ссуда в 14–15 руб. (Там же. С. 451–453).

менённые долгами земли продавались. Только за 1912–1915 гг. дворянство Уфимской губернии реализовало около 314 тыс. дес., освободившись от 3,5 млн руб. задолженности[1], перешедшей на покупателей из других сословий, в основном крестьянство. Например, в 1902 г. Пашковы заложили в Самарском отделении Дворянского банка 11 353,5 дес. земли, получив под неё ссуду в 127 800 руб. В последующие годы они продали 8013,3 дес. крестьянам, с переводом на последних 99 400 руб. долга. В руках Пашковых осталось 3340,2 дес. (29,4 % первоначальной площади) и задолженность банку в 28 400 руб. (22,2 % выданной им ссуды)[2]. На проданной земле дворяне Пашковы хозяйства не вели (капитал не вкладывали), а сдавали её в аренду, полученная же ссуда была использована для каких-то иных целей и 99,4 тыс. руб. предстояло теперь вернуть банку крестьянам, которые уже уплатили Пашковым за этот участок 8 тыс. руб. По данным на 1 января 1916 г. крестьянству Уфимской губернии предстояло выплатить Дворянскому банку 2995 тыс. руб. перешедших на них подобным образом господских долгов[3].

В годы Первой мировой войны, когда из-за инфляции наблюдался значительный рост денежной массы и падение курса рубля, удельный вес заложенных частновладельческих земель снизился к 1916 г. до 37,2 % в Уфимской и 32,4 % в Оренбургской губерниях[4]. Но в одном Дворянском банке к 1 января 1916 г. состояло в залоге 176 дворянских имений Уфимской губернии площадью 197 884 дес., под которые благородное сословие получило 5716,1 тыс. руб.[5] Только благодаря поддержке со стороны самодержавного государства через финансовую помощь банков дворянское землевладение сохранилось до революции 1917 г. в значительных масштабах.

Во второй половине XIX в. землю начинают приобретать представители городских сословий – **купцы и мещане**. В их руки перешла значительная часть расхищенных башкирских владений, но после 1882 г. предприниматели могли скупать только имения разорившихся помещиков, поэтому площадь купеческого землевладения в Башкортостане была ограничена. Если в 1877 г. купцам и мещанам в Уфимской губернии принадлежало 382 766 дес., то в 1905 г. – 493 426, а в 1917 г. – 408 728,8 дес.[6] В начале XX в. их владения постепенно сокращались в связи с распродажей крестьянам ранее приобретённых земель.

Капитал скупал земельную недвижимость в наиболее доходных отраслях. Крупные владения имели лесопромышленники в предгорьях Урала. Симбирскому купцу В.А. Арацкову в Бирском уезде (1910-е гг.) принадлежали два лесных имения в 53 тыс. дес., И.А. Чижёва с сыновьями владела 6 поместьями (26 тыс. дес.)[7]. На юге и

[1] Отчёты Государственного Дворянского Земельного Банка за 1912–1914 гг. СПб., 1913–1915. Таблицы ко II части отчёта. С. 74–75; Отчёт Государственного Дворянского Земельного Банка за 1915 г. Пг., 1916. Таблицы ко II части отчёта. С. 64–65.

[2] ГАСО. Ф. 322. Оп. 2. Д. 3088. Л. 57 об.–58.

[3] Отчёт Государственного Дворянского Земельного Банка за 1915 год. Таблицы к I части отчёта. С. 15.

[4] *Проскурякова Н.А.* Указ. соч. С. 454.

[5] Отчёт Государственного Дворянского Земельного Банка за 1915 год. Таблицы к I части отчёта. С. 8–9.

[6] *Усманов Х.Ф.* Указ. соч. С. 149; ЦГИА РБ. Ф. И-148. Оп. 1. Д. 174. Л. 37.

[7] Частновладельческое хозяйство Уфимской губернии. Уфа, 1915. С. 134–137; ЦГИА РБ. Ф. Р-473. Оп. 1. Д. 580.

западе края купцы создавали высокодоходные хозяйства, где зерно выращивалось, перерабатывалось и отправлялось на рынок. В Мензелинском уезде семейству Стахеевых принадлежало 18 имений общей площадью 26 тыс. дес.[1], в Белебеевском уезде крупные «агрофирмы» имели самарские купцы-мукомолы Шихобаловы, Бородины, Курлины и др.

В целом землевладение дворян, купцов и мещан не играло существенной роли в экономике Башкортостана начала XX в. Немалая земельная собственность принадлежала казне и удельному ведомству. Она сложилась при наделении крестьян землёй во время выкупной операции, создании запасных участков из наделов военных припущенников и т. д. По данным за 1884 г. всего в Уфимской губернии находилось 1121 тыс. дес. государственных, удельных и прочих земель, почти половина которых (501 тыс. дес.) располагалась в Златоустовском уезде[2], составляя казённый горнозаводской округ. В дальнейшем часть угодий продавалась крестьянам-переселенцам, а, с другой стороны, право покупки земли у помещиков и башкир-вотчинников получил Крестьянский банк. Только в Белебеевском уезде с ноября 1906 по июль 1909 гг. ему было предложено 61 имение площадью 86 138 дес.[3] А всего на 1 января 1914 г. в Уфимской губернии банку принадлежало 56 бывших помещичьих поместий (173 тыс. дес.) общей стоимостью около 5 млн руб.[4]

Надельные земли, издавна находившиеся в пользовании крестьянства и официально закрепленные за ними государством во второй половине XIX в., включали владения бывших помещичьих, государственных, удельных, горнозаводских крестьян, башкир-вотчинников, припущенников, а также более мелкие разряды (надельных дворян и др.). Надельные земли находились в коллективной собственности общины (общество, мир), отдельная семья получала усадьбу, пахотные и сенокосные угодья в наследственное пользование без права продажи. Во время земского обследования 1895–1897 гг. было установлено, что в Уфимской губернии имелась 4351 община[5].

Существовали простые общины (общества) из жителей одного населённого пункта, в селе могли находиться также по две и более общин. Среди вотчинников сохранились сложные общины, включавшие крестьянство нескольких деревень. В Ильтаевское общество Мурзаларской волости Златоустовского уезда кроме д. Ильтаево (97 дворов башкир) входила д. Кургазак (11 хозяйств), у обоих селений имелся единый земельный надел (5806 дес.)[6].

Главной функцией общины было уравнительное распределение земли (и налогообложения) по семьям. Решения принимал сельский сход большинством в 2/3 голосов, правительственные чиновники могли отменить постановление («приговор») схода только в случае нарушения этого правила. Так, 23 октября 1907 г. в с. Касёво Бир-

---

[1] См.: Частновладельческое хозяйство Уфимской губернии. С. 82–145.

[2] *Усманов Х.Ф.* Указ. соч. С. 141.

[3] *Овчинников Н.Г.* Внутринадельное землеустройство в Белебеевском уезде Уфимской губернии в 1909 году. Белебей, 1909. С. 3.

[4] ЦГИА РБ. Ф. И-336. Оп. 1. Д. 3311. Л. 95.

[5] Сборник статистических сведений по Уфимской губернии. Уфа, 1901. Т. VII, ч. I. С. 141.

[6] Крестьянское хозяйство Уфимской губернии. Подворная перепись 1912–1913 гг. Уфа, 1914. Ч. II. Таблицы. С. 966–967.

ского уезда на сходе присутствовало лишь 163 из 262 старших домохозяев, менее требуемых 2/3, и земский начальник принятое решение о переделе отменил[1]. Каждая община самостоятельно определяла количество полагающейся земли на хозяйство, величину уплаты податей, принципы наделения угодьями. Строго соблюдалась уравнительность и справедливость, община гарантировала всем семьям прожиточный минимум. Например, в 1898 г. в с. Чесноковка Уфимского уезда общество отобрало один из двух наделов П. Мельникова, который затем передало другому крестьянину «для уравнения в пользовании землёй»[2]. В с. Шемяк один душевой надел, доставшийся от умершего родственника, К. Александров сдавал в аренду П. Ермолаеву. Сельский сход посчитал это несправедливостью, земля общественная, и отобрал надел, передав арендатору в постоянное владение[3].

Однако право на получение земли сопровождалось обязанностью по уплате налогов, что учитывалось при нарезке угодий, в противном случае за неисправного плательщика недоимку приходилось вносить всему обществу (круговая порука). Поэтому нерадивому, слабому домохозяину община могла дать земли меньше или крестьяне сами отказывались от надела. Житель д. Бикзяново Азнаевской волости Стерлитамакского уезда М. Акбердин «за неимением средств к уплате казенных и других сборов» свои три душевых надела добровольно вернул обществу, а четвёртый передал односельчанину Юмагужину[4].

Пахотные земли община имела право время от времени переделять, приводя в соответствие количество населения, налоговое бремя и имевшиеся площади. Причинами переделов назывались увеличение числа душ, уравнение полос, истечение срока передела, размежевание, отделение хуторов или выселков и др. Например, в Ибраевской волости Златоустовского уезда из-за прироста мужского населения переделы прошли в д. Яуново (1901 г.), Юкаликулево, Старо-Мухаметово, Ибраево, Ельгильдино (1904 г.), Лагирево (1906 г.), Ново-Мухаметово (1911 г.), Ширяково и Турнали (1914 г.). В Калмакуловской волости все шесть деревень башкир-вотчинников в 1911 г. одновременно произвели передел также из-за роста населения. В 1897 г. от русского села Тастуба отделилось Лемазинское общество, в связи с чем состоялся общий («коренной») передел[5]. Регулярно проводились частные переделы (обмен участками, передвижка полос и пр.).

Незначительное количество сельчан обладало надельной землёй на подворном праве, когда переделы не происходили, а участки считались наследственным владением семьи. По данным за 1905 г. в Уфимской губернии таковых насчитывалось 4,5 % бывших владельческих, государственных и удельных крестьян (27 общин с 56 869 дес.). В Оренбургской губернии подворного землевладения вообще не существовало[6].

---

[1] ЦГИА РБ. Ф. И-9. Оп. 1. Д. 774. Л. 76.

[2] Там же. Ф. И-10. Оп. 1. Д. 101. Л. 58.

[3] Там же. Д. 110. Л. 233.

[4] Там же. Д. 107а. Л. 439 об.

[5] Там же. Ф. Р-473. Оп. 1. Д. 162.

[6] *Усманов Х.Ф.* Указ. соч. С. 162; Статистика землевладения 1905 г. СПб., 1906. Вып. 36. Уфимская губерния. С. 28.

Согласно закону 1893 г. был установлен 12-летний срок для переделов, хотя в некоторых общинах он не соблюдался. В башкирских деревнях Илекской волости Златоустовского уезда (Идрисово, Алькино, др.) землю делили через каждые шесть лет, «умершие души выкидываются, а народившиеся мужские прибавляются»[1]. В исключительных случаях практиковались ежегодные переделы пашни, что лишало крестьян всякого стимула заботиться о земле, которая уже на следующий год отойдёт другому. В д. Нижне-Иткучуково Араслановской волости Стерлитамакского уезда «земля делилась ежегодно» и, чтобы «прекратить постоянные недоразумения» из-за этого, жители на сходе 12 сентября 1899 г. разделили пашню на 12 лет[2].

Но во многих общинах переделы не проводились. По пяти уездам Уфимской губернии (без Мензелинского) в 1296 из 2856 общин (или 45 %) переделов или вообще не было, или они существовали только в период с X ревизии (1859 г.) до 1886 г. (согласно данным за 1910 г. 46 % сельских обществ губернии являлись беспередельными). В 743 общинах пашню делили в 1887–1906 гг., в 817 – после 1906 г., на что повлияла столыпинская реформа, начавшийся выход единоличников[3].

Примерно в 62 % общин Уфимской губернии, по данным переписи 1912–1913 гг., землю продолжали делить в основном по мужским душам X ревизии[4] (ревизская развёрстка). Хотя численность населения сильно изменилась за прошедшие полстолетия, но раскладка налогов производилась по ревизским душам. Каждая община самостоятельно решала этот вопрос. В конце XIX в. в западных уездах начинается постепенный отказ общин от ревизской развёрстки, землю делят по наличным мужским душам. Женщина не имела прав на надел, если у вдовы не имелось сыновей, предоставление ей земли решалось на сельском сходе.

Надельная земля в общинах распределялась чересполосно, отдельный домохозяин получал несколько десятков участков (полос) пашни. Например, в д. Каратяки Яныщевской волости Уфимского уезда Р. Габдулгалимову принадлежало свыше 5 дес. (1/3 душевого надела), распределённых по 16 участкам в четырёх полях. Житель д. Ново-Тимошкино Чураевской волости Бирского уезда Ф.И. Лобов после передела 1902 г. получил один надел (около 4 дес. пашни), состоявший из 39 полос в трёх полях, включая весьма маленькие по размеру (два х 80 метров)[5]. С помощью чересполосицы община соблюдала уравнительность в распределении угодий, все получали участки с хорошей и плохой почвой, близко и далеко от деревни и т. д. «Даже у землемеров и агрономов вызывало удивление то, с какой точностью крестьяне оценивали качество земли и размеряли поля и луга»[6]. Чересполосное положение угодий одной семьи страховало от природных бедствий, хотя и создавало немалые сложности при выполнении сельскохозяйственных работ (необходимость длительных переездов, вывоз урожая и пр.).

---

1 ЦГИА РБ. Ф. Р-473. Оп. 1. Д. 167.

2 Там же. Ф. И-10. Оп. 1. Д. 102. Л. 138.

3 *Роднов М.И.* Крестьянство Уфимской губернии в начале XX в. (1900–1917 гг.): социальная структура, социальные отношения. Уфа, 2002. С. 123–124; Россия. 1913 год. Статистико-документальный справочник. СПб., 1995. С. 67–68.

4 *Роднов М.И.* Крестьянство Уфимской губернии в начале XX в. (1900–1917 гг.). С. 126.

5 ЦГИА РБ. Ф. И-10. Оп. 1. Д. 2430. Л. 2–3; Д. 2145. Л. 5 и об.

6 *Анфимов А.М.* Крестьянское хозяйство Европейской России. 1881–1904. М., 1980. С. 102.

Несмотря на уравнительность в распределении земли, внутри общин наблюдалась значительная разница в обеспеченности угодьями. Зажиточные, многолюдные семейства, исправные плательщики налогов концентрировали в своих руках наибольшее количество земли. Например, в Орском и Верхнеуральском уездах Оренбургской губернии в 1905 г. среди вотчинников и немногочисленных припущенников хозяйств, имевших до 5 дес. земли, насчитывалось 4,7 %, дворов с 5–20 дес. – 20,3 %, семей с 20–30 дес. – 25,1 %. Половине всех хозяйств (50,1 %), испытывавших определённую нехватку угодий, принадлежало 327 085 дес., или лишь 20,3 % всей площади надельных земель башкир и их припущенников. С другой стороны, у 49,9 % семей, имевших по 30–50 дес. и более, находилось 1 286 557 дес., или 79,7 % всего башкирского землевладения Орского и Верхнеуральского уездов[1].

На рубеже XIX–XX вв. в общинах Западного Башкортостана развернулось массовое движение за отказ от ревизской развёрстки и распределение земли по числу наличных мужских душ. Эта волна переделов началась среди государственных крестьян чернозёмных губерний (Курская, Тамбовская, др.) в 1880-е гг., в 1890-х гг. охватила Поволжье[2] и затем достигла Уфимской губернии. За прошедшие после X ревизии (1859 г.) десятилетиями пашня во многих общинах края не переделялась и владельцы душевых наделов начали воспринимать их как своё наследственное владение. В общинах Мензелинского, Белебеевского, Бирского и других уездов развернулась ожесточённая борьба, яростная агитация, противостояние на сельских сходах. Постепенно большинство добивалось решений о переходе к распределению угодий по наличным мужским душам, в начале XX в. в Мензелинском уезде большинство общин отказалось от ревизской развёрстки[3].

Важным механизмом перераспределения крестьянских земель являлась аренда. Внутри общины домохозяева могли свободно сдавать или арендовать угодья своих односельчан. Особенностью поземельных отношений в крае было наличие огромного фонда башкирских владений, которые вотчинники отдавали в аренду (душевые наделы и так называемые «свободные» земли). К концу XIX в. в Оренбургской губернии в аренде находилось 268,4 тыс. дес. башкирских угодий, в Уфимской (без Уфимского уезда) – 378,8 тыс. дес.[4] По данным переписи 1912–1913 гг. крестьяне Уфимской губернии сдавали в аренду 710,6 тыс. дес., из которых на долю башкир-вотчинников приходилось 443 тыс. (62 %), больше чем все остальные группы сельчан, а также казна, удел и др. Исключая внутрибашкирскую аренду (126,8 тыс. дес.), вотчинники отдавали посторонним арендаторам 16,3 % своих владений в Златоустовском уезде, 13,7 % в Белебеевском, 13,4 % в Уфимском, 8,3 % в Стерлитамакском, 5,3 % в Бирском и 5,2 % в Мензелинском уезде[5]. Только башкиры Большекущинской волости в

---

[1] *Усманов Х.Ф.* Указ. соч. С. 170–171.

[2] *Зырянов П.Н.* Крестьянская община Европейской России в 1907–1914 гг. М., 1992. С. 50–52.

[3] *Роднов М.И.* Крестьянство Уфимской губернии в начале XX в. (1900–1917 гг.). С. 126.

[4] *Усманов Х.Ф.* Указ. соч. С. 53.

[5] *Роднов М.И.* К вопросу об обеспеченности землёй башкирского крестьянства Уфимской губернии накануне Октября // Социально-экономическое и политическое развитие Башкирии в конце XVI – начале XX в. Уфа, 1992. С. 115–116; Подсчёты Х.Ф. Усманова по данным переписи 1912–1913 гг. немного отличаются (См.: *Усманов Х.Ф.* Указ. соч. С. 277).

1897–1899 гг. заключили 72 сделки по сдаче в аренду своих угодий жителям Златоустовского и Красноуфимского уездов. Так, 19 января 1897 г. они отдали в аренду два участка общей площадью 2684 дес., 20 января – четыре (2110 дес.), 10 февраля – пять участков (5432 дес.) по цене в 35–70 коп. за десятину[1].

Наличие массовой аренды башкирских земель имело чрезвычайно важное значение для социально-экономического развития края, снижало уровень цен[2], позволяло вести хозяйство крестьянам, испытывавшим нехватку площадей. Всё благосостояние некоторых групп сельского населения зависело от аренды башкирских земель. Например, по переписи 1912–1913 гг. у русских крестьян Леузинской волости собственных надельных владений было 3002,37 дес., а снималось в аренду 7870,74 дес., русские Старо-Белокатайской волости Златоустовского уезда кроме своих земель (5387,48 дес.) купили 9591,5 дес. и арендовали у башкир 9135,74 дес. У старобелокатайцев приобретённые дополнительные площади в три с половиной раза превышали их надел[3].

В горно-лесной части Башкортостана крупные массивы башкирских земель арендовались владельцами заводов, золотых приисков, купцами-лесоторговцами. Золотопромышленники братья Рамеевы арендовали обширную Тамьяно-Тангауровскую волость, значительную часть 1-й и 2-й Бурзянских волостей Орского уезда. Около 200 тыс. дес. земли в Катайской волости Верхнеуральского уезда снимали хозяева Белорецкого, Инзерского и Зигазинского заводов. Купцы Злоказовы взяли в аренду большие площади лесов в Мурзаларской волости Златоустовского уезда, помещик Шотт снимал пахотные и сенокосные угодья у башкир Бушман-Суун-Каракипчатской и Бурзянской волостей Оренбургского уезда[4], в Орском уезде Южно-Уральское акционерное общество взяло в аренду 110 тыс. дес. башкирских лесов[5].

В пореформенный период в связи с распродажей башкирских, помещичьих, казённых угодий появляется **крестьянское частное землевладение**. Если в 1877 г. собственность обществ и товариществ была ещё незначительной: в Уфимской губернии – 52 тыс. дес., в Оренбургской – 3,1 тыс., то уже к 1905 г. площадь частной крестьянской собственности возросла до 1044,2 тыс. дес. в Уфимской и 906,7 тыс. дес. в Оренбургской, а на праве личного владения крестьянам принадлежало в 1905 г. 229,1 тыс. дес. в Уфимской и 264,4 тыс. дес. в Оренбургской губерниях[6].

Землю приобретали местные крестьяне (сельские общества или группы домохозяев), а также переселенцы из других регионов России, образовывавшие товарищест-

---

[1] ЦГИА РБ. Ф. И-168. Оп. 1. Д. 122. Л. 380–387.

[2] В конце 1890-х гг. в Оренбургской губернии аренда десятины башкирской земли обходилась в среднем по 23 коп., помещичьей – от 1 до 3 руб. (*Усманов Х.Ф.* Указ. соч. С. 53).

[3] *Роднов М.И.* Крестьянство Уфимской губернии в начале XX в. (1900–1917 гг.). С. 249.

[4] *Усманов Х.Ф.* Указ. соч. С. 50–52.

[5] *Вяткин М.П.* Горнозаводской Урал в 1900–1917 гг. М.; Л., 1965. С. 345.

[6] *Усманов Х.Ф.* Указ. соч. С. 143, 149.

ва. Угодья распределялись по паям, в зависимости от внесённой при покупке суммы каждым участником. В середине 1890-х гг. в Уфимской губернии насчитывалось 1041 крестьянское товарищество, в том числе 573 поселившихся на купленной земле (средний размер владения 648,1 дес.) и 452 товарищества, основанных «старожильческим» населением, без образования новой деревни (средний размер – 299,1 дес.). Внутри товариществ земля свободно перепродавалась, существовали крупные владельцы. Например, в Львовском товариществе Стерлитамакского уезда (863 дес. на 24 двора) 515 дес., или 60 %, принадлежало всего четырём семьям. Но во многих случаях переселенцы заводили элементы общинного землевладения, а местные крестьяне угодья, купленные у башкир или помещиков, просто присоединяли к общему массиву своих наделов[1].

В начале XX в. формирование крестьянского частного землевладения происходило ускоренными темпами. Продолжалась массовая распродажа дворянских поместий, а деятельность Дворянского и Крестьянского банков облегчала условия покупки, в широких масштабах торговали землёй башкиры-вотчинники. Только за три года (1896–1899) башкиры д. Хусеиново Казангуловской волости Белебеевского уезда продали 2 тыс. дес. Филипповскому товариществу, 134 дес. – Старо-Балагушинскому, 500 – Ново-Кузьминскому, 234 дес. – Тимофеевскому, а в 1900 г. они уступили переселенцам 220 дес. за 3740 руб.[2] Русские крестьяне Тастубинской волости Златоустовского уезда к 1912 г. купили 9955,2 дес. земли, при том, что своей имелось 8958,85 дес. К югу от Уфы сформировался целый район, включавший 31 волость Уфимского, Белебеевского и Стерлитамакского уездов, где удельный вес купчих земель составлял 39 % от всей площади крестьянских угодий. В отдельных волостях частнособственнические земли охватывали большую часть территории: в Николаевской волости – 100 %, Резановской – 74, Мелеузовской – 64, Дедовской, Четырмановской, Фёдоровской, Шмитовской – 51–59 % (все Стерлитамакский уезд), Новосёловской Уфимского уезда – 78 %, Ильинской волости Белебеевского уезда – 70 % и т. д.[3] Для некоторых многоземельных общин вотчинников торговля своими участками давала существенную прибыль. Башкиры д. Старо-Бабичево Бишкаиновской волости Стерлитамакского уезда уступили Крестьянскому банку в марте 1899 г. 595 дес. за 10 600,2 руб., а один из сельчан, Я. Танчурин, получил 210 руб. 60 коп.[4]

Но в реальной жизни сельчане часто не разделяли надельные и купчие владения. В районе господства традиционной общины патриархальное крестьянство воспринимало любую землю как общее достояние, которую можно переделить по справедливости. Единоличные собственники из д. Бурцево Нагаевской волости Уфимского

[1] *Усманов Х.Ф.* Указ. соч. С. 144–147.

[2] ЦГИА РБ. Ф. И-10. Оп. 1. Д. 99. Л. 34; Д. 100. Л. 190.

[3] *Роднов М.И.* Крестьянство Уфимской губернии в начале XX в. (1900–1917 гг.). С. 232, 249.

[4] ЦГИА РБ. Ф. И-10. Оп. 1. Д. 99. Л. 34; Д. 100. Л. 190.

уезда в 1914–1916 гг. разделили все свои поля для уравнения наделов по качеству почвы. Тептяри из д. Трукменево Верхне-Бишиндинской волости Белебеевского уезда «считают себя вправе переделить землю, даже которые укрепили наделы». В общинах дополнительно купленные участки включались в единый севооборот, присоединялись к надельной земле. С другой стороны, в районах формирования предпринимательского хозяйства распространялись взгляды на все площади как на личную собственность. В д. Казаклар-Кубово (башкиры-вотчинники) в 1917 г. «сельчане считают себя собственниками подворных участков». В татарской деревне Имян-Купыр (все Белебеевского уезда) «в населении вкоренилась мысль, что наделы есть частная собственность лица владеющего ими»[1].

Итоговые данные по землевладению к 1917 г. можно привести только по Уфимской губернии, где велась точная статистика. В руках крестьянства находилось 75,2 % всей территории, а крупнейшими земельными владельцами оставались башкиры-вотчинники, которым принадлежало 3 217 078,5 дес. (29,6 % площади Уфимской губернии). Под душевыми наделами находилось 1 792 965 дес., так называемой свободной земли было 1 292 287,1 дес., неразмежёванные дачи составляли 131 826,4 дес.

Другой крупной группой землевладельцев края выступали крестьяне-собственники, которым (индивидуально или в товариществах) принадлежало 2 296 964 дес., или 21,2 % территории. Пятая часть земель Уфимской губернии находилась в крестьянской частной собственности. Башкирские припущенники (мишари, тептяри, др.) владели 1 609 841,6 дес. (14,8 %), душевые наделы бывших временнообязанных крестьян (государственных, удельных, помещичьих, горнозаводских) составляли 1 047 765 дес. (9,65 %). Башкортостан начала XX в. – это по преимуществу крестьянский край; в чисто земледельческих районах (Белебеевский и Мензелинский уезды) удельный вес всех крестьянских земель превышал 80 %.

Вторым по масштабу землевладельцем в крае являлось государство, которому в целом принадлежало свыше 1/10 территории Уфимской губернии. В руках основных министерств находилось 7,9 % площади (Департамент государственных земельных имуществ – 107 268,8 дес., Лесной департамент – 409 419,4 дес., Главное управление землеустройства и земледелия – 392,1 дес., Горное ведомство – 337 941,1 дес.). Кроме того, удельное ведомство, доходы которого шли на содержание правящей династии, имело в губернии к 1917 г. 124 415,4 дес. (1,1 %), Государственный банк – 10 052,8 дес., Крестьянский банк – 206 923,8 дес. (1,9 %).

В сравнительно небольших размерах сохранилось привилегированное землевладение дворян (681 878,5 дес., или 6,3 %), а также купцов и мещан (408 728,8 дес., или 3,8 %), рядом с которыми появлялась собственность крупных корпораций. Частным банкам (Сибирский Торговый и Донской) принадлежало 29 780,3 дес., различным

[1] ЦГИА РБ. Ф. Р-473. Оп. 1. Д. 157, 159, 165.

акционерным обществам (Симское, Петроградское, Южно-Уральское металлургическое, др.) – 305 163 дес. (2,8 %). Прочие угодья (0,6 % из всей территории в 10 857 622,7 дес.) находились во владении городов, церквей и монастырей, различных общественных, земских, государственных организаций.

В пределах уездов наблюдались существенные различия. На севере и востоке Башкортостана к 1917 г. крупнейшими землевладельцами оставались башкиры-вотчинники.

Структура земельной собственности на севере и востоке Башкортостана в 1917 г. в % %

	Бирский уезд	Златоустовский уезд	Стерлитамакский уезд
Башкиры-вотчинники	41,6	33,2	34,3
Башкирские припущенники	21	4,2	8,6
Крестьяне-собственники	16,5	12,9	29,6
Бывшие временнообязанные	5,5	11	4,2
Казна и удел	7,4	29,9	6,4
Дворяне	2,9	7,2	8,7
Купцы и мещане	4,8	0,1	6,1
Прочие	0.3	1,5	2,1
Итого	100	100	100

Источник: Подсчитано по: ЦГИА РБ. Ф. И-148. Оп. 1. Д. 174. Л. 37.

В руках вотчинников находилось 33–42 % всех земель, удельный вес припущенников (тептярей и мишарей) был значителен только в Бирском уезде и везде имелась крупная частная крестьянская собственность, а на юге Башкортостана частновладельческие земли сельчан охватывали почти 30 % всей территории. Бывшие государственные, удельные и другие группы крестьян лишь в Златоустовском уезде играли заметную роль в структуре поземельной собственности. Казна, удел и помещики к 1917 г. концентрировали от 15 % в Бирском до 21 % в Стерлитамакском и 37 % в Златоустовском (казённый горнозаводской округ) уездах. Преимущественно это были лесные, малонаселённые и почти не используемые в сельскохозяйственных целях площади. На западе и в центре края к 1917 г. ситуация была иной.

Структура земельной собственности на западе и в центре Башкортостана в 1917 г. в % %

	Мензелинский уезд	Белебеевский уезд	Уфимский уезд
Башкиры-вотчинники	26	21,8	17,9
Башкирские припущенники	15,5	25,6	10,9
Крестьяне-собственники	8,5	26,2	27,7
Бывшие временнообязанные	30,2	7,5	8,7
Казна и удел	10,4	11,2	4,2
Дворяне	5,1	4	10,4
Купцы и мещане	3,4	3,4	4,2
Прочие	0,9	0,3	16
Итого	100	100	100

Источник: Подсчитано по: ЦГИА РБ. Ф. И-148. Оп. 1. Д. 174. Л. 37.

В малоземельном Мензелинском уезде бывшие государственные и другие крестьяне, а также припущенники владели свыше 45 % всех земель, но и вотчинники на крайнем западе Башкортостана ещё являлись хозяевами значительных площадей. В Белебеевском и Уфимском уездах ведущей группой уже были крестьяне-собственники, которым принадлежало более ¼ пространства, а общины припущенников в Белебеевском уезде после размежевания стали владельцами большего количества земель, чем вотчинники. Помещичье землевладение к 1917 г. здесь сохранилось в незначительных масштабах, как и казённое.

ГЛАВА 5

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ БАШКОРТОСТАНА В 1861 – НАЧАЛЕ 1900-Х ГГ.

§ 1. Формирование регионального рынка

К середине XIX в. в экономике Башкортостана господствовало натуральное хозяйство, почти всё необходимое для жизни сельчанин производил на своём подворье, объём покупных товаров (соль, железные орудия труда и пр.) был невелик. Крестьяне сами мастерили домашнюю утварь, телеги и сани, выращивали лён и коноплю, из волокна которых изготавливали ткани и шили одежду. Немногочисленные деревенские ремесленники работали по заказам соседей. Сильные черты натурального хозяйства сохранялись и в городах края, где большинство жителей имели огороды и сады, держали домашний скот[1], а некоторые занимались и землепашеством. Замкнутый характер носила экономика помещичьих усадеб, где также всё необходимое (исключая предметы роскоши) производилось крепостными крестьянами и кустарями.

Существовавшие на Южном Урале отрасли промышленности, в первую очередь мощные горнозаводские предприятия, были почти целиком ориентированы на столичные, центральные губернии или на экспорт. Удельный вес продукции, предназначавшейся для местных потребностей, оставался крайне малым. Перерабатывающая промышленность была развита слабо.

На экономику региона сильно влияли удалённость, изолированность края даже от ближайших торговых центров Поволжья (Казань, Нижний Новгород). Связь осуществлялась исключительно гужевым транспортом или в летнее время по Белой. Суда под парусом, на вёсельной, конской тяге, с кабестаном (завозной якорь, к которому подтягивалась баржа) или бурлаками неделями добирались в Уфу из соседних губерний. Это резко удорожало стоимость как привозных, так и отправлявшихся из Башкирии товаров, а поездка в ближний город превращалась в настоящее путешествие.

Основу **транспортных** коммуникаций вплоть до начала XX в. продолжали составлять гужевые пути. Территория Башкортостана была покрыта сетью местных

---

[1] Даже в 1914 г. в Уфе, столице губернии, жители держали 3229 лошадей, 3147 голов крупного рогатого скота, 215 овец (43 тонкорунных), 871 козу, 1034 свиньи и одного осла. Городская управа за плату (выдавались квитанции) организовывала пастьбу в городском табуне (*Шестаев А.Ф.* Из находок краеведа // Страницы минувшего. Уфа, 1995. С. 105).

просёлочных дорог, стекавшихся к основным трактам, по которым зимой с установлением санного пути начинались массовые перевозки грузов. Гужевые пути оставались в «натурально-девственном» состоянии, их обслуживание и ремонт в решающей степени зависели от активности низовой администрации (общинной, волостной и уездной, иногда крупных землевладельцев). «Непроездность гужевых дорог и прекращение отправок продуктов … продолжаются едва ли не в течение целого года, так что без водных путей летом и санных дорог зимой многие местности этого края были бы вовсе изолированы от остального мира»[1].

Власть оптимистично констатировала удовлетворительное состояние гужевых путей в крае, особенно почтовых, находившихся в ведении губернского земства, зато коммерческие дороги «не отличались исправностию», особенно Верхнеуральский тракт от станции Шафраново к Стерлитамаку и Верхнеуральску. К началу 1890 г. он «был почти в непроездном состоянии», вызывая жалобы заводовладельцев и местного населения. Составлявшие основу гужевой сети губернии «обыкновенные просёлочные дороги, проходящие от селения к селению, не отличаясь особенною исправностию, были, тем не менее, к проезду доступны и исправлялись владельцами тех земель, по которым они пролегают»[2].

В 1895–1901 гг. в Уфимской губернии было построено 348 вёрст замощённых «дорог с каменною одеждою», главным образом в Бирском уезде во время организации общественных работ для голодающего населения (немного в остальных уездах, кроме Стерлитамакского)[3].

Общегосударственное значение имели почтовые тракты, по которым перевозились грузы, действовало ямское сообщение. По территории Уфимской губернии к 1914 г.[4] пролегали три почтовых тракта: Оренбургский (228¾ версты) из Уфы на юг через Стерлитамак и Мелеуз, далее в Оренбург; бывший Сибирский (347 вёрст), связывавший Уфу с железнодорожной станцией Сулея через Байки, Месягутово и Верхние Киги. Третий тракт шёл от Бирска через Мензелинск к городу Елабуга Вятской губернии (240¾ вёрст). Кроме того, в ведении местного земства находилась сеть коммерческих и просёлочных дорог (в Уфимском уезде – 11, в Бирском и Златоустовском по две, в Мензелинском – пять, Белебеевском – три, Стерлитамакском – семь)[5].

По закону о дорожном капитале от 1 июля 1895 г. губернское земство осуществляло все расходы на проведение ремонтных работ, имело штат сотрудников[6]. На со-

---

[1] *Рудченко П.И.* Гужевые и водные пути. СПб., 1904. С. 13.

[2] Обзор Уфимской губернии за 1890 год. Уфа, 1890. С. 82–83.

[3] *Мейен В.Ф.* Россия в дорожном отношении. СПб., 1902. Т. II. С. 746; Россия. Полное географическое описание нашего отечества / Под ред. В.П. Семёнова-Тян-Шанского. СПб., 1914. Т. 5. Урал и Приуралье. С. 356.

[4] «Статус» дорог менялся в зависимости от развития экономики и направления транспортных потоков. В 1890 г. упоминались четыре почтовых тракта – Оренбургский, Елабужско-Казанский, Ново-Сибирский и Кунгурский и три коммерческих – Чистопольский, Старо-Сибирский и Верхнеуральский (Обзор Уфимской губернии за 1890 год. С. 82).

[5] Адрес-календарь Уфимской губернии на 1914 год. Уфа, 1914. Ч. II. С. 29–32.

[6] *Мейен В.Ф.* Указ. соч. Т. II. С. 747.

держание грунтовых дорог уфимское земство ежегодно расходовало значительные средства, в 1902 г. – 89,5 тыс. руб.[1] Земские подрядчики выполняли крупные объёмы работ. Например, в 1914 г. по Оренбургскому тракту был укреплён берег и замощён конец незаливаемой дамбы, отремонтирована проезжая часть полотна и пр. Грунтовые дороги содержались в исправном состоянии, летом заравнивалась колея, засыпались рытвины, прочищались боковые канавы, зимой выравнивались ухабы, очищались от снега во время буранов угольником, ограждались от заносов щитами и валами. Большое внимание уделялось исправности переправ. Так, через Белую в Уфе наводились два плашкоутных моста, обслуживание которых в 1913 г. обошлось земству в 16,4 тыс. руб.[2] Значительный размах ремонт дорог принимал во время неурожайных лет, когда земство организовывало общественные работы, чтобы обеспечить голодающее население заработком. После засухи 1911 г. было возведено 12 мостов на каменных устоях с деревянным верхним строением в Белебеевском уезде, 12 мостов с гатями и насыпями в Мензелинском, один в Стерлитамакском уезде[3].

Первой современной системой транспорта в крае стал паровой речной флот, обеспечивавший, хотя и ограниченное летним навигационным периодом, достаточно быстрое и регулярное сообщение между Уфой и всеми приречными пунктами центральной и западной Башкирии с приволжскими городами. Если на Каме стабильное грузо-пассажирское сообщение установилось ещё в 1840-е гг.[4], то на Белой лишь в 1857 г. состоялись исследования русла, признанного пригодным для судоходства, а пароходные компании на ярмарке в Нижнем Новгороде приглашались к открытию движения. Утром 11 августа 1858 г. в Уфу прибыли два парохода угличского купца Журавлёва «Быстрый» и «Грозный». А 7 сентября к Уфе подошёл лёгкий пароход «Русалка», на котором находился контр-адмирал С.И. Мофет со специалистами, изучавшими фарватер Белой.

Со следующего, 1859, года началось достаточно стабильное сообщение. Весной, 12 мая, в Уфу прибыл 45-сильный пароход «Ольга», принадлежавший обществу «Дружина», который был встречен «с восторгом местными жителями». В сентябре была предпринята попытка подняться вверх по Белой, до д. Псянчино. В начале 1860-х гг. на бельских перевозках работали несколько судоходных фирм: «Дружина», «Самолёт», А.Н. Левашева, Камско-Волжская компания. Но пароходное движение оставалось случайным, суда приходили «редко и не в определённое время», сложный фарватер, мелководье, плохие пристани делали невыгодными перевозки и к концу 1860-х гг. на смену крупным фирмам здесь утверждается средний (местный) капитал. Грузовые транспортировки, резко возросшие с 1870-х гг., осуществляли буксиры купцов Сафронова, Першина, Булычёва и др., с 1867 г. уфимский землевладелец И.Ф. Базилевский начал пассажирское сообщение раз в неделю между Уфой и Набережными

---

[1] Отчёт уфимской губернской земской управы за 1902 год по дорожной повинности. Уфа, 1903. С. 36, 122, 144, 172, 198.

[2] Отчёт уфимской губернской земской управы по дорожной повинности за 1913 год. Уфа, 1914. С. 3–5.

[3] Обзор Уфимской губернии за 1911 год. С. 60–61; Там же за 1912 год. Уфа, 1914. С. 55.

[4] См.: *Михайлов П.* Судоходство по р. Каме и её притокам Вятке, Вишере, Чусовой, Белой и другим. СПб., 1877. С. 27–28.

Челнами, с 1870 г. учреждённое купцами Поповым, Полетаевым и Исаевым «Бельское пароходство» организовало регулярное сообщение по маршрутам Уфа – Казань и Уфа – Нижний Новгород. В 1876 г. появились пароходы фирмы братьев Якимовых из Вятской губернии, которая вплоть до 1917 г. станет основным пассажирским перевозчиком на Белой[1].

Наряду с паровым флотом в бассейне Белой продолжалось массовое сплавное судоходство. На горных заводах, у лесных пристаней и в местах заготовок хлеба ежегодно в Уфимской и Оренбургской губерниях строились сотни деревянных судов различных типов (беляны, коломенки, подчалки, баржи и пр.), грузоподъёмностью до 200 тыс. пуд. и выше. Большинство этих судов предназначались на одну навигацию, в месте прибытия их продавали и разбирали на дрова и стройматериалы. Судостроение в Башкортостане являлось одной из крупных отраслей экономики. Деревянные баржи строили на Белой (Белорецкий, Авзяно-Петровский заводы и др.), Уфе (Красноуфимск, Нязе-Петровский завод и т. д.), Юрюзани, Ае (с. Метели), Симе, Лемезе и другим рекам. По данным Министерства путей сообщения в Уфимской губернии в 1895 г. было спущено на воду 88 судов, стоимостью 182 900 руб.[2]

По сведениям местных статистиков в 1899 г. на Южном Урале (Уфимская, Оренбургская, Пермская губернии) было построено 620 разных судов на сумму 432 315 руб. (187 барок, 37 полубарок, 7 подчалков, 11 белян, 6 баржей, 372 лодки). Весной, по большой воде, сотни барж с металлом, лесом, хлебом и иными грузами сплавлялись с верховьев рек, в районе Уфы их брали буксирные пароходы и выводили в пункты назначения. Движение на Белой было очень оживлённое. В навигацию 1899 г. «рейсы совершали принадлежащие разным лицам 42 парохода». На пристанях грузилось (нагружалось) 275 судов, 329 пароходов, 1626 лесных плотов, а разгружалось 80 судов, 228 пароходов, 1549 плотов[3]. Бельское и камское пароходство способствовали подъёму экономики края, росту грузоперевозок и резкому снижению транспортных издержек[4], налаживанию прочных информационных, культурных, межличностных контактов. В течение летнего сезона можно было совершить несколько поездок в Поволжье и обратно (пароход на вторые сутки вечером прибывал из Уфы в Казань)[5].

Но пароходное сообщение имело немало недостатков. По Белой, выше города Уфы, осуществлялось редкое движение лишь в весеннее половодье. А с прекращением навигации замирала жизнь на пристанях и в городах края до следующей весны.

---

[1] *Листовский А.С.* Пароходство по реке Белой // Уфимский календарь на 1876 год. Уфа, 1876. Вып. 3. С. 58–60; *Он же.* Летопись пароходства по реке Белой // Гурвич Н.А. Справочная книжка Уфимской губернии. Уфа, 1883. Отдел II. С. LI: Памятная книжка Уфимской губернии на 1878 год. Уфа, б. г. Отдел II. С. 102.

[2] Речной флот (паровой и непаровой) по переписи 1895 года и судостроение в 1892–1896 годах в Европейской России. СПб., 1898. Табл. VI Б. С. 6, 10–13.

[3] Обзор Уфимской губернии за 1899 год. Уфа, 1899. С. 41.

[4] Так, в 1841 г. провоз хлеба по Волге из Саратовской губернии в Рыбинск стоил 65–70 коп., в 1866 г. на пароходе уже 12–17,5 коп., а в 1891 г. на судне с нефтяным двигателем – около 7–8 коп. за пуд. (Труды второго съезда судовладельцев Волжского бассейна. Нижний Новгород, 1910. Отдельное приложение. С. 3).

[5] Пароходство Д.Д. Якимова Н-цы [Наследницы]. Уфа – Казань. Кукарка, 1913. С. 5.

На просторах западного, южного и юго-восточного Башкортостана единственным видом транспорта оставался гужевой.

Настоящую революцию в экономической жизни Башкирии вызвало строительство железной дороги. Местные власти, купечество, общественность понимали огромные преимущества стальной магистрали и прилагали большие усилия для проведения железнодорожного пути в свой регион. Первая дорога, связавшая Самару и Оренбург, была открыта в 1877 г. В полосе её экономического влияния оказались самые южные районы Башкортостана. Но вокруг уфимского направления развернулась ожесточённая борьба.

Сначала, в 1875 г., был принят «северный» вариант железной дороги через Нижний Новгород – Казань – Екатеринбург – Тюмень. Но в 1882 г. министр путей сообщения адмирал К.Н. Посьет настоял на пересмотре решения в пользу «южного» варианта через Самару – Уфу. Проведённые в 1882–1883 гг. изыскания от станции Кинель до Уфы и далее, инженерные и финансовые расчёты показали, что железная дорога на Уфу – Челябинск была бы короче, отпадало возведение четырёх больших мостов, постройка обошлась бы на 30 млн руб. дешевле, а прокладка магистрали через хлебородные края Заволжья сулила несомненную экономическую выгоду[1].

В начале 1880-х гг. развернулась ожесточённая полемика в обществе и закулисная борьба в правительственных кабинетах. «Южный» вариант оставлял в стороне крупнейшие волжские торговые центры – Нижний Новгород и Казань, в ответ на жалобы и ходатайства которых, уфимская и самарская общественность начала агитационную кампанию[2]. «Неужели важнейшие интересы государства и кровные нужды народа будут забыты ради одной Казани?»[3] Уфимское земство, городская власть, местный бизнес ещё в начале 1879 г. возбудили ходатайство перед правительством «о соединении Уфы и вообще уфимской губернии железно-дорожным путём с самарско-оренбургской дорогой»[4]. Усилия уфимцев склонить на свою сторону Министерства внутренних дел и финансов вначале успеха не имели, однако смена взглядов в МПС изменила ситуацию. Важную роль сыграло мнение крупнейших Московского и Санкт-Петербургского биржевых комитетов, которые решительно поддержали экономически более перспективное «южное» направление.

После двух заседаний Кабинета Министров 18 декабря 1884 г. и 2 января 1885 г. было принято окончательное решение, утверждённое императором Александром III 6 января 1885 г., строить железную дорогу на участке Самара – Уфа и начать проектные изыскания в направлении на Златоуст и далее к востоку. Летом 1885 г. прошли

---

[1] *Саблер С.В., Сосновский И.В.* Сибирская железная дорога в её прошлом и настоящем. Исторический очерк. СПб., 1903. С. 47–48, 51.

[2] См.: Записка депутаций уполномоченных от губернских земских собраний самарской и уфимской губерний и городских дум самарской и уфимской. О сооружении железной дороги от Самары чрез Уфу и Златоуст в Екатеринбург // Обзор деятельности городского управления и положения городского хозяйства г. Уфы с 1870 по 1881 год. Уфа, 1881; *Волков [Д.С.].* Погибающий город и изуродованная магистральная линия (По поводу проэктированного обхода города Уфы Самаро-Уфимской дорогой). СПб., 1885; и др.

[3] *Волков [Д.С.].* Последнее слово к вопросу Сибирской дороги. СПб., 1884. С. 16.

[4] Вестник Уфимского земства. Уфа, 1881. Вып. 1. С. 22.

последние исследования маршрута будущей трассы, а весною 1886 г. развернулись строительные работы. Постройка производилась временным управлением казённых железных дорог под непосредственным руководством начальника работ инженера К.Я. Михайловского[1]. Несмотря на нехватку людей, рабочих привозили издалека, дела продвигались успешно. Новая железнодорожная линия обошлась казне в 23,8 млн руб. (экономия составила один миллион руб.)[2]. И в 1888 г. открылось долгожданное сообщение до Уфы.

Одновременно, в 1886–1887 гг. между Уфой и Златоустом проводились изыскательские работы, 10 июля 1887 г. Кабинет Министров утверждает избранное направление трассы и весной 1888 г. инженер К.Я. Михайловский начал прокладывать железнодорожную линию через Уральские горы. В августе 1890 г. оконченный участок Уфа – Златоуст был соединён с самаро-уфимским в одну линию под названием Самаро-Златоустовская железная дорога (СЗЖД)[3], находившуюся в собственности казны.

Самаро-Златоустовская железная дорога являлась выдающимся инженерным сооружением, на участке Самара – Уфа было построено 219 мостов и 80 труб, в том числе крупнейший мост в 6 пролётов через р. Белая длиной 322 сажени. На отрезке Уфа – Златоуст (горный участок – 550 вёрст) находилось 206 мостов и 89 труб, включая крупный мост через р. Уфа (три пролёта по 50 саж.), а также значительные мосты через реки Сим, Юрюзань, Сатку. Дорога оснащалась передовой техникой, работал телеграф, а с 1889 г. и телефонная сеть, подвижной состав СЗЖД на 1 января 1891 г. включал 71 паровоз, 58 пассажирских и 1038 товарных вагонов, были открыты депо в Уфе (на 12 стойл), Златоусте (9), Раевке (4) и Кропачёво (6). В Уфе располагались главные железнодорожные мастерские (32 стойла) с механическим цехом, кузницей и колёсным отделением; малый ремонт выполнялся также в депо Уфы и Златоуста[4].

В 1892 г. был построен участок Златоуст – Миасс – Челябинск, а с 1893 г. началась прокладка знаменитой Сибирской железной дороги[5]. Общая протяжённость Самаро-Златоустовской железной дороги от станции Батраки на Волге до Челябинска составляла 1058 вёрст 256 саж.[6] Уфа и весь регион оказались на великом транспортном пути в Сибирь и Дальний Восток, получили круглогодичное быстрое и удобное

---

[1] Михайловский Константин Яковлевич [1834–1909], инженер-строитель, действительный тайный советник (1905). С 1864 г. участвовал в изысканиях и постройке железных дорог: Московско-Курской, Курско-Киевской, Балтийской, Оренбургской и др. В 1880 г. руководил сооружением Александровского моста через Волгу около Сызрани. В 1885 г. назначен начальником работ по постройке Самаро-Уфимской железной дороги, последовательно участков Уфа–Златоуст, Златоуст–Челябинск, Челябинск–Екатеринбург. В 1893–1898 гг. находился во главе Управления по строительству Западно-Сибирской дороги, размещавшегося в Челябинске. В 1899–1905 гг. был назначен начальником Управления по сооружению железных дорог МПС (Челябинск: Энциклопедия. Челябинск, 2001. С. 510).

[2] *Саблер С.В., Сосновский И.В.* Указ. соч. С. 53–55, 63, 66–67.

[3] Там же. С. 67.

[4] Отчёт по эксплуатации казённых железных дорог за 1890 год. Уфа, 1891. Ч. XI: Отчёт управления Самаро-Златоустовской железной дороги. С. IV, VI, XV–XIX.

[5] Россия. Полное географическое описание нашего отечества. Т. 5. С. 357.

[6] Статистический сборник МПС. СПб., 1906. Вып. 85: Сведения о железных дорогах за 1904 г. Табл. II. С. 18.

сообщение с центром страны (дорога до Москвы на поезде занимала трое суток) и даже с заграницей. Географическая изоляция, веками сдерживавшая развитие края, кончилась, Южный Урал стал одним из ключевых регионов России.

Торговля. Быстрое развитие транспортных коммуникаций во второй половине XIX в. привело к формированию основы местного рынка – разветвлённой торговли. Значительно расширилась сеть ярмарок и базаров. Так, на Уфимскую ярмарку, работавшую с 25 января по 5 февраля, в 1871 г. было привезено товаров на сумму 737 тыс. руб., а продано на 318 тыс. Преобладали шерстяные, шёлковые и хлопчатобумажные ткани, чай и сахар, фарфоровая и стеклянная посуда. Помимо местных торговцев, присутствовали купцы из Елабуги, Казани, Бирска, Чистополя, Сарапула и других городов[1]. Если в 1874 г. в Бирском уезде действовало 29 ярмарок, то в 1909 г. уже 64. В 1872 г. на все ярмарки Уфимской губернии было привезено товаров на 16,1 млн руб., а продано на 8,1 млн руб. Возникало большое количество локальных ярмарок, обслуживавших население нескольких соседних волостей.

Центральным звеном в ярмарочной торговле края являлась Мензелинская ярмарка, открывавшая свою работу 26 декабря, сразу после Рождества. Основным был «мануфактурный» товар (бумажные, шерстяные, суконные ткани, в первую очередь ситец, а также готовые изделия). Много продавалось в Мензелинске чая, краски, сахара, кож и других товаров. Наивысшие объёмы торговли на Мензелинской ярмарке были зафиксированы в начале 1880-х гг., когда сюда поступало товаров на сумму 19–21 млн руб., а продавалось почти на 17 млн. Тесно связанная со знаменитой Нижегородской ярмаркой, а также рынками Казанской и Вятской губерний, Мензелинская ярмарка являлась крупным распределительным пунктом, здесь заключались оптовые сделки, отсюда поступали товары на сельские и городские ярмарки и базары соседних уездов[2]. Торговцы с товарами переезжали с одной ярмарки (базара) на другую, возникала своеобразная ярмарочная сеть, «подвижной ходячий рынок»[3]. В 1890 г. в Уфимской губернии действовало всего 133 ярмарки, включая 8 городских[4]. Например, в Белебеевском уезде крупнейшими являлись две городские, а также ярмарки в Бакалах, Буздяке, Тураево и Тавларово[5].

Расцвет бельского речного пароходства в конце XIX в., быстрая доставка грузов в Уфу и другие пристани на судах (в Мензелинск подвоз был гужевой), а затем открытие в 1888 г. железнодорожного пути, привело к постепенному упадку Мензелинской ярмарки, обороты которой сократились до 7,7 млн привезённых и 3,5 млн руб. проданных товаров в 1898 г. Ярмарка постепенно меняла профиль, превращаясь из места сбыта и распределения в центр скупки сельскохозяйственного сырья, в первую очередь лошадей[6]. Торговля скотом была особенностью многих поволжских ярмарок.

---

[1] *Васильев С.М.* Экономика пореформенной Уфы // Исследования по истории Башкирской АССР XVII–XIX вв. Уфа, 1973. С. 135.

[2] *Самородов Д.П.* Становление и развитие системы стационарной торговли в дореволюционной Башкирии (эпоха капитализма). М., 2001. С. 24–25, 27, 30.

[3] *Тагирова Н.Ф.* Рынок Поволжья (вторая половина XIX – начало XX вв.). М., 1999. С. 142.

[4] Обзор Уфимской губернии за 1890 год. Уфа, 1890. С. 35.

[5] Календарь Уфимской губернии на 1893 год. Уфа, 1893. Отдел III. С. 47.

[6] *Самородов Д.П.* Указ. соч. С. 26, 28.

С юга по скотопрогонным трактам, – отмечал современник, – «с самой весны и до первого снега тянутся табуны лошадей из киргизских, калмыцких и башкирских степей»[1]. В целом по Уфимской губернии наибольшая концентрация ярмарок отмечалась на севере (в Бирском и Златоустовском уездах), а на юге, в Стерлитамакском уезде, ярмарочная торговля была развита слабее. Выделялись Стерлитамакская городская и Табынская ярмарки[2].

Рост посевных площадей и торгового земледелия, разрушение натурального хозяйства вели к увеличению покупательной способности прежде всего зажиточных слоёв населения. В крестьянский быт прочно вошли новые товары (керосин, чай, сахар и др.), фабричные ткани вытеснили деревенскую домоткань, возросло потребление сельскохозяйственного инвентаря и орудий труда. Открывавшиеся раз в году ярмарки уже не обеспечивали запросов населения, начинает активно развиваться базарная торговля. Еженедельные базары открываются во всех крупных селениях края. Если в 1876 г. в Уфимской губернии действовало 172 базара, то в 1890 г. – уже 240 (Уфимский уезд – 40, Стерлитамакский – 35, Белебеевский – 57, Мензелинский и Бирский – по 44, Златоустовский – 20 базаров)[3].

Но недостаточно высокая покупательная способность основной массы рядового крестьянства, узость внутреннего рынка делали малорентабельной деятельность постоянных торговых лавок в деревне, розничная торговля ещё носила в значительной степени эпизодический характер. Основной оборот деревенские лавки делали осенью, после уборки и реализации крестьянами своего урожая. Сельчанин закупал товар оптом несколько раз в году, базарная форма торговли оставалась наиболее приспособленной к нуждам населения. Кроме того, базары становились важнейшим механизмом заготовки сельскохозяйственной продукции (хлеба, кож, изделий местных кустарей и др.). Базары проводились на специальных площадях, принадлежавшим сельским обществам, церквям или арендаторам, где возводились временные постройки.

В городах активно развивается стационарная розничная торговля. Например, в 1866 г. в Уфе насчитывалось 223 деревянные и 61 каменная лавки, в Мензелинске – 318 и 296, Бирске – 82 и 77, Белебее – 78 и 80, Стерлитамаке – 184 и 50, в Златоусте было 96 деревянных лавок (магазинов). К 1901 г. всего в Уфимской губернии действовало 8,7 тыс. торговых заведений, преобладали бакалейные (4894) и мануфактурные (1072) лавки, имелось 388 галантерейных, 385 хлебных лавок, 296 трактиров и мест торговли пивом, общий оборот которых достигал 31 млн руб.[4]

Развитие торговли в крае вело к росту грузовых перевозок. С уфимской пристани в 1859–1862 гг. в среднем отправлялось 989,4 тыс. пуд. различных товаров на сумму 456,7 тыс. руб., в 1868 г. – 1356,6 тыс. пуд., в 1870 г. – 3395,7 тыс. пуд. В 1891 г. из Уфы вывозилось 4011,3 тыс. пуд. грузов, в том числе речным транспортом 1473,2 тыс. пуд., по железной дороге – 2538,1 тыс. пуд.). А прибыло в город 7310,1 тыс. пуд.

---

[1] См.: *Тагирова Н.Ф.* Указ. соч. С. 148.

[2] *Самородов Д.П.* Указ. соч. С. 27–29.

[3] Там же. С. 54.

[4] Там же. С. 39, 41.

(по воде – 3507,8, с железной дороги – 3792,3 тыс. пуд.)[1]. В 1899 г. со всех железнодорожных станций Уфимской губернии было отправлено 18 562 тыс. пуд., а поступило – 19 063,7 тыс. пуд. Большие масштабы имели внутренние транспортировки, достигавшие 10 035,9 тыс. пуд. Из перевозившихся товаров выделялись руда (4,2 млн пуд.), железо и сталь (2,8 млн пуд.), чугун (2,5 млн пуд.), лесной строительный материал (1,6 млн пуд.), рожь (914,2 тыс. пуд.), пшеница и полба (695,6 тыс. пуд.). На Белой в навигацию 1899 г. на баржи и пароходы было погружено 13,4 млн пуд. различных товаров, отправлено 1626 плотов леса[2].

Финансы. Формирование регионального рынка, рост торговли и предпринимательства требовали создания кредитно-финансовой системы в крае. В 1865 г. в Уфе открылось отделение Государственного банка, оказывавшего широкий спектр услуг (принимались вклады населения и открывались текущие счета, выдавались ссуды под ценные бумаги, осуществлялись денежные переводы, учёт векселей, уплата процентов и пр.). Только с 1877 по 1890 гг. оборот операций отделения возрос с 13 121,1 тыс. до 27 592 тыс. руб.[3] Временное ярмарочное отделение Государственного банка функционировало во время проведения Мензелинской ярмарки[4].

В 1883 г. в Уфе начинает работу другой государственный банк – Крестьянский поземельный, выдававший ссуды населению под покупку земли. В 1873 г. в Уфе открывается агентство акционерного Нижегородско-Самарского земельного банка, также выдававшего ссуды под залог недвижимости[5]. Дворянство губернии сначала закладывало свои имения и городскую недвижимость в Обществе Взаимного поземельного кредита, открывшего свою деятельность в Уфе через поверенного в 1867 г., а также для выдачи ссуд дворянство образовало особый капитал в 15 тыс. руб. Но эти финансовые структуры носили попечительный характер, действовали на основе круговой поруки[6] и не могли обеспечить запросы местных помещиков. Со второй половины 1880-х гг. большинство уфимских дворян кредитовались в открывшемся Самарском отделении Государственного Дворянского земельного банка. В конце 1870-х гг. в Уфе действовал также Самарско-Симбирский земельный банк[7].

Доминирующее положение на финансовом рынке края занял один из самых крупных частных акционерных банков России – Петербургский Волжско-Камский коммерческий банк, открывший своё отделение в Уфе в 1873 г. Здесь кредитовалось местное, преимущественно крупное, купечество, лесопромышленники и хлеботорговцы, через него осуществлялись денежные переводы, учитывались векселя, держали на счетах накопления. Но достаточно жёсткие условия кредитования не устраива-

---

[1] *Васильев С.М.* Указ. соч. С. 135.

[2] Обзор Уфимской губернии за 1899 год. Уфа, 1899. С. 40–41.

[3] Памятная книжка Уфимской губернии на 1878 год. Уфа, б. г. Отдел II. С. 128; *Васильев С.М.* Указ. соч. С. 136.

[4] ЦГИА РБ. Ф. И-143. Оп. 1. Д. 71. Л. 16.

[5] *Проскурякова Н.А.* Земельные банки Российской империи. М., 2002. С. 128, 296; *Павлова О.С.* Деятельность Крестьянского поземельного банка на Южном Урале (1883–1916 гг.). Стерлитамак, 2005. С. 24.

[6] Уфимский календарь на 1876 год. Вып. 2. Уфа, б. г. С. 112; Памятная книжка Уфимской губернии на 1878 год. Отдел II. С. 132.

[7] Памятная книжка Уфимской губернии на 1878 год. Отдел II. С. 131.

ли многих местных предпринимателей, создававших собственные финансовые структуры, предоставлявшие займы на более льготных условиях.

Первым проявило инициативу уездное купечество. В 1867 г. открывают свою работу Бирский (с капиталом в 10 тыс. руб.) и Мензелинский (50 тыс. руб.) городские общественные банки[1]. В конце 1876 г. в Уфе также учреждается Городской общественный банк с основным капиталом всего в 14 913 руб. Эти банки выдавали кредиты местным (уфимским, мензелинским и пр.) купцам, предоставляли займы для нужд городского хозяйства органам самоуправления. В 1879 г. в Уфе создаётся Общество взаимного кредита, в котором на 1881 г. состояло 126 членов (председатель совета на 1893 г. – дворянин К.Б. Тевкелев, председатель правления – купец А.П. Зайков). Здесь, на основе взаимного поручительства, выдавались небольшие кредиты участникам Общества[2]. Региональный бизнес стремился сохранить свою финансовую самостоятельность, поддерживал корпоративную замкнутость. Городские банки учреждаются также в Стерлитамаке (1869 г.) и Белебее. К 1880 г. валовая прибыль всех пяти общественных банков Уфимской губернии составляла более 100 тыс. руб.[3]

Администрация поддерживала начинания предпринимателей. Уфимский губернатор С.П. Ушаков отмечал в 1871 г.: «В ряду наиболее важных явлений городского быта стоит учреждение городских банков, особенно в течение немногих последних лет, в г. Бирске, Стерлитамаке, Мензелинске. Общественные банки весьма быстрым и успешным развитием своих оборотов превзошли ожидания и успели в короткое время значительно увеличить свои первоначальные капиталы»[4].

Однако деятельность маломощных провинциальных банков, опиравшихся на узкий круг местных предпринимателей, была неустойчива и зависела от многих случайностей. В 1860–1870-х гг. по стране было закрыто более 50 общественных банков. Например, Стерлитамакский городской банк начал свою работу как важный кредитный механизм, поддерживавший на плаву городской бюджет и стимулирующий экономику, прежде всего ярмарку и стационарную торговлю. В соответствии с уставом, 2/3 его прибыли отчислялись в городской доход. Но случилось банкротство и 8 февраля 1885 г. Стерлитамакский городской общественный банк был закрыт. Одним из главных виновников катастрофы явился городской голова И.Г. Никеров, который, пользуясь высоким служебным положением, на основании противоправных действий брал крупные кредиты, не заботясь о своевременном их возвращении банку. Вместе «со товарищами», среди которых был и директор банка Пыхтухин, Никеров построил стекольный завод на деньги, взятые в банке в 1874 г. Шло время, но они не торопились платить по векселям. В результате проведенной в 1883 г. ревизии было выявлено 67 тыс. руб. убытка. Новый городской голова К.Д. Ростовцев среди причин кризиса в деятельности банка указывал на нарушение установленного законом порядка выдачи кредита, размер которого не ограничивался предельными нормами[5].

---

[1] Сборник статистических сведений по Уфимской губернии. Уфа, 1900. Т. VII, ч. III. С. 161.
[2] *Васильев С.М.* Указ. соч. С. 136–137; Календарь Уфимской губернии на 1894 год. Уфа, 1893. С. 255.
[3] Сборник статистических сведений по Уфимской губернии. Т. VII, ч. III. С. 161.
[4] ГАОО. Ф. 6. Оп. 6. Д. 14210/11. Л. 20.
[5] ЦГИА РБ. Ф. И-11. Оп. 1. Д. 49. Л. 2.

В 1890 г. на кредитно-финансовом рынке Уфимской губернии доминировали два ведущих банка – Государственный, общий оборот операций которого составлял 27 592 тыс. руб., и Волжско-Камский (оборот 58 116,9 тыс. руб.). Даже опиравшиеся на поддержку уфимской торгово-промышленной буржуазии, экономически наиболее сильной в регионе, местные банки значительно им уступали. Обороты Городского (уфимского) общественного банка достигали лишь 8 460,8 тыс. руб., а Уфимского общества взаимного кредита – 2 768,1 тыс. руб. На долю уездных банков приходилась вообще незначительная часть финансовых ресурсов региона. Бирский городской общественный банк имел обороты 484,1 тыс. руб., Мензелинский – 441,2 тыс., Белебеевский – 333,7 тыс. руб.[1] Удельный вес Волжско-Камского банка составлял 59,2 %, Госбанка – 28,1 %, уфимского городского – 8,6 %, всех остальных – 4,1 % кредитно-финансового рынка края.

В сельской местности возможность кредитоваться в банках имели лишь помещики, деревенские предприниматели и торговцы, посещавшие города, да крестьяне-переселенцы, вынужденные брать ссуды в Крестьянском банке. Для основной массы населения единственным источником получения кредита оставался сельский ростовщик. Существовавшие при волостных правлениях 4 сельских банка и 58 ссудо-сберегательных касс[2] не могли охватить многомиллионное крестьянство Уфимской губернии.

Развитие экономики требовало надёжной связи и страхования. К 1894 г. в Уфимской губернии почтово-телеграфные конторы действовали во всех шести городах, а также в Набережных Челнах и на Катав-Ивановском заводе. В сёлах Аскино, Благовещенский завод, Дюртюли, Топорнино, на Саткинском и Симском заводах работали почтово-телеграфные отделения. Почтовые отделения имелись во многих крупных селениях края. В Уфе функционировали 14 агентств различных страховых обществ (1-е и 2-е Российское, «Северное», «Волга», «Якорь», «Саламандра» и др.)[3].

§ 2. Начало модернизации аграрного строя

Перемены в жизни общества, наступившие после 1861 г. (отмена крепостного права, реформа в государственной и удельной деревне, ликвидация кантонной системы, революция на транспорте – появление парового судоходства и строительство железной дороги, общий экономический подъём и увеличение спроса на продукцию сельского хозяйства), затронули крестьянство, составлявшее абсолютное большинство населения края. Происходил постепенный процесс разрушения замкнутого натурального хозяйства, когда всё необходимое для жизни производилось внутри крестьянского двора, а продавались незначительные излишки.

Торговцы скупали зерно, которое ранее сельчане хранили на случай возможного неурожая, в зажиточных хозяйствах специально заводили дополнительные посевы.

---

[1] Обзор Уфимской губернии за 1890 год. С. 41.

[2] Там же. С. 42.

[3] Календарь Уфимской губернии на 1894 год. С. 198–199; Календарь Уфимской губернии на 1893 год. Отдел III. С. 28–45, 49–50.

В жизни рядового крестьянства появились новые товары (керосин для освещения жилища, фабричные ткани и городская одежда, галоши, водка, различные орудия труда), которые можно было только купить. Исследователь русской деревни В.П. Воронцов утверждал, что переход от натурального к товарному хозяйству в значительной мере происходит «вследствие перемен бытового характера, вследствие распространения в крестьянской среде потребления чая, сахара, керосина и других продуктов, которые можно приобрести только на деньги»[1]. Значительное налоговое обложение также приводило к насильственной товаризации патриархального двора.

Наиболее быстрыми темпами рыночные отношения проникали в районы, расположенные вдоль транспортных коммуникаций. К концу XIX в. увеличивается разрыв в уровне экономического развития между отдельными районами Башкортостана. Если на севере и западе края, а также в горно-лесной зоне сохранялись сильные патриархальные, общинные традиции, господствовало семейное хозяйство, основанное на самообеспечении, то на юге и северо-востоке начинает доминировать товарное производство.

В южном Башкортостане особую роль сыграли переселенцы. Преодолев немалые расстояния, в край прибывали наиболее активные, энергичные, предприимчивые люди. Кроме того, переселенцев привлекали низкие цены на землю у башкир-вотчинников, помещиков, казны. Хотя сам переезд требовал значительных затрат, на Южный Урал приходили уроженцы регионов, где стоимость земли была гораздо выше. Например, в 1879–1894 гг. десятина земли в среднем продавалась в Уфимской губернии за 10 руб., тогда как в Тамбовской – по 61 руб., Курской – 65, Пензенской – 51, Казанской – 36, Симбирской – 35 руб.[2] Переселенцы даже среднего достатка имели первоначальный капитал для приобретения участка и обзаведения, в отличие от многих местных малоземельных жителей.

Обустройство на новом месте требовало значительных усилий и средств, переселенцы долгие годы выплачивали платежи Крестьянскому банку или арендную плату, что также стимулировало возникновение товарного хозяйства. В результате, после всех тягот освоения приобретённых земель, именно переселенческие посёлки часто превращались в центры рыночного хлебопашества, «более многочисленной стала и верхушка сельского населения»[3]. Пореформенные переселенцы являлись наиболее активными носителями новых принципов хозяйствования, а прибывавшие в Башкортостан украинцы, белорусы, немцы, латыши и др. несли с собой передовые аграрные технологии, опыт товарно-денежных отношений.

Результатом этих перемен явилось быстрое увеличение посевных площадей. Посетивший в 1881 г. Стерлитамакский уезд Н.В. Ремезов вспоминал, что «всё степное пространство засеяно хлебами, и на месте серебристых волн ковыля переливаются золотистые волны пшеницы», невозможно узнать и лесные края: «где были болота,

[1] *В.В.* [*Воронцов В.П.*]. Очерки экономического строя России. СПб., 1906. С. 66.

[2] *Ковальченко И.Д.*, *Милов Л.В.* Всероссийский аграрный рынок. XVIII – начало XX в. Опыт количественного анализа. М., 1974. С. 261–262.

[3] См.: *Усманов Х.Ф.* Развитие капитализма в сельском хозяйстве Башкирии в пореформенный период. М., 1981. С. 72–103.

там луга; где была непроходимая глушь, теперь, через каждые пять вёрст, починки, сёла, хутора, пристани». И «здесь народился новый кулак – цивилизатор, со всеми орудиями знания, силой и капиталом»[1].

По темпам прироста посевов Южный Урал (Уфимская и Оренбургская губернии) отставали только от южных степных Таврической, Бессарабской, Херсонской и других губерний. Особенно быстро возрастала распашка земли со второй половины 1880-х гг., когда была проведена железнодорожная магистраль. В официальных данных, получавшихся из волостных правлений и полиции, приводились достаточно приблизительные, заниженные показатели. В конце XIX в. площадь всех хлебов в Уфимской губернии составляла примерно 1,3–1,5 млн дес.[2], однако по результатам первого, организованного земством, сплошного обследования в 1895–1897 гг. в губернии засевалось свыше 2 млн дес.[3] Башкортостан превратился в один из крупнейших хлебопроизводящих регионов страны.

Увеличение площадей особенно быстро происходило на степном юге. Если в 1881–1886 гг. среднегодовые посевы зерновых в Стерлитамакском уезде составляли всего 7,8 % от общегубернских, то в 1896–1900 гг. уже 13,7 % (почти двойной прирост). Удельный вес Белебеевского уезда поднялся с 18,6 до 21,9 %. Одновременно падала доля северо-западных (Мензелинского и Бирского) уездов, с 49 до 42 %[4]. Центр сельскохозяйственного производства перемещался на юго-восток.

Если в районах старого землепашества преобладали ржано-овсяные посевы (в Мензелинском уезде в 1898 г. рожь занимала 46,58 % всей площади, овёс – 22,06 и полба – 10,82 %, в Уфимском под рожью находилось 46,16 %, овсом – 20,28, просом – 11,46 %), то в Белебеевском уезде после ржи (37,22 %) шли пшеница (17,32) и овёс (15,37 %), а в Златоустовском уезде сложилась необычная структура посевов: рожь – 33,96 %, пшеница – 30,46 и овёс – 30,12 %[5]. Товарные посевы пшеницы и овса (для горных заводов, где было занято крупное поголовье рабочих лошадей) уже играли главную роль.

Развитие сельского хозяйства происходило почти исключительно на экстенсивной основе – распашке плодородных земель. В крае ещё широко были распространены пестрополье (бессистемное полеводство) и залежи, трёхпольный севооборот прочно утвердился лишь на западе губернии. Удобрение (унавоживание) пашни даже среди русского населения встречалось не везде, а у башкир оно было вообще редким явлением. В середине 1890-х гг. удобрение не практиковалось в 42 % деревень Мензелинского уезда, 44 % Бирского, в Белебеевском – 61, Златоустовском – 67, на левобережье Стерлитамакского уезда в 89 % селений. Крестьянство было убеждено, что поднятая чернозёмная почва не нуждается в удобрении.

---

[1] *Ремезов Н.В.* Быль в сказочной стране. Очерки. Уфа, 1986. С. 79–80.

[2] *Усманов Х.Ф.* Указ. соч. С. 325.

[3] Обзор Уфимской губернии в сельско-хозяйственном отношении за 1898–99 год. Уфа, 1899. Вып. I. С. 106.

[4] *Усманов Х.Ф.* Указ. соч. С. 327–328.

[5] Обзор Уфимской губернии в сельско-хозяйственном отношении за 1897–98 год. Уфа, 1899. Вып. I. С. 73.

Архаичной оставалась сельскохозяйственная техника. Помимо общепризнанной сохи и появившегося с 1870-х гг. её усовершенствованного варианта – косули, на новых, «целинных», землях применялся также татарский сабан (плуг), требовавший нескольких пар лошадей или волов. Сеяли хлеб вручную, убирали в основном серпом, при низких урожаях косили, молотили цепами. Усовершенствованный инвентарь имелся главным образом в помещичьих имениях, лишь в 1890-е гг. в крае открывается земская и частная торговля сложными орудиями. В первую очередь получили распространение простые машины для обработки зерна – веялки и молотилки, производившиеся местными кустарями. К 1897 г. в Уфимской губернии насчитывалось 20 885 веялок и 2027 различных молотилок.

Лишь на рубеже XIX–XX вв. начинается массовый ввоз машин и оборудования по железной дороге, спрос на которые со стороны зажиточного крестьянства чернозёмной полосы (Белебеевский и Стерлитамакский уезды) быстро возрастал. За первое десятилетие (1894–1903) работы губернского склада уфимское земство продало 16 136 плугов, 178 сеялок, 437 жнеек, 938 молотилок, 7490 веялок, 168 косилок, 221 конные грабли[1]. Если в 1897 г. по Самаро-Златоустовской железной дороге в Уфимскую губернию было ввезено 17 тыс. пуд. сельскохозяйственных машин, то в 1900 г. – 80, в 1902 г. – 107, в 1905 г. – 190 тыс. пуд.[2]

Однако подавляющее большинство крестьянства вело хозяйство рутинными, прадедовскими методами и всецело зависело от природных факторов. Периодически повторялись засушливые, неурожайные годы: в 1883, 1888, 1891, 1898 гг. и другие. В 1876–1898 гг. продовольственное дело в Уфимской губернии находилось в руках земства, которое из всех имевшихся капиталов и хлебозапасных магазинов (по средней цене в 50 коп. за пуд) выдавало ссуды голодающему населению. Например, в 1878 г. жители получили продовольственной помощи на 99,1 тыс. руб., в 1880 г. – на 137,6 тыс., в 1881 г. – почти на 49 тыс. руб., в 1888 г. – 421,4 тыс., в 1891 – на 1144,5 тыс., в 1892 г. – 1896,7 тыс., в 1893 г. – на 449,9 тыс. руб.[3]

Частые голодовки, особенно поразившие крестьянство в 1890-е гг., потребовали вмешательства государства, взявшего в свои руки помощь населению и создавшего общеимперский продовольственный капитал. В чрезвычайных ситуациях из государственных ресурсов выделялась значительная помощь. Уже в компанию 1898–1899 гг. для спасения населения Уфимской губернии было выделено 3302,3 тыс. руб. на пропитание и 3866,3 тыс. на обсеменение полей, всего – 7168,6 тыс. руб.[4] Долги за помощь в неурожайные годы требовалось затем возвращать (их начисляли вместе с налогами). Даже через десять лет за крестьянством Уфимской губернии оставалось почти 330 тыс. руб. ссуд, выданных во время неурожая 1891–1892 гг. Основная часть долга находилась за населением западных уездов (Мензелинского – 178 и Белебеевского – 99 тыс. руб.). А по случаю недорода 1898 г. жители губернии из общеимпер-

[1] *Черницын Н.* Очерк о десятилетней деятельности сельскохозяйственного склада Уфимского губернского земства. Уфа, 1904. С. 24–25.

[2] См.: *Усманов Х.Ф.* Указ. соч. С. 314–322.

[3] Историко-статистические таблицы деятельности уфимских земств. Уфа, 1915. С. 41, 426–427.

[4] Там же. С. 429.

ского капитала получили натурой 8224 тыс. пуд. зерна на продовольствие и обсеменение полей. Для крестьян наиболее пострадавших северо-западных уездов (Бирского, Мензелинского, Белебеевского) передали 280 тыс. руб. на закупку лошадей степной и местной пород и 361 тыс. руб. на заготовку кормов для них.

В Уфимской губернии имелись собственные резервные капиталы на случай неурожая и иных бедствий: 1) собираемые с отдельных групп населения – мещанский (12,8 тыс. руб. к 1 января 1901 г.), тептярский (538 тыс. руб.), кочевых башкир (169,8 тыс. руб.), горнозаводских мастеровых (14,6 тыс. руб.), 2) губернский (91,3 тыс. руб.), образуемый за счёт заимствований из общеимперского капитала и 3) общественный (59,4 тыс. руб.), куда вносили деньги сельские общества взамен пополнения натуральных запасов. Общая величина составляла около 886 тыс. руб., да ещё 1374,8 тыс. руб. задолженности числилось во всех капиталах.

По всему Башкортостану сельчане должны были содержать на случай голода особые хлебозапасные магазины (склады), где хранилось зерно. В 1900 г. хлебозапасные магазины имели 1413,4 тыс. чел. (из 2469,5 тыс. всего числа жителей Уфимской губернии). Более трети крестьянства края не держали никаких страховых запасов. К 1 января 1901 г. в губернии в хлебозапасных магазинах хранилось 2065,8 тыс. пуд. хлеба, главным образом ржи, ещё 1,5 млн пуд. числилось в долгах[1].

Система хранения хлебных резервов была во многом несовершенной. Население за свой счёт строило склады, время от времени их ремонтировало, нанимало сторожей, «хлеб в магазины поступает обыкновенно сыромолотый и сорный, скоро теряет всхожесть и принимает затхлость и портится». Тем не менее уфимские власти в 1900 г. не считали возможным отказываться от хлебозапасных магазинов, особенно в местностях, удалённых от транспортных путей[2]. В период засухи крестьянство именно здесь находило быструю и своевременную помощь. И в 1901 г. край опять поразил неурожай. За исключением Златоустовского уезда, везде сгорели яровые хлеба[3].

Важную роль в хозяйстве играло животноводство, особенно коневодство. Среди башкирского населения сохранялись традиции полукочевого и отгонного скотоводства с преобладанием конского поголовья. Меньше держали крупного рогатого скота. Развитие экономики Башкортостана в пореформенный период, превращение края в один из крупнейших зернопроизводящих регионов вели к численному росту поголовья. За 1865–1900 гг. количество лошадей в Уфимской губернии увеличилось с 585,4 до 749,2 тыс., коров – с 387 до 781,8 тыс., овец и коз – с 1127,3 до 1750,9 тыс., свиней – с 71,8 до 138,8 тыс. голов. Сократилось лишь число верблюдов. По количеству лошадей Уфимская губерния в 1900 г. занимала 3 место в Европейской России (после Пермской и Самарской), а по общему поголовью – девятое[4].

Состав стада в пореформенный период существенно изменился. Уменьшилась обеспеченность лошадьми (на 25 %) овцами и козами, стали больше держать крупно-

---

[1] Обзор Уфимской губернии за 1900 год. Уфа, 1902. С. 28–30.

[2] ЦГИА РБ. Ф. И-10. Оп. 1. Д. 100. Л. 239–240.

[3] Хозяйственно-статистический обзор Уфимской губернии за 1900–1901 год. Уфа, 1902. Вып. II. С. 21.

[4] *Усманов Х.Ф.* Указ. соч. С. 349, 351.

го рогатого скота[1]. Зерновая специализация сельского хозяйства Башкирии вела к сокращению пастбищных и сенокосных угодий, убавилось поголовье у башкир, в предпринимательском крестьянском хозяйстве держали оптимальное количество рабочих лошадей, а появление парового транспорта также высвободило немалое число тяглового скота.

В крестьянском хозяйстве преобладали башкирская, киргизская или простая русская лошади, грубошёрстные овцы, низкоудойный рогатый скот. Породистых животных разводили только помещики и в небольшом количестве зажиточные крестьяне. В Уфимской губернии в 1891 г. действовало 14 рысистых конных заводов, например, купца Ф.С. Софронова в Белебеевском уезде, где выращивали верховых и рабочих лошадей. На уфимской заводской конюшне держали 58 жеребцов рысистых, арденопершеронов и других пород[2]. Из более южных регионов (Уральской и Тургайской областей, др.) в Башкирию по скотопрогонным трактам постоянно поступало значительное количество лошадей, раскупавшихся по ярмаркам. Там же сбывались и породистые кони.

В многоземельных волостях летом скот пасли по выгонам и обширным лесам, у башкир сохранялось табунное коневодство. Крупные косяки лошадей башкирской и смешанной пород держали землевладельцы Тевкелевы и Сыртланов[3]. В районах, где уже полностью доминировало землепашество, существовал принудительный севооборот, когда деревенские стада поочерёдно перегонялись на освобождающиеся после уборки сена покосы, озимые и яровые поля, откуда вывезли сжатый хлеб, на паровые земли, а также в степи, выгоны, леса, залежи. В зимний период преобладало стойловое содержание скота, тебенёвка (вольный выпас) к концу XIX в. встречалась лишь в некоторых башкирских волостях Оренбургской губернии.

Поголовье скота сильно зависело от природных условий, вспышек эпизоотий. Периодически повторявшиеся засухи сопровождались бескормицей, забоем и распродажей домашних животных. В период с 1895 по 1899 гг., включавший неурожайные 1897–1898 гг., в Уфимской губернии численность скота сократилась: рабочих лошадей – на 3,3 %, конского молодняка – на 32,9 %, крупного рогатого скота – на 11,03, подростков (телят, бычков) – на 43,4, овец – на 10,3, коз – на 32,9, свиней – на 51 %. Мелкий скот и молодняк в массовом количестве забивался или распродавался, крестьяне пытались сохранить только продуктивных животных. Наибольшая убыль наблюдалась в хозяйствах башкирского населения, где поголовье крупного скота уменьшилось на 18 %, а мелкого – на 33 % (у русских – на 3 и 15, среди других народов – на 14 и 31 %). Особенно пострадало в эти засушливые годы крестьянство Западного Башкортостана. Жители Мензелинского уезда испытали просто катастрофическое потрясение, число скота у них сократилось на 41 %, в Белебеевском убыль составила 27, в Бирском – 21 %. Требовались годы для восстановления поголовья. На востоке края крестьянство серьёзных потерь не понесло, в Уфимском уезде чис-

---

[1] *Усманов Х.Ф.* Указ. соч. С. 350–351.

[2] Памятная книжка Уфимской губернии на 1891 год. Уфа, 1891. Отдел II. С. 11–12.

[3] Там же. С. 12.

ленность стада уменьшилась всего на 3 %, в Златоустовском – на 3,6, а в Стерлитамакском уезде она даже возросла на 0,7 %[1].

Постепенно складывалось товарное животноводство. Большое количество лошадей, а также шкуры, сало, шерсть, конский волос продавались на ярмарках, начинается вывоз мяса и коровьего масла за пределы Уфимской губернии. Проведение железной дороги способствовало развитию кумысолечебного дела в Белебеевском и Уфимском уездах[2].

Дополнительными источниками существования для значительной части крестьянства края являлись работа по найму в помещичьих имениях или хозяйствах зажиточных селян, извоз, рубка, перевозка и сплав леса, нагрузка барж хлебом и иными грузами, углежжение для горных заводов, работа на рудниках и золотых приисках. В наибольшей степени отходничество было распространено в густонаселённых западных уездах (Мензелинском, Бирском) среди бывших помещичьих крестьян, припущенников и вотчинников. «Без башкир наш крестьянин оказался бы беспомощным, – свидетельствовал современник, – так как рабочую силу он получает преимущественно среди башкир».

Тяжёлый труд сельских рабочих и отходников оплачивался выше в многоземельных волостях, в годы неурожаев расценки резко падали. В конце XIX в. подённая плата пешего батрака во время уборки хлебов колебалась от 42 коп. в Мензелинском и 47 в Белебеевском до 74 коп. в Оренбургском уездах. Невысокие заработки и, самое главное, сезонность, случайный характер сельского найма не позволяли сложиться стабильной прослойке батраков. Если в неурожайном 1898 г. в Уфимской губернии было около 100 тыс. отхожих рабочих, то в 1900 г. – только 67 тыс. чел.[3] Многие занимались кустарными промыслами.

Хозяйство башкир. Вторая половина XIX в. была одним из важнейших периодов в судьбах башкирского народа. Закончились военная служба, отнимавшая много времени от хозяйства, десятилетия казённой опеки, мелочной регламентации кантонной эпохи, лишавшей рядовое население стимулов к активной самостоятельной деятельности. «С прекращением всяких насильственных мер, башкиры начали поправляться и охотно принимаются за хлебопашество», – отмечал П.И. Добротворский в 1873 г.[4] Но башкиры оказались в условиях новой рыночной экономики, в обстановке конкуренции и быстрых перемен, для отдельных групп сопровождавшихся глубокими изменениями хозяйственной жизни.

Башкирское крестьянство северо-западных уездов Уфимской и Самарской, а также Пермской и Вяткой губерний с древнейших времён занималось землепашеством, вело оседлый образ жизни и по своей социальной организации, уровню агрикультуры практически не отличалось от соседних народов (русских, татар и др.). Особый тип экономики существовал у горно-лесных башкир Уфимской и Оренбургской губер-

---

[1] *Красильников М.П.* Крестьянское скотоводство в Уфимской губернии в 1899 году. Самара, 1899. С. 30–31, 34.

[2] См.: *Усманов Х.Ф.* Указ. соч. С. 358–362.

[3] Там же. С. 295–304.

[4] Там же. С. 109.

ний. Население практиковало отгонное скотоводство, когда летом пастухи выводили стада в горные долины. Засевались очень небольшие площади, а в некоторых волостях (Макаровская и Гирей-Кипчакская Стерлитамакского уезда, др.) земледелие почти отсутствовало. Зимой скот находился на стойловом содержании[1]. Для населения в горные районы постоянно подвозился хлеб. Так, башкиры Орского уезда приобретали зерно у казаков, крестьян «или на базарах в деревнях Халилово, Темясово и Иткулово 2-й, куда привозится еженедельно от 15 до 30 возов пшеничной муки»[2]. Основной доход жители получали от разнообразных лесных промыслов[3], работы на лесоразработках, гужевых перевозок, обслуживания металлургических заводов (производство древесного угля, добыча руды и пр.). Для горно-лесных башкир было характерно сочетание патриархальных общинных устоев с активным вовлечением в промышленное производство (ещё с XVIII в.) и рыночные отношения.

Если для этих двух групп башкир хозяйственный уклад во второй половине XIX в. не претерпел глубоких изменений, то в южной, лесостепной, части Уфимской и в степных волостях Оренбургской (по рекам Дёма, Ток, Чуран, в Бурзянской волости и т. д.) губерний основным занятием башкирского населения оставалось скотоводство. Весной основная часть населения покидала места зимовок и откочёвывала за несколько десятков вёрст, в холодное время года скот кормился в степи тебенёвкой. Землепашество и заготовка сена играли второстепенную роль и часто являлись занятием бедных скотом семей.

Посетивший в 1873–1874 гг. Стерлитамакский уезд, по левую сторону реки Белой Н.В. Ремезов «встречал только беспредельные степи, поросшие ковылём, да возле речек кочёвки башкир. Летом я часто плутал по этим степям, так как переменять лошадей приходилось в кочёвках, а не в деревнях, в коих во всё лето нельзя было найти ни одной души, а кочёвки менялись через каждые две недели. Это была совершенно дикая местность… в этот раз я, кроме степи, кочёвок и башкир, ничего не встретил»[4].

После малоэффективных насильственных мероприятий губернской и кантонной администрации по переводу башкир к оседлости и внедрению земледелия[5] в 1860–1870-х гг. животноводческое хозяйство южных, полукочевых, башкир оказалось в глубоком кризисе. Начался болезненный процесс распада традиционного уклада, переход к зерновому производству, вызванный рядом причин. Масштабы изъятия земель у местных общин (дёмские волости Белебеевского, левобережье Стерлитамакского уездов, равнинные волости Оренбургской губернии) в эпоху свободной торговли и расхищения башкирских владений (1869–1881 гг.) не были особенно велики, вотчинники сохранили очень большие площади. Сравнительно немного здесь проживало и припущенников, которым также отрезались угодья. Зато с началом крестьянской колонизации основной поток переселенцев (русских, украинцев и др.) хлынул

---

[1] Описание хозяйства горно-лесных башкир см.: *Минцлов С.Р.* Уфа. Из кн. «Дебри жизни». Уфа, 1992.

[2] *Янгузин Рим.* Хозяйство и социальная структура башкирского народа в XVIII–XIX вв. Уфа, 1998. С. 118.

[3] См.: *Муллагулов М.Г.* Лесные промыслы башкир: XIX – начало XX в. Уфа, 1994.

[4] *Ремезов Н.В.* Указ. соч. С. 79.

[5] См.: *Асфандияров А.З.* Кантонное управление в Башкирии (1798–1865 гг.). Уфа, 2005. С. 115 и др.

именно на плодородные равнинные земли Южного Башкортостана, по границам которого прошли две железные дороги, облегчившие миграцию. С конца 1860-х гг. и вплоть до Первой мировой войны сюда прибывали партии переселенцев, скупавших у башкир землю. Здесь была наибольшая концентрация пришлого населения, в отдельных местностях уже составлявшего большинство жителей (чисто переселенческая Николаевская волость возле Стерлитамака и др.). Тут высокими темпами развивалось предпринимательское, фермерское хозяйство, в том числе среди издавна проживавших бывших государственных и помещичьих крестьян (русских, мордвы, чувашей).

После продажи части своих угодий у башкир оставалось много земли, но для полукочевого скотоводства, требовавшего больших просторов, её уже не хватало. Кочёвки начали сокращаться, башкиры летом выезжали на ближние участки, всё больше семей оставались в «зимних» деревнях, рядом с которыми распахивались поля. В Орском уезде башкиры, по свидетельству современника, «хотя и выходят на кочёвки, но дважды в течение лета возвращаются к своим зимовкам: для сенокоса и жатвы»[1].

Большую роль сыграло формирование регионального рынка, спрос на доходную пшеницу. Успешный опыт соседних фермеров-переселенцев также стимулировал землепашество, тем более, что у башкир имелось много высокоплодородных чернозёмов, наиболее пригодных для посевов яровой, как говорили «русской», пшеницы. Башкирское население Белебеевского и Стерлитамакского уездов, где было много залежных земель, выращивало «наиболее ценные хлеба, так как в продолжении целого ряда лет на залежах без особенного труда получаются более или менее хорошие урожаи»[2].

Переход южных башкир к землепашеству сопровождался значительными переменами внутри общинного социума. Современники неоднократно отмечали, что кочёвка выгодна прежде всего зажиточным, многоскотным башкирам. Выход на кочевье, замечал мировой посредник Уфимского уезда в 1865 г., возбуждается «богатыми фанатиками, которые, обладая достаточным скотоводством, имеют свои выгоды держать потом бедняков… во всегдашнем своём распоряжении»[3]. Ликвидация Башкирского войска привела к потере влияния кантонной верхушки. Рядовое население, нарождающиеся башкирские предприниматели переходили к самостоятельному земледельческому хозяйству на собственном наделе, что в немалой степени освобождало из под власти прежней элиты.

Смена хозяйственного уклада степных башкир Уфимской и Оренбургской губерний проходила очень тяжело и сопровождалась глубокими потрясениями в народной психологии. После перевода башкир в общегражданское состояние они должны были уплачивать налоги, возникла потребность в деньгах, которых всегда не хватало. Целая серия голодных лет и неурожаев привела к массовому падежу скота, как было в 1864, 1874–1875, 1889–1890 гг., сокращению башкирского животноводства. Орен-

---

[1] См.: *Усманов Х.Ф.* Указ. соч. С. 126–127.

[2] Хозяйственно-статистический обзор Уфимской губернии за 1904 год. Уфа, 1905. С. 6.

[3] См.: *Усманов Х.Ф.* Указ. соч. С. 107.

бургский губернатор отмечал в 1882 г., что скотоводство у башкир «с развитием земледелия и с уменьшением скота и после падежей, бывших в 1879 и 1880 годах, утрачивает … своё первостепенное значение»[1]. Оставшиеся без попечительства со стороны кантонной администрации, предоставленные самим себе, южные башкиры быстро теряли ещё вчера обильное поголовье. Нужда заставляла браться за соху, осваивать новый тип хозяйства. Земские статистики отмечали более низкие сборы зерна у башкир. Например, в урожайном 1904 г., в среднем по Уфимской губернии русские крестьяне собрали ржи на 16 пудов с десятины больше чем башкирские, овса – на 15, пшеницы – на 14, картошки – на 89 пудов[2]. Оренбургский губернатор в 1893 г. отмечал, что «отсутствие знания, усердия и более совершенных способов в обработке земли зависит от недостаточной к ней привязанности их и особенно нелюбви к земледелию»[3].

В результате к концу XIX в. на юге Уфимской губернии полукочевое скотоводство у башкир фактически полностью исчезло, как и во многих волостях Верхнеуральского, Челябинского, Троицкого и др. уездов Оренбургской губернии. Только на просторах горных степей Южного Урала башкирское кочевание сохранилось, в этих удалённых местах почти не селились переселенцы, здесь не было товарного, предпринимательского хозяйства[4].

Наличие башкирского вотчинного землевладения составляло главную особенность аграрного строя Южного Урала и оказывало непосредственное воздействие на все остальные группы населения. Обилие дешёвых башкирских земель позволяло крестьянам арендовать недостающие угодья, что создавало большие проблемы для **помещичьего хозяйства** после 1861 г. Бывшие крепостные отказывались работать на барина, и дворяне, опасаясь массового ухода крестьян на башкирские земли, были вынуждены соглашаться на невыгодные для себя условия освобождения. Уфимский губернатор С.П. Ушаков отмечал в 1873 г., что в помещичьих имениях «запашка, а равно скотоводство и прочие отрасли хозяйства, почти повсюду сокращены до крайних пределов, а местами вовсе уничтожены»[5].

Дворянство края во второй половине XIX в. оказалось в сложной ситуации. Вчерашние душевладельцы не сумели организовать рыночное хозяйство, значительную часть средств от выкупной операции благородное сословие тратило на поддержание высокого уровня жизни. Возникла острая нехватка рабочих рук, единственным спасением стал найм башкирской бедноты, но и ей требовалось платить за работу деньгами. «Помещики, – указывал современник, – у которых крестьяне ушли на выкуп, обрабатывают свои земли почти исключительно наймом, весьма редко – исполу [за половину урожая]… Нанимаются для обработки ими бывшие же [крепостные] крестьяне, что случается довольно редко и обходится дороже, а больше нанимаются башкиры, что обходится дешевле»[6].

---

[1] *Янгузин Рим.* Указ. соч. С. 111, 115.
[2] Хозяйственно-статистический обзор Уфимской губернии за 1904 год. С. 41.
[3] См.: *Янгузин Рим.* Указ. соч. С. 123.
[4] Там же. С. 112–114.
[5] См.: *Усманов Х.Ф.* Указ. соч. С. 192.
[6] Там же. С. 197.

Несмотря на поддержку со стороны государства (возможность покупать башкирские земли в 1870-е гг., наделение «запасными участками», предоставление кредитов под залог имений), помещичье хозяйство Башкортостана переживало эпоху упадка. Местные дворяне неоднократно обращались к правительству с предложениями об организации широкой крестьянской колонизации края, рассчитывая, что приток переселенцев создаст спрос на дворянскую землю, поднимет цены, увеличит предложение на рынке труда. В отличие от центральных губерний уфимские и оренбургские помещики вынуждены были активнее перестраивать свои имения на рыночных началах и к концу XIX в. начался постепенный подъём экономики помещичьего хозяйства. Массовое крестьянское переселение, проведение железных дорог, речной транспорт открыли возможности для сбыта и товарного производства зерна. Рентабельность торговли хлебом привлекла в сельское хозяйство купеческий и мещанский капитал, началось формирование крупного крестьянского хозяйства (переселенцев, немцев-колонистов, местных жителей), чисто сословное, привилегированное, дворянское землевладение становится частью крупного предпринимательства, складываются своеобразные агрофирмы.

Если в 1871 г. частновладельческие посевы в Уфимской губернии составляли около 38,5 тыс. дес., то в 1886 г. (без Стерлитамакского уезда) – примерно 58,8 тыс., а к 1897 г. – 103,8 тыс. дес. Но в общем сельскохозяйственном производстве доля помещиков оставалась очень небольшой. При этом, согласно обследованию 1895–1897 гг., лишь 1/3 пашни находилась в собственном севообороте, 1/3 сдавалась в аренду, остальное было под залежью и пр. Многие помещики предпочитали менее хлопотную аренду, эксплуатировали лесные угодья. Среди занимавшихся сельским хозяйством большинство владельцев использовали вольнонаёмный труд, помещичий рабочий скот и инвентарь. Так, в Бирском уезде в конце 1890-х гг. 80 % запашки в крупных имениях обрабатывались своими силами и лишь 20 % путём отработок, когда окрестные крестьяне исполняли работы за взятые хлеб, деньги или предоставленную землю. В Мензелинском уезде в крупных экономиях 85 % пашни обрабатывались владельческим инвентарём, а крестьянским – только 15 %. Сдавали угодья в аренду помещики Уфимской губернии в основном за денежную плату (66,5 % по крупным имениям), за отработки – 18,5 %, исполу (за половину собранного урожая) – 15 %[1].

В Башкирии существовали рентабельные, организованные по передовому слову агротехники поместья. Например, в имении дворянина А.М. Волконского (Казангуловская волость Белебеевского уезда, 2865 дес. земли) в 1895 г. был введён многопольный севооборот с техническими культурами (лён, подсолнечник, мак), часть полей удобрялась навозом, имелось большое поголовье скота, в том числе 3842 тонкорунные овцы. В хозяйстве закупили много инвентаря (молотилка, сеялки, сортировки, плуги и пр.). Из поместья Волконского продавались лён (в Либаву), подсолнечник, мак и просо (в Уфу), пшеница и рожь (в Давлеканово и Абдулино), на месте – шерсть и овчины. Чистый доход в 1895 г. составил 7147 руб.[2]

---

[1] *Усманов Х.Ф.* Указ. соч. С. 192, 203, 237–239.

[2] *Усманов Х.Ф.* Помещичье хозяйство Башкирии в пореформенный период (1861–1900 гг.) // Из истории феодализма и капитализма в Башкирии. Уфа, 1971. С. 150–151.

Во второй половине XIX в. в аграрном строе Башкортостана произошли глубокие перемены. Край превратился в один из крупных хлебопроизводящих регионов России, обладавший значительными излишками продовольствия. Валовые сборы зерна в Уфимской губернии увеличились за полвека в 2 раза, достигнув к 1899–1900 гг. общей величины с крестьянских и частновладельческих полей 80–81 млн пуд.[1] Хотя средняя урожайность оставалась низкой, в 1902 г. в Стерлитамакском уезде крестьяне собирали с десятины по 42,1 пуд. ржи, 22,4 пуд. овса и 32,7 пуд. пшеницы[2], огромные посевные площади обеспечивали в удачные годы очень высокие сборы. Лишь после неурожаев населению не хватало собственного хлеба.

Значительная часть зерна потреблялась в самой Башкирии городским и горнозаводским населением, жителями горно-лесных волостей, много хлеба расходовалось на винокурение (производство спирта). Тем не менее Уфимская губерния всегда поставляла продовольствие в центр страны и на экспорт: в 1860-е гг. среднегодовой вывоз хлеба составлял около 4,6 млн пуд., в 1870-е гг. – 8,2 млн, в 1880-е гг. – свыше 8 млн, в 1890-е гг. – 9,8 млн пуд.[3] Причём, скорее всего, это заниженные сведения, точная статистика имелась только по Самаро-Златоустовской железной дороге, информация об отгрузке хлеба по реке была часто отрывочной и неполной, а вывоз гужевым транспортом вообще не учитывался. Например, в 1899 г. со станций Самаро-Златоустовской железной дороги, находившихся в пределах Уфимской губернии, было отправлено 695 552 пуд. пшеницы и полбы, 914 191 пуд. ржи, 422 863 пуд. овса, 81 096 пуд. пшеничной муки, 287 161 пуд. ржаной муки, 20 302 пуд. пшена[4]. К началу навигации 1903 г. на пристанях губернии было заготовлено 17 394 591 пуд. различных хлебных грузов, в том числе 5 969 705 пуд. ржаной муки и 2 821 355 пуд. зерновой ржи[5]. Уфимский хлеб поставлялся в самые различные регионы России. В 1894 г. по воде в Санкт-Петербург прибыло из Николо-Берёзовки 193 тыс. пуд. различных хлебных грузов, 25 тыс. пуд. из Табынска, 922 тыс. из Уфы, 838 тыс. из Топорнино, 107 тыс. с Ямской пристани на Белой, 160 тыс. пуд. из Бирска и т. д.[6] С железнодорожной станции Давлеканово в 1894 г. было отправлено 65 270 пуд. хлеба в Санкт-Петербург, 18 910 пуд. хлеба в Ригу, 10 980 пуд. ржи в Ревель. Грузы направлялись также в Юрьев, Новгород, Старую Руссу, Псков, Калугу, Сызрань и другие города[7].

---

[1] Обзор Уфимской губернии в сельско-хозяйственном отношении за 1898–99 год. Уфа, 1900. Вып. II. С. 33; Там же за 1899–1900 год. Уфа, 1901. Вып. II. Приложения. С. 74; *Усманов Х.Ф.* Развитие капитализма в сельском хозяйстве Башкирии в пореформенный период. С. 331.

[2] Хозяйственно-статистический обзор Уфимской губернии за 1902 год. Уфа, 1903. С. 49, 52, 54.

[3] *Усманов Х.Ф.* Развитие капитализма в сельском хозяйстве Башкирии в пореформенный период. С. 340.

[4] Обзор Уфимской губернии за 1899 год. С. 40.

[5] Хозяйственно-статистический обзор Уфимской губернии за 1902 год. Приложения. С. 665.

[6] Перевозка товаров (отправление, прибытие и пробег) по внутренним водным путям в главнейшие пункты прибытия в 1894 году. СПб., 1895. С. 4–7.

[7] Статистика перевозок хлебных грузов, отправленных станциями Самаро-Златоустовской железной дороги в 1894 году. Самара, 1895. Без. паг.

§ 3. Индустриальное развитие Башкортостана

В середине XIX в. Оренбургская губерния относилась к числу наиболее промышленно развитых регионов империи, являясь составной частью Уральского горнозаводского района, индустриального центра России XVIII–XIX вв. Кроме этого, промышленным производством, благодаря эксплуатации дарового труда крепостных, достаточно активно занимались отдельные помещики, в крае действовали 23 винокуренных завода, суконные фабрики Дурасова и Бенардаки в Белебеевском уезде, кожевенные, поташные, писчебумажные и др. заведения[1], существовало много конных заводов.

Особенностью уральской промышленности являлась окружная система. Каждый завод представлял самостоятельную хозяйственную единицу, включавшую территорию с лесами и, часто, рудными месторождениями. Протекавшие реки использовались как источник гидроэнергии и для вывоза готовой продукции. Рабочие из заводских земель обеспечивались пахотными и сенокосными угодьями, усадьбами и огородами. После закрытия предприятия населению предоставлялась земля в полную собственность[2], и оно в основном переходило к занятию сельским хозяйством или кустарными промыслами, работало на лесоразработках. Горнозаводские округа на Южном Урале в основном находились в частной собственности, единственный казённый Златоустовский округ к 1903 г. включал земли при заводах в Златоусте – 262 504 дес., Сатке – 156 839 дес. и Кусе – 94 992 дес.[3]

Всё изменилось в 1861 г. Основанная на нерыночных принципах организации производства крепостная промышленность оказалась в тяжелейшем положении. Получившие свободу крестьяне требовали теперь справедливой заработной платы, что привело к резкому удорожанию продукции, а свободных капиталов у хозяев не было. Большинство вчерашних дворян-помещиков не умели вести дело, началось массовое разорение плохо организованных, не приспособленных к жёсткой конкуренции, часто отсталых в техническом отношении (дармовой труд не стимулировал инновации) производств. Исчезают различные мелкие заведения, терпит крах одна из ведущих отраслей экономики края – цветная металлургия.

Крах медеплавильной промышленности. К началу 1860-х гг. в пределах Башкортостана действовало 11 медеплавильных заводов. В Мензелинском уезде работал небольшой Шильвинский завод купца Н.Н. Подъячева. В Оренбургской губернии на р. Зилаир находился крупный Преображенский завод генерал-лейтенанта М.В. Пашкова (до 1867 г.), на притоке Белой речке Кана существовал Кананикольский завод А.П. Загряжского, но основные предприятия располагались в центральной части Башкирии. Управляющему Департаментом внешней торговли М.В. Пашкову также принадлежал Воскресенский завод, его братьям Александру Васильевичу – Богояв-

---

[1] *Мударисов Р.З.* Промышленность Южного Урала в первой половине XIX в. (1801–1861). Уфа, 2003. С. 330, 347, 359, 363, 372.

[2] См.: *Алеврас Н.Н.* Аграрная политика правительства на горнозаводском Урале в начале XX в. Челябинск, 1996.

[3] Сборник статистических сведений о горнозаводской промышленности России в 1903 году. СПб., 1906. С. 240.

ленский, Ивану Васильевичу – Верхоторский заводы. Архангельский завод унаследовала графиня А.И. Коссаковская (все Стерлитамакский уезд). В Белебеевском уезде действовал единый комплекс из трёх медеплавильных предприятий, принадлежавших крупному предпринимателю Д.Е. Бенардаки (Верхне и Нижне-Троицкий, Усень-Ивановский заводы) и последний, Благовещенский, завод был в собственности Е.В. Дашковой с сыновьями[1].

Частные горнозаводские округа Уфимской и Оренбургской губернии в 1871 г.

Медеплавильные		Железоделательные	
Округ	Земля (дес.)	Округ	Земля (дес.)
Воскресенский	59 929	Юрюзань-Ивановский	166 699
Верхоторский	51 163	Катав-Ивановский	200 512
Богоявленский	60 389	Симский	253 395
Благовещенский	20 119	Белорецкий	220 250
Троицкий	73 932	Кагинский	22 546
Архангельский	57 843	Авзяно-Петровский	30 239
Преображенский	106 515		
Кананикольский	113 300		

Источник: Буранов Ю.А. Акционирование горнозаводской промышленности Урала (1861–1917). М., 1982. С. 34.

За исключением Шильвинского и Троицких заводов, большинство являлось достаточно мощными предприятиями со значительным числом рабочих. Из всех предприятий Урала, по общей выплавке меди за 1850-е гг., Богоявленский, Верхоторский, Воскресенский, Преображенский заводы занимали места с третьего по шестое[2], на них был достигнут высокий уровень производства, внедрялось новое оборудование, совершенствовалась технология. На Богоявленском заводе дважды проводилась реконструкция, почти все корпуса были выстроены из камня, установлена паровая машина в 40 л. с.[3] Медь с южноуральских заводов отличалась чистотой и высоким качеством, ценилась на внутреннем рынке и за границей.

Отмена крепостного права нанесла сокрушительный дар по отрасли. Началось неуклонное падение выплавки меди. Уже в 1861–1862 гг. производство продукции на Архангельском заводе сократилось с 10 540 до 5548 пуд., на Богоявленском с 15 до 11 тыс. пуд., Кананикольском – с 5634 до 991 пуда. Исчезает маломощный Шильвин-

[1] См.: *Гудков Г.Ф., Гудкова З.И.* Из истории южноуральских горных заводов XVIII–XIX веков. Историко-краеведческие очерки. Уфа, 1985. Ч. I. С. 114, 241, 257, 290–294, 358, 373–374; Уфа, 1993. Ч. II. С. 410–415.

[2] См.: *Черноухов А.В.* История медеплавильной промышленности России XVII–XIX вв. Свердловск, 1988. С. 179.

[3] *Курмаев В.Н.* Очерки истории Табынского края (с древнейших времён до начала XX в.). Уфа, 1994. С. 113.

ский завод, к 1866 г. Д.Е. Бенардаки закрывает медеплавильное дело на всех своих предприятиях, за долги передаётся в опеку Кананикольский завод и к 1871 г. плавка здесь также прекращается. На рубеже 1860–1870-х гг. временно не работали Верхоторский и Преображенский заводы, в 1871–1878 гг. был остановлен выпуск меди в Благовещенске[1].

Среднегодовая выплавка меди на заводах Южного Урала во второй половине XIX в. (в пуд.)

Завод	1856–1860	1861–1865	1866–1870	1871–1875	1876–1880	1881–1885	1886–1890
Архангельский	14 793	6700,6	3906,4	5424,2	5068	4923,6	2679,2
Благовещенский	12 097,4	6695,2	2426,6	–	3745,5	3790,6	1906,6
Богоявленский	18 600	11 591	6117,8	5912,8	8622,2	6014,4	2494,5
Верхоторский	14 767,8	5065,8	476,5	6469,6	9170	6591,8	13 034,8
Воскресенский	16 123	6700,6	4699,8	11 235,8	15 211,4	14 084,6	4230
Кананикольский	4866,4	2525,4	1045,7	–	–	–	–
Преображенский	13 946,8	6260	745,5	1529	2082,4	–	–
Троицкие*	8420,6	6868,4	–	–	–	–	–
Шильвинский	1116	819,6	335,3	–	–	–	–

Источник: Черноухов А.В. История медеплавильной промышленности России XVII–XIX вв. Свердловск, 1988. С. 178–183; * – Верхне-Троицкий, Нижне-Троицкий, Усень-Ивановский заводы. Средние данные только за годы работы предприятия, например, по Шильвинскому заводу в третьем пятилетии лишь за 1866–1868 гг.

Существовавшая более полутора столетий медеплавильная промышленность Южного Урала отчаянно пытается приспособиться к новым условиям. Некоторый подъём в отрасли происходит в 1870-е – начале 1880-х гг. В 1870–1871 гг. Воскресенский и Преображенский заводы переходят к английскому капиталу, с 1873 г. к Компании российской меди. Новые владельцы энергично взялись за дело, резко увеличив производство на Воскресенском и вновь пустив в строй Преображенский завод. В 1872 г. Богоявленский завод унаследовал В.А. Пашков, также предпринявший попытку вернуть славу южноуральской цветной металлургии. Он добивается подъёма производства, приобретает сначала Верхоторский, а в 1890–1891 гг. выкупает у иностранных инвесторов, не выдержавших условий российского бизнеса, Воскресенский и Преображенский заводы[2]. Известные земские деятели братья А.Д. и Д.Д. Дашковы возобновляют в 1879 г. работу Благовещенского завода.

---

[1] *Черноухов А.В.* Указ. соч. С. 134, 138, 180–183. По инструкции 1862 г. заводчики могли в любое время закрыть предприятие, требовалось лишь за год уведомить об этом рабочих и обеспечить их годовым запасом хлеба (Там же. С. 88).

[2] Там же. С. 91; *Курмаев В.Н.* Указ. соч. С. 140–141.

Однако усилия новых, более предприимчивых владельцев возродить старинное производство кончаются провалом. В 1880 г. были выплавлены последние 369 пуд. меди на Преображенском заводе. В 1887 г., выпустив 700 пуд. металла, остановились печи Богоявленского завода[1]. Медленно умиравший Архангельский медеплавильный завод графа С.С. Коссаковского был закрыт в 1891–1892 гг.[2], а землю за 300 тыс. руб. в 1893 г. продали Удельному ведомству[3]. На самом северном, удалённом от рудников, Благовещенском заводе плавка меди неуклонно падала, к концу 1880-х гг. в шесть раз сократившись по сравнению с крепостнической эпохой. Все усилия либеральных владельцев оказывались тщетными. На вопрос писателя С.Я. Елпатьевского – «почему он не закроет завод, дающий убыток» – Д.Д. Дашков ответил: «А что будут делать рабочие, особенно старики, отвыкшие от крестьянского труда?»[4]

К гибели медеплавильной промышленности Южного Урала привели два комплекса причин: технологическая отсталость и конкуренция импорта. Во-первых, производство держалось на эксплуатации бедных, истощённых месторождений, расположенных в Оренбургском уезде за 120–340 вёрст от заводов. Стоимость транспортировки гужевым транспортом (а перевозилось 90 % пустой породы, обогащать на месте руду было невозможно) обходилась от 1,6 до 6 руб. за пуд. На примитивной добыче и провозе сырья трудились тысячи рабочих, которым до 1861 г. владельцы сами устанавливали величину оплаты труда. Заводы в основном действовали на использовании энергии воды, применялось древесное топливо, требовавшее также массы людей для заготовки и транспортировки, отсутствовал кредит, не хватало специалистов, проблемы были с вывозом готовой продукции (большинство заводов находились на несудоходных маленьких речках).

Во-вторых, в Россию начался массовый ввоз меди из-за рубежа, уже в 1867 г. превысивший экспорт. Либеральное правительство Александра II установило таможенный тариф, который был меньше обязательной денежной подати с местных производителей (25–50 коп. с пуда выплавленной меди). Издержки иностранцев были вдвое ниже, чем у русских промышленников: 76 и 185 коп.[5] К середине 1890-х гг. Россия далеко отстала от ведущих производителей меди на мировом рынке. Если США поставляли 10,7 млн пуд., Испания и Португалия – 3,4 млн, Чили – 1,4, Япония – 1,1, Германия – 0,9, Австралия – 0,6 млн пуд., то Россия всего лишь около 360 тыс. пуд.[6] Лишь в 1886 г. пошлина на ввозимую медь была поднята с 7 до 34 % её стоимости[7], но было поздно.

---

[1] *Черноухов А.В.* Указ. соч. С. 183.

[2] *Гудков Г.Ф., Гудкова З.И.* Указ. соч. Ч. I. С. 246.

[3] ЦГИА РБ. Ф. И-132. Оп. 1. Д. 1249.

[4] *Елпатьевский С.Я.* Воспоминания за пятьдесят лет. Уфа, 1984. С. 108.

[5] *Черноухов А.В.* Указ. соч. С. 94–97.

[6] Сборник статистических сведений о горнозаводской промышленности России в 1895 заводском году. СПб., 1897. С. X–XI.

[7] *Буранов Ю.А.* Акционирование горнозаводской промышленности Урала (1861–1917). М., 1982. С. 53.

Дашковы, владельцы Благовещенского завода, в 1888 г. вообще прекратили ввоз сырья из Оренбуржья, открыв собственный рудник у д. Сараево в Белебеевском уезде. В 1890 г. там было извлечено 72 тыс. пуд. руды, которая перевозилась по железной дороге от Шафраново до Уфы. В 1891 г. на трёх шахтах Сараевского рудника трудилось 77 рабочих, добывших 132 тыс. пуд. медистого песчаника. Затем сырьё получали в том же уезде на Сынинском руднике, с которого поступило в 1893 г. – 28 тыс. пуд. и в 1894 г. – 9200 пуд.; заводовладельцы пытались освоить галечную медную руду на Ключёвском руднике (1688 пуд. в 1893 г.). Но эти бедные месторождения не могли обеспечить работу завода и выплавка меди неуклонно падала. Если в начале 1890-х гг. на Благовещенском заводе получали до 2 тыс. пуд. штыковой меди, то в 1893–1895 гг. лишь 538, 831 и 275 пудов. В 1895 г. на предприятии трудилось всего 23 рабочих, ещё 6 человек были заняты на вспомогательных производствах, сырьё уже вообще не добывалось, хотя владельцы установили на заводе маленькую паровую машину[1]. Пытаясь сохранить производство, Дашковы на рубеже 1880–1890-х гг. помимо меди наладили отливку чугунных изделий (6103 пуда в 1889 г., 4401 пуд в 1891 г.)[2]. В начале XX в. А.Д. Дашков попытался полностью перепрофилировать производство (завод находился в ведении Министерства финансов), в 1903 г. выпустили 3088 пуд. чугунных отливок, изготовили 1923 пуд. стальных и железных изделий. Помимо древесного использовался каменный уголь[3], но всё было бесполезно. Благовещенский медеплавильный завод прекратил существование.

Два последних медеплавильных завода (Верхоторский и Воскресенский) попрежнему базировались на старинном Каргалинском месторождении в Оренбургском уезде, где в 1891 г. им принадлежало 15 рудников (32 шахты), стояла паровая машина в 7 сил, 207 чел. трудились на добыче, 117 работали на поверхности. В 1893–1895 гг. с Каргалинских рудников получали по 700–800 тыс. пуд. сырья, из которого выплавили штыковой меди на Верхоторском заводе – 14 503, 12 459, 18 928 пуд., на Воскресенском – 12 407, 12 590, 13 728 пуд. Кроме того, на последнем предприятии осуществляли прокатку и вытяжку меди (3761, 3555, 1370 пуд.). Хотя пашковские заводы были лучше оснащены технически, кроме водяных колёс и турбин на обоих действовали паровые машины в 40 и 60 сил, сама организация оставалась прежней. В 1893 г. Воскресенский и Верхоторский заводы обслуживали 3700 возчиков руды, 652 дроворуба, 1600 чел. было занято на выжиге и перевозке древесного угля и ещё 311 рабочих находились на Каргалинских рудниках[4].

---

[1] Обзор Уфимской губернии за 1890 год. Уфа, 1891. С. 29–31; Сборник статистических сведений о горнозаводской промышленности России в 1891 заводском году. СПб., 1893. С. 150, 152–153; Там же в 1893 заводском году. СПб., 1896. С. 174, 176–177; Там же в 1894 заводском году. СПб., 1896. С. 198, 200–201; Там же в 1895 заводском году. С. 192–193.

[2] Памятная книжка Уфимской губернии 1889 года. Уфа, 1889. Отдел II. С. 47; Там же на 1891 год. Уфа, 1891. Отдел II. С. 13.

[3] Сборник статистических сведений о горнозаводской промышленности России в 1903 году. СПб., 1906. С. 256–257, 408–409.

[4] Сборник статистических сведений о горнозаводской промышленности России в 1891 заводском году. С. 150; Там же в 1893 заводском году. С. 174, 176–177; Там же в 1894 заводском году. С. 198, 200–201; Там же в 1895 заводском году. С. 190, 192–193.

Видимо, отход владельца – В.А. Пашкова (умер в 1902 г.)[1] – от дел привело к закрытию в середине 1890-х гг. вчера ещё высокопроизводительного Воскресенского завода и к началу XX в. от целой отрасли остался единственный действующий Верхоторский завод, где в 1903 г. выплавили 27 492 пуд. меди, трудилось 103 чел. на основных производствах, 2180 на вспомогательных работах и 311 чел. на Каргалинских рудниках[2]. Продукцию сплавляли по Белой на баржах, везли гужом в Уфу и Оренбург, откуда пароходами и железной дорогой отправляли в Нижний Новгород и Москву[3].

Предприятия **чёрной металлургии** также оказались в сложной ситуации после отмены крепостного права. Но спрос на чугун, сталь, металлические изделия быстро растущей российской экономики оставался очень высоким и производство в целом являлось рентабельным, активно внедрялась новая техника. В особенно благоприятном положении оказались заводы Уфимской губернии после проведения в 1888–1890 гг. железной дороги от Уфы до Златоуста, по которой вывозилась готовая продукция, поступали сырьё, машины, продовольствие для рабочих. Наиболее стабильная обстановка была в казённом Златоустовском округе, включавшем заводы в Златоусте, Сатке и Кусе (а также Артинский в Пермской губернии), специализировавшихся на поставках военному ведомству. Государство уделяло большое внимание техническому переоснащению, обеспечивало заказами на сортовое, листовое, котельное, броневое железо, артиллерийские снаряды и холодное оружие. Так, в 1882 г. на Златоустовском заводе с Князе-Михайловской сталелитейной фабрикой было произведено 413 891 пуд. металлов и изделий и 111 037 штук «белого оружия», на Кусинском заводе – 258 611 пуд. металла и 6616 пуд. артиллерийских снарядов, в Сатке – 533 265 пуд. металла и 9005 пуд. снарядов[4].

Симский округ Н.П. и И.П. Балашовых, включавший Симский и Миньярский заводы, был достаточно преуспевавшим хозяйством. С конца 1860-х гг. начал работу новый чугуноплавильный Николаевский завод при с. Илек (действовал до 1901 г.), а в 1899 г. был заложен доменный Аша-Балашовский завод. Предприятия Симского округа находились непосредственно на Самаро-Златоустовской железной дороге, имели великолепную рудную базу – знаменитое Бакальское месторождение бурого железняка, одно из крупнейших в России, оборудовались передовой техникой[5]. В 1903 г. все три балашовских завода были снабжены паровыми машинами (использовались и водяные), предприятия работали на дровах и древесном угле, на Миньярском заводе применялось нефтяное топливо. На Симском заводе было занято 463 рабочих и ещё 645 чел. трудились на вспомогательных службах, на Миньярском – 931 и 526 чел., Аша-Балашовском – 97 и 600 чел. На семи рудниках, где использовались 247 рабочих и ещё 47 чел. трудились на поверхности, было добыто 2,5 млн пуд. ру-

---

[1] См.: *Курмаев В.Н.* Указ. соч. С.145.

[2] Сборник статистических сведений о горнозаводской промышленности России в 1903 году. С. 221, 226.

[3] Сборник статистических сведений по Уфимской губернии. Уфа, 1911. Т. 10, ч. 2. С. 290.

[4] *Гурвич Н.А.* Справочная книжка Уфимской губернии. Отдел II. С. 73.

[5] См.: *Гудков Г.Ф., Гудкова З.И.* Указ. соч. Ч. I. С. 164–172; История Урала в период капитализма. М., 1990. С. 478.

ды. В двух домнах Симского завода выплавлено 858 609 пуд. чугуна, в Аша-Балашовском (одна домна) – 782 799 пуд. Симский завод выпустил в 1903 г. 902 200 пуд. железных и 17 912 пуд. чугунных отливок, Миньярский производил 141 601 пуд. готового железа, 793 335 пуд. литого металла, изготавливались в Миньяре и Аше разные промышленные изделия[1].

Хуже обстояли дела на заводах Юрюзанского округа А.И. Сухозанета. Юрюзанский чугуноплавильный завод временно останавливался в 1860-х гг., а второй, Минский (с. Минка), железоделательный завод вообще закрылся в 1873 г. Округ сначала арендовал, а в 1891 г. купил владелец соседнего Катавского имения князь К.Э. Белосельский-Белозёрский, создавший крупнейшее землевладение на Южном Урале (Катав-Ивановский, Усть-Катавский, Юрюзанский металлургические заводы).

Представитель высшей российской аристократии (ему принадлежала часть Крестовского острова в Санкт-Петербурге), пользуясь близостью к императорскому двору, активно получал кредиты от казны (только в 1880 г. – 2,5 млн руб.). За счёт государственного финансирования проводилось обновление оборудования. Катав-Ивановский завод являлся одним из двух уральских предприятий, выпускавших стальные рельсы, здесь было введено бессемеровское и мартеновское производство. В 1890-е гг. К.Э. Белосельский-Белозёрский переключился на частные ссуды: Катав-Ивановский округ заложили в Нижегородско-Самарском банке за 2,8 млн руб., а затем совместно с бельгийским капиталом было основано Южно-Уральское анонимное металлургическое общество, к которому в 1898 г. перешёл Юрюзань-Ивановский завод, а в 1900 г. Катав-Ивановский округ. Контрольный пакет акций оставался у князя. В условиях начавшегося экономического кризиса в 1900 г. он сумел получить в Государственном банке неуставную ссуду в 1 млн руб. Кроме бельгийцев в деле состоял Петербургский учётный и ссудный банк.

Но, несмотря на выгодное транспортное положение, мощную производственную и рудную базу, наступил полный финансовый крах округа. В 1903 г. К.Э. Белосельский-Белозёрский лично добился у царя назначения над заводами «особого, вне общего порядка, опекунского управления» и разорвал арендный договор с бельгийцами. В распоряжении Южно-Уральского общества остался Усть-Катавский вагоностроительный завод с 40 тыс. дес. земли. Другие предприятия и земли опекуны, «опираясь на прямую помощь Николая II», сохранили за князем[2].

Даже в разгар экономического кризиса катавские заводы оставались крупнейшим центром металлургии. В 1903 г. на Катав-Ивановском заводе трудилось 1983 чел., ещё 2922 чел. было занято на вспомогательных производствах, на Юрюзань-Ивановском – 1296 и 2300, Усть-Катавском – 852 и 63 чел. Помимо дров и древесного угля использовались каменный уголь, антрацит, кокс, нефть, торф. На трёх рудниках добывалось 2,3 млн пуд. руды (работало 211 чел.), в трёх домнах Катав-

---

[1] Сборник статистических сведений о горнозаводской промышленности России в 1903 году. С. 252–253, 298, 320–321, 352–353, 378–379, 406–407.

[2] *Буранов Ю.А.* Указ. соч. С. 96–99, 166–167; *Гудков Г.Ф., Гудкова З.И.* Указ. соч. Ч. I. С. 214–216. Подробнее см.: *Гиндин И.Ф.* Правительственная поддержка уральских магнатов во второй половине XIX – начале XX в. // Исторические записки. 1968. Т. 68.

Ивановского завода выплавлялось 903 533 пуд. чугуна, на Юрюзанском (2 домны) – 736 740 пуд. В Катав-Ивановске в 1903 г. производилось 994 553 пуд. литого металла, в том числе 774 553 пуд. рельс, 26 200 пуд. чугунных отливок, в Юрюзани – 295 926 пуд. готового железа, 260 578 пуд. литого металла, 40 729 пуд. разнообразных изделий, в Усть-Катаве – 160 741 пуд готового железа, 8594 цементной стали, 34 800 чугунных отливок[1].

Вторая половина XIX в. была трудным периодом для металлургических заводов юго-восточного Башкортостана. Обилие земель и лесов, богатые месторождения не могли полностью компенсировать слабость транспортных коммуникаций, изолированность предприятий, находившихся в труднодоступных горных районах верхней Белой. Отправка продукции была возможна только в кратчайшие сроки весеннего паводка, а оборудование, продовольствие и другие грузы ввозились по плохим гужевым трактам. Прекращение бесплатного труда крепостных (посессионных) рабочих сразу привело к убыточности производства.

Владельцы Кагинского округа (Кагинский и Узянский заводы) петербургские купцы Ф.П. Никифоров и Татаринов в самый критический период начала 1860-х гг. просто бросили предприятия, перешедшие затем в Сохранную казну. Авзяно-Петровские (Верхний и Нижний) заводы наследников Д.Е. Бенардаки в 1870 г. также отошли в казённую опеку из-за несостоятельности владельцев. Современник позднее свидетельствовал, что Авзяно-Петровский «завод производит впечатление воскрешающих развалин»[2].

Огромные долги заводов Белорецкого округа Пашковых (Белорецкий и Тирлянский) привели к установлению в 1866 г. над ними конкурсного управления. В 1874 г. богатейшее имение (здесь находилась знаменитая гора Магнитная, из-за которой шёл спор с Оренбургским казачьим войском) было продано торговому дому московских немцев «Вогау и К°», создавших Акционерное общество чугуноплавильных и железоделательных заводов Пашковых. Новые владельцы под старой маркой, хорошо известной на рынке, развернули бурную деятельность по модернизации производства. В 1882 г. они купили Кагинский округ, в 1884 г. был вновь пущен Кагинский завод, где были построены новая домна и гвоздарно-волочильная фабрика, а в 1896 г. заработал Узянский завод. На Белорецком заводе перестроили две старых доменных печи и возвели третью, в 1894 г. там вошли в строй две мартеновские печи. Реконструирован был и Тирлянский завод. К 1900 г. Белорецкий округ (с присоединённым Кагинским) являлся одним из крупнейших на Урале. На четырёх заводах выплавлялось свыше 2 млн пуд. чугуна, производилось 1,4 млн пуд. железа и стали, выпускалась продукция, пользовавшаяся особым спросом на рынке – кровельное железо, проволока, сталь[3].

После отмены крепостного права в горно-металлургическое производство устремляется частный капитал и в условиях экономического подъёма конца XIX в.

---

[1] Сборник статистических сведений о горнозаводской промышленности России в 1903 году. С. 252–253, 256–257, 298, 320–321, 352–355, 378–381, 406–407.

[2] *Буранов Ю.А.* Указ. соч. С. 72, 85; *Гудков Г.Ф.*, *Гудкова З.И.* Указ. соч. Ч. I. С. 334.

[3] *Буранов Ю.А.* Указ. соч. С. 71–73.

в крае появляется ряд новых небольших предприятий. В 1875 г. во 2-й Айлинской волости Златоустовского уезда купец И.П. Беляков основал Ивано-Павловский завод с рудником около д. Арасланово (земля арендовалась у башкир). На рубеже 1870–1880-х гг. здесь выплавлялось свыше 70 тыс. пуд. чугуна, затем производство упало до 7–10 тыс. пуд. и, после кратковременного возобновления работы в 1885–1887 гг., завод И.И. Белякова (в 1887 г. 16 рабочих, выплавлено 7053 пуд. чугуна) окончательно закрылся[1].

В 1897 г. на р. Ай житель Кусинского завода М.Л. Архипов основал Никольский чугуноплавильный завод, земля под который на 13 лет арендовалась у башкир 2-й Айлинской волости. В 1899 г. из добытых с Артинского рудника 35,6 тыс. пуд. руды выплавили 1146 пуд. чугуна. В 1900–1902 гг. выплавка составляла 22 180, 17 504, 20 747 пуд. В начале 1902 г. завод был остановлен, а затем приобретён торговым домом братьев Злоказовых, которым по соседству принадлежали Петропавловский винокуренный и Азямский лесопильный заводы. В ноябре 1905 г. единственная домна была вновь пущена, из руды Араслановского рудника выплавили 52 143,57 пуд. чугуна. В июле 1906 г. завод опять временно остановился в связи с переходом на сырьё Кусинской казённой дачи[2].

В 1898 г. группа московских предпринимателей образовала Уфимское горнопромышленное общество. Она приобрела рядом с закрывшимся Архангельским медеплавильным заводом (Стерлитамакский уезд) участок в 1257 дес., арендовала у Удельного ведомства и башкир свыше 90 тыс. дес. и основала новый Архангельский чугуноплавильный завод на имевшихся в уезде рудных месторождениях. Предприятие было хорошо оборудовано, имелись две доменные печи. В 1900–1901 гг. выплавка чугуна достигала 500–900 тыс. пуд., но грянувший экономический кризис 1900–1903 гг. и высокая себестоимость продукции привели к прекращению убыточного производства после 1903 г.[3]

В 1896 г. французские финансисты учреждают Урало-Волжское металлургическое общество с основным капиталом в 18 млн франков, строившее широкомасштабные планы по созданию сети предприятий на угле и нефти Донбасса и Баку, железных рудах Урала. К участию в проекте были привлечены русские предприниматели и петербургские банки (1/3 акций). Компания в 1896–1898 гг. скупила несколько крупных участков площадью около 100 тыс. дес. земли, в том числе Верхний Авзяно-Петровский завод (Нижний после пожара 1897 г. работу не возобновил) и небольшой новый Лемезинский чугуноплавильный завод купца А.С. Софронова, построенный в 1890 г. Из-за экономического кризиса и разногласий между банками в 1900 г. французские финансисты образовали Общество Комаровских железорудных месторожде-

[1] История Урала в период капитализма. С. 479; *Гудков Г.Ф., Гудкова З.И.* Указ. соч. Ч. II. С. 456–458; Памятная книжка Уфимской губернии 1889 года. Отдел II. С. 48.

[2] Сборник статистических сведений по Уфимской губернии. Т. 10, ч. 2. С. 213, 215–216. На 1902 г. владельцами также называются Михайлов и Архипов (см.: *Рагозин Е.К.* Железо и уголь на Урале. СПб., 1902. С. 111; Обзор Уфимской губернии за 1899 год. С. 36).

[3] *Буранов Ю.А.* Указ. соч. С. 100; *Гудков Г.Ф., Гудкова З.И.* Указ. соч. Ч. I. С. 247–249; Сборник статистических сведений о горнозаводской промышленности России в 1903 году. С. 252–253.

ний и Южно-Уральских заводов, которому Урало-Волжское общество передало в обмен на акции оба предприятия (Авзяно-Петровский и Лемезинский). Компания с трудом налаживает производство, но в 1903 г. убыточный Лемезинский завод прекращает работу.

В 1888 г. лесопромышленник Н.Д. Шамов с купцами Н.С. Кальсиным и М.А. Сазоновым (до 1900 г.) основали компанию для разработки богатых залежей железной руды. В 1890 г. на речке Зигаза, притоке Зилима, начинает работу небольшой, но технически хорошо оснащённый Зигазинский чугуноплавильный завод, производивший до 500–700 тыс. пуд. металла. Продукция вывозилась гужом к Табынской пристани на Белой, а также сплавлялась по Зилиму.

Инзерская заводская дача, принадлежавшая ранее Пашковым и богатая рудными месторождениями, не эксплуатировалась и в конце XIX в. была приобретена частями Н.Д. Шамовым (15 тыс. дес. под Зигазинский завод), Н.Д. Селезнёвым (52 тыс. дес., продал французскому Урало-Волжскому обществу в 1896 г.) и С.П. фон Дервизом (58 279 дес.). Последний в 1890–1895 гг. возводит Инзерский, а в 1897 г. Лапыштинский чугуноплавильные заводы. В 1898 г. учреждается Инзерское горнозаводское общество с основным капиталом в 2,4 млн руб. При заводах в аренде у башкир находилось 80 тыс. дес. Несмотря на непростое финансовое положение, имение было заложено в Нижегородско-Самарском банке, компания в целом благополучно перенесла экономический спад[1].

К началу XX в. на юго-востоке Башкортостана действовал достаточно мощный производственный комплекс из 10 металлургических заводов, на которых были заняты тысячи рабочих, выпускалось в 1903 г. 3 839 499 пуд. чугуна, много иной продукции. Хотя ряд предприятий не выдержал конкуренции и разорился, местная промышленность опиралась на прочную рудную базу. На знаменитом месторождении горы Магнитной (3 рудника Белорецких заводов) в 1895 г. трудилось 1375 рабочих, добывших 2 825 925 пуд. магнитного железняка, на прочих 4 рудниках этого акционерного общества – 825 тыс. пуд. бурого железняка (было занято 545 чел., ещё 72 чел. работали на поверхности). На Кагинский и Узянский заводы сырьё поставлялось из Бельского и других рудников (всего пять) – 2 431 605 пуд. (911 рабочих); на Авзяно-Петровские заводы с Комаровского и Нугушевского рудников доставлено 832 тыс. пуд. (подрядились артельно 132 семьи), с трёх рудников Зигазинского завода в 1895 г. привезли 1185 тыс. пуд. (трудилось от 100 до 600 чел.), а на Куть-Елгинском, Спорном и Митеринском рудниках С.П. фон Дервиза добывалось всего 1,7 млн пуд. бурого железняка (занято 305 чел.)[2]. Все предприятия использовали древесный уголь, на котором получался металл высокого качества. На всех заводах стояли паровые двигатели.

---

[1] *Буранов Ю.А.* Указ. соч. С. 82–86, 104–106, 114, 166; *Гудков Г.Ф., Гудкова З.И.* Указ. соч. Ч. I. С. 338–342, 406–409, 411–417.

[2] Сборник статистических сведений о горнозаводской промышленности России в 1895 заводском году. С. 236.

Металлургические заводы юго-восточного Башкортостана в 1903 г.

Завод	Число рабочих (основных + вспомогательных)	Выплавка чугуна (пуд.)	Производство другой продукции (пуд.)
Архангельский	125 + 263	285 890	–
Лемезинский	60 + 150	205 152	–
Белорецкий	1580 + 2000	703 490	77 203 кричного и 39 072 пудлингового сортового и полосового железа, 3 004 440 отливок мартеновского металла, 480 167 полосового и сортового металла, 5408 чугунных изделий, 5995 стальных изделий, 272 медных и др. металлов изделий и т. д.
Тирлянский	1065 + 2012	289 704	27 762 цементной стали, 286 137 мартеновского металла, 323 полосового и сортового металла, 852 473 листового металла, 31 762 чугунных изделий, 15 451 стальных и железных изделий, 1870 медных и иных металлов
Узянский	87 + 240	473 979	242 стальных и железных изделий, 3 медных
Кагинский	190 + 1237	–	52 310 железной проволоки тянутой, 351 681 стальных и железных изделий, 1 медных и пр.
Авзяно-Петровский	101 + 77	629 799	1503 стальных и железных изделий
Зигазинский	100 + 400	584 347	–
Инзерский	55 + 95	546 889	329 стальных и железных изделий
Лапыштинский	45 + 145	120 249	153 то же

Источник: Сборник статистических сведений о горнозаводской промышленности России в 1903 году. СПб., 1906. С. 252–255, 320–323, 352–353, 378–379, 406–407.

Зауральская Башкирия издавна была одним из центров **добычи золота**. К концу XIX в. Оренбургская губерния занимала пятое место в стране по рассыпному и первое по добыче жильного золота[1]. Если вслед за кратковременным спадом после отмены крепостного права, в 1870–1874 гг. в Оренбургской губернии в среднем за год получали немногим более 173 пуд. золота, то к 1890-м гг. добыча возросла до 280–290 пуд.[2] Многочисленные месторождения разрабатывались в казённой Миасской горнозаводской даче и на землях Оренбургского казачьего войска, но немало прис-

[1] Там же. С. I.

[2] *Хакимов С.Х.* Развитие золотодобывающей промышленности Южного Урала в период домонополистического капитализма (1861–1900 гг.) // Социально-экономическое и политическое развитие Башкирии в конце XVI – начале XX в. Уфа, 1992. С. 91.

ков находилось в пределах Башкортостана. На землях казённой Тептяро-Учалинской дачи в 1895 г. работал 31 прииск различных владельцев, где с помощью ручных станков и иного оборудования намывалось рассыпное (шлиховое) золото, ещё на 4 приисках разрабатывали жильное золото. Здесь уже применялись паровые двигатели и сложное оборудование. В Ахуновской даче было 6 приисков, в том числе крупнейший – Ураган, где получили свыше 2 пуд. 37 фунтов золота.

На башкирских землях Троицкого уезда Оренбургской губернии в конце XIX в. функционировали 4 прииска на рассыпных залежах, принадлежавших и разрабатывавшихся Товариществом Каратабыно-Баратабынских промыслов: Балбуковский (502 рабочих, в 1895 г. получено свыше 4 пуд. 10 фунтов золота), Казнахтинский (108 чел., более 24 ф.), Викторовский (62 рабочих, свыше 11 ф.) и Утешный (85 чел., более 14 ф. золота). На первых двух приисках также разрабатывалось жильное золото (в 1895 г. было добыто свыше 34 и 24 фунтов). В дачах башкир Черлинской и Мухамет-Кулуевской волостей Челябинского уезда действовало 11 приисков, крупные месторождения залегали и в южном Зауралье.

В Верхнеуральском уезде Оренбургской губернии в 1895 г. работали: прииски общества Белорецких заводов в Кубелякской даче (15 чел., намыто свыше 4 фунтов золота) и на северо-западной стороне хребта Крыкты (20 чел., более 10 фунтов), прииск по р. Урсуку Х.А. Рамеевой (основавшей известную фирму), разрабатывавшийся С. Рамеевым (19 чел., свыше 4 фунтов), а жильное золото добывали на прииске по юго-восточной стороне хребта Крыкты, принадлежавшем М.Ш. и М.С. Рамеевым и К° (32 чел., свыше 3 пуд. 31 фунта). Наибольшее количество золота добывалось в пределах башкирских волостей Орского уезда. Один прииск находился в даче Преображенского завода, его эксплуатировала компания наследников К.П. Горяева (13 чел., св. 15 золотников), другой принадлежал Белорецким заводам и находился на их землях (7 чел., свыше 21 золотника), все остальные арендовались у башкир-вотчинников.

На землях башкирских волостей Орского уезда широкую деятельность развернул предприниматель М.Ш. Рамеев. Ему принадлежало 12 приисков, в том числе такие крупные как Султанский и близ д. Гадельшино, где были заняты сотни рабочих. С фирмой Рамеева конкурировала только компания наследников К.П. Горяева, ими разрабатывался крупнейший и самый богатый Таналыкский прииск (300 рабочих, добыча в 1895 г. составила более 5 пудов золота)[1]. Фирмы Рамеевых и Горяевых заботились о техническом оснащении приисков, за 1891–1895 гг. они получили по 28–29 пуд. золота. На Мрясовском прииске бельгийский подданный Э.В. Роттермунд и А.Н. Коншин в 1894 г. приступили к строительству завода по химическому извлечению золота из породы[2]. В золотодобывающей промышленности трудилось значительное число местного, башкирского, населения. Внедрение паровых машин, локомобилей и сложного оборудования вело к индустриальному переустройству края, в результате геологических разведок были выявлены месторождения других полезных ископаемых, разработка которых началась в конце XIX в.

---

[1] Сборник статистических сведений о горнозаводской промышленности России в 1895 заводском году. С. 34–39, 52–61, 72–73. Показатели добычи золота в основном приведены без золотников и долей. О компании Рамеевых см.: *Макарова В.Н.* К вопросу о добыче золота на территории Башкирии в конце XIX – начале XX в. // Археография Южного Урала. Уфа, 2004. С. 120.

[2] *Хакимов С.Х.* Указ. соч. С. 94, 96.

Добыча золота на приисках на землях башкирских волостей Орского уезда Оренбургской губернии в 1895 г.

№	Прииск	Кто разрабатывал	Число рабочих	Добыто золота
	Рассыпное золото			
1	Султанский	М.Ш. Рамеев	212	< 1 пуд 16 ф.
2	с устья р. Султанка, близ д. Альмухаметово	Он же	54	< 2 ф.
3	близ д. Гадельшино	Он же	100	< 1 пуд 36 ф.
4	Бурзянский 2-й по р. Малому Худолазу	Он же	70	< 12 ф.
5	Бурзянский 4-й по логу Тукмаку, впадающему в р. Большой Худолаз	Он же	70	< 7 ф.
6	по р. Караса-елга, ключу и болоту Ит-аткан	Он же	24	< 32 зол.
7	Бурзянский 1-й по логу Алабия, впадающему справа в р. Япраклы	Он же	60	< 6 ф.
8	Казанский	Ю. Муртазин и граф Э.В. Роттермунд	10	< 1 ф.
9	Таналыкский	Н-ки К.П. Горяева	300	< 5 пуд. 1 ф.
10	Карагай-Кипчакский	Они же	17	< 1 ф.
11	Уртазым-Гаряевский	Они же	62	< 36 ф.
12	Сакмарский	Они же	3	< 65 зол.
	Жильное золото			
13	с устья р. Султанка, близ д. Альмухаметово	М.Ш. Рамеев	13	< 22 ф.
14	Мариинский	Он же	30	< 1 пуд 2 ф.
15	выше д. Кусеево, по р. Султанка	Он же	16	< 14 ф.
16	ниже д. Гадельшино	Он же	40	< 1 пуд 35 ф.
17	выше д. Исямбетево, вверх по течению р. Малый Худолаз	Он же	20	< 6 ф.
18	Казанский	Ю. Муртазин и граф Э.В. Роттермунд	15	< 7 зол.
19	Карагай-Кипчакский	Н-ки К.П. Горяева	10	< 3 ф.
20	Сакмарский	Они же	6	< 2 ф.
21	Мрясский (аренда у Горяевых)	граф Э.В. Роттермунд и А.Н. Коншин	60	< 2 пуда 34 ф.

Источник: Сборник статистических сведений о горнозаводской промышленности России в 1895 заводском году. СПб., 1897. С. 52–55, 72–73.

По данным на 1895 г. в Оренбургской губернии добывался марганец на рудниках товарищества П.К. Ушкова и К° (2000 пуд. руды), братьев Рамеевых и К° (56 тыс. пуд., 16 рабочих), М.Н. Сальникова (10 тыс. пуд.), К.П. Горяева (19 тыс. пуд., 40 чел.). На землях башкир Тамьяно-Тангауровской волости фирма Ушкова добывала также хромистый железняк (2 рудника, 56 рабочих, получено 114 425 пуд.), на двух других рудниках этого товарищества было занято 194 чел. (добыто 35 200 пуд.), Кагинским заводом (15 чел.) добыто 16 404 пуд. На Абзаховском руднике М.Н. Сальникова было получено 35 200 пуд. хромистого железняка, торговым домом братьев Злоказовых (12 чел.) добыто 8800 пуд.[1] В 1902 г. в Уфимской губернии возле станции Сатка на арендованных у казны землях основан магнезитный завод (владельцы: А.Ф. Шуппе, М.И. Маркусон, А.О. и Г.О. Немировские, с мая 1904 г. товарищество «Магнезит» с правлением в Санкт-Петербурге), где из полученного сырья выпускались магнезитный кирпич (в 1902 г. – 26 372,4 пуд.) и порошок (120 088 пуд.), сбывавшиеся на заводах Урала, юга и центра страны[2].

Третьей основной отраслью экономики региона, наряду с сельским хозяйством и горнозаводской промышленностью, являлись **лесоразработки**. Бурно развивавшаяся российская экономика требовала разнообразных лесоматериалов, во второй половине XIX в. началась усиленная разработка лесных богатств Южного Урала, вплоть до хищнического истребления лесов. Огромное количество плотов и барж с лесными грузами сплавлялись весной по Белой и её притокам, отправлялись далее вниз по Волге. Только в 1894 г. в Саратов прибыло 881 тыс. пуд. лесного строительного материала в плотах с разных пристаней Уфимской губернии (Уфимской, Софроновской, с Зилима, Таныпа и пр.), в Камышине разгрузилось 243 тыс. пуд. в плотах и 3 тыс. дров доставили на судах из Бирска, в Царицын на судах привезли 101 тыс. пуд. уфимского леса и ещё подошло в плотах 595 тыс. пуд. строевого леса с Софроновской и Таныпской пристаней. В Астрахань в 1894 г. прибыло 19 тыс. пуд. лесоматериала из Николо-Берёзовки (плоты), 16 тыс. из Набережных Челнов, 54 тыс. из Уфы, 95 тыс. из Бирска, 5 тыс. из Анастасьино и оттуда же 30 тыс. дров (все суда), с разных бельских пристаней 321 тыс. пуд. (плоты), с р. Сим – 4 тыс., из Красной Горки на р. Уфе – 31 тыс., с прочих пристаней по Уфе – 45 тыс., с р. Юрюзань – 110 тыс. пуд. строевого леса (все на судах)[3].

С проведением Самаро-Златоустовской железной дороги широкомасштабные лесоразработки развернулись на Белебеевской возвышенности и в предгорьях Урала. В 1899 г. со всех железнодорожных станций в пределах Уфимской губернии было отправлено 82 415 пуд. дров и 1 637 226 пуд. лесного строительного материала[4]. В лесной промышленности трудились десятки тысяч крестьян, подрабатывавших рубкой, перевозкой брёвен, работавших на молевом сплаве по мелким речкам, со-

[1] Сборник статистических сведений о горнозаводской промышленности России в 1895 заводском году. С. 200–201.

[2] Сборник статистических сведений по Уфимской губернии. Т. 10, ч. 2. С. 293, 295.

[3] Перевозка товаров (отправление, прибытие и пробег) по внутренним водным путям в главнейшие пункты прибытия в 1894 году. С. 114–115, 122–123, 128–129, 138–139.

[4] Обзор Уфимской губернии за 1899 год. С. 40.

ставлением плотов, погрузкой и т. д. Уничтожение лесов достигло таких масштабов, особенно в дачах башкир-вотчинников, что правительство в 1894 г. приняло специальный закон о взятии под охрану башкирских лесов[1]. Огромное количество древесины потребляли горные (а также винокуренные и пр.) заводы, большинство из которых по-прежнему базировались на древесном угле и дровяном топливе.

С ростом внутригубернского спроса на лесоматериалы (доска, брус, пр.) и развитием городского строительства в крае возникает современная лесопильная промышленность. Уже в 1882 г. действовало 5 паровых лесопилок, в т. ч. крупнейшая в Уфе, принадлежавшая купцу С.А. Кожевникову (на 77,1 тыс. руб. продукции в год). В 1887 г. в Уфимской губернии работало семь лесопилен с паровыми и водяными двигателями.

Развитие **обрабатывающей промышленности** в Уфимской губернии во второй половине XIX в. происходило более медленными темпами и во многом определялось малой ёмкостью внутрирегионального рынка. В общинной деревне господствовало натуральное хозяйство, когда крестьянин сам производил почти всё необходимое для жизни, а немногочисленные деревенские кустари и городские ремесленники удовлетворяли запросы населения в более сложных изделиях. На 1882 г. в Уфимской губернии насчитывалось кузнецов – 572 чел. (мастера, рабочие, ученики), каменщиков – 783, плотников – 566, сапожников – 611 чел. Элита обеспечивалась дорогими привозными товарами.

На местный рынок работала только достаточно крупная винокуренная промышленность. В 1882 г. действовало 14 предприятий, самыми мощными по производству были Айбашевский № 11 винокуренный завод в Бирском уезде, который арендовал один из первых «водочных королей» России А.Ф. Поклевский-Козелл (92,8 тыс. пуд. продукции) и Петропавловский № 39 братьев Злоказовых в Златоустовском уезде (87,2 тыс. пуд.). Кроме того в губернии работало 6 водочных и 6 пивоваренных заводов. К 1887 г. численность винокуренных заводов сократилась до 10 (без водочноспиртоочистительных, водочных, пивомедоваренных). Лидерами выступали Знаменский № 57 завод братьев Деевых (46 рабочих, продукции на 527,1 тыс. руб.), а также Екатерининский № 47 купца В.И. Видинеева (70 чел.), оба в Белебеевском уезде, и завод Злоказовых (85 работников). На местный рынок работали 7 пивоваренных заводов губернии, в т. ч. в Уфе А.Г. Вольмута (основан в 1879 г.), наследников В.И. Видинеева (1863 г.), Т.Т. Гербст (1865 г.), в Стерлитамаке М.С. Дезорцева (1879 г.) и возле него, в с. Левашёво, Е.К. Аверьяновой (1895 г.).

Для удовлетворения потребностей жителей края действовали также (в 1882 г.) 2 паточных, 6 пряничных, крендельное, 29 мелких маслобойных, восково-свечные и иные полукустарные заведения, из которых выделялся уфимский мыловаренный, свечной и салотопенный завод А.К. Кондратьева. Сотни водяных и, меньше, ветряных мельниц по всему краю вырабатывали разных сортов муку и крупу. В Бирском уезде работал спичечный завод мещанина К.П. Красных, производивший 600 ящиков спичек в год на сумму 1320 руб. Спичечные фабрики возникают также в Уфе (1899 г.) и других местах.

[1] См.: *Усманов Х.Ф.* Развитие капитализма в сельском хозяйстве Башкирии в пореформенный период. С. 51–52.

В городах и крупных селениях Башкортостана разворачивается массовое кирпичное строительство, для нужд строительной индустрии работало в 1882 г. 28 кирпичных заводов (часто именовавшихся сараями), главным образом мелких, но имелись и достаточно крупные предприятия в Уфе – купца М.Н. Облецова (1,4 млн штук кирпича в год), А. Питиримова (1 млн шт.). Облецову также принадлежал небольшой изразцовый заводик (14 тыс. шт. продукции), с 1864 г. действовал в Уфе (слобода Нижегородка) и гончарный завод купца Т.И. Козлова, выпускавший фаянсовую посуду (тарелки, блюда, чашки, кружки и пр., 580 тыс. шт. в 1882 г.). В 1891 г. это предприятие было продано Т.С. Быкову, который перенёс его на другое место, а на старом Козлов в 1903 г. выстроил второй завод фаянсовой посуды (глину доставляли за 60 вёрст из д. Куллярово и Ефремкино Стерлитамакского уезда)[1]. Разрабатывались месторождения бутового камня. В 1895 г. действовала городская каменоломня близ Уфы (3 рудника, 40 рабочих, добыто 1342 куб. саж. строительного материала), в начале XX в. под Уфой открылась каменоломня Ларионова (28 чел., 250 куб. саж.)[2].

Развитие транспортных коммуникаций способствовало возникновению предприятий, поставлявших продукцию на общероссийский рынок. В 1882 г. в Уфимской губернии действовало 27 небольших поташных заведений, где из древесной золы получали углекислый калий (поташ). Крупнейший завод был у купца П.К. Ушкова в Белебеевском уезде (6000 пуд. поташа, всего ему принадлежало три предприятия). На местном сырье работали 63 полукустарных кожевенных завода, самый большой А.П. Кобякова в Уфе (3000 шт. изделий на 18 тыс. руб.). Вывоз из губернии зерна, муки, крупы требовал значительного количества упаковочного материала, что способствовало развитию кулеткацкого промысла (выработка из липового лыка мешков, рогож и пр.), принимавшего черты мелкого бизнеса. В Бирском уезде работала кулеткальня И.Г. Жуковского, где было занято 54 работника, в Уфе имелся канатный завод купца М. Косулина (3000 пуд. продукции на 12 тыс. руб.).

Особую роль в индустриальном развитии края сыграли попытки владельцев разорившихся медеплавильных заводов перепрофилировать производство, используя имевшиеся заводские постройки, энергетические ресурсы и наличие квалифицированной рабочей силы. Первым такие усилия предпринял владелец Троицких заводов Д.Е. Бенардаки, который в бывшем Нижне-Троицком заводе устроил суконную фабрику, перешедшую затем к А.А. Бекендорфу, а в начале 1880-х гг. к купцу И.И. Алафузову. В 1882 г. здесь было произведено 100 тыс. аршин сукна, в 1889 г. выработано изделий на 320 тыс. руб., трудилось 280 рабочих. Компания Алафузовых имела фабрики в Казани, Пермской и др. губерниях[3].

---

[1] *Гурвич Н.А.* Справочная книжка Уфимской губернии. Отдел II. С. 76–80, 84–87; Памятная книжка Уфимской губернии 1889 года. Отдел II. С. 42–43; Сборник статистических сведений по Уфимской губернии. Т. 10, ч. 2. С. 405, 452–454, 464.

[2] Сборник статистических сведений о горнозаводской промышленности России в 1895 заводском году. С. 377; Там же в 1903 году. С. 556.

[3] *Гурвич Н.А.* Справочная книжка Уфимской губернии. Отдел II. С. 75, 78–80, 86; Памятная книжка Уфимской губернии 1889 года. Отдел II. С. 42, 52–53; *Гудков Г.Ф.*, *Гудкова З.И.* Указ. соч. Ч. I. С. 360–364.

Спрос на стекло в городах и наличие сырьевой базы привели к появлению первых стекольных предприятий, в 1882 г. продукцию выдавал завод И.Г. Жуковского. В 1860-х гг. возле с. Богоявленское было налажено небольшое производство по выпуску стекла, потом заброшенное. В 1893–1894 гг. в закрытом медеплавильном заводе В.А. Пашкова была проведена реконструкция и с помощью бельгийских специалистов начал действовать Богоявленский стекольный завод, выпускавший оконное и витринное стекло (в 1899–1900 гг. около 9 тыс. ящиков). Продукция вывозилась на своих или наёмных баржах, доставлялась гужом в Уфу и Оренбург, через комиссионеров продавалась на месте, сбывалась в Казань, Нижний Новгород, Самару, Саратов, Царицын, Баку, Томск, Москву, Киев и другие города[1]. На Благовещенском заводе возникает кустарное производство веялок, продававшихся как в Башкирии, так и за пределами края. В 1905 г. было изготовлено 2,5 тыс. штук на сумму 60 тыс. руб.[2]

Вплоть до начала XX в. в обрабатывающей промышленности Башкортостана преобладали мелкие, часто полукустарные заведения с примитивным оборудованием. В число крупнейших (без горных заводов) по количеству работавших и подчинённых надзору фабричной инспекции предприятий Уфимской губернии на 1905 г. входили 8 заводов и 2 мельницы.

Промышленные предприятия Уфимской губернии, подчинённые надзору фабричной инспекции на 1905 г.

№	Предприятие	Местонахождение	Рабочих и служащих
1	Вагоностроительный завод Южно – Уральского металлургического общества	с. Усть-Катав	1290
2	Суконная фабрика Общества Алафузовых	с. Нижне-Троицкое	439
3	Стекольный завод Наследников Пашковых	с. Богоявленское	276
4	Кондитерская фабрика Берштейна	Уфа	139
5	Винокуренный, ректификационный и пивоваренный завод Наследников Видинеевых	около Уфы	138
6	Мельница Аверьяновой	с. Левашево (Стерлитамак)	127
7	Паровой завод Гутмана	Уфа	93
8	Паровая крупчатная мельница Костерина и Черникова	Уфа	85
9	Паровой лесопильный завод Кауль	Уфа	79
10	Винокуренный и ректификационный завод братьев Злоказовых	с. Петрушкино (Златоустовский уезд	69

Источник: Обзор Уфимской губернии за 1905 год. Уфа, 1906. Приложение 10.

[1] *Гурвич Н.А.* Справочная книжка Уфимской губернии. Отдел II. С. 77; *Курмаев В.Н.* Указ. соч. С. 142–144; Сборник статистических сведений по Уфимской губернии. Т. 10, ч. 2. С. 297, 299, 305.

[2] Обзор Уфимской губернии за 1905 год. Уфа, 1906. С. 13.

Из возникших в крае новых производств нужно отметить механические мастерские и родоначальника местного машиностроения завод Гутмана, производивший пожарное и другое оборудование, стальные, чугунные, медные отливки и пр., а также фабрику древесной массы в имении Белый Ключ (55 рабочих в 1905 г.), открытую в 1904 г. Она принадлежала самарским предпринимателям К.И. Курлину и М.С. Афанасьеву, продукция – сырьё для писчебумажных фабрик – поставлялась в Екатеринбург, Васильсурск (Нижегородская губерния) и т. д.[1] Крупнейшим работодателем в крае была железная дорога, к 1905 г. в железнодорожных мастерских было занято 2 тыс. рабочих, в депо – 600 чел.[2], а всего на Самаро-Златоустовской дороге в конце XIX в. работало постоянно 2,3 тыс. чел., ещё 2,8 тыс. нанималось подённо[3].

Новым явлением в экономике Башкортостана к концу XIX в. стало появление коммунального хозяйства. Ранее в небольших городах края, имевших полудеревенский облик, местная администрация лишь регулировала застройку, соблюдение санитарно-гигиенических и противопожарных норм. Бурное развитие столицы региона – Уфы, население которой с 1864 по 1897 г. возросло в 2,5 раза, сопровождалось увеличением каменного (кирпичного) строительства, ростом этажности и плотности заселения. Кроме небольшого числа собственных построек, общественных садов и скверов, город содержал плашкоутную (разводную) переправу через Белую, с 1870-х гг. началось активное мощение основных улиц и площадей, в 1901 г. в Уфе был открыт водопровод, поставлявший воду из реки, освещались улицы, а в 1898 г., после начала работы электростанции Н.В. Коншина, в городе зажглись электрические фонари[4]. Уездные города края только начинали создавать собственное коммунальное хозяйство.

Таким образом, во второй половине XIX в. Башкортостан вступил в эпоху индустриализации. Старая, крепостническая, промышленность не выдержала жёсткой конкуренции капиталистического рынка, погибла почти вся медеплавильная отрасль, но чёрная металлургия сумела приспособиться и в конце XIX в. были введены в строй ряд новых предприятий на юго-востоке Башкортостана. Сложилась современная транспортная инфраструктура, быстрыми темпами развивались торговля, кредитно-финансовая сфера, связь, в Уфе складывалось коммунальное хозяйство, в пищевой, текстильной и лесоперерабатывающей отраслях прошла техническая реконструкция, в массовом количестве внедрялись машины с паровыми (затем на нефтяном топливе и электричестве) двигателями. Башкортостан к началу XX в. представлял собой не только крупный земледельческий регион, но и один из общероссийских центров горнозаводской промышленности (чёрная металлургия, золотые прииски, добыча иных полезных ископаемых), лесоразработок и переработки сельскохозяйственной продукции.

---

[1] Сборник статистических сведений по Уфимской губернии. Т. 10, ч. 2. С. 386; ЦГИА РБ. Ф. И-9. Оп. 1. Д. 764. Л. 5.

[2] Очерки по истории Башкирской АССР. Уфа, 1959. Т. I, ч. 2. С. 291.

[3] Статистика Российской империи. СПб., 1897. XL. Сборник сведений по России, 1896. С. 350–351.

[4] *Васильев С.М.* Пореформенная Уфа // Из истории феодализма и капитализма в Башкирии. Уфа, 1971. С. 190, 199–210; *Семёнова С.Ю.* Благоустройство города Уфы. 60–80-е годы XIX в. // Страницы минувшего. Уфа, 1995.

§ 4. Изменения в социальной структуре населения, общественно-политическая ситуация в крае во второй половине XIX – начале XX вв.

Социальная структура посткрепостнической России по-прежнему опиралась на сословное деление – наличие «высшего» класса (дворянства), других более или менее привилегированных слоёв (купечество, мещане, духовенство) и основной массы податного населения. Но во второй половине XIX в. среди городских жителей быстро утверждается дифференциация по имущественному и образовательному принципам. Серия царских законов предоставила полную свободу любому лицу заниматься предпринимательской деятельностью, а высшее образование открывало доступ выходцам из низших «классов» в региональную элиту. Дворянство стремительно беднело и, за исключением государственной и военной службы, принадлежность к «благородному» сословию никаких привилегий не давала.

Формировавшийся сначала в Уфе «средний класс» (разночинцы, интеллигенция, часть предпринимателей, рядовые служащие, мелкие собственники) по уровню благосостояния и образованности ничем не уступал дворянско-чиновничьей элите. Находившийся в начале 1880-х гг. в ссылке в Уфе С.Я. Елпатьевский вспоминал, как зимой в базарных рядах «купцы и приказчики сходились в "теплушках" сзади магазинов, где весь день продолжалось бесконечное чаепитие. Теплушки являлись своего рода клубами, и странно было мне слушать там горячие споры о последней книжке "Отечественных записок" и германской социал-демократической партии, о политическом движении в Петербурге»[1].

В деревне, где господствовала традиционная община, социальная структура менялась медленнее. Здесь всё ещё преобладала **демографическая дифференциация**. Узкий круг низовой выборной администрации (волостные старшины, писари, сельские старосты, волостные судьи и пр.) был неустойчив, не случайно, семейные кланы бывших кантонных начальников (за небольшим исключением, например, Сыртлановы) в пореформенную эпоху сошли со сцены.

Особенностью традиционного общества была возрастная мобильность. Отделившись от родительского дома, молодая семья располагала парой рабочих рук и могла освоить небольшую хозяйственную площадь, результатом был низкий уровень жизни. Подрастающие дети постепенно включались в работу, трудовой потенциал двора рос, крепло благосостояние. Преклонные лета крестьянин встречал во главе многолюдной семьи, где, благодаря дружной работе взрослых сыновей с их жёнами, хозяйство прочно «стоит на ногах». Затем следует раздел, семейная кооперация рушится, на месте единого преуспевающего двора возникает несколько маломощных. Крестьянская семья за свою жизнь проходила своеобразный цикл – из бедноты в середняки, затем (немногие) в ряды зажиточных[2].

---

[1] *Елпатьевский С.Я.* Воспоминания за пятьдесят лет. Уфа, 1984. С. 96.

[2] См.: *Чаянов А.В.* Крестьянское хозяйство: Избранные труды. М., 1989; *Кабанов В.В.* Школа А.В. Чаянова, или организационно-производственное направление русской экономической мысли // История СССР. 1990. № 6.

Так, в башкирской деревне Имяново Кизганбашевской волости Бирского уезда по данным переписи 1917 г. средний возраст домохозяина, засевавшего от 2 до 4 дес., составлял 39,77 лет. Середняку с посевом 4–6 дес. исполнилось в среднем уже 43,49 лет, башкир с 6–10 дес. засеянной земли был в возрасте 47,39 лет. Наконец, самым многопосевным, зажиточным хозяевам Имяново исполнилось по 51,24 года. Богатый башкир из Имяново в среднем был старше бедняка (2–4 дес. посева) почти на 15 лет.

С другой стороны, из-за стремительно надвигавшегося малоземелья работавший веками механизм демографической дифференциации уже не функционировал в полную силу. В деревне Башкортостана началось формирование потомственной бедноты. Так, средний возраст имяновских домохозяев с наименьшим посевом до 2 дес. по переписи 1917 г. составлял 47,1 год. В условиях нехватки земли, община не могла предоставить новые наделы народившимся мужчинам из бедняцких семей. Сложился слой потомственных пауперов-пролетариев. Такие хозяйства никак не могли вырваться из тисков бедности. Независимо от наличия работников, большой или маленькой семьи, сохранялся низкий экономический потенциал двора.

Например, в мишарской д. Верхний Карыш той же волости среди 232 бедняцких хозяйств (посева до 4 дес.) лиц в возрасте от 60 лет и старше насчитывалось 40 чел. (17 %). В массе это старики, от которых отделились сыновья, доживавшие свой век на оставшихся частях наделов. В возрасте 51–59 лет имелось 99 домохозяев (43 %). Это сельчане 1858–1876 годов рождения, то есть поколение, появившееся на свет в первые пореформенные десятилетия, солидные отцы семейств, за свою жизнь так и не сумевшие разбогатеть, выбиться из нищеты. И третью группу верхнекарышской бедноты составляли молодые домохозяева (93 чел., 40 %), недавно отделившиеся от родительского крова, с небольшим числом семейных работников. Появившиеся на свет после 1877–1878 гг., они, наверняка, выделились в 1910-е гг. и просто не успели «встать на ноги»[1].

Складывание товарного земледелия на юге и северо-востоке Башкортостана, вдоль основных транспортных путей вело к появлению на селе новых социальных групп. Внутри общины и в переселенческих посёлках активно формировался слой сельских предпринимателей (фермеров или кулаков, по российской терминологии), постепенно вытеснявших старую деревенскую «аристократию», чьё влияние на общину и материальное благополучие держалось на ростовщичестве, использовании «административного ресурса» или авторитете «уважаемых» в деревне семейных кланов.

К концу XIX в. в Башкортостане происходило образование предпринимательской (рыночно-ориентированной) прослойки среди переселенцев, бывших государственных крестьян, коренных собственников, надельных дворян, началось образование локальных ареалов, где товарные хозяйства уже составляли доминирующую часть или даже большинство населения.

На противоположном полюсе, однако, массового формирования слоя сельских наёмных работников не происходило из-за нестабильности этих доходов, активного внедрения машин в фермерских хозяйствах, вытеснявших человеческий труд, а также наличия многочисленных бедняков в традиционной общине, у которых труд по най-

[1] ЦГИА РБ. Ф. Р-473. Оп. 1. Д. 333, 335. В Имяново был также один беспосевный хозяин.

му сочетался с обработкой собственных наделов. Особая ситуация была в горно-лесных волостях, где в связи с широким размахом лесоразработок, строительством новых и развитием старых металлургических заводов массы преимущественно башкирского населения вовлекались в индустриальное производство, представляя собой фактически отряд промышленных чернорабочих.

Начало гендерной революции. Столетиями субъектом исторического процесса являлся только мужчина. Женщины, составлявшие примерно половину всего населения, не принимали существенного участия в политической и культурной жизни, обладали урезанными правами собственности, в получении образования, семейно-брачных отношениях и т. д. Модернизация общества, индустриализация, складывание рыночной экономики произвели коренной переворот в положении женской части населения. Появился спрос на женщину – работника в промышленности и сфере услуг, в образовании и медицине, а признание незыблемого права частной собственности вело к равноправию полов в юридической сфере.

В традиционной крестьянской общине Башкортостана женщине не полагалось земельного надела. Веками распределение угодий производилось только на мужские души. В подавляющем большинстве общин края ряды домохозяев состояли только из мужчин. Так, в приговоре Надеждинского общества одноимённой волости от 10 марта 1912 г. имеются подписи 139 домохозяев – все мужчины[1], тоже в Монастырских Дуванеях (1912 г., 54 двора) Уфимского уезда[2], в Табулдинском сельском обществе Стерлитамакского уезда (1914 г., 155 чел.)[3] и др. В случае смерти супруга, домохозяином (владельцем усадьбы, дома, движимого имущества, выделенных общиной семье участков пашни и сенокосов) сельский сход признавал малолетних сыновей. Если же оставались одни женщины, община специально рассматривала вопрос о признании вдовы полноправной главой семьи.

Сенат неоднократно (указы 1892, 1904 гг. и др.) разъяснял, что если, после смерти домохозяина, сельское общество решило оставить землю в распоряжении вдовы, то оно затем не может отбирать участок. Когда крестьянка М. Рыбина из Барахаевского общества Бирского уезда вторично вышла замуж, сход в феврале 1907 г. сразу лишил её надела[4]. А сход д. Камышенки Бирского уезда в 1898 г. вообще отобрал всю землю у А.Н. Десяткиной, доставшуюся ей от умершего отца[5]. В д. Аблаево Старо-Калмашевской волости Белебеевского уезда в волостном суде решался спор между вдовой и братом покойного. Последний самовольно захватил имущество, засеял землю, собирался сломать избу. Решением суда от 18 июля 1903 г. трёхдушевой надел и движимое имущество были поделены пополам[6].

Даже при наличии несовершеннолетних сыновей умершего домохозяина, вдова назначалась опекуншей собственных детей и всего хозяйства только с согласия об-

---

[1] ЦГИА РБ. Ф. И-400. Оп. 1. Д. 38. Л. 73–74.
[2] Там же. Д. 37. Л. 61 и об.
[3] Там же. Ф. И-437. Оп. 1. Д. 1. Л. 9–11.
[4] Там же. Ф. И-9. Оп. 1. Д. 774. Л. 60 и об.
[5] Там же. Ф. И-10. Оп. 1. Д. 103. Л. 117.
[6] Там же. Д. 121а. Л. 521 и об.

щины, как в д. Кондаковка, где опеку над 9-летним Лаврентием в 1902 г. передали матери, О. Кондаковой[1]. Когда в 1901 г. в д. Куганакбашево Стерлитамакского уезда скончался крестьянин Д. Ишмухаметов, опеку над имуществом в сумме 130,55 руб. (изба с постройками) и 6-летней дочерью Бибиханифой получила не вдова, а крестьянин А. Хайбуллин[2].

В городах и среди «образованных классов» равноправие полов устанавливалось значительно быстрее. На рубеже XIX–XX вв. среди дворян-помещиков, а затем купцов и мещан всех национальностей женщина-собственник считалась уже обычным явлением. В Альшеевской волости в 1896 г. были землевладелицы дворянка Е.М. Аристова, которой принадлежало имение в 931,9 дес., А.И. Аксёнова (из чиновников), владевшая большим поместьем (2143,58 дес.), дворянка Ф.Г. Дашкина (1100 дес.), в Артюховской волости А.Ф. Оглоблина имела в собственности 924,18 дес., В.П. Смердынская – 422,2 дес., наследники Е.Н. Соколовой – 607,46 дес. Существовало крупное женское землевладение среди мусульман. В Тюрюшевской волости (все Белебеевского уезда) княгине Г.Г. Давлеткильдеевой принадлежало 3903,78 дес., дворянке С.С.-Г. Джантюриной – 5500 дес., Х.Ш. Ишмалевой (из духовенства) – 190,88 дес., вдове полковника Х.А. Тевкелевой – 4500 дес.[3]

Женщины становились во главе крупных купеческих капиталов (чаще унаследовали) – И.А. Чижова, пароходовладелицы Якимовы, Рамеева и другие. К началу XX в. женщина-предприниматель, хотя и оставалась в численном меньшинстве, но уже была представлена в мелком и среднем бизнесе. В Уфе в 1911 г. М.В. Шанина владела фотографией, Абрамова и Перескокова держали столовые, Павлова и Петрова – постоялые дворы в пригороде Цыганская поляна. Е.Д. Бабиной принадлежал кирпичный заводик возле р. Сутолока, А. Бусыгиной – крендельное заведение, И.Т. Лубягиной – предприятие по выпуску минеральных и фруктовых напитков, Елистратовой – столярное заведение, а единственные сундучные мастерские находились в руках А.Г. Малаховой и А.К. Саломасовой. Трое держали хлебопекарни.

Достаточно много женщин занимались торговой деятельностью. Им принадлежало в Уфе (некоторым в Гостином дворе) 6 мануфактурных лавок, две кондитерских и булочных, бакалейная, галантерейная, мебельная, мучная, табачная торговля, две мясных лавки, в двух магазинах Грибушиной продавался чай, у П.А. Володиной покупали пуховые платки, а Тихомирова держала «гробовую» торговлю[4].

В широких масштабах женщины являлись собственницами земельных участков в городах Башкирии. Например, по Александровской улице Уфы (совр. К. Маркса) в 1904 г. из 104 домовладений женщинам принадлежало 30 (или 29 %). Среди собственниц встречались как представительницы высших сословий (М.А. Ляуданская, Е.И. Коншина, С.А. Чижова), так и выходцы из рядового населения (мещанки А.П. Макарова и А.А. Кочурикова). Нередко супруги раздельно владели недвижимо-

---

[1] ЦГИА РБ. Ф. И-10. Оп. 1. Д. 109. Л. 331.

[2] Там же. Д. 110. Л. 251 и об.

[3] Сборник статистических сведений по Уфимской губернии. Уфа, 1901. Т. VII, ч. II. С. 406–409, 412–413, 512–513.

[4] Справочная книга г. Уфы. Уфа, 1911. С. 243–245, 248–258.

стью. Домовладение № 33 по ул. Александровской находилось в руках статского советника М.С. Гординского, а соседний участок № 31 был у его жены[1].

Формирование крестьянской частной (личной или в товариществе) собственности на землю также неизбежно приводило к образованию слоя женщин – сельских землевладельцев. Проведение столыпинской реформы ещё более укрепило право женщины выступать в роли независимого домохозяина. Когда в 1911 г. девять семей Салишевых из башкирской д. Ново-Яушево Четырмановской волости Стерлитамакского уезда решили выйти на отруба, в их рядах числились Х.К. Салишева и Х.Д. Салишева. Последней принадлежал самый большой земельный участок в 31 дес. 500 кв. саж.[2] Среди жителей д. Янагушево Емашевской волости Уфимского уезда, выходивших на отруба в 1912 г., была Ш.К. Загитова[3].

В рядах мусульманского фермерства появлялись предприниматели женщины. Вдова Б. Мухаметвафина, из припущенников башкир д. Старо-Сабаево Тюрюшевской волости Белебеевского уезда, в 1913 г. с двумя сыновьями-подростками выселилась на хутор у речки Идяш (13,75 дес.), получив из землеустроительных органов ссуду в 120 руб. на строительство и корчёвку леса[4]. Образ подобной энергичной, самостоятельной башкирской женщины – хозяйки вывел писатель П.И. Добротворский в рассказе «Иняй»[5].

В районах наиболее активного формирования фермерского хозяйства наблюдалась повышенная численность женщин-предпринимателей (например, вблизи Стерлитамака). В соседней Николаевской волости в 1917 г. было 9 хозяек из русских и мордвы (у троих мужья находились в армии), владевших очень крупным земледельческим производством. Так, хозяйство Е.Т. Салыкиной (55 лет) включало 106,75 дес. собственной земли, где засевалось 51,02 дес. Салыкина держала 8 рабочих лошадей (всего скота – 93), нанимала годовых, сроковых, подённых работников. В руках М.Н. Паньшиной (31 год) находилось 389,85 дес. земли на праве частной собственности, 141 голов скота, 3 плуга, 3 сеялки, 2 жнейки, молотилка, 2 косилки, 100 дес. посева[6].

В индустриальном производстве на второстепенных, неквалифицированных работах применялся женский труд. Немало женщин было занято в горнозаводской и золотодобывающей промышленности, а также в обрабатывающих отраслях. Например, на приисках одного из производственных округов Оренбургской губернии трудилось 628 женщин и 414 подростков[7]. Среди подённых рабочих на фабрике в Белом Ключе в декабре 1907 г. трудились Ю. Бородавкина и В. Витковская[8].

---

[1] Список улиц и домовладений города Уфы, также адреса должностных лиц и общественных деятелей. Уфа, 1904. С. 6–10.

[2] ЦГИА РБ. Ф. И-338. Оп. 1. Д. 375. Л. 5 и об.

[3] Там же. Д. 429. Л. 8 и об.

[4] Там же. Ф. И-132. Оп. 1. Д. 845.

[5] См.: *Добротворский П.И.* В глуши Башкирии. Рассказы. Воспоминания. Уфа, 1989.

[6] *Роднов М.И.* Крупно-крестьянское хозяйство Стерлитамакского уезда по переписи 1917 года. Уфа, 1997. С. 78, 80.

[7] См.: *Хакимов С.Х.* Численность, состав и положение рабочих Башкирии накануне первой российской революции // Башкирия в революции 1905–1907 гг. Уфа, 1987. С. 18.

[8] Национальный музей РБ. Документальный фонд. Папка № 17.

Развитие народного образования, создание сети школ в сельской местности привело к массовому привлечению женщин-учительниц. Например, в 1900 г. в Уфимской Мариинской женской гимназии коллектив состоял из 14 женщин (7 педагогов, включая начальницу, княгиню Л.А. Багратион-Имеретинскую, и 7 надзирательниц) и 13 мужчин (в том числе пять временно нанятых преподавателей, врача и делопроизводителя). В Уфимской женской прогимназии (начальница А.Н. Новикова) работали 6 женщин и всего двое мужчин. Именно в педагогической сфере впервые начали складываться преимущественно женские коллективы.

В начальных школах (на достаточно малооплачиваемых должностях), где преподавал один учитель, вообще наступало численное преобладание женщин. Если в Уфе в 1900 г. в четырёх из девяти городских начальных училищ трудились педагоги-женщины, то из 55 сельских школ Мензелинского уезда, финансировавшихся местным земством, в 45 работали учительницы[1].

В государственных, городских, земских административных учреждениях, в органах суда и адвокатуры, почтовой системе на службе состояли почти исключительно мужчины, даже на второстепенных должностях, но в медицине численность занятых женщин-специалистов была немалая. Здесь они трудились в первую очередь в качестве надзирательниц, фельдшериц, акушерок, сестёр милосердия, экономок, оспопрививательниц. На 1901 г. в Уфимской губернии насчитывалось 45 женщин в рядах младшего медицинского персонала. Среди всех сельских участковых врачей края только в Чишмах работала врач С.И. Гайдкевич-Мансветова, да среди вольнопрактикующих врачей в Уфе была М.Е. Торшилова, про которую в справочнике специально записали: «женщина-врач»[2].

Через десятилетие, к 1911 г., в Уфе численность женщин-медиков возросла до 36 чел. По-прежнему преобладал младший персонал – фельдшерицы (три), акушерки-фельдшерицы (10) и акушерки (9), работавшие при больницах и городских врачах. В их числе была А.С. Султанова, акушерка-фельдшерица, помогавшая врачу А.В. Соколову, специалисту по внутренним, женским и детским болезням. Кроме того, немало женщин занялось стоматологией, в Уфе насчитывалось 10 зубных врачей (М.Б. Буровая-Нейман, Е.П. Герасимова, М.Н. и О.Н. Кгаевские и др.), двое дантисток (Б.-Т.Г. Гинсбург и Е. Янушевская-Войшвилло), массажистка и специалист по глазным болезням А.А. Мейер. Стоматологи и окулист вели частный приём больных. В городе действовала аптека Б.М. Буровой с сыновьями[3].

Общую картину использования женского труда показывают материалы всероссийской переписи 1897 г. В ряде профессий численность занятых женщин Уфимской губернии догоняла мужчин. Среди учителей было 770 мужчин и 569 женщин, медиков – 560 и 284, прислуги, подёнщиков и занятых в частной деятельности – 15 121 и 10 526, работавших в трактирах и гостиницах – 273 и 193 чел. Более того, к концу XIX в. уже существовали виды занятий, где преобладали женщины: обработка волокнистых веществ (1081 мужчина и 1450 женщин), чистота и гигиена тела (59 и

---

[1] Адрес-календарь Уфимской губернии на 1901 год. Уфа, 1900. С. 73–75, 83, 86–88.

[2] Там же. С. 46–52.

[3] Справочная книга г. Уфы. С. 225–229, 243.

400), проституция (0 и 162, в том числе 23 «девушки» из мусульманок). Среди лиц, проживавших на доходы от капитала и недвижимого имущества, средства родителей насчитывалось 2260 мужчин и 2702 женщины. Дамы преобладали среди лиц неопределённых занятий (1299 и 1441), не указавших род деятельности (811 и 1685), а также среди жителей края, участвовавших в богослужении православного исповедания (874 и 1266 чел.), за счёт монахинь. В целом же в самодеятельном населении доля женщин (39 585 чел.) была всего 8,5 %. При этом, даже в числе занятых в земледелии соотношение полов составляло 326 886 мужчин на 13 449 женщин[1]. Крестьянок во время переписи считали не работницами, а домохозяйками.

Постепенно женщины из «образованных классов» включались в общественную жизнь (а также в революционное подполье), занимались благотворительностью. Состав попечительского совета Уфимского дворянского Новиковского пансиона девиц, кроме председателя, состоял из дам, включая супругу председателя – княгиню Е.М. Кугушеву. Затем в Уфе возникают Община сестёр милосердия и др. организации[2].

В ходе революции 1905–1907 гг. проблема феминизма обсуждалась на страницах мусульманских газет, некоторые женщины-избирательницы включались в политическую деятельность. Так, депутат от Уфимской губернии А.А. Ахтямов в июне 1906 г. при обсуждении проекта «Основных положений закона о гражданском равенстве» отмечал: «раз наша Государственная дума стремится провозгласить в законодательном порядке равноправие всех граждан обоего пола, то лишать этого права женщин, которые составляют половину 20-миллионного почти населения магометанского, обитающего в Российской империи, … было бы верхом несправедливости»[3].

Наибольшую активность проявляли женщины из состоятельных слоёв мусульманского общества. В декабре 1907 г. было зарегистрировано Уфимское мусульманское дамское общество во главе с М.Т. Султановой. Учредителями его выступали представительницы известных семейств: С.М. Султанова, С.С. Джантюрина, М.-П.С. Шейхалиева, Г.С.-А. Камалетдинова[4]. В мае 1912 г. возникает Оренбургское мусульманское женское общество – руководительница Ф.М. Адамова, учредители – З.М. Адамова, З.М. Рамеева, Ф.М. Тенишева, Б.-Р.Т. Сулейманова, М.И. Хусаинова и др.[5] Эти небольшие организации занимались благотворительностью, являлись своеобразными дамскими клубами для женщин из богатых купеческих и дворянских семей местных мусульман.

Резко возросла роль женщин в годы Первой мировой войны. Тысячи мужчин ушли на фронт, многие погибли и женщины заняли их рабочие и должностные места, а на селе стали исполнять функции домохозяев, причём не эпизодически, а постоянно в течение многих лет, и число их росло. Например, в д. Ильтень-Бута Мензелинского уезда (крещёные татары) на сход 14 июля 1914 г. пришло 130 домохозяев из 182 по

[1] Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. XLV. Уфимская губерния. 1904. Тетрадь 2. С. 92.

[2] Справочная книга г. Уфы. С. 239; Адрес-календарь Уфимской губернии на 1901 год. С. 27.

[3] Женский вопрос в Государственной Думе: Из стенографических отчётов о заседаниях Государственной думы. СПб., 1906. С. 57.

[4] См.: Устав уфимского мусульманского дамского общества. Уфа, 1913.

[5] ГАОО. Ф. 11. Оп. 1. Д. 340. Л. 1, 4, 29.

списку. Все мужики. На сходе 17 июня 1915 г. из 197 домохозяев присутствовало 140, из них 7 женщин (5 %)[1]. Когда 13 декабря 1916 г. на сходку из 190 старших домохозяев явилось 132, в их рядах было 27 женщин или 20,5 % присутствовавших[2]. Приговор сельского схода д. Тимкино Старо-Балтачевской волости Бирского уезда (мишари) от 3 апреля 1917 г. из 181 домохозяина подписали (поставили тамгу) девять женщин (5 %) – М. Имамутдинова, Ф. Гайфуллина и другие[3]. Женщина постепенно превращалась в полноправного члена общества.

Формирование социальной структуры индустриального общества. Во второй половине XIX в. на Южном Урале на основе крепостных мастеровых складывается достаточно многочисленный отряд промышленных рабочих, связанных с машинным, высокотехнологичным производством. К 1900 г. в Уфимской и Оренбургской губерниях в горнозаводской, лесной, обрабатывающей промышленности и на транспорте было занято около 100 тыс. чел. В Уфимской губернии в металлургической и металлообрабатывающих отраслях трудилось 8,5 тыс. заводских рабочих и 16,2 тыс. использовались на вспомогательных операциях (углежоги, дроворубы и др.). В железорудной промышленности было сосредоточено 9,3 тыс. чел. и на обрабатывающих фабриках (с числом занятых не менее 16 чел. и паровым двигателем) трудилось 2,8 тыс., итого – 31,7 тыс. чел.

В ведущей, горнозаводской, отрасли была достигнута значительная концентрация производства. К 1904 г. на предприятиях с числом занятых свыше 1 тыс. чел. находилось 62 % рабочих, а на крупнейших приисках (более 100 чел.) – 51 %. В конце XIX в. русские составляли большинство промышленного пролетариата края, башкиры – 14 %, татары – 5,5 %. Особенно значительный удельный вес башкир был в лесной промышленности – 40 % всех занятых, работе на рудниках – 21 %, в металлургии – около 3 %, золотодобыче. На Гадельшинском прииске М. Рамеева в 1892 г. было занято 54 рабочих, в том числе 48 башкир, на Султанском прииске – 67 башкир. В 1893 г. на приисках Орского уезда Оренбургской губернии из 2475 рабочих – 1420 (57 %) были башкиры и татары.

Положение основной массы рабочих оставалось тяжёлым, рабочий день продолжался 11–12 часов, на небольших предприятиях всё целиком зависело от произвола владельца. На золотопромывальной фабрике М.Ш. Рамеева в 1902 г. в правилах внутреннего распорядка указывалось, что «хозяйские работы по добыче россыпного золота начинаются с утренней зари и кончаются с вечернею зарёю; с таким расчётом, чтобы не превышали 11,5 часов». Высоким был травматизм на производстве из-за плохих условий работы, не хватало медицинского обслуживания, назначение пенсий и пособий целиком зависело от администрации (преимущественно на крупных предприятиях), очень плохие были жилищные условия. Заработная плата на горных заводах в среднем составляла 50–55 коп. в день, или 100–200 руб. в год. На многих заводах действовала система штрафов. В 1902 г. углежог П. Турбин на Лапыштинском заводе из причитавшихся за год 166 руб. на руки получил лишь 104 руб. 93 коп., ос-

---

[1] ЦГИА РБ. Ф. И-338. Оп. 1. Д. 641. Л. 4–5, 42–43.

[2] Там же. Ф. И-320. Оп. 1. Д. 28. Л. 25–26.

[3] Там же. Ф. И-334. Оп. 1. Д. 1815.

тальные (37 %) удержали в виде штрафов и вычетов. В 1892 г. на Гадельшинском прииске было оштрафовано 34 рабочих на сумму от 70 коп. до 2 руб. каждый[1].

Единственным исследованием состава самодеятельного населения (без членов семей) была всероссийская перепись 1897 г., что позволяет рассмотреть социальную структуру всех жителей края[2]. В Уфимской губернии основной массив составляло крестьянство, лица занимавшиеся земледелием, – 340 335 чел. (73 %). Из других крупнейших по роду занятий выделялись: прислуга и подёнщики на частной службе – 25 647 чел.; работники, существовавшие на средства от казны, общественных учреждений и частных лиц – 15 709 (преимущественно мусульмане); работавшие в лесном хозяйстве (включая промыслы) – 6770 чел; на обработке и выплавке металлов (6122 и 4467), в рудниках – 1166, обработке дерева – 5633, продуктов животноводства – 1236, пищевых продуктов – 3591, изготовлении одежды – 6416, в строительстве – 5819, в животноводстве – 1218, на железнодорожном транспорте – 2819, занимавшихся извозом – 1947 чел. Наряду с пролетариатом крупных заводов и фабрик, в крае трудились тысячи мелких кустарей, рабочие и служащие небольших заведений.

Сложная организация урбанизированного, индустриального общества вызывала количественный рост групп населения, имевших среднее, специальное или высшее образование, серьёзную квалификацию, что открывало им доступ во властные структуры. Достаточно большие доходы обеспечивали средний (а в сравнении с основной массой населения того времени весьма значительный) уровень жизни, возможность приобретения недвижимости, образование накоплений. В состав «среднего класса» входили чиновники, интеллигенция, средние и мелкие предприниматели, домовладельцы, рантье, высокооплачиваемые ремесленники и др.

Среди самодеятельного населения Уфимской губернии определённо выделялась группа лиц, занимавшихся в 1897 г. разнообразной торговлей и гостиничным бизнесом – 7407 мужчин и 1011 женщин (итого 8418), ещё 4962 чел. жили на доходы с капитала и недвижимого имущества, средства родителей и родственников, 2054 чел. были заняты в администрации, суде и полиции, 1386 – на общественной и сословной службе, 1339 – в учебно-воспитательных учреждениях, 844 – во врачебно-санитарных. Включая в их состав юристов, деятелей науки и культуры, почтово-телеграфных служащих, работников кредитных учреждений и др. (всего 699 чел.), численность «среднего класса» в Уфимской губернии можно определить в 19,7 тыс. чел., или 4,2 % от зарегистрированного самодеятельного населения. А с учётом офицеров армии, высокооплачиваемых управленцев, инженерно-технических специалистов на транспорте и в частном секторе его общая величина к началу XX в. была около 20 тыс. чел. (без членов семей). Отдельную группу составляло духовенство всех конфессий – 3853 чел. и 248 лиц, работавших при церквях и пр.

---

[1] *Хакимов С.Х.* Численность, состав и положение рабочих Башкирии накануне первой российской революции. С. 13–16, 19–20, 22–27.

[2] Первая всеобщая перепись населения Российской империи. Уфимская губерния. Тетрадь 2. С. 92, 101–103.

Предпринимателей мусульман (тюркоязычных, без чувашей) в 1897 г. в Уфимской губернии насчитывалось 1884 чел. (22 % из всех торговцев), из них всего 27 женщин. 726 татар и башкир существовали на доходы с капитала, а всего мусульманский «средний класс» охватывал 3451 чел. (17,5 % от общего количества этой социальной группы), включая 152 чел. в администрации, суде и полиции, а также 109 женщин-учительниц. Если татары и башкиры играли значительную роль в бизнесе, то в управленческом аппарате их на руководящих должностях почти не было. Например, среди земских начальников Уфимской губернии в 1900 г. единственным представителем мусульман являлся коллежский регистратор С.С. Джантюрин в Белебеевском уезде[1].

Многие крестьяне, в дополнение к землепашеству, занимались различными подсобными промыслами, кустарным ремеслом и др. В их числе было 2729 торговцев, продававших зерно, меха, грибы и т. д.[2]

Если в Уфимской губернии сведения всероссийской переписи 1897 г. по этническому составу населения искажены (указывался только родной язык), то в Оренбургской губернии, где припущенников проживало мало, данные обследования позволяют воссоздать социальную структуру юго-восточных башкир. В самодеятельном населении учитывались главным образом мужчины. На 58 105 башкир в возрасте 20–60 лет приходилось 57 741 лиц, у которых был указан их род деятельности; всего 57 % мужчин названы работающим населением, тогда как у башкирок – лишь 2,3 % (2838 чел.). Как отмечалось выше, женщин, даже занятых в сельском хозяйстве, во время переписи считали домашними хозяйками, а не работницами.

Без мусульманского духовенства удельный вес предпринимателей и башкирского «среднего класса» составлял 2510 чел., или 4,14 % от самодеятельного башкирского населения, что почти точно совпадает с показателями по Уфимской губернии (4,2 %). Но если там доля торговцев была около 43 % всей верхушки общества, то среди оренбургских башкир они составляли целых 77 %. Высший (образованный, наиболее состоятельный) слой башкирского общества главным образом включал предпринимателей (торговля строительными материалами и топливом – 1264 чел., различными продуктами сельского хозяйства – 287, торговля вообще – 147, розничная и развозная – 64 чел. и др.). Башкиры в очень небольшом количестве были представлены в управленческом аппарате. Самой крупной группой национальной интеллигенции были педагоги, но численность башкир-рантье и имамов их превышала. И невелик был удельный вес в «среднем классе» женщин.

К концу XIX в. у юго-восточных башкир сложились также группы населения, связанные с индустриальным обществом: состоявшие на частной службе, прислуга и подёнщики – 3708 чел., жившие на доходы от казны, общественных учреждений и частных лиц – 1998, работавшие на рудниках – 1870, занимавшиеся выплавкой (170) и обработкой металлов (99), трудившиеся в иных промышленных производствах – 58, на водном и железнодорожном транспорте – 48 чел.

---

[1] Адрес-календарь Уфимской губернии на 1900 год. Уфа, 1900. С. 35.

[2] Первая всеобщая перепись населения Российской империи. Уфимская губерния. Тетрадь 2. С. 168.

Род занятий башкир Оренбургской губернии по сведениям всероссийской переписи 1897 г.

	Мужчины	Женщины
Служба в администрации, суде, полиции	58	–
Общественная и сословная служба	71	–
Частная юридическая деятельность	1	–
Учебная и воспитательная деятельность	114	23
Врачебная и санитарная деятельность	21	2
Доходы с капитала и недвижимого имущества, средства родителей	186	89
Искусство, ювелирное дело и т. д.	10	–
Служба в почтово-телеграфных конторах	1	–
Торговля всех видов	1886	22
Содержание и обслуживание трактиров, гостиниц, меблированных комнат, клубов	26	–
Богослужение нехристианских исповеданий	251	–

Источник: Первая всеобщая перепись населения Российской империи. XXVIII. Оренбургская губерния. 1904. С. 116.

Но подавляющее большинство самодеятельного башкирского населения Оренбургской губернии оставалось занятым в традиционных отраслях: земледелии – 40 306 чел., или 66,5 %, животноводстве – 1857, лесоводстве и лесных промыслах – 3047, обработке волокнистых веществ – 663, дерева – 676, изготовлении одежды – 410, строительстве – 789, в извозном промысле – 946 чел. и т. д.[1]

Таким образом, особенностью социальной структуры населения края, как и всей Российской империи в начале XX в., оставался крайне низкий удельный вес социальных групп индустриального общества, отличавшихся сравнительно высоким уровнем жизни, образованием и квалификацией, наличием личной (частной) собственности. Доля «среднего класса» в самодеятельном населении составляла около 5 %, в рядах крестьянства насчитывалось ещё до 10–15 % фермеров (кулаков). Абсолютное большинство жителей края относились к традиционалистским слоям (общинное крестьянство, кустари-ремесленники, рабочие в мелкой и лесной промышленности). Фабрично-заводской пролетариат представлял собой небольшие «островки» в социальной структуре населения, да к тому же основная часть рабочих имела низкие доходы и уровень квалификации.

Общественно-политическая ситуация в крае во второй половине XIX – начале XX вв. Модернизационный переход к индустриальному (капиталистическому) обществу проходил очень болезненно, сопровождаясь тяжёлыми потрясениями в

[1] Там же. XXVIII. Оренбургская губерния. С. 72–75, 116.

ментальности как народных масс, так и образованной элиты. На смену патриархальным устоям, основанным на непререкаемом авторитете религий, государственной власти и старших хозяев приходил буржуазный индивидуализм, торжество личного преуспевания, плюрализм мнений. Распространение грамотности, рост культурного уровня, увеличение прослойки людей с высшим образованием, установление прочных транспортно-информационных связей с центром страны создавали опасный разрыв в интеллектуальном развитии «среднего класса» и застывшей, авторитарной системой государственной власти.

Несмотря на наличие свободных земель в Башкортостане во второй половине XIX в. происходили выступления крестьян. Наиболее напряжённая ситуация сложилась к началу 1880-х гг. В эпицентре недовольства находилось башкирское население, переживавшее трудный период после распада кантонной системы, до пределов возмущённое расхищением их земель, раздачей потомственных владений чиновникам и дворянам. Запад Башкортостана был охвачен крестьянскими волнениями, особенно широкий размах приобрели лесные порубки. Жители, веками воспринимавшие окрестные леса как общественное достояние, не желали признавать их чужой частной собственностью. В 1881–1883 гг. башкиры и татары уничтожали леса в имениях дворян Тевкелевых, князя Чингиза и других. В июне 1883 г. уфимское дворянство просило министра внутренних дел о восстановлении порядка, «так как аграрные преступления начинают возникать всё чаще по всему пространству губернии, понятие о правах собственности совершенно падает, сельское население… всё более и более разнуздывается». Со второй половины 1880-х гг. обстановка в крае нормализовалась и до начала XX в. происходили лишь единичные конфликты между крестьянами и помещиками, во время размежевания или приобретения земли переселенцами[1].

На рубеже XIX–XX вв. общины Западного Башкортостана охватил сильнейший внутренний конфликт. После X ревизии (1859 г.) и введения уставных грамот в 1860-е гг. почти прекратились переделы земли и за прошедшие почти 40 лет крестьяне стали воспринимать наделы как личную собственность. В д. Аюкашево и Мамадалино Бирского уезда (тептяри и мишари) «душевой надел переходит из рук в руки по наследникам и родству умерших» (1898 г.)[2]. Внутри общины складывалось фактическое частное землевладение. Противники новых переделов в д. Кузякино (башкиры) Семиостровской волости Мензелинского уезда уверяли, «что надельная земля есть собственность отдельного лица, а не всего общества»[3].

Между тем крестьянам, родившимся после ревизии, выходцам из многодетных семей вообще не досталось земли. В д. Чукмарлы Мензелинского уезда в 1900 г. жители считали, что наделение угодьями «по ревизским душам приносит ущерб и обиду, так как земля распределяется неравномерно, ибо у ревизских душ скопляется земли так много, что они даже не могут её сами обрабатывать и отдают в чужие руки соседним селениям, а между прочим не ревизские, достигшие 40-летнего возраста,

---

[1] См.: Очерки по истории Башкирской АССР. Т. I, ч. 2. С. 221–230.

[2] ЦГИА РБ. Ф. И-10. Оп. 1. Д. 2126. Л. 45.

[3] Там же. Д. 99. Л. 173 об.

обременённые многочисленными семьями, остаются без земли, вследствие чего отправляются на заработки, а некоторые в Турцию»[1].

Однако многоземельные «стародушники» не желали расставаться с давно освоенными участками. В деревне развернулась ожесточённая борьба между ними и сторонниками перехода от ревизской развёрстки к переделу земли на наличные души. Внутри общины противостояли единоличник и традиционное общество. «Стародушники» лишали сходы обязательного в 2/3 большинства голосов, демонстративно срывая кворум, оспаривали полномочия молодых домохозяев. Земский начальник никак не мог собрать сход в башкирских д. Тугаево и 1-е Мраково Стерлитамакского уезда, так как более 1/3 домохозяев оставались заинтересованы в ревизской развёрстке[2].

В деревнях разгорались горячие споры. Марийцы из д. Новый Орьебаш Бирского уезда возражали: почему ими «разработанная земля … перейдёт во владение таких лиц, кои её не разрабатывали, а потому передел этот является несправедливым и незаконным»[3]. В судебные инстанции хлынул поток жалоб. Часто страсти достигали высшей точки. В д. Кузякино «в обществе происходят драки и ежедневные ссоры»; в д. Бикбулово драки происходили прямо на глазах у земского начальника, который был вынужден распустить сход и арестовать двух зачинщиков; после передела в д. Ново-Алимово крестьянин Г. Ахметшин «за нарушение на сходе тишины и за драку был арестован вол. старшиной»[4]. Сведения о конфликтах внутри общин по вопросу о ревизской развёрстке поступали из многих селений Мензелинского, а также Белебеевского и Бирского уездов[5].

Хотя «стародушники» были богаче и могли воздействовать на бедняцко-середняцкую массу, они составляли явное меньшинство и постепенно от ревизской развёрстки в большинстве общин отказались.

На горных заводах края происходили волнения рабочих, вызванные тяжёлыми условиями труда и низкой заработной платой, трудовые конфликты случались на отдельных приисках. Крупное стачечное движение развернулось в 1896–1897 гг. на металлургических предприятиях (Катав-Ивановский, Усть-Катавский и др.), центром выступлений становится Златоуст, где достаточно высокооплачиваемые квалифицированные рабочие казённого завода создали первые профессиональные кружки, вели пропаганду и в результате успешной стачечной борьбы добились введения в основных цехах 8-часового рабочего дня. Многие предприятия охватывает забастовочное движение в условиях экономического кризиса 1900–1903 гг. В мае 1902 г. из-за начавшихся увольнений, снижения зарплаты, прекращения сдачи земли в аренду прошли стачки на Белорецком и Тирлянском заводах[6].

Явлением общероссийского масштаба стали события марта 1903 г. в Златоусте. Введение новых расчётных книжек с изменёнными правилами внутреннего распо-

---

[1] ЦГИА РБ. Ф. И-10. Оп. 1. Д. 100. Л. 237.
[2] Там же. Д. 99. Л. 5.
[3] Там же. Оп. 1. Д. 101. Л. 112.
[4] Там же. Л. 173; Д. 103. Л. 64; Ф. И-11. Оп. 2. Д. 113. Л. 6.
[5] См.: Там же. Ф. И-10. Оп. 1. Д. 100; Д. 100а.
[6] Очерки по истории Башкирской АССР. Т. I, ч. 2. С. 234–237, 311–313.

рядка, спокойно принятых на соседних Саткинском и Кусинском заводах, вызвало здесь массовые волнения. 12 марта началась забастовка, город фактически оказался в руках рабочих, требовавших освобождения нескольких задержанных. Прибывший вечером уфимский губернатор Н.М. Богданович с трудом уговорил толпу разойтись и составить на завтра делегацию для переговоров. Но с утра 13 марта губернатор с сопровождавшими его лицами оказался в осаде в доме горного начальника. После многочасовых бесплодных переговоров был дан сигнал стоявшим рядом войскам, которые расстреляли забастовщиков. Сразу были убиты 28 человек, 17 умерло от ран. Кроме того, тяжело раненых было 41 чел., легко – 19, незначительно (на конец марта) – 23 чел.[1] На следующий день завод возобновил работу, пострадавшим оказали медицинскую помощь, а в местной прессе опубликовали подробный отчёт о кровавом событии[2]. Информация о трагедии в Златоусте распространилась по всей России, вызвав огромный общественный резонанс, столь массовых жертв на Южном Урале не было многие десятилетия. Власть продемонстрировала полное неумение справляться с массовыми общественными волнениями.

Формирование «среднего класса» привело к распространению в местном образованном обществе идей либерализма, постепенной умеренной модернизации государства по «западному» образцу. Так, в 1902 г. при обсуждении вопроса о нуждах сельского хозяйства, земцы высказывались за всенародный, а не сословный характер местного самоуправления, уравнение крестьян в правах и даже за принудительное отчуждение земли у крупных помещиков за вознаграждение. Губернатор Н.М. Богданович отмечал, что бирские земцы «дошли до составления целого проекта нового административно-судебного, хозяйственного устройства уезда с уничтожением всех существующих уездных учреждений и до финального заключения Жуковского, в котором последний делает финансовую систему правительства ответственной за оскудение русской деревни». Представитель Уфимской губернии (П.Ф. Коропачинский) участвовал в работе земского съезда в Петербурге в ноябре 1904 г., вставшем в открытую оппозицию самодержавной власти[3].

Широкое распространение получает в образованных кругах идеология народничества, борьба за сохранение традиционных крестьянских устоев и сельской поземельной общины, восприятие капитализма и рыночной экономики как чуждых, насильно привнесённых явлений, которых лучше (и можно) вообще избежать. Народ в лице рядового патриархального крестьянина объявлялся носителем нравственных идеалов, служение ему считалось единственно возможным смыслом жизни. Именно народническая литература была властителем дум молодёжи, её влияние сказывалось как на либерализме, так и на радикальных политических течениях. Само существование народничества с идеалами справедливой, уравнительной, но бедной жизни являлось реакцией общества на крайне болезненную модернизацию Российской империи.

---

[1] ЦГИА РБ. Ф. И-187. Оп. 1. Д. 64. Л. 5; Д. 65. Л. 37–39; Ф. И-333. Оп. 2. Д. 1. Л. 3–6.

[2] Уфимские губернские ведомости. 1903. 20 марта.

[3] *Курсеева О.А.* Земский либерализм в провинции на рубеже XIX–XX веков (По материалам Среднего Поволжья и Приуралья). Уфа; Стерлитамак, 2003. С. 51, 68.

Народническое движение затронуло и Башкортостан. Студенты из Уфы, обучавшиеся в столичных вузах, в 1872 г. создают свой кружок, где читались произведения В.В. Берви-Флеровского, Ч. Дарвина, Г. Спенсера, социалистов-утопистов, велись горячие споры по злободневным вопросам внутренней жизни России[1]. Летом 1874 г., когда было организовано массовое «хождение в народ», чтобы поднять крестьян на выступление, кружковцы съехались в Уфу и предприняли попытку агитации. М.И. Верёвочкина дважды выезжала в д. Ломоносово, беседовала с крестьянами, но её приняли за колдунью. С.С. Голоушев (сын начальника Оренбургского жандармского управления) две недели пробыл в с. Благовещенский завод и не добившись результатов уехал в Пермскую губернию. В Уфимском уезде (в том числе в башкирских селениях) вёл пропаганду Д.В. Федорович[2].

Летом 1874 г. известный народник М.Д. Муравский предпринял пешком и на подводах целый поход по Оренбургской и южным волостям Уфимской губернии до Челябинска, изучая положение в русских, башкирских, татарских, чувашских деревнях. Посещая селения, он беседовал с крестьянами, читал и раздавал нелегальную литературу. Народники считали Урал наиболее удобным местом для подготовки восстания, а М.Д. Муравский полагал, что территория Преображенского завода (Зилаир) «должна со временем сделаться центром военных действий, штаб-квартирой»[3].

В августе-сентябре почти все народники, занимавшиеся агитацией в крае, были арестованы. М.Д. Муравского сослали на каторгу, где он скончался в 1879 г.[4] В дальнейшем в Уфе действовали небольшие народнические кружки С. Салихова, А.В. Серебряковой и др. (1875 г.), братьев Кларк, с которыми сотрудничал известный рабочий-революционер С. Халтурин. На рубеже 1870–1880-х гг. в Башкирии народники создали несколько земледельческих «социалистических» поселений (у поч. Степановского недалеко от Уфы, в имении Белый Ключ Бирского уезда), где интеллигенция пыталась научиться крестьянскому труду, сблизиться с народом. Из-за преследований полиции и не умения организовать хозяйство колонии народников распались[5].

Именно в народнической среде началось складывание антиправительственного леворадикального подполья, социума «профессиональных революционеров». Хотя в первых кружках ограничивались исключительно пропагандой, изучением литературы, вербовкой новых членов, их конечной целью объявлялось насильственное изменение государственного строя, свержение самодержавия.

Южный Урал издавна являлся местом политической и административной ссылки. Всю вторую половину XIX – начало XX вв. в край непрерывно прибывали на поселе-

[1] ГАРФ. Ф. 112. Оп. 1. Д. 228. Л. 133.

[2] Там же. Оп. 2. Д. 525. Л. 98–99; Д. 556. Л. 21; Д. 561. Л. 24–25.

[3] Революционное народничество семидесятых годов XIX в. М., 1964. С. 280–284; *Итенберг Б.С.* Движение революционного народничества. Народнические кружки и «хождение в народ» в 70-х годах XIX в. М., 1965. С. 322.

[4] Деятели революционного движения в России. Био-библиографический словарь. М., 1928. Т. I, ч. 2. С. 257.

[5] Там же. М., 1930. Т. 2, вып. 2. С. 721–722; М., 1932. Т. 2, вып. 4. С. 1412, 1474, 2136; ЦГИА РБ. Ф. Р-1943. Оп. 1. Д. 17. Л. 1–2; Ф. И-187. Оп. 1. Д. 1. Л. 3; Д. 8. Л. 27; Ф. И-11. Оп. 1. Д. 1527. Л. 3; *Елпатьевский С.Я.* Воспоминания за 50 лет. Л., 1929. С. 19–21.

ние польские повстанцы, деятели различных революционных организаций, участники крестьянских, рабочих, студенческих, национальных выступлений. В условиях нехватки квалифицированных специалистов многие ссыльные легко устраивались на службу, включались в жизнь местного культурного общества, получая возможность для продолжения революционной пропаганды. Например, в 1881–1882 гг. сосланные народовольцы А.Д. Долгорукова и С.Я. Елпатьевский организуют группу в с. Благовещенский завод, позже разгромленную полицией. Здесь создаётся подпольная библиотека, начинается агитация, в том числе через кружки самообразования в Благовещенской учительской семинарии, устраиваются сходки. В группе вырабатывается план «завоевания губернии путём проникновения в местное земство революционеров из врачей, учителей, агрономов, которые должны были развернуть работу среди крестьян»[1].

Малочисленные кружки из молодёжи, ссыльных, интеллигенции, ограничивавшиеся распространением литературы и пропагандой в узком кругу единомышленников, эпизодически возникали в крае и позднее. В середине 1890-х гг. получают распространение идеи нового левосоциалистического учения – марксизма, на позиции которого переходят некоторые бывшие народники. В 1898 г. в Уфе складывается разнородная социал-демократическая группа, включавшая профессиональных революционеров, ссыльных А.Д. Цюрупу, О.В. Аптекмана, А.И. Свидерского, рабочего И.С. Якутова и др. Они устанавливали связи с ссыльными в Бирске, Мензелинске, Белебее, Стерлитамаке, вели пропаганду в кружке при железнодорожных мастерских, было налажено получение марксистской литературы из-за границы и центра страны[2].

В феврале и июне 1900 г. Уфу посетил В.И. Ульянов (Ленин), лидер радикального крыла российской социал-демократии, здесь отбывала ссылку его жена – Н.К. Крупская. Очевидец вспоминал: «В начале 8-го часа вечером пришёл молодой человек, лет 30 на вид, хотя и с большой лысиной. Он был одет весьма просто, как большинство из нас: плохонькое пальтишко, на шее повязан шерстяной шарф… Вместе с ним пришла молодая женщина. Это и был Владимир Ильич Ульянов со своей женой Надеждой Константиновной, урождённой Крупской»[3]. В Уфе был создан опорный пункт выходившей в Германии газеты «Искра», деятельностью которого руководили Н.К. Крупская и А.Д. Цюрупа. Из Уфы поступала в редакцию информация, деньги на издание, а сюда прибывали номера газеты, расходившиеся затем среди населения. Продолжалась пропагандистская работа, поддерживались связи с социал-демократическими группами и сочувствующими лицами на горных заводах и в уездах края[4].

---

[1] *Елпатьевский С.Я.* Воспоминания за 50 лет. Л., 1929. С. 130–131; ЦГИА РБ. Ф. И-187. Оп. 1. Д. 3. Л. 208.

[2] *Быстрых Ф.П.* Большевистские организации Урала в революции 1905–1907 годов. Свердловск, 1959. С. 52; *Ведерников Д.Н., Васильев С.М.* Иван Степанович Якутов. Уфа, 1968. С. 12–14; Деятели революционного движения в России. Био-библиографический словарь. М., 1933. Т. 5, вып. 2. С. 647–753; ЦГАОО РБ. Ф. 1832. Оп. 4. Д. 56. Л. 4–8.

[3] *Петренко А.И.* Тов. Ленин в Уфе (1900 г.) // Пролетарская революция. 1924. № 3 (26). С. 130.

[4] Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. М., 1970. Т. 1. С. 242; В.И. Ленин и Башкирия. Уфа, 1970. С. 7; *Крупская Н.К.* Воспоминания о Ленине. М., 1957. С. 38–39; *Узиков Ю.* В.И. Ленин в Уфе. Уфа, 1970. С. 68; ЦГАОО РБ. Ф. 1832. Оп. 3. Д. 179. Л. 3; Д. 279. Л. 1; Д. 180. Л. 1–2; Оп. 4. Д. 34. Л. 70; Борьба за создание марксистской партии в России. Образование РСДРП. Возникновение большевизма. М., 1961. С. 415.

После отъезда из Уфы в 1901 г. лидеров – Н.К. Крупской и А.Д. Цюрупы – опорный пункт распался, местные социал-демократы создали Уфимский рабочий комитет, который вместе с кружком из Златоуста вступил в объединённый Уральский союз социал-демократов и социалистов-революционеров. В начале 1902 г. радикальное крыло уфимских эсдеков вышло из союза и создало самостоятельную организацию, сотрудничавшую с ленинской «Искрой», в январе 1903 г. на её позицию переходит и рабочий комитет, после чего образуется Уфимский комитет РСДРП[1].

К началу XX в. в Уфе и горнозаводских посёлках (Миньяр, Катав-Ивановск, др.) окончательно сложилось антиправительственное подполье, имевшее организационную структуру, источники финансирования, во главе которого стоял узкий круг профессиональных революционеров. Эсдеки в январе 1903 г. начали издавать «кустарную» газету[2], наладили распространение нелегальной печатной продукции по губернии, делегировали двух представителей на II съезд партии (Брюссель, Лондон, 1903 г.), участвовали в Уральской областной конференции РСДРП (Нижний Тагил, 1904 г.). Сторонники народнических взглядов, близкие к складывавшейся тогда партии социалистов-революционеров (эсеров), также образовали в Уфе подпольный кружок во главе с В.В. Леоновичем. Именно они организуют первое в Башкортостане покушение на губернатора[3], положившее начало террористической деятельности революционеров в крае.

Ещё летом 1901 г. Уфу посетил руководитель знаменитой Боевой организации эсеров Г. Гершуни (И.И. Герш), установивший связи с местной группой. После златоустовской трагедии эсеры вынесли смертный приговор уфимскому губернатору Н.М. Богдановичу (он получил об этом извещение от революционеров). Организацию теракта разработали в Самаре Г. Гершуни и его заместитель Е.Ф. Азеф, были подобраны добровольцы для поездки в Уфу, но по пути террористов случайно арестовала полиция.

Теракт провели уфимские эсеры во главе с В.В. Леоновичем. Днём 6 мая 1903 г. в Ушаковском парке гулявшего после обеда в одиночку Н.М. Богдановича (зная об угрозах боевиков он отказался от личной охраны) догнал слесарь железнодорожных мастерских Е.О. Дулебов и в упор расстрелял губернатора. Несмотря на погоню, убийца скрылся в оврагах Архиерейской слободы и сразу покинул город. Второй участник покушения – А.Е. Морозов – контролировал ход событий и первым подбежал к умиравшему Н.М. Богдановичу. Г. Гершуни потом вспоминал: «В Уфу я приехал на другой день после убийства. Вот перетрусили-то они, должно быть!» Однако

[1] ЦГАОО РБ. Ф. 1832. Оп. 3. Д. 125. Л. 29–30; *Гарденин С.Ф.* Об организации и первом годе работы Уфимского комитета // 25 лет первой революции. Уфа, 1930. С. 71; Переписка В.И. Ленина и редакции газеты «Искра» с социал-демократическими организациями в России. М., 1970. Т. 3. С. 222.

[2] См.: Уфимский листок. 1903. № 3.

[3] *Ахмерова Ф.Д.* Владимир Львович Бурцев (1862–1942 гг.). Уфа, 1997. С. 25. В.В. Леонович сотрудничал с опорным пунктом «Искры», Н.К. Крупская перед отъездом из Уфы поручила ему и Ю.А. Поповой руководство кружком рабочих железнодорожных мастерских. По оценке Н.К. Крупской Леонович «был хорошим товарищем, безусловно честным, горячо преданным революционному делу, но понимающим его не с позиций марксистов» (Там же. С. 24).

выехавшего затем из Уфы в Киев самого Г. Гершуни внезапно арестовали[1]. Полиция не смогла выявить и задержать ни организаторов, ни непосредственных исполнителей теракта.

Таким образом, к началу XX в. общественно-политическая ситуация в Башкортостане оставалась внешней спокойной, редкие крестьянские выступления, забастовки на горных заводах, как и умеренный земский либерализм, не оказывали серьёзного воздействия на жизнь региона. Но златоустовская трагедия и дерзкое, беспрецедентное убийство первого лица Уфимской губернии показали, что под покровом стабильности созрело энергичное революционное подполье, готовое к самым жестоким действиям. Стремительно нарастал конфликт между быстро меняющимся обществом, «средним классом», промышленным пролетариатом, предпринимательскими кругами и консервативной властью, которая уже не соответствовала новому уровню интеллектуального и гражданского развития.

---

[1] *Городницкий Р.А.* Боевая организация партии социалистов-революционеров в 1901–1911 гг. М., 1998. С. 36, 69–72; См.: ЦГИА РБ. Ф. И-11. Оп. 2. Д. 70–71. Е.О. Дулебов умер в 1908 г. в тюремной психиатрической больнице Санкт-Петербурга, В.В. Леонович дожил до 1917 г., вступил в ряды РКП(б) (*Ахмерова Ф.Д.* Указ. соч. С. 25–26).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В первом томе «Истории Башкортостана во второй половине XIX –начале XX вв.» раскрыты основные проблемы административно-политического устройства, местного самоуправления, демографическая и этническая картина края, показано состояние поземельных отношений, экономического развития (промышленности, сельского хозяйства, торговли и финансов), а также социальной структуры населения региона, в эпоху глобального модернизационного перехода от традиционного (крепостнического) к индустриальному (капиталистическому) обществу.

Благодаря проведению железной дороги, Башкортостан оказался в выгодном геополитическом положении на великом транспортном пути из Европейской части страны в Сибирь, что до сих пор в немалой степени определяет всё развитие края. При этом Южный Урал оставался многонациональным регионом империи, где практически отсутствовали серьёзные очаги межэтнической конфликтности, а, наоборот, доминировали толерантные взаимоотношения, в основе которых лежала социально-экономическая близость, схожий уровень развития народов Башкортостана.

Дальнейшее изучение исторических судеб края во второй половине XIX – начале XX вв. будет продолжено во втором томе нашей истории, где читатель сможет узнать о конфессиональном составе населения, развитии традиционной (народной) и формировании профессиональной культуры, крупнейших политических событиях начала XX в. на территории Башкортостана (революции 1905–1907 и февраля 1917 гг., Первой мировой войне), подробно будет раскрыто экономическое положение Башкортостана начала XX в., в приложении будут опубликованы уникальные исторические источники по истории Башкортостана.

Список сокращений:

ГАОО – Государственный архив Оренбургской области

ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации (Москва)

ГАСО – Государственный архив Самарской области

ЗГАО – Златоустовский городской архивный отдел

НА РТ – Национальный архив Республики Татарстан (Казань)

НА УНЦ РАН – Научный архив Уфимского научного центра Российской Академии наук

ПСЗ – Полное собрание законов Российской империи. Собрания второе и третье

РГВИА – Российский государственный военно-исторический архив (Москва)

РГИА – Российский государственный исторический архив (Санкт-Петербург)

СЗ РИ – Свод законов Российской империи

СУ – Собрание узаконений и распоряжений Правительства

ЦГАОО РБ – Центральный государственный архив общественных объединений Республики Башкортостан (Уфа)

ЦГИА РБ – Центральный государственный исторический архив Республики Башкортостан (Уфа)

ПРИЛОЖЕНИЯ.
Юго-Восточный Башкортостан на рубеже XIX–XX вв.

На рубеже XIX–XX вв. в Оренбургской губернии местные статистики составили несколько списков населённых мест, которые в наши дни являются ценным историческим источником для изучения демографического, социально-экономического, этнического развития юго-восточных районов современного Башкортостана. Так, к 25-летию открытия Оренбургского губернского статистического комитета, действовавшего при исполнительной власти, в системе Министерства внутренних дел (земство здесь появилось только накануне Первой мировой войны), в 1891 г. были собраны из волостных и станичных правлений сведения о числе дворов в каждом населённом пункте, количестве душ мужского и женского пола (высчитывалось также сколько человек приходится на один двор), при какой реке или урочище находилась деревня, на каком расстоянии от уездного города, волостного или станичного правления, а также квартиры станового пристава лежал населённый пункт, сколько церквей, мечетей, школ, базаров и ярмарок имелось. В **приложении № 1** приведены, в качестве образца, основные сведения по Бурзян-Кипчакской волости Оренбургского уезда. К сожалению, в 1891 г. не была собрана информация об этническом составе жителей. И в следующем издании списка населённых мест Оренбургской губернии, вышедшем в 1901 г., указываются расстояния до уездного центра, квартиры земского начальника, волостного правления, но национальная принадлежность сельчан опять была пропущена. В **приложении № 2** помещены основные данные по трём Бурзянским волостям Орского уезда. Информация в Оренбургский статистический комитет поставлялась волостными старшинами, документация которых нередко содержала приблизительные сведения, поэтому данные списков населённых мест требуют критического подхода, сопоставления с иными историческими источниками. По 3-й Бурзянской волости зарегистрированы под названием хуторов места летних кочёвок башкир, что свидетельствует о глубоком знании жизни рядового населения местной администрацией.

Особую ценность имеют материалы проводившейся летом 1917 г. всероссийской сельскохозяйственной и поземельной переписи, организованной Временным правительством (**приложение № 3**). Молодое оренбургское земство на этот раз зафиксировало национальную принадлежность населения и успело в очень сложной общественно-политической и экономической обстановке опубликовать первичные результаты обследования. В отечественной историографии итоги переписи оцениваются высоко, население в целом доверяло переписчикам, в стране готовилась грандиозная земельная реформа, для чего требовалась точная информация. На каждую семью составлялась отдельная подворная карточка, куда заносились данные о численности

населения, количестве земли, посевов, скота, инвентаря и т. д. Работники Оренбургского губернского статистического бюро, получив карточки из уездов, сумели их предварительно обработать и составили список населённых мест по всем волостям гражданской территории (без земель Оренбургского казачьего войска), где указаны преобладающая национальность, количество всех наличных (то есть реально проживавших в данном селении на момент переписи) хозяйств и число душ обоего пола. В этом списке не выделены единичные иноэтничные семьи, поселившиеся в конкретной деревне, то есть приводится господствующая национальность. В названиях населённых пунктов часто встречаются ошибки и опечатки, иногда путается местами национальность в соседних по перечню населённых пунктах, но, даже с учётом этих недостатков, данный список представляет ценную информацию о населении юго-восточного Башкортостана накануне Великой Российской революции 1917 г. и Гражданской войны. Необходимо также учитывать, что оренбургские земские статистики имели весьма небольшой опыт работы, поэтому в публикации нередко встречаются ошибки, особенно по удалённым башкирским селениям Орского уезда.

Первичные материалы сельскохозяйственной переписи 1917 г., прошедшей в канун страшных потрясений, в большинстве архивов России погибли, подворные карточки по Оренбургской губернии в очень небольшом количестве сохранились в Москве (ГАРФ) и использовались оренбургскими историками[1]. Так, М.Д. Машин обработал 2,5 тыс. подворных карточек переписи по казачьим юртам[2]. В опубликованных же итогах приводятся лишь поуездные и погубернские сведения[3], в некоторых регионах местные статистики издавали итоговые данные переписи 1917 г.[4] Но по Уфимской губернии, где сохранился основной массив материалов по пяти уездам из

---

[1] *Футорянский Л.И.* Первичные материалы Всероссийской сельскохозяйственной и поземельной переписи 1917 г. и социально-экономическое положение Оренбургского казачества накануне Октября // Вопросы аграрной истории Урала. Свердловск, 1975; *Булатова Н.И.* К вопросу о классовой дифференциации иногороднего крестьянства Оренбургской губернии накануне Октября (по материалам подворных карточек Михайловской станицы Троицкого уезда) // Социально-экономические проблемы истории Великой Октябрьской социалистической революции. М., 1977; др.

[2] См.: *Машин М.Д.* Оренбургское и уральское казачество в годы гражданской войны. Саратов, 1984.

[3] Предварительные погубернские итоги Всероссийской сельскохозяйственной и поземельной переписи 1917 г. по 29 губерниям и областям. М., 1919; Погубернские итоги Всероссийской сельскохозяйственной и поземельной переписи 1917 года по 52 губерниям и областям // Труды ЦСУ РСФСР. М., 1921. Т. 5, вып. 1; Поуездные итоги Всероссийской сельскохозяйственной и поземельной переписи 1917 года по 57 губерниям и областям // Труды ЦСУ РСФСР. М., 1923. Т. 5, вып. 2.

[4] См., напр.: Итоги Всероссийской сельскохозяйственной, поземельной и городской переписи 1917 г. Калужская губерния. М., 1919; Материалы Всероссийских переписей 1916, 1917 и 1920 гг. по Калмыцкой степи (поволостные итоги). I. Астрахань, 1922; др. (См.: *Машихин Е.А.*, *Симчера В.М.* Статистические публикации в СССР. Библиографический указатель. М., 1975). По Оренбургской губернии известны также другие издания: Поселенные итоги Оренбургского уезда. По данным сельскохозяйственной и поземельной переписи 1917 г. Оренбург, 1921 [1917]; Алфавитный список населённых мест Оренбургской губернии по данным сельско-хозяйственной и поземельной переписи 1917 года. Оренбург, 1917. Волостные и уездные итоги переписи 1917 г., таблицы по гражданской территории бывшей Оренбургской губернии использовал Ф.А. Фиельструп (См.: *Фиельструп Ф.А.* Этнический состав населения Приуралья. Л., 1926. С. 3–4, 22).

шести, без Мензелинского (свыше 400 тыс. подворных карточек), поселенные итоги опубликованы М.И. Родновым[1] в наши дни.

Ниже приводятся списки населённых мест по волостям Оренбургской губернии, территориально находившихся в пределах современной Республики Башкортостан, а также волостей с башкирским населением в границах нынешней Оренбургской области. В публикации материалов переписи 1917 г. наименования ряда национальностей даются в современном варианте – не великороссы, а русские, не малороссы, а украинцы, мишари в публикации указывались либо как мещеряки, либо как мещера. Все названия сёл и деревень приводятся точно по первоисточнику, исправлены только явные ошибки, которые удалось установить.

Сокращения: х. – хутор, отр. – отруба, д. – деревня, с. – село, Т-во – товарищество (коллективная частная земельная собственность), св. нет – сведений нет (то есть этой информации не было у оренбургских статистиков в 1917 г., во время обработки результатов переписи, карточки были утеряны или население отказалось давать сведения). Если цифра (или буква) плохо прочитывалась в источнике и нами примерно восстановлена, она подчёркнута. Некоторые населённые пункты представляли собой выселки из более крупных деревень, информация по ним в списке приводится по «материнскому» селению, в этом случае указывается: смотри такой-то №.

---

[1] *Роднов М.И.* Крестьяне Бирского уезда по переписи 1917 года. Уфа, 1997; *Он же.* Крестьянство Уфимского уезда по переписи 1917 года. Уфа, 1997; Западные башкиры по переписям 1795–1917 гг. Сб. док. / Сост. Асфандияров А. З., Абсалямов Ю.М., Роднов М.И. Уфа, 2001; *Роднов М.И.* Крестьянство Златоустовского уезда по переписи 1917 года. Уфа, 2002.

ПРИЛОЖЕНИЕ № 1.
Селения Бурзян-Кипчакской волости
Оренбургского уезда в 1891 г.

Населённый пункт	Дворов	Человек	При речке	Примечания
Андреевский	23	150	Ташле	
Акимбетова	25	95	Ике	мечеть дерев.
Бикбова	15	78	–	мечеть дерев.
Биктемирова	60	359	Сакмаре	мечеть дерев.
Бикбовский	15	76	Ике	
Верхне-Мурсалеева	22	77	–	мечеть дерев.
Верхне-Сюрюбаева	35	172	–	мечеть дерев.
Васильевский	30*	46	Казлаире	
Дмитриевский	30	270	–	
Исянгулова	90	411	Ике	мечеть дерев., базар
Ижбулдина	19	70	Ташле	
Ильинский	18	39	Сакмаре	
Кузебакова	49	243	Яман Булаке	мечеть дерев., мельн. о 2 поставах
Каскинова	36	157	Ике	
Караберды	31	97	Караберды	
Кульчумова	101	531	Сакмаре	мечеть дерев.
Кабанова	50	238	–	мечеть дерев.
Карагузина	59	341	Казлаире	мечеть дерев.
Конторский	13	42	Сакмаре	
Киватский	18	42	Ишиме	
Казлаировск.	22	67	Казлаире	
Коннозаводский	7	75	Ташле	мельн. о 3 поставах
Коран	30	150	Ике	
Мурзабаева	35	193	Каратупе	
Мукачева	39	160	Ике	
Михайловский	60	280	Ташле	
Назарова 2	62	316	Яман Булаке	мельн. вод. о 2 поставах
Назарова 1	35	173	Ташле	мечеть дерев.
Назарова Ик	15	58	Ике	
Новая Чебенька	107	676	Яман Булаке	мечеть дерев.
Нижне-Сюрюбаева	28	125	Ике	
Назаровский	137	620	Ике	церковь дер.
Николаевский	19	73	Ташле	
Ново-Петровский	25	104	Ике	
Райманова	40	179	Сакмаре	мечеть дерев.
Смак-Тангаур	33	153	Сабаклы	
Сензяпова	60	415	Ташле	мечеть дерев.
Смак-Аитова	30	164	Ташле	мечеть дерев., мельницы о 4 и 2 поставах
Сукулак	120	790	Бурче	
Саратовский	20	138	Ике	
Сюрюбаево	38	199	Ике	

* Возможно, три двора (*авт.*).

Населённый пункт	Дворов	Человек	При речке	Примечания
Сарбаевский	33	180	Ташле	мельн. о 2 поставах
Туанбетова	45	408	Ике	мечеть дерев.
Туамбет-Мурсалеева	26	161	Ике	
Фёдоровский	54	332	Бурче	
Хомутовский	11	34	Яман Булаке	мельн. вод. о 2 поставах
Хурман-Овраг	5	39	Казлаире	
Черепановск.	43	220	Бурче	

Источник: Списки населённых мест Оренбургской губернии с общими об ней сведениями. Оренбург, 1892. Списки населённых мест Оренбургской губернии по сведениям, собранным от волостных и станичных правлений в 1891 году. С. XII–XV.

Приложение № 2. Селения Бурзянских волостей Орского уезда в 1901 г.

1-я Бурзянская волость

Населённый пункт	Дворов	Человек	При речке	Примечания
Абдулмукменева	33	277	Тутуе	мечеть дерев.
Армян х.	7	25	Зилаире	
Аминева	84	382	Сакмаре	мечеть дерев.
Абдрахманова	20	169	Безымянной	
Баймурзина	71	331	Бурли-Илге	мечеть дерев.
Баишева	120	505	Уртазыме	2 дер. вод. мук. мел. о 2 постав. каждая
Бахтигиреева	104	507	Тоже	мечеть дерев., 2 дер. вод. мук. мел. об 1 пост. кажд.
Баткак-Илга х.	11	65	Ур. Пшады	
Байжанпшады х.	7	28	Тоже	
Большой-Калмак х.	9	41	Б. Калмак	
Буранбаева	31	264	Ключ Умурзан	мечеть дерев.
Гаптикеева	22	155	Ур. Казак-Яткан	мечеть дерев.
Галиева (она же Аратурова)	27	210	Уртазыме	мечеть дер., 2 дер. вод. мук. мел. об 1 п. каждая
Гумерова	28	264	Баткаклы	
Гадильбаева 1-я	52	215	Тоже	мечеть дерев.
Гадильбаева 2-я	43	167	Сакмаре	
Габсалямова	24	177	Кувашлы	
Давлетова	15	129	Утягуш	
Давлетбердинский х.	1	16	Сакмаре	дер. вод. мук. мел. о 2 п.
Зилаирский х.	14	128	Зилаире	
Зильмова	21	124	Тоже	мечеть дерев.
Зилаирско-Сагадиевский х.	10	49	Тоже	
Иткулова 1-я	66	630	Кл. Кашлавбар	мечеть дерев., дер. русско-башк. школа, еженедел. по понед. базар

Населённый пункт	Дворов	Человек	При речке	Примечания
Иманъярский х.	10	70	Ключ Иманьяр	
Иске-Изменский х.	13	130	Зилаир	
Исянгильдина	57	283	Род. Безымянный	
Ишмухаметова	91	393	Карамале	
Ибрагимова	22	112	Бероли-Сязь	
Исламова	12	115	Яманташ	
Исмакаева	31	190	Юлук	мечеть дерев., 4 вод. мук. мел. об 1 пост. каждая
Ишмурзина	61	260	Кузян-Талагане	
Каришкинсязь выс.	46	224	Род. Каришкин-сязь	
Куса х.	4	15	Ур. Куса	
Каратал х.	5	7	На колод. Каратал	
Калтубанский х.	4	35	Оз. Калтубан	
Кундуруш х.	3	13	Ур. Кундуруш	
Карагай-Илга х.	7	30	Ур. Пшады	
Мухаметова	24	220	Сакмаре	
Мурзина Большая	18	105	Ур. Землянка	мечеть дерев.
Мурзина Малая	20	110	Таналык	мечеть дерев.
Муртазина	11	101	Баткаклы	
Мурзакаева	18	143	Сакмаре	
Мурзабулатова	20	203	Сакмаре	
Малый Калмак х.	9	40	Мал. Калмак	
Мамбетова Малая	15	120	Кл. Увараш	мечеть дерев.
Мамбетова Большая	30	200	Тоже	мечеть дерев.
Мрясова	27	211	Акменды	мечеть дерев.
Мрясовский х.	5	30	Таналык	
Ново-Кинзябулатова	24	220	Кл. Кашлавбар	
Ниязгулова	12	95	Зилаире	мечеть дерев.
Ново-Сибаева	11	83	Караилга	
Старо-Кинзябулатова	62	600	Сакмаре	мечеть дерев.
Сарысязь х.	6	45	Сарысязь	
Сандавлетова	52	204	Лопсас	
Сакмарский выс.	6	36	Сакмаре	
Сафиуллинский х.	2	14	Туляш	
Старо Сибаева	87	840	Караилга	мечеть дерев., мук. вод. мел. об 1 поставе
Тлявкабылова	22	90	Родн. Бурле	
Тангрыбердина	11	67	Яманташ	
Татлыбаева	28	224	Акма	
Таналыкова	31	172	Таналыке	мечеть дерев., русско-башкирская шк., баз. ежен. по воскр. и ежегод. с 1-го по 6-е окт. ярмарка
Тавлыкаева	161	688	Сакмаре	
Тугузбаевский х.	20	101	Тугузбай	
Урус-Кырлыган х.	4	12	Ур. Пшады	
Файзуллина	97	425	Шурале	мечеть дерев., 3 дер. вод. мук. мел. об 1 поставе

Населённый пункт	Дворов	Человек	При речке	Примечания
Хибетовский х.	11	49	Зилаир	
Хасянова	25	180	Безымянная	
Хисметовский х.	16	63	Зилаир	
Хушмухаметова х.	1	4	Кизил-Курт	
Чингизова	42	420	Сакмаре	мечеть дерев., дер. вод. мук. мел. о 2 поставах
Чубарат х.	5	20	Чубарат	
Шулькитамак х.	20	200	Шулька	
Шулькинский х.	13	130	Зилаир	
Юмашева	65	383	Кувашлы	мечеть дерев.
Юлукский Ям	136	435	Юлук	мечеть дерев., русско-башкир. школа, еженед. по вторник. базар, с 22 по 28 ноября ярмарка, вод. мук. мельница об 1 пост.
Юсупова	16	149	Карагай-Илга	
Янзигитова	20	199	Акма	
Яратова	16	150	Сакмаре	мечеть дерев.
Ярмухаметова	30	305	Магаш	

2-я Бурзянская волость

Населённый пункт	Дворов	Человек	При речке	Примечания
Аминева	40	241	Сакмаре	мечеть дерев.
Абызгильдина	33	151	Худолазе	
Ахмерова	67	319	Тоже	
Альмухаметова	147	519	Кизиле	2 мечеть дерев., медресе, дерев. мельн. об 1 пост., базар еженед. по четверг. и ярмарка ежег. с 15 по 21 октября
Абдряшева	62	286	Кизиле	4 дер. вод. мел.: 1 о 2 постав., 3 об 1 п. каждая
Баимова	70	397	Тавлы	мечеть дерев.
Байрамгулова	57	317	Сакмаре	3 дер. мел. кажд. об 1 пост.
Бахтигиреева	74	370	Таналыке	
Басаева	54	254	Худолазе	
Булатова	81	411	Кизиле	мечеть дерев., дер. мельн. об 1 пост.
Габейдуллина	35	171	Тлянкарке	
Гадильшина	109	481	Худолазе	мечеть дерев., дер. мел. на 1 пост.
Ишбердина	25	138	Султанке	
Иткулова	158	974	Тавлы	2 мечеть дер., 6 дер. вод. мел. об 1 пост. каждая
Искакова	32	146	Тоже	вод. мел. на 1 п.
Идрисова	106	627	Сакмаре	мечеть дерев., 2 дер. вод. мел. на 2 пост. каждая
Исянова	99	551	Оз. Толкач	мечеть дерев.

Населённый пункт	Дворов	Человек	При речке	Примечания
Исянбетева	102	424	Худолазе	мечеть дерев.
Кусиева	104	529	Султанке	мечеть дерев., медресе, дер. мельн. об 1 пост.
Кулчурина	46	324	Сакмаре	мечеть дерев.
Муллакаева	77	483	Тоже	мечеть дерев., медресе, дер. вод. мел. о 2 пост.
Мустаева	92	456	Худолазе	мечеть дерев.
Мукасева	42	246	Асамае	дер. вод. мел. о 2 пост.
Нигаметова	48	211	Сакмаре	мел. вод. дер. об 1 пост.
Назарова	28	140	Худолазе	
Сеитбаталова	25	144	Чекмагуш	
Темясова	271	1174	Сакмаре	2 мечеть дер., медресе, дер. русск.-башк. учил., еженед. по четв. базар, ежег. ярм. 10–18 нояб.
Тактагулова	71	339	Султанке	
Трухменева	174	825	Худолазе	мечеть дерев.
Яикбаева	170	862	Сакмаре	мечеть дерев., вод. мельница об 1 пост.
Султаевский золотой прииск Орских купц. бр. Рамеевых, близ д. Кусиевой*	58	227	Султанке	паровая мельница об 1 пост.
Еленинский прииск бр. Рамеевых, близ д. Мактагуловой	5	12	Тоже	
Гадильшинский прииск их же, близ д. Гадильшиной	21	75	Худолазе	
Трухменевский прииск их же, близ д. Трухменевой	5	30	Худолазе	
Кожевенный завод Орских мещан Ивановых, близ д. Аминевой	7	35	Сакмаре	

3-я Бурзянская волость

Населённый пункт	Дворов	Человек	При речке	Примечания
Атикова	67	484	Кане	мечеть дерев.
Акбулатова	28	151	Ямашлы	
Буз-Бия х.	9	–	Алакуяне	
Бакан-Биш х.	3	–	Урочище	
Бол. Нугуш х.	1	–	Нугуше	
Верхне-Нугушева	26	186	Тоже	
Галиакберова	31	216	Тоже	мечеть дерев.
Гадильгиреева	51	354	Шульгане	

* «Кроме означенных селений, как непосредственно составляющих волость, имеются населённые места на арендованных землях, для промышленных целей, носящих характер временных поселений, не входящих в состав волости, каковы суть:» – далее указаны прииски.

Населённый пункт	Дворов	Человек	При речке	Примечания
Исянгазина	23	211	Кане	
Ишдавлетова	17	139	Белой	
Ирикли-Тамак х.	7	–	Куме	
Кулгунина	32	221	Калгасле	мечеть дерев.
Кутанова	19	144	Белой	мечеть дерев.
Киикбаева	47	225	Кургазе	мечеть дерев.
Каргач х.	3	–	Куме	
Курга-Мурун х.	1	–	Урочище	
Кабан-Юрт х.	5	–	Урочище	
Кашка-Айгыр х.	2	–	Тоже	
Кужи х.	5	–	Тоже	
Карамалы х.	2	–	Тоже	
Кусюк-Айры х.	2	–	Тоже	
Мендигулова	30	177	Белой	
Максютова	104	456	Тоже	мечеть дерев.
Ново-Усманова	35	162	Битере	мечеть дерев.
Ново-Супхангулова	33	316	–	
Ново-Мусетова	33	198	Аллакуяне	мечеть дерев.
Нижне-Нугушева	14	135	Нугуше	
Ново-Каббячева	13	89	Сик-Зилге	
Старо-Усманова	14	79	Таравале	мечеть дерев.
Старо-Супхангулова	35	253	Аллакуяне	мечеть дерев.
Старо-Мусетева	27	241	Сакмагуш	
Старо-Каббячева	31	214	Калгасле	мечеть дерев.
Сангли-Тамак х.	12	–	Урочище	
Симиз-Сарык х.	1	–	Тоже	
Тамак-Айры х.	1	–	Тоже	
Ургизала х.	2	–	Тоже	
Увадраш х.	9	–	Урочище	
Шикмамай х.	12	–	Аллакуян	
Ярмухаметова	17	96	Мазалыке	
Якшигулова	16	42	Базал-Ускан	
Явлык-Киськан х.	4	–	Урочище	
Яру х.	5	–*	Тоже	

Источник: Списки населённых мест Оренбургской губернии. Оренбург, 1901. С. 60–69.

* «Примечание: Число душ на хуторах не указано вследствие того, что они обитаемы лишь в летние месяцы».

Приложение № 3. Алфавитный список населённых мест Оренбургской губернии по данным сельско-хозяйственной и поземельной переписи 1917 г. Оренбургский уезд:

Аллабердинская волость:

№№	Название населённого пункта	Преобладающая национальность	Число всех наличных хозяйств	В них душ обоего пола
1	Акиш Мордвина	русские	2	23
2	Апхалимовский х.	св. нет	св. нет	
3	Апхалимовская	русские	38	284
4	Ахуново	св. нет	св. нет	
5	Аустьяновка	русские	41	173
6	Аустьяновка	татары	80	454
7	Васильево	украинцы	126	704
8	Верхне-Чебенский	украинцы	6	36
9	Верхне-Хабаровское	украинцы	29	226
10	Владимирский х.	украинцы	37	253
11	Давлеткулово	башкиры	70	364
12	Давлеткуловский х.	русские	7	54
13	Егорьевское	украинцы	32	267
14	Енихеевский	русские	18	118
15	Копыловский х.	украинцы	33	288
16	Максимовский х.	св. нет	св. нет	
17	Максютово Б. И.	башкиры	173	816
18	Ново-Аллабердинское	татары	47	277
19	Ново-Архангельское	см. № 2		
20	Николаевское	украинцы	76	478
21	Нижне-Хабаровка	русские	24	154
22	Парофиевский	украинцы	24	170
23	Старо-Аллабердинский	башкиры	173	816
24	Савельевский	русские	65	426
25	Сатырсас	украинцы	3	27
26	Сретенская	украинцы	47	252
27	Семёновский	украинцы	11	97
28	Сидоровский	русские	3	31
29	Усмано-Дедовский	русские	4	50
30	Школьский	украинцы	13	84

Бурзянская волость:

№№	Название населённого пункта	Преобладающая национальность	Число всех наличных хозяйств	В них душ обоего пола
1	Абдулово	татары	151	820
2	Айчуваково	башкиры	36	180
3	Бабалярова	башкиры	70	341
4	Баевка	русские	26	168
5	Баккаский	русские	6	91
6	Боклыковск. Т-во	русские	6	55
7	Боклыковский х.	см. № 33	–	–
8	Барюковский х.	русские	6	52

№№	Название населённого пункта	Преобладающая национальность	Число всех наличных хозяйств	В них душ обоего пола
9	Верхне-Бабалярова	башкиры	73	406
10	Верхне-Кармалка	русские	2	26
11	Биккузина	башкиры	77	429
12	Григорьевка	русские	20	165
13	Загузовский	русские	10	129
14	Заховский	русские	2	22
15	Ивановское	русские	46	308
16	Ивановский х. I	русские	9	73
17	Иткыбылова	см. № 3	–	–
18	Иткыбыловское Т-во	русские	3	36
19	Кармалинский	башкиры	18	142
20	Кинзябызовское I	башкиры	69	358
21	Кинзябызовское II	башкиры	70	350
22	Кунакбаево	башкиры	85	476
23	Кутлуюлова	башкиры	33	233
24	Михайловка	белорусы	30	217
25	Михайловское Т-во	русские	6	61
26	Назарова	башкиры	93	457
27	Сарт-Елга (Кузминского)	украинцы	3	18
28	Старинкевическое	русские	12	109
29	Табалта	русские	13	114
30	Татьяновка	русские	41	298
31	Туканово	башкиры	47	252
32	Филатовское	русские	11	75
33	Хлебородное Т-во	русские	18	141
34	Холодный Родник	русские	13	83
35	Чеканово Т-во	русские	6	55
36	Якупова	башкиры	148	707
37	Якшимбетово	башкиры	164	924

Бурзяно-Кипчакская волость:

№№	Название населённого пункта	Преобладающая национальность	Число всех наличных хозяйств	В них душ обоего пола
1	Андреевский х. см. 73	русские	49	286
2	Айгай Мурсалеева	башкиры	50	258
3	Акимбетово	башкиры	32	147
4	Бикбова	русские	29	213
5	Бикбово	башкиры	19	84
6	Биктимирово	башкиры	61	306
7	Бельский	св. нет	–	–
8	Верхне-Мурсалеево	св. нет	–	–
9	Верхне-Санзяпово	башкиры	102	559
10	Верх. Сюрюбаевское	башкиры	57	291
11	Думбаевский	см. № 58	–	–
12	Думбай Мурсалеево	башкиры	31	169
13	Зачепиловский	украинцы	14	111
14	Ижбулдина	св. нет	–	–

№№	Название населённого пункта	Преобладающая национальность	Число всех наличных хозяйств	В них душ обоего пола
15	Изминский	см. № 67	–	–
16	Икшщ.-Назарова	св. нет	–	–
17	Ильинский	св. нет	–	–
18	Ислаевский	мишари	25	166
19	Исянгулово I	русские	207	1207
20	Исянгулово II	русские	156	767
21	Кабановка	башкиры	75	382
22	Казанка	русские	81	488
23	Карабатырь	св. нет	–	–
24	Караберда	св. нет	–	–
25	Карагузино	мишари	54	341
26	Карагузино	башкиры	49	310
27	Каран	св. нет	–	–
28	Каскинова	башкиры	56	281
29	Кузебаково	башкиры	67	358
30	Кузебаковой д. мельн.	русские	5	39
31	Курман Овраг	русские	52	329
32	Макарьевка	украинцы	42	291
33	Михайловка	русские	49	344
34	Михайловское	русские	114	712
35	Мукасеевская (Курмишкино)	башкиры	42	225
36	Мукачева	св. нет	–	–
37	Мурзабаево	башкиры	63	294
38	Назарово 1-е	башкиры	49	231
39	Назарово 2-е	башкиры	74	422
40	Назаровский х.	русские	239	1518
41	Николаевский х.	русские	52	305
42	Ново-Васильевское	украинцы	70	462
43	Н. Ивановский	украинцы	21	144
44	Ново-Николаевское	св. нет	–	–
45	Н. Козлоировский	русские	33	228
46	Н. Кульчумовское	мишари	82	507
47	Н. Михайловский II	св. нет	–	–
48	Ново-Петровское	мордва	213	1521
49	Ново-Сокулак	св. нет	–	–
50	Н. Санзяпово	башкиры	7	42
51	Н. Сюрюбаево	башкиры	56	293
52	Ново-Чебеньки	русские	19	110
53	Ново-Чебеньки	башкиры	232	1310
54	Палатинский х.	русские	38	287
55	Пресняково	русские	9	66
56	Райманова	башкиры	56	261
57	Сокулак	русские	183	1193
58	Саратовский	русские	50	279
59	Семиродный	русские	10	70
60	Синтуровская	русские	12	82
61	Смак Аютова	башкиры	63	338
62	Смак Тангаурова	башкиры	52	309

№№	Название населённого пункта	Преобладающая национальность	Число всех наличных хозяйств	В них душ обоего пола
63	Ст. Казлаир	русские	34	228
64	Ст. Кульчумовское	башкиры	74	339
65	Сюребаевский х.	русские	84	521
66	Тихоновская	украинцы	26	223
67	Туембетовская	русские	20	121
68	Туембетовский (Караер)	башкиры	45	231
69	Туембетово	башкиры	59	366
70	Фёдоровский II	русские	100	621
71	Фёдоро-Ивановский	русские	33	271
72	Черепановская	русские	63	482
73	Черепановский	см. № 1	–	–

Бушман-Суун-Каракипчакская волость:

№№	Название населённого пункта	Преобладающая национальность	Число всех наличных хозяйств	В них душ обоего пола
1	Азнагуловское	башкиры	91	461
2	Алимгулово	башкиры	87	324
3	Аралбаевский	русские и мордва	11	98
4	Аралбаево	башкиры	61	316
5	Аралбаевская (мельн.)	см. № 4	–	–
6	Араслан-Амекаево	башкиры	35	158
7	Архангельский	мордва	7	62
8	Афанасьевых	мордва	2	17
9	Барсуковский х.	мордва	19	150
10	Бекечевское	русские	80	450
11	В. Сасыкулево	башкиры	12	58
12	Восточный х.	св. нет	–	–
13	Горбатовский х.	см. № 32	–	–
14	Давлетшинский х.	башкиры	6	36
15	Даут Каипова	башкиры	100	502
16	Зареклинский	мордва	5	34
17	Ибраево	татары	92	556
18	Икбаево	башкиры	37	225
19	Иртюбякское Т-во	св. нет	–	–
20	Кадырово	башкиры	52	268
21	Калдарова	башкиры	54	231
22	Канакачева	башкиры	38	210
23	Канакачев	см. № 30	–	–
24	Кинзебаево	мордва	80	317
25	Мазурок	см. № 31	–	–
26	Назаргулово	башкиры	45	223
27	Н. Сасыкулево	башкиры	57	333
28	Н. Игубаевский	св. нет	–	–
29	Н. Михайловский	чуваши	14	86
30	Н. Николаевский	русские	182	1084
31	Н. Хохлацкий	русские	28	199

№№	Название населённого пункта	Преобладающая национальность	Число всех наличных хозяйств	В них душ обоего пола
32	Нягдарский	русские	71	478
33	Орловский	русские	2	23
34	Павловское	русские	28	168
35	Псянчина	башкиры	135	753
36	Псянчинская мел.	св. нет	–	–
37	Псянчин. лесн. прист.	св. нет	–	–
38	Самарцевский	русские	19	129
39	Саматевск.-Сажнев.	св. нет	–	–
40	Сапашевский	украинцы	32	233
41	Сиксамбаевский	украинцы	65	349
42	Сиксамбаевский	русские	8	80
43	Софиевский	св. нет	–	–
44	Старо-Михайлов.	русские	27	161
45	Ст.-Ядгаровское	русские	42	286
46	Таваканово	украинцы	116	621
47	Тляумбетово	башкиры	101	559
48	Тюлебаевское	украинцы	97	495
49	Тюлебаевск. мельн.	св. нет	–	–
50	Уракаево	украинцы	36	210
51	Уракаевский х.	украинцы	11	61
52	Филипповка	башкиры	85	516
53	Черемышево	украинцы	59	285
54	Черемышевский х.	татары	46	304
55	Черниговский	русские	38	256
56	Шоттовское II Т-во	русские	6	35
57	Ялчинское	украинцы	61	318
58	Ямангулово	украинцы	57	278
59	Ямансарино	украинцы	116	624
60	Ямантау	св. нет	–	–
61	Ямашево	украинцы	50	217

Имангуловская волость:

№№	Название населенного пункта	Преобладающая национальность	Число всех наличных хозяйств	В них душ обоего пола
1	Анатольевское	украинцы	177	1092
2	Берестовское	русские	46	355
3	Бузулукский х.	см. № 16	–	–
4	Епифановский х.	св. нет	–	–
5	Жаровых х.	украинцы	5	53
6	Имангулово I-е	башкиры	198	1045
7	Имангулово II-е	татары	194	1076
8	Ласковых х.	украинцы	2	21
9	Мананников. х.	св. нет	–	–
10	Марьевка	русские	98	690
11	Марьевское Т-во	русские	45	313
12	Прожив. около с. Мар.	св. нет	–	–
13	Н. Петровский х.	украинцы	17	148

№№	Название населённого пункта	Преобладающая национальность	Число всех наличных хозяйств	В них душ обоего пола
14	Н.-Биккулово	башкиры	88	585
15	Ново-Орловское	русские	64	423
16	Ольгинский х.	украинцы	8	88
17	Петропавловка	св. нет	–	–
18	Поповых х.	русские	3	29
19	Санкина х.	русские	9	44
20	Селивановых х.	русские	6	40
21	Ткаченко	св. нет	–	–
22	Токоревский х.	русские	13	127
23	Токоревский	св. нет	–	–
24	Тычининых	русские	1	10
25	Щавельское Т-во	св. нет	–	–
26	Янгиз	русские	57	422

1-я Каракипчакская волость:

№№	Название населённого пункта	Преобладающая национальность	Число всех наличных хозяйств	В них душ обоего пола
1	Альмясово	башкиры	114	585
2	Альмясовск.	русские	52	339
3	Бекешево	башкиры	59	266
4	Бекешевский х.	русские	38	229
5	Бикбулатово	башкиры	134	715
6	Богдашкино	татары	73	476
7	В.-Васильевское	русские	49	336
8	Верхняя Мойка	русские	17	130
9	Гусевский-Юлдыбаев.х.	св. нет	–	–
10	Гусевский х.	мордва	84	637
11	Гусевский-Мраков.о-ны	св. нет	–	–
12	Журавлёвский х.	русские	12	80
13	Ивашина х.	русские	13	104
14	Ибрагимово	башкиры	85	476
15	Ибрагимовск.-Кузмин.х.	русские	5	38
16	Ибрагимовский	мордва	20	133
17	Имак-Юрт	св. нет	–	–
18	Кармала х.	русские	5	42
19	Кашкарово	башкиры	22	105
20	Кургай Елга х.	русские	5	28
21	Курт-Юлга	мордва	13	84
22	Мраковский	см. № 42	–	–
23	Мраково	башкиры	834	4519
24	Мусино	башкиры	21	102
25	Мурадымово	башкиры	22	123
26	Мурадымовский х.	русские	20	136
27	Ново-Бекешевский х.	украинцы	7	53
28	Нижняя Мойка	русские	17	129
29	Ново-Покровский	русские	46	314
30	Ново-Покровский х.	русские	58	430

№№	Название населённого пункта	Преобладающая национальность	Число всех наличных хозяйств	В них душ обоего пола
31	Ново-Петровский	русские	18	112
32	Ново-Хвалынский пос.	св. нет	–	–
33	Ново-Хвалынский х.	русские	28	189
34	Опытный-Кузьмина х.	русские	1	5
35	Павловский х.	украинцы	44	262
36	Репьевский пос.	св. нет	–	–
37	Салтыковское	русские	43	255
38	Сейткулово	башкиры	79	432
39	Средняя Мойка	русские	5	44
40	Суюшево	башкиры	55	288
41	Султангулово	башкиры	67	382
42	Степановка х.	мордва	17	107
43	С.-Хвалынский	русские	7	54
44	Тупчаново Iе	башкиры	74	390
45	Тупчаново IIе	башкиры	34	164
46	Тупчаново IIIе	башкиры	48	267
47	Чебашлинский х.	русские	12	76
48	Черногорский х.	русские	5	30
49	Щербаковский х.	русские	4	56
50	Юлдыбаевское I-е	башкиры	150	773
51	Юлдыбаево II-е	башкиры	55	336
52	Юлдыбаево III-е	башкиры	102	525
53	Шалкан-Юрт	св. нет	–	–
54	Якимбетово	башкиры	53	308

2-я Каракипчакская волость:

№№	Название населённого пункта	Преобладающая национальность	Число всех наличных хозяйств	В них душ обоего пола
1	Ардатовское	мордва	83	484
2	Бергутово	св. нет	–	–
3	Бергутовский х.	мордва	67	421
4	Бустубаево	башкиры	58	326
5	Б.-Абызово	св. нет	–	–
6	В.-Сазова	св. нет	–	–
7	Давлеткуловский I х.	чуваши	63	396
8	Давлеткуловский II х.	башкиры	61	334
9	Давлеткулова I-я	св. нет	–	–
10	Джитибуляк	башкиры	209	1368
11	Ижбердино с.	мордва	130	807
12	Исимов.	башкиры	40	189
13	Исимовский пос.	русские	14	97
14	Иткучуково	башкиры	68	373
15	Каран	украинцы	50	389
16	Кугарчи	см. № 10	–	–
17	Киво-Никольск	украинцы	50	346
18	Мало-Исимовский	св. нет	–	–
19	Маклатово	татары	30	176

№№	Название населённого пункта	Преобладающая национальность	Число всех наличных хозяйств	В них душ обоего пола
20	Мяткисинский	белорусы	14	104
21	Назаровский	русские	83	524
22	Николаевский	русские	22	140
23	Н. Алексеевский	русские	97	713
24	Н. Ардатовский	мордва	26	169
25	Н. Покровский	украинцы	24	173
26	Нукаево	башкиры	191	1010
27	Рязанский	русские	58	397
28	Салихова	башкиры	38	207
29	Сапыкова	башкиры	62	297
30	Саратовский х.	русские	50	386
31	Симбирский	русские	95	608
32	Ст. Исимовка	русские	93	650
33	Тукатово 1-е	башкиры	42	497
34	Тукатово 2-е	башкиры	57	308
35	Тукатово 3-е	башкиры	18	97
36	Тюльган	русские	28	141
37	Успенский	украинцы	26	166
38	Чуюнчи Чупаново	татары	83	528
39	Шафиевский	русские	40	243
40	Шалапутовский	русские	43	273

Кипчакская волость:

№№	Название населённого пункта	Преобладающая национальность	Число всех наличных хозяйств	В них душ обоего пола
1	Актиново	башкиры	71	376
2	Алисово	немцы	70	312
3	Ахмерово	башкиры	146	724
4	Байбаковское Т-во	украинцы	45	217
5	Бикбай х.	украинцы	8	90
6	Борисовский х.	украинцы	25	208
7	Булюмский	русские и мордва	3	19
8	В. Кунакбаево	башкиры	86	412
9	В. Уранское	украинцы	15	109
10	Габзелиловское	башкиры	132	676
11	Габдрафикова	башкиры	102	520
12	Добровка	немцы	91	388
13	Долиновка	немцы	102	380
14	Деевка № 5	немцы	153	500
15	Зелёная	немцы	59	261
16	Журиных	русские	3	9
17	Ибрагимово	башкиры	33	170
18	Исянгильдское	башкиры	117	540
19	Калмык-Кочерган	русские и мордва	8	83
20	Калкамаманова	см. № 36	–	–
21	Каменка	немцы	127	480

№№	Название населённого пункта	Преобладающая национальность	Число всех наличных хозяйств	В них душ обоего пола
22	Канцеровская	немцы	100	390
23	Карагуй	немцы	92	365
24	Каратал	русские	18	136
25	Кичкас	немцы	75	285
26	Клубниково	немцы	90	356
27	Камышевка	немцы	73	289
28	Кринечево Т-во	украинцы	17	106
29	Кубанка	немцы	45	195
30	Кутлубетово	башкиры	99	506
31	Кутучево	башкиры	94	484
32	Кувай	см. № 34	–	–
33	Липовский	русские	5	34
34	Логочевское	русские	15	182
35	Мрясово	башкиры	161	764
36	Н. Деревня	см. № 9	–	–
37	Н. Кунакбаево	башкиры	135	625
38	Николаевка № 6	немцы	63	325
39	Петровка	немцы	114	477
40	Претория	немцы	142	461
41	Романовское	немцы	99	351
42	Родничнея № 10	немцы	59	258
43	Сабангуловское	немцы	32	181
44	Самарский х.	св. нет	–	–
45	Степановская	немцы	88	334
46	Смирновский	немцы	33	192
47	Степановский	русские	4	34
48	Сипай	см. № 22	–	–
49	Судьбодаровка	украинцы	98	650
50	Суворовка	немцы	91	335
51	Уранский № 30	украинцы	24	206
52	Уранский № 2-й	св. нет	–	–
53	Фёдоровка № 7	немцы	87	352
54	Хортица	немцы	124	499
55	Цариченское	украинцы	68	415
56	Черно Озерной	немцы	58	240
57	Шаровское	украинцы	38	331

Кургазинская волость:

№№	Название населённого пункта	Преобладающая национальность	Число всех наличных хозяйств	В них душ обоего пола
1	Афанасьева х.	см. № 13	–	–
2	Бахмутский х.	русские	75	608
3	Белая Глинка	украинцы	19	193
4	Варнавское	русские	12	89
5	Ермолаевка	русские	229	1168
6	Ивановское 4-е	русские	14	114

№№	Название населённого пункта	Преобладающая национальность	Число всех наличных хозяйств	В них душ обоего пола
7	Ивановское 5-е	украинцы	59	351
8	Коровинское	русские	33	216
9	Кривле-Илюшкино	чуваши	119	751
10	Кривле-Илюшкино	св. нет	–	–
11	Нижне-Дувайск.	см. № 3	–	–
12	Николаевский х.	св. нет	–	–
13	Николаевка х.	русские	43	296
14	Ново-Троицкая	русские	53	425
15	Ново-Знаменка	русские	97	607
16	Оторвановка	св. нет	–	–
17	Отрада	русские	223	1677
18	Петровское	украинцы	25	173
19	Уралкино	чуваши	266	1588
20	Холмогор	русские	50	328
21	Покровский	св. нет	–	–

Мурапталовская волость:

№№	Название населённого пункта	Преобладающая национальность	Число всех наличных хозяйств	В них душ обоего пола
1	Абгульганское	русские	115	749
2	Аксарино 1-е	башкиры	73	362
3	Ахуново	башкиры	32	158
4	Андреевский	украинцы	16	110
5	Велькалова	русские	16	133
6	Дедовский х.	мордва	91	567
7	Костеринский	украинцы	16	133
8	Кортубуляк (Козлярбай)	русские	6	41
9	Калтаева Ст.	св. нет	–	–
10	Калтаева д.	св. нет	–	–
11	Максимовка х.	русские	13	79
12	Молокамский х.	русские	134	881
13	Молокамский 2-й	св. нет	–	–
14	Н.-Конепаево	башкиры	132	672
15	Н.-Андреевка	св. нет	–	–
16	Н.-Муратовка	башкиры	222	1209
17	Н.-Якупова	башкиры	204	904
18	Санкин	русские	32	208
19	Старо-Мураптаево	башкиры	84	413
20	Тарасовский х.	мордва	5	52
21	Тереклинский х.	русские	20	174
22	Тереклинский 2-й	см. № 20	–	–
23	Шлясовское	св. нет	–	–
24	Якуповское	см. № 15	–	–

Ново-Башкирская волость:

№№	Название населённого пункта	Преобладающая национальность	Число всех наличных хозяйств	В них душ обоего пола
1	Аргульское Т-во	русские	49	560
2	Баягузино	башкиры	82	439
3	Бакбулатовка	башкиры	49	256
4	Булатово	башкиры	46	219
5	Вер. Каипкулевское	башкиры	17	636
6	Ибраево	башкиры	150	912
7	Катаевское	см. № 4	–	–
8	Курпячево	башкиры	38	203
9	Ново-Султакаево	мишари	26	172
10	Плешановское Т-во	русские	41	395
11	Средне-Исянгулово	башкиры	29	157
12	Ст. Султакаево	мишари	203	1355
13	Тукаево	татар	466	2714
14	Ураган	св. нет	–	–
15	Утеево	русские	384	2121
16	Шарипово	башкиры	36	138
17	Шар. пос.	св. нет	–	–

Романовская волость:

№№	Название населённого пункта	Преобладающая национальность	Число всех наличных хозяйств	В них душ обоего пола
1	Александровский х.	русские	14	112
2	Алексеевский х.	русские	3	18
3	Барановский х.	русские	7	92
4	Борки х.	русские	68	509
5	Богородская	русские	280	1930
6	Богословка	русские	131	875
7	Васильевская	русские	6	57
8	Грузовское	русские	17	164
9	Гурьевка	русские	9	64
10	Ивановская	русские	16	124
11	Кузминовка	русскис	313	2108
12	Михайловское	русские	53	347
13	Николаевка	украинцы	52	362
14	Павловская	украинцы	14	106
15	Парадеево	мордва	131	848
16	Покровское	русские	275	2031
17	Проказовка	русские	29	203
18	Романовская	русские	227	1685
19	Слоновка	украинцы	351	2595
20	Сенцовка	русские	169	1357
21	Темирбаево	татары и тептяри	130	793

Семёно-Петровская волость:

№№	Название населённого пункта	Преобладающая национальность	Число всех наличных хозяйств	В них душ обоего пола
1	Андреевский х.	русские	65	396
2	Арамбаевский	св. нет	–	–
3	Блаумберг х.	немцы	8	51
4	Волостановка	русские	71	544
5	Воскресенский	украинцы	107	625
6	Гавриловский	русские	149	906
7	Давлетшиновский х.	см. № 12	–	–
8	Ижбердинский	татары	52	313
9	Каматаевка	мордва	42	289
10	Кузьминский	см. № 11	–	–
11	Кузнецовский	русские	22	137
12	Леоновский	украинцы	17	121
13	Манашевский	русские	4	27
14	Н. Александровск.	украинцы	275	1847
15	Н. Казанское	русские	27	161
16	Одинцовский х.	св. нет	–	–
17	Павловское	русские	71	440
18	Петропавловск	русские	137	883
19	Подгорное	русские	234	1667
20	Семоновский	украинцы	22	154
21	Семёно-Петров.	русские	116	851
22	Хлебодаровский	русские	83	545

Таймасовская волость:

№№	Название населённого пункта	Преобладающая национальность	Число всех наличных хозяйств	В них душ обоего пола
1	Акташ	русские	9	60
2	Андреевский х.	украинцы	35	295
3	Васильевский	русские	94	655
4	Верхне-Мулатово	башкиры	112	569
5	Верхне-Юлдашево	башкиры	36	172
6	Зяк-Шиметьевка	татары	214	1361
7	Ильинский	русские	6	36
8	Кончуринское	башкиры	54	310
9	Кораево	башкиры	41	228
10	Красно-Холм	русские	19	140
11	Морковчино х.	св. нет	–	–
12	Нижне-Муталово	башкиры	122	605
13	Ново-Ялчикаева	башкиры	85	493
14	Ср.-Юлдашева	башкиры	101	535
15	Ст. Ялчиково	татары	54	284
16	Таймасово	башкиры	225	1075
17	Туканово	башкиры	26	137
18	Якупова с.	св. нет	–	–

Юмагузинская волость:

№№	Название населённого пункта	Преобладающая национальность	Число всех наличных хозяйств	В них душ обоего пола
1	Алексеевск. х.	чуваши	13	104
2	Биккузино	русские	12	81
3	Курасово	мордва	4	37
4	Мряушинский	русские	54	393
5	Нарбутино	башкиры	30	147
6	Н. Биккузино	башкиры	137	752
7	Ст. Биккузино	башкиры	62	342
8	Тюлебаево	башкиры	83	456
9	Юмагузино	башкиры	229	1399
10	Ялчино I-е	башкиры	84	467

Орский уезд:

Бурзянская 1-я волость:*

№№	Название населённого пункта	Преобладающая национальность	Число всех наличных хозяйств	В них душ обоего пола
1	Акмурун	башкиры	57	416
2	Аминево	украинцы**	90	431
3	Х. Арман	св. нет	–	–
4	Баткан-Зилга (Карагай-Зилга, Юлбарский)	украинцы	47	256
5	Башкак Има	св. нет	–	–
6	Х. Богачевский	украинцы	97	575
7	Вер. Гадельбаево	башкиры	106	498
8	Вер. Яратово	башкиры	35	183
9	Х. Гадильбаевский	башкиры	9	42
10	Гаптикеево	башкиры	57	336
11	Гапсалямова	башкиры	58	322
12	Гордеевский	русские, украинцы	6	36
13	Гумерово	украинцы	52	277
14	Х. Гумеровский	украинцы	12	66
15	Зилаир	св. нет	–	–
16	Зылымово	башкиры	50	248
17	Иваново	св. нет	–	–
18	Х. Искизминский	башкиры	34	174
19	Исламово	башкиры	52	262
20	Исламовский	св. нет	–	–
21	Исмакаево	башкиры	80	401
22	Иткулово	башкиры	158	794

* При публикации в некоторых деревнях национальность была ошибочно переставлена (здесь исправлены в селениях № 6–11). Возможно в данном списке неверное указание этнической принадлежности населения.

** Вероятно в селениях № 1–2 национальность указана неверно.

№№	Название населённого пункта	Преобладающая национальность	Число всех наличных хозяйств	В них душ обоего пола
23	Ишмуртино	башкиры	84	432
24	Кундуруш	св. нет	–	–
25	Х. Курса	св. нет	–	–
26	Макатым-Баш	св. нет	–	–
27	Мурзабулатово	башкиры	45	225
28	Мурзакаево	башкиры	31	131
29	Мурзино I-ое	башкиры	42	185
30	Мурзино II-ое	башкиры	49	219
31	Муртазино	башкиры	22	112
32	Мухаметово	башкиры	31	159
33	Ниязгулово	башкиры	34	155
34	Н. Гадильбаевск.	башкиры	34	142
35	Нов. Кинзябулат.	башкиры	63	318
36	Х. Софиевский	св. нет	–	–
37	Ст. Кинзябулов.	башкиры	123	617
38	Тавлюкаево	башкиры	152	760
39	Тангрибердино	башкиры	19	90
40	Х. Тангрибердинск.	башкиры	15	72
41	Тугусбай	башкиры	24	129
42	Х. Хусметовский	башкиры	30	141
43	Чингизово	башкиры	137	664
44	Чубар-Аш	башкиры	14	63
45	Х. Шамсун Гриф	св. нет	–	–
46	Х. Шульки Баш	башкиры	47	208
47	Шулька Татам	башкиры	48	191
48	Юлук	башкиры	290	1617
49	Юмашевское	башкиры	157	845
50	Юсупово	башкиры	38	230
51	д. Яратово	св. нет	–	–
52	Ярмухометовское	башкиры	96	448
53	Х. Ярмухометов.	св. нет	–	–

Бурзянская 2-я волость:

№№	Название населённого пункта	Преобладающая национальность	Число всех наличных хозяйств	В них душ обоего пола
1	Абызгильдино*	башкиры	41	205
2	Альмухаметово	башкиры	194	905
3	Аминево	башкиры	93	382
4	Ахмерово	баширы	85	428
5	Баимово	башкиры	140	793
6	Бахтигирево	башкиры	118	491
7	Бекешевский	русские	77	461
8	Битаринская	русские	8	25
9	Булатово	башкиры	111	543

* В источнике нумерация населённых пунктов № 1–18 смещена.

№№	Название населённого пункта	Преобладающая национальность	Число всех наличных хозяйств	В них душ обоего пола
10	В. Абдряшево	башкиры	41	213
11	В. Байромгулово	башкиры	34	160
12	В. Идрисово	башкиры	137	585
13	В. Иткулово	башкиры	119	615
14	В. и Н. Басаевский	башкиры	80	367
15	В. Яикбаево	башкиры	103	496
16	Габайдулино	башкиры	39	221
17	Гадильшино	башкиры	139	734
18	Искаково	башкиры	44	220
19	Исянбетово	башкиры	140	663
20	Исяново	башкиры	188	767
21	Ишбердино	башкиры	28	143
22	Казанский х.	русские	46	354
23	Кульчурино	башкиры	124	491
24	Кусиево	башкиры	138	646
25	Муллакаево	башкиры	134	671
26	Мукасово 1-е	башкиры	34	197
27	Мукасово 2-е	башкиры	33	186
28	Мустаево	башкиры	131	644
29	Назарово	башкиры	52	270
30	Нигаметово	башкиры	38	206
31	Н. Абряшево	башкиры	57	267
32	Ниж. Байрамгул	башкиры	51	221
33	Ниж. Идрисово	башкиры	80	369
34	Ниж. Ишкулово	башкиры	242	1063
35	Ниж. Яикбаево	башкиры	106	520
36	Н. Баимово	св. нет	–	–
37	Сеитбаталово	башкиры	34	204
38	Султановский прииск	русские	11	68
39	Така-Суккан	башкиры	17	93
40	Тактагулово	башкиры	109	497
41	Темясово	башкиры	471	2491
42	Трухменево 1-е	башкиры	132	637
43	Трухменево 2-е	башкиры	123	556
44	Тубинский рудн.	русские	116	474

Бурзянская 3-я волость:

№№	Название населённого пункта	Преобладающая национальность	Число всех наличных хозяйств	В них душ обоего пола
1	Акбулатова с.	башкиры	53	267
2	Атиково с.	башкиры	126	669
3	Буз-Бия х.	св. нет	–	–
4	Вадриш х.	башкиры	26	124
5	Верхне-Бигушево д.	башкиры	53	242
6	Гадильгиреево д.	башкиры	97	447
7	Галлиакберово с.	башкиры	66	337

№№	Название населённого пункта	Преобладающая национальность	Число всех наличных хозяйств	В них душ обоего пола
8	Ирикли-Тамак х.	св. нет	–	–
9	Исянгазина д.	башкиры	55	290
10	Ищдавлет с.	башкиры	41	206
11	Киекбаева с.	башкиры	93	388
12	Кумушина д.	башкиры	53	294
13	Кутаново д.	башкиры	35	186
14	Максютово с.	башкиры	94	431
15	Мандигулово	башкиры	57	270
16	Ниж. Нигушево	башкиры	39	149
17	Ново-Кобясово д.	башкиры	20	112
18	Ново-Мусетово	башкиры	63	289
19	Ново-Субхангулово д.	башкиры	102	467
20	Ново-Усмановка	башкиры	49	262
21	Старо-Кобясово	башкиры	57	309
22	Старо-Мусетово	башкиры	71	281
23	Старо-Субханкулово	башкиры	78	397
24	Старо-Усманово	башкиры	27	162
25	Шарат	св. нет	–	–
26	Шик-Мамай	св. нет	–	–
27	Явлу-Кискян	св. нет	–	–
28	Якшигуло.	башкиры	35	171
29	Ярмухаметово	башкиры	27	123
30	Яру-Тамак	св. нет	–	–

Бурзяно-Таналыкская волость:

№№	Название населённого пункта	Преобладающая национальность	Число всех наличных хозяйств	В них душ обоего пола
1	Абдрахманово	башкиры	53	301
2	Абдулмукукмеево	башкиры	79	457
3	Баишево	башкиры	162	756
4	Баймак зав.	русские	483	2508
5	Баймурзино	башкиры	124	579
6	Бахтыгиреево	башкиры	88	501
7	Буранбаево	башкиры	81	382
8	Мамбетово В.	башкиры	65	379
9	Сосновское В.	русские	124	830
10	Галиево	башкиры	59	291
11	Давлетовский х.	русские	32	211
12	Давлет. Верх.	башкиры	30	114
13	Ибрагимово	башкир	37	180
14	Исянгильдино	башкиры	87	466
15	Ишмухаметово	башкиры	118	547
16	Каришкино	башкиры	59	336
17	Калтубинский х.	башкиры	28	105
18	Култыбан. х.	св. нет	–	–
19	Исянгильд. 1-й	русские	27	151

№№	Название населённого пункта	Преобладающая национальность	Число всех наличных хозяйств	В них душ обоего пола
20	Мрясово	башкиры	80	360
21	Н. Давлетово	башкиры	19	69
22	Н. Мамбетово	башкиры	48	339
23	Н. Исянгил. 2-й	русские	18	105
24	Н. Покровское	украинцы	55	365
25	Нов. Сибаево	башкиры	20	102
26	Н. Сибаевский	башкиры	37	237
27	Н. Яковлевский	мордва	70	444
28	Сандавлетово	башкиры	61	289
29	Рудн. Семенов.	русские	103	790
30	Стар. Сибаево	башкиры	139	1153
31	Таналыково	башкиры	82	504
32	Татлыбаево	башкиры	60	313
33	Тлявкобылово	башкиры	24	103
34	Троицкий руд.	св. нет	–	–
35	Уваряш. рудн.	русские	31	157
36	Уртызанский (каменноугол. копи)	св. нет	–	–
37	Файзулино	башкиры	107	551
38	Фасанова	башкиры	67	327
39	Юлалы рудн.	башкиры	52	261
40	Янзигитово	башкиры	61	289

Кананикольская волость:

№№	Название населённого пункта	Преобладающая национальность	Число всех наличных хозяйств	В них душ обоего пола
1	Агатутван	русские	5	37
2	Александровск. х.	украинцы	25	164
3	Амбар	русские	4	26
4	Балабуев	см. № 20	–	–
5	Бердяш	русские	37	279
6	Березовка с.	русские	27	201
7	В. Асияк	русские	16	129
8	Горьков	русские	2	18
9	Гусев	русские	14	98
10	Евал. х.	русские	10	72
11	Земляная	русские	5	36
12	Ивано-Кувалатовский	чуваши	90	543
13	Иргизла х.	русские	14	85
14	Казенниха	русские	7	37
15	Кананикольское	русские	787	5381
16	Каныркa х.	русские	3	27
17	Карагай-Зилга	русские	7	51
18	Кардонн. лес. дач.	русские	9	66
19	Карманиха	русские	4	38
20	Каялы	русские	5	35

№№	Название населённого пункта	Преобладающая национальность	Число всех наличных хозяйств	В них душ обоего пола
21	Крук Караук	русские	8	51
22	Куламат х.	русские	6	44
23	Курзима	св. нет	–	–
24	Казлар-Вергал	русские	2	25
25	Лощонный х.	русские	4	36
26	Мяткися	русские	30	198
27	Надеждинская	чуваши	78	394
28	Нижний-Асияк	русские	6	48
29	Н. Никольская	русские	43	304
30	Побоище д.	русские	49	369
31	Проломовский х.	русские	5	37
32	Салайлы х.	русские	5	35
33	Салам-Аяк	русские	5	45
34	Сюрень х.	русские	6	51
35	Таравал	русские	3	22
36	Текаль	русские	11	99
37	Тютюлени	русские	3	20
38	Уркас	русские	6	61
39	Ист. Кашкаир	русские	10	53
40	Шаланы х.	русские	6	50
41	Щербаковский х.	русские	3	25
42	Китан-Бики и Беляна ир	русские	–	–

Карагай-Кипчакская волость:

№№	Название населённого пункта	Преобладающая национальность	Число всех наличных хозяйств	В них душ обоего пола
1	Абдулмамбетово I-е	башкиры	62	377
2	Абдулмамбетово II-е	башкиры	107	435
3	Аралбаево	башкиры	33	162
4	Аралбаевский	башкиры	28	142
5	Байгазино	башкиры	98	478
6	Баймурзино	башкиры	44	262
7	Байназарово	башкиры	274	1152
8	Бикташево	башкиры	34	183
9	Бретяк-Тамак	башкиры	9	41
10	Белялово	башкиры	126	609
11	Х. Зайцева	неизвестно	1	15
12	Ижбердино	башкиры	38	176
13	Ижбулдино	башкиры	143	677
14	Исламбаево	башкиры	38	205
15	Калмаково	башкиры	39	178
16	Кильдегулово	башкиры	92	401
17	Х. Куляба	башкиры	21	123
18	Х. Кысык	башкиры	8	40
19	Махмутово	башкиры	143	685
20	Мурадымово	башкиры	45	207

№№	Название населённого пункта	Преобладающая национальность	Число всех наличных хозяйств	В них душ обоего пола
21	Набиулилю (ллино?)	башкиры	79	321
22	Ново-Мунасыково	башкиры	36	182
23	Нугуш	св. нет	–	–
24	Нургалино	башкиры	118	556
25	Семёново	башкиры	107	520
26	Старо-Мунасыпово	башкир	1?0	518
27	Тагирово	башкиры	120	502
28	Тана-Сыкан	башкиры	7	42
29	Темирово	башкиры	110	453
30	Х. Термяк-Тамак	св. нет	–	–
31	Уматбаево	башкиры	150	621
32	Урюс-Курюк	св. нет	–	–
33	Халимово	башкиры	204	1091
34	Хусеиново	башкиры	43	233
35	Шадыгаево	башкиры	31	169
36	Яйш-Кичу	см. № 23		
37	Яумбаево	башкиры	72	345

Преображенская волость:

№№	Название населённого пункта	Преобладающая национальность	Число всех наличных хозяйств	В них душ обоего пола
1	Александровская	русские	46	251
2	Анновка	русские	80	503
3	Бердяш	чуваши	205	1179
4	Владимир.-Никольск.	русские	14	115
5	Кушак	русские	27	216
6	Михайловский х.	русские	11	81
7	Петровка	русские	323	2085
8	Преображенск.	русские	717	3979
9	Саратовский х.	мордва	27	184
10	Старо-Михайловск. х.	русские	6	41
11	Галиха х.	русские	34	247

Салиховская волость:

№№	Название населённого пункта	Преобладающая национальность	Число всех наличных хозяйств	В них душ обоего пола
1	Ансаир х.	русские	37	238
2	Асташ отр.	русские	5	38
3	Байдавлетово	башкиры	116	558
4	Бикбаев.	башкиры	80	422
5	Бикбердино В.	башкиры	90	471
6	Вознесенское	св. нет	–	–
7	Вер. Казарма х.	русские	52	304
8	Дмитриевский х.	русские	74	485

№№	Название населённого пункта	Преобладающая национальность	Число всех наличных хозяйств	В них душ обоего пола
9	Егорьевский х.	русские	9	54
10	Еровча х.	русские	24	167
11	Ибраево	башкиры	149	775
12	Итбуково 1-е	башкиры	49	276
13	Итбуково 2-е	башкиры	59	314
14	Итбуково 3-е	баширы	58	296
15	Казанский х.	татары	9	62
16	Карадиган х.	русские	66	442
17	Кайрат х.	русские	9	62
18	Картлад-Излинск. отр.	русские	54	344
19	Кинзябулатова	башкиры	44	252
20	Кугарчи-Салих	башкиры	142	955
21	Ниж. Астат	башкиры	12	88
22	Н. Байкбердина	башкиры	108	597
23	Н. Никольск.	св. нет	–	–
24	Репный отр.	русские	6	38
25	Репьёвский х.	русские	20	103
26	Себиюрт	русские	4	26
27	Сазала	башкиры	51	275
28	Сулейманово	башкиры	40	199
29	Тартыш х.	русские	24	166
30	Турайгир	русские	30	224
31	Тукман	русские	5	41
32	Ургенский	русские	36	184
33	Худобандино	башкиры	71	387
34	Черегулово	башкиры	58	281
35	Чупаново	башкиры	43	220
36	Шакирада	русские	8	52

Самарская волость:

№№	Название населённого пункта	Преобладающая национальность	Число всех наличных хозяйств	В них душ обоего пола
1	Макон	украинцы	28	176
2	Николаевская	украинцы	49	294
3	Раевка	русские	140	908
4	Самарское	русские	278	1665
5	Хворостанское	русские	40	282

Тангауровская I-я волость:

№№	Название населённого пункта	Преобладающая национальность	Число всех наличных хозяйств	В них душ обоего пола
1	Абдулкаримово	башкиры	69	374
2	Алимчат х.	башкиры	57	315
3	Атик	см. № 23	–	–

№№	Название населённого пункта	Преобладающая национальность	Число всех наличных хозяйств	В них душ обоего пола
4	Б. Алгазинское	башкиры	124	637
5	Балакиткан	св. нет	–	–
6	Баракал	башкиры	25	132
7	Башартуган	башкиры	9	36
8	Бурзян-Ямазилга	башкиры	46	237
9	Б. Юлдыбаево	башкиры	86	438
10	Васильевское	украинцы	113	819
11	Вознесенский х.	русские	37	301
12	Воскресенское	русские	237	1570
13	Губерово	башкиры	6	336*
14	Ишбулдино	башкиры	47	228
15	Ишбердино	башкиры	81	386
16	Ишимбетово	башкиры	4?	198
17	Ишкузина	башкиры	77	312
18	Карасаз	башкиры	12	68
19	Кашкарова	башкиры	70	348
20	Кашкат	башкиры	18	87
21	Куватовское с.	башкиры	81	397
22	Н. Куватово	башкиры	19	108
23	Н. Покровский х.	русские	26	144
24	М. Юлдыбаево	башкиры	49	260
25	М. Алгазино	см. № 4	–	–
26	Максютовское	башкиры	62	312
27	Максурт х.	башкиры	8	54
28	Мухамедвашево	башкиры	48	240
29	Окур. Башкирский	башкиры	12	51
30	Окур. Русский	русские	39	214
31	Янгазин. руд.	неизвестно	20	128
32	Якуловское	башкиры	104	525
33	Яман-Саз	русские	35	235
34	Япор-Саз	русские	13	107

Тангауровская II-я волость:

№№	Название населённого пункта	Преобладающая национальность	Число всех наличных хозяйств	В них душ обоего пола
1	Абдул Каримова	башкиры	55	275*
2	Абдумнабетово	башкиры	40	202
3	Абдулнасырова	башкиры	118	519
4	Алламовалилы	русские	4	20
5	Алексеевский	русские	76	508
6	Али?уевский	русские	57	378
7	Ащенкова	русские	22	145
8	Балапанова	башкиры	55	251
9	Б. Валитово	башкиры	81	389

* Так в источнике.

№№	Название населенного пункта	Преобладающая национальность	Число всех наличных хозяйств	В них душ обоего пола
10	В. Н. Салимова	русские	69	364
11	В. Исмагилово	башкиры	31	153
12	Воздвиженский	украинцы	69	451
13	Габбясова	башкиры	32	149
14	Гадилева	башкиры	28	156
15	Диньмухаметово	башкиры	40	197
16	М. Валитово	башкиры	29	115
17	Мухаметрахимово	башкиры	96	512
18	Н. Исмагилово	башкиры	51	234
19	Н. Архангельский	русские	32	215
20	Ново-Курский	русские	97	613
21	Ново-Петровский	украинцы	51	320
22	Петропавловский	украинцы	13	83
23	Подольский	украинцы	45	291
24	Рафиково	башкиры	55	264
25	Савельевский	русские	77	568
26	Салимовское	св. нет	–	–
27	Сосновский	русские	67	424
28	Старо-Петровский	русские	45	274
29	Султангузино	башкиры	77	350
30	Султантемирово	башкиры	53	248
31	Сулюклю-Куль	украинцы	86	602
32	Томаковский	украинцы	79	577
33	Юмангузино	башкиры	63	279
34	Янгазино	башкиры	103	497

Усерганская I-я волость:

№№	Название населённого пункта	Преобладающая национальность	Число всех наличных хозяйств	В них душ обоего пола
1	Абзаново	башкиры	164	856
2	Алибаево	башкиры	58	327
3	Апполоновка	см. № 57	–	–
4	Аскарова	башкиры	46	236
5	Байсалямова	башкиры	28	142
6	Березовская	русские	13	94
7	Бикужинская д.	св. нет	–	–
8	Бикужинский х.	русские	26	155
9	Богдановский х.	русские	48	317
10	Ванин х.	св. нет	–	–
11	В. Акбердино	русские	13	89
12	В. Аскаровское	русские	34	256
13	В. Муйнаковская	башкиры	83	414
14	Габбясова	башкиры	37	220
15	Глинка	чуваши	53	286
16	Григорьевское	св. нет	–	–
17	Давлеткулово	башкиры	30	127

№№	Название населённого пункта	Преобладающая национальность	Число всех наличных хозяйств	В них душ обоего пола
18	Дедюхин х.	русские	36	216
19	Екатериновский	русские	19	150
20	Ивановский	русские	69	477
21	Иткулово	башкиры	135	710
22	Каировское	русские	65	483
23	Каскин х.	русские	60	411
24	Киргизбаева	св. нет	–	–
25	Киселёвский х.	русские	39	273
26	Ковылёвское т-во	русские	30	234
27	х. Кутан	русские	3	22
28	Кузминовский	русские	44	305
29	Киргиз.-Баевский	татары	31	148
30	х. Кринский	русские	50	332
31	Нур-Бар	св. нет	–	–
32	х. Мальга	русские	71	437
33	М.-Муйнаковский	русские	50	294
34	Матвеевский	русские	76	473
35	Мазитово	башкиры	79	473
36	х. Мазитовский	русские	7	34
37	Малый Муйнак	русские	29	154
38	М.-Байдоветова	татары	29	137
39	Михайловский	русские	60	372
40	Мухамедзяново	татары	73	393
41	Мурзабулатово	см. № 1	–	–
42	Мухачёвский	св. нет	–	–
43	Ново-Акбердино	русские	69	499
44	д. Н.-Аскарова	русские	21	165
45	Ниязгулово	башкиры	72	355
46	х. Назаровский	русские	14	94
47	х. Ново-Григорьевский	русские	10	77
48	х. Н.-Кагарикский	татары	31	167
49	х. Нефёдовский	русские	19	90
50	Ниж.-Муйнаково	башкиры	45	242
51	Н. Ивановская	русские	54	322
52	Н. Сергиевский	св. нет	–	–
53	Ново-Покровская	русские	25	156
54	Ново-Чумазинская	русские	14	94
55	Н.-Екатериновская	св. нет	–	–
56	Петровская слоб.	русские	74	409
57	Покровка	русские	150	913
58	Сабитовский	св. нет	–	–
59	Сарабильское	русские	70	396
60	Сабитово	башкиры	19	89
61	Самчитский	см. № 70	–	–
62	Сергиевский	чуваши	15	90
63	Сергиевское	русские	47	287
64	Сред. Муйнакское	башкиры	64	317
65	Стар. Сарабас	св. нет	–	–

№№	Название населённого пункта	Преобладающая национальность	Число всех наличных хозяйств	В них душ обоего пола
66	х. М. Тарасовский	русские	5	37
67	Б. Тарасовский	русские	20	141
68	Тазлярово	башкиры	49	278
69	х. Тимофеевский	чуваши	23	111
70	Умбетово	башкиры	119	626
71	х. Хасяновский	русские	21	130
72	т-во Чумазинское	св. нет	–	–
73	Чумазы	башкиры	114	671
74	Чурбакова	русские	6	36
75	Юлдашево	см. № 21	–	–
76	Юлдыбаево	башкиры	101	514
77	Шурмала	см. № 31	–	–

Усерганская II-ая волость:

№№	Название населённого пункта	Преобладающая национальность	Число всех наличных хозяйств	В них душ обоего пола
1	х. Аскарова	башкиры	41	222
2	х. Алексеевский	чуваши	79	480
3	Акбулатово	башкиры	53	267
4	х. Аксакальский	русские	59	437
5	Бармаковский	русские	103	655
6	Барангулово	башкиры	42	262
7	Выс. Башкирский	св. нет	–	–
8	д. Бармакова	башкиры	42	220
9	Бискужина	мордва	85	588
10	х. Богородский	русские	44	309
11	Богословский	русские	139	927
12	х. Бузулукский	татары	25	166
13	В. Бухарча	татары	53	351
14	В. Мамбетчина д.	башкиры	120	651
15	х. Васильевски	русские	3	36
16	Велегуш	русские	48	316
17	1-й Георгиевский х.	русские	85	607
18	2-й Георгиевский х.	украинцы	29	212
19	Дубиновский х.	мордва	88	578
20	Дубиновка ст.	русские	12	72
21	Ершовское 2-е	русские	52	312
22	Жаринова х. и др.	украинцы	4	36
23	Зиянчуринское с.	башкиры	133	672
24	Ивановский	св. нет	–	–
25	Ирназар	украинцы	39	267
26	Ильчугальское т-во	русские	46	308
27	Карайгыр х.	русские	79	503
28	Кашлык	русские	148	896
29	Кукряк	русские	55	376
30	Кара-Кусюк	татары	71	375

№№	Название населённого пункта	Преобладающая национальность	Число всех наличных хозяйств	В них душ обоего пола
31	Канчурина	башкиры	85	395
32	Куватовская	башкиры	8	32
33	Куженаково	башкиры	91	453
34	Канпова	башкиры	33	189
35	Култаево	башкиры	18	94
36	Канчуринский х.	башкиры	111	682
37	Куш-Кимд.	св. нет	–	–
38	Литвиновское т-во	украинцы	8	52
39	Московский х.	украинцы	43	368
40	Мухамедьярово	татары	249	1293
41	Нов. Михайловский	русские	92	588
42	Нов. Мамбетино	башкиры	26	133
43	Нов. Николаево	русские	92	627
44	Новиковский	русские	21	157
45	Нов. Караклинский	русские	50	335
46	Нов. Сакмарский	русские	55	407
47	Нов. Ивановское	русские	46	319
48	Нов. Самарский	русские	79	520
49	Орловское т-во	русские	22	160
50	Преображенское	русские	20	150
51	Плисовская	украинцы	11	94
52	Тлевгуловский х.	башкиры	13	59
53	Тарасовский х.	русские	6	36
54	Тавлакаева	см. № 42	–	–
55	Тавлакаево	см. № 6	–	–
56	Тлевгулово	башкиры	53	264
57	Чернореченск. х.	русские	106	731
58	Юлгушино	башкиры	78	443
59	Юлгушина д.	башкиры	22	127
60	Яныбаево	украинцы	74	485
61	Яковлевский	русские	28	165

Усерганская III-ая волость:

№№	Название населённого пункта	Преобладающая национальность	Число всех наличных хозяйств	В них душ обоего пола
1	Абсалямово	башкиры	22	90
2	Абубакирово	башкиры	54	250
3	Авдеевский х.	св. нет	–	–
4	Аккерманский	св. нет	–	–
5	Бикташевский х.	св. нет	–	–
6	Верх. Чебакла	башкиры	40	238
7	Ворогижское	украинцы	55	437
8	Воскресенское	русские	51	339
9	Гаевский х.	св. нет	–	–
10	Гайнулина	татары	60	329
11	Гумеров х.	см. № 37	–	–

№№	Название населённого пункта	Преобладающая национальность	Число всех наличных хозяйств	В них душ обоего пола
12	Донской	св. нет	–	–
13	Ильясово-Мусино	башкиры	44	276
14	Ищаново	татары	54	329
15	Ишбердино	башкиры	59	283
16	Ишкинина	башкиры	84	480
17	Казен.-Саратовское	украинцы	29	296
18	Каратель	русские	39	287
19	Крымская	русские	254	1700
20	Куватовых бр. х.	башкиры	3	23
21	Малаканский х.	русские	40	239
22	Марченский	русские	35	249
23	Мало-Узенбаево	башкиры	9	59
24	М. Халилово	башкиры	44	253
25	Мустафин	татары	19	112
26	Мухамет Шарипова	св. нет	–	–
27	Нарбулатово	башкиры	48	250
28	Ниж. Чебакла	башкиры	50	276
29	Николаевское	украинцы	85	580
30	Нов. Ивановский х.	св. нет	–	–
31	Нов. Киевский х.	украинцы	155	997
32	Нов. Николаевский	украинцы	30	209
33	Нов. Никольский	украинцы	15	95
34	Нов. Петропавловский	украинцы	137	855
35	Нов. Саратовский х.	русские	60	449
36	Орловский	русские	26	195
37	Поддубный	украинцы	57	426
38	Подольский	украинцы	6	53
39	Рождественский х.	русские	66	510
40	Самарский х.	св. нет	–	–
41	Ст. Назаровский х.	немцы	7	41
42	Симбирский х.	украинцы	6	62
-43	Ст. Халилова	башкиры	105	531
44	Сух. Михайловский	украинцы	59	411
45	Сухойташ-Саратовский	русские	61	437
46	Троицк. ж. д.	св. нет	–	–
47	Узембаева	башкиры	82	417
48	Усбаклина	св. нет	–	–
49	Черкасский	русские	7	59
50	Шарипово	башкиры	12	50
51	Шубино	украинцы	116	947
52	Ялчибеевское	башкиры	104	517
53	Яктурина	башкиры	23	127

Усерганская 4-я волость:

№№	Название населённого пункта	Преобладающая национальность	Число всех наличных хозяйств	В них душ обоего пола
1	Абситайский	мордва	13	65
2	Альмухамедово	башкиры	98	440
3	Акназарова	башкиры	136	706
4	Акюлово	башкиры	131	714
5	Акзигитово	башкиры	59	265
6	Акзигитовский х.	татары	38	179
7	Аккузино	башкиры	53	264
8	Аралбаево с.	башкиры	92	520
9	Архангельский х.	русские	28	152
10	Благовещенский х.	русские	54	331
11	Бинбаево	башкиры	98	505
12	Васильевский х.	русские	88	657
13	Галиево	башкиры	132	647
14	Габдулмухаметово	башкиры	88	418
15	Ибрагимово	башкиры	41	227
16	Ишмухаметово	башкиры	51	238
17	Ишкильдина	св. нет	–	–
18	Кайзафарово	башкиры	64	330
19	Кадыршино	башкиры	101	535
20	Кареляново	башкиры	58	274
21	Кильчимбаево	башкиры	82	409
22	Крушкина х.	русские	17	106
23	Кальчумбаево	башкиры	39	202
24	Мещеряковский х.	св. нет	–	–
25	Михайловское	русские	190	1312
26	Мухамед Рахимово	башкиры	57	288
27	М. Галикеево	башкиры	27	133
28	Н. Александровский х.	русские	187	1214
29	Н. Преображенский х.	русские	92	585
30	Нурмухаметово	башкиры	30	130
31	Н. Покровский х.	русские	10	69
32	Нов. Троицкое	русские	46	293
33	Н. Филипьевский	русские	27	141
34	Сабирово	башкиры	118	569
35	Сидоровский х.	русские	135	830
36	Ст. Галикиево	башкиры	69	301
37	Тамирбаево	башкиры	27	106
38	Ультраново	башкиры	17	88
39	Урузбаевская	башкиры	73	424
40	Утарбаевская	башкиры	87	397

№№	Название населенного пункта	Преобладающая национальность	Число всех наличных хозяйств	В них душ обоего пола
41	Шаматдиново	башкиры	45	228
42	Шакильдино	башкиры	47	221
43	Юмангузино	башкиры	171	774
44	Юлдарсово	башкиры	66	371
45	Янтышевское 1	башкиры	81	426
46	Янтышевское 2	башкиры	33	193

Усерганская 5-я волость:

№№	Название населённого пункта	Преобладающая национальность	Число всех наличных хозяйств	В них душ обоего пола
1	Алдаевская	украинцы	42	284
2	Акчурино 1	башкиры	48	259
3	Акчурино 2-е	башкиры	35	209
4	Артемьева	русские	5	31
5	Арслангулово	башкиры	140	682
6	Бакбердина	башкиры	36	204
7	Б. Абишево	башкиры	92	530
8	Блява	русские	113	724
9	Баназарова	башкиры	69	321
10	Бейкас	украинцы	42	285
11	Больш.-Чураево	башкиры	65	311
12	Б. Утягулово	башкиры	70	326
13	Васильевский х.	русские	15	98
14	В. Бискужино	украинцы	52	335
15	В. Назаргулово	башкиры	100	570
16	Гумерово	башкиры	24	137
17	Жураковск. х.	русские	11	71
18	Идильбаево	башкиры	129	675
19	Ибрагимово	немцы	87	389
20	Ишмуратово	башкиры	114	561
21	Ишмуратовский	св. нет	–	–
22	Калашников х.	украинцы	21	155
23	Казанское	украинцы	49	349
24	Карповский х.	русские	10	60
25	Кидрясово	башкиры	101	488
26	Кувандык	русские	44	232
27	Момбетово	башкиры	72	374
28	М. Абишево	башкиры	27	125
29	М. Арслангулово	русские	82	433
30	М. Чураево	башкиры	28	142
31	М. Чураево	башкиры	29	159
32	Мухаметовский х.	башкиры	5	35
33	Надеждинский	св. нет	–	–
34	Н. Григорьевский х.	украинцы	74	441
35	Назыргулова	св. нет	–	–
36	Ниж. Назаргулово	украинцы	62	336

№№	Название населённого пункта	Преобладающая национальность	Число всех наличных хозяйств	В них душ обоего пола
37	Н. Покровский х.	украинцы	35	187
38	Нов. Дмитриевский х.	украинцы	75	449
39	Нурийнский х.	башкиры	3	17
40	Ново-Курский	русские	31	192
41	Ново-Зайцево	украинцы	22	139
42	Н. Николаевский	св. нет	–	–
43	Ниж. Утягулово	башкиры	39	150
44	Ольчинбаево	башкиры	75	401
45	Оноприенко х.	украинцы	89	575
46	Пантелеймоновский	украинцы	22	150
47	Перво-Надеждинский х.	украинцы	103	715
48	Пудовкин х.	русские	10	77
49	Петровский х.	русские	53	278
50	Псянчино	башкиры	21	122
51	Поим	русские	264	1429
52	Ракитянский х. 1-й	украинцы	68	534
53	Ракитянский х. 2-й	украинцы	23	183
54	Рысаево раз. т. ж. д.	русские	1	6
55	Рысаево	башкиры	83	395
56	Рысаевых	башкиры	6	34
57	Сакмаро-Назаргулово	башкиры	30	172
58	Сарыбай	башкиры	54	283
59	Старо-Зайцевский х.	украинцы	20	137
60	Туль Кульпам Назаргул	св. нет	–	–
61	Хут. Дачный	русские	4	25
62	Хаджамухаметово	башкиры	33	184
63	Юнусово	башкиры	72	319
64	Юмангузино 1-е	башкиры	49	269
65	Юмангузино 2-е	башкиры	78	441
66	Юмангузино 3-е	башкиры	53	282

Усерганская 6-я волость:

№№	Название населённого пункта	Преобладающая национальность	Число всех наличных хозяйств	В них душ обоего пола
1	Аблянсово	башкиры	102	628
2	Абдулянсовский	св. нет	–	–
3	Агурдино	башкиры	74	336
4	Агурдино	башкиры	10	44
5	Акдавлетово	башкиры	39	207
6	Александровский	св. нет	–	–
7	Байшево	башкиры	129	690
8	Бектимирово	башкиры	60	273
9	Бикташево	башкиры	38	170
10	Бурогуловский	башкиры	3	30
11	Бурогуловское	башкиры	60	289
12	Белгуш	св. нет	–	–

№№	Название населённого пункта	Преобладающая национальность	Число всех наличных хозяйств	В них душ обоего пола
13	Б. Кайраклы	русские	190	1211
14	В. Назарова	русские	96	418
15	Рыскулово В.	башкиры	48	247
16	Дмитриевский х.	русские	94	686
17	Епанчинцевск.	русские	3	33
18	Идельбековская	башкиры	113	581
19	Идяш х.	русские	6	38
20	Идяшевский х.	русские	44	274
21	Идяш-Бикбердина	башкиры	132	800
22	Исергановская	башкиры	135	718
23	Казанский х.	русские	59	391
24	Куват-Бикбердино	башкиры	43	232
25	Куватовский х.	св. нет	–	–
26	Масловецкий	русские	253	1740
27	Марычевский	русские	2	12
28	Малобдальшевский	чуваши	15	95
29	Мурашевский	русские	20	117
30	Назаровский х.	св. нет	–	–
31	Н. Касмарский	русские	14	92
32	Н. Александровский	украинцы	9	59
33	Н. Петровский	русские	104	594
34	Н. Самарская	русские	4	35
35	Н. Николаев. 2-е Т-во	см. № 54	–	–
36	Н. Покровский	русские	40	260
37	Ново-Михайловский	русские	65	445
38	Ниж. Назаровский	башкиры	28	99
39	Н. Чернореченский	чуваши	88	541
40	Н. Рыскулово	башкиры	33	176
41	Н. Гафаровский	башкиры	118	696
42	Ново-Сакмарская	русские	24	157
43	Петровский х.	украинцы	6	36
44	Средне-Назарова	башкиры	67	298
45	Сред.-Рыскулово	башкиры	58	264
46	Сунарчино	башкиры	13	64
47	Сунарчино	башкиры	60	343
48	Султанбаево	башкиры	23	113
49	Ситниковский х.	русские	23	154
50	Сагитовское	башкиры	80	378
51	Самарский х.	см. № 33	–	–
52	Теняковский	русские	40	246
53	Тугай-Бикбердина	башкиры	42	254
54	Утягулово	башкиры	62	307
55	Утягулово	башкиры	15	79
56	Чилижное	русские	56	341
57	Чуватский	см. № 14	–	–
58	Чанкинский	русские	5	30
59	Чанкин Бикбердина	св. нет	–	–
60	Юнаево	башкиры	95	496

№№	Название населённого пункта	Преобладающая национальность	Число всех наличных хозяйств	В них душ обоего пола
61	Юровой х.	св. нет	–	–
62	Хомутовский х.	св. нет	–	–
63	Фёдоровск. Т-во	украинцы	3	24

Усергано-Хайбулинская волость:*

№№	Название населённого пункта	Преобладающая национальность	Число всех наличных хозяйств	В них душ обоего пола
1	Абубакирово	русские	75	437
2	Байкускарово	русские	96	468
3	Бурюбаево	русские	121	614
4	Давлет Галиево	русские	56	262
5	Кулгаринское	св. нет	–	–
6	Мамбетово	русские	124	605
7	Ново-Зерганский	башкиры	132	857
8	Ново-Ильячево	русские	47	247
9	Ново-Хайбуллино	русские	162	833
10	Ново-Черкасское	башкиры	132	890
11	Сагитово	русские	81	444
12	Саит-Газис	русские	8	48
13	Ст. Ильячево	русские	91	378
14	Ст. Хайбулино	русские	147	746
15	Сырткамышл.	башкиры	8	58
16	Уманский	башкиры	46	281

Фёдоровская волость:

№№	Название населённого пункта	Преобладающая национальность	Число всех наличных хозяйств	В них душ обоего пола
1	Антинганское	украинцы	112	858
2	Бакинское	украинцы	138	928
3	Ивановское	русские	223	1400
4	Ишкильдинское	русские	18	146
5	Н. Казанское	русские	105	665
6	С. Николаев. Лапшин.	русские	91	540
7	Н. Перволочинское	украинцы	85	460
8	Н. Петровское	русские	44	303
9	Н. Симбирское	русские	206	1445
10	Н. Ташлинск.	мордва	87	586
11	Сарабаевское	русские	181	1086
12	Федосеевский	украинцы	35	240
13	Фёдоровка	русские	272	1689
14	Яковлевское 2-е	чуваши	21	131

* В этой волости при издании списка переставили местами башкир и русских в графе национальность.

Верхнеуральский уезд:

Авзяно-Петровская волость:

№№	Название населённого пункта	Преобладающая национальность	Число всех наличных хозяйств	В них душ обоего пола
1	В. Авзяно-Петровск.	русские	1408	8678
2	Н. Авзяно-Петровск.	русские	354	3997
3	Печи Авзян.-Пет. зав.	русские	32	188

Белорецкая волость:

№№	Название населённого пункта	Преобладающая национальность	Число всех наличных хозяйств	В них душ обоего пола
1	Белорецкое	русские	3099	18001
2	Казарм. и разъезд. ж. д. Белорец. зав.	русские	15	72
3	Кардоны Белор. зав.	русские	38	229
4	Печи Белор. зав.	русские	40	257
5	Доломитный рудник	русские	2	3
6	Журавлиное болото	русские	22	128
7	Курская гавань	русские	6	36
8	Стар. Курский зав. и мельн. Белор. зав.	русские	16	73
9	Ст. Шушпа	русские	8	31

Кагинская волость:

№№	Название населённого пункта	Преобладающая национальность	Число всех наличных хозяйств	В них душ обоего пола
1	Кагинский зав.	русские	761	4939

Катайская волость:

№№	Название населённого пункта	Преобладающая национальность	Число всех наличных хозяйств	В них душ обоего пола
1	Азикейкина	башкиры	113	473
2	Азикейкина уголь. печи	неизвестно	6	42
3	Азнакаикина	башкиры	167	778
4	Александровка	русские	26	175
5	Аисова	башкиры	77	355
6	Аранкулова	башкиры	38	153
7	Арышпарова	башкиры	57	281
8	Асино	башкиры	164	872
9	Бердыирлово	башкиры	54	278
10	Бизян Ахмерово	башкиры	42	210
11	Брешево	башкиры	84	450
12	Бутаево	башкиры	175	836
13	Бутаевские рудн.	неизвестно	5	35
14	Вершина Реветь	башкиры	4	23
15	Габдюково	башкиры	85	414

№№	Название населённого пункта	Преобладающая национальность	Число всех наличных хозяйств	В них душ обоего пола
16	Гадилышино	башкиры	55	248
17	Гадилышин. угол. копи	неизвестно	2	9
18	Гумбино	башкиры	22	84
19	Зигазинский зав.	русские	189	1129
20	Зилазин. зав. печи	русские	21	150
21	Зюякова	башкиры	90	432
22	Инзерский зав.	русские	503	1772*
23	Инзерск. зав. печи	русские	221	2732
24	Инзерские лесн. кардон.	русские	17	91
25	Ишия	неизвестно	5	25
26	Кадышево	башкиры	45	200
27	Кадыш. угол. печи	русские	2	13
28	Калмлино	башкиры	51	264
29	Каранюрт	башкиры	13	48
30	Карашьюрт	башкиры	3	16
31	Картали	башкиры	43	269
32	Кома-Ильга	см. № 22	–	–
33	Кардон каз. лесн. дачи	русские	18	96
34	Каш-Ильга	св. нет	–	–
35	Куданбердина	св. нет	–	–
36	Кудышманово	башкиры	23	115
37	Кудыш. угол. копи	неизвестно	4	27
38	Кузгун-Ахмерово	башкиры	118	513
39	Куюково	башкиры	61	288
40	Лапыштинский зав.	русские	142	951
41	Лапыш. зав. печи	русские	214	1387
42	Лесопровод. конт. Колотова № 2	неизвестно	2	7
43	Манашлина	св. нет	–	–
44	Манашты	башкиры	81	404
45	Нары	башкиры	10	55
46	Ново-Хосяново	башкиры	41	227
47	Нукашево	башкиры	73	315
48	Печи в даче князя Бело-сельск.-Белозёрского	русские	11	63
49	Печи каз. дачи Бел. лес.	русские	23	136
50	Реветь	башкиры	6	26
51	Рысыкаево	башкиры	146	548
52	Сафаргулово	башкиры	40	172
53	Серменево	башкиры	348	1614
54	Супрь-Аисово	башкиры	73	325
55	Супхангулово	башкиры	68	343
56	Татлинское	башкиры	76	322
57	Ташкентский рудн.	неизвестно	5	39
58	Туканский рудн.	русские	32	257
59	Укатан	башкиры	5	28

* Возможно число жителей переставлено местами в заводе и печах.

№№	Название населённого пункта	Преобладающая национальность	Число всех наличных хозяйств	В них душ обоего пола
60	Усмангалино	башкиры	8?	387
61	Худабердино	башкиры	76	343
62	Юрмантов рудн.	башкиры	2	15

Кубеляк-Телевская волость:

№№	Название населённого пункта	Преобладающая национальность	Число всех наличных хозяйств	В них душ обоего пола
1	Абдулбакиево	башкиры	44	185
2	Абдулкасимово	башкиры	44	195
3	Абзаково	башкиры	76	356
4	Аблязино	башкиры	92	394
5	Ангашевские печи	башкиры	9	48
6	Алгаяково	башкиры	133	552
7	Амангильдино	башкиры	53	228
8	Аслаево	башкиры	56	265
9	Аслаевск. хут.	башкиры	23	91
10	Базаргулово	башкиры	39	212
11	Баимово	башкиры	112	567
12	Байрамгулово	башкиры	135	625
13	Баталово	башкиры	50	222
14	Габдино	башкиры	59	277
15	Гадильшино	башкиры	32	149
16	Галиакмерово	башкиры	80	379
17	Исталгулово	башкиры	115	547
18	Ишкинино	св. нет	–	–
19	Ишмикеево	башкиры	79	399
20	Казанкулово	башкиры	72	385
21	Кайнкулово	башкиры	50	229
22	Карагужино	башкиры	147	706
23	Кафня	башкиры	15	52
24	Колуево	башкиры	52	267
25	Кубакушево	башкиры	146	740
26	Кубяково	башкиры	21	91
27	Кулагаш	см. № 25	–	–
28	Кулушево	башкиры	116	547
29	Кутуево	башкиры	67	354
30	Кучуково	башкиры	60	299
31	Лекаровск. мельница	св. нет	–	–
32	Магадино	башкиры	17	86
33	М. Казакулово	башкиры	43	183
34	Манаковская мельница	св. нет	–	–
35	Махмутово	башкиры	95	462
36	Мишкино	башкиры	34	196
37	Московo	башкиры	143	648
38	Муракаево	башкиры	95	398
39	Мусино	башкиры	70	390
40	Наурузово	башкиры	102	513

№№	Название населённого пункта	Преобладающая национальность	Число всех наличных хозяйств	В них душ обоего пола
41	Н. Балапаново	башкиры	43	205
42	Н. Ишкино	башкиры	93	468
43	Рафиково	башкиры	81	366
44	Рахметово	башкиры	75	368
45	Рясулево	башкиры	52	275
46	Сайтаково	башкиры	55	289
47	Ст. Балапаново	башкиры	72	338
48	Суергулово	башкиры	52	245
49	Суюндуково	башкиры	38	231
50	Сырдан	башкиры	22	99
51	Тушево	башкиры	73	299
52	Узунгулово	башкиры	51	234
53	Чурманово	башкиры	87	444
54	Юлдашево	башкиры	106	547
55	Ягудино	башкиры	26	99
56	Яйкарово	башкиры	59	266
57	Яникеево	башкиры	47	211

Ломовская волость:

№№	Название населённого пункта	Преобладающая национальность	Число всех наличных хозяйств	В них душ обоего пола
1	Ломовка	русские	710	3887

Тамьяно-Тангауровская волость:

№№	Название населённого пункта	Преобладающая национальность	Число всех наличных хозяйств	В них душ обоего пола
1	Абдулгазино	башкиры	110	528
2	Алкимбетово	см. № 9	–	–
3	Асенбаево	башкиры	20	116
4	Амальтидиново	башкиры	91	541
5	Аскарово I	башкиры	284	1193
6	Аскарово II	башкиры	93	479
7	Аумишиево	башкиры	110	554
8	Ахметово	св. нет	–	–
9	Аюсазово	башкиры	94	425
10	Байназарово	башкиры	19	88
11	Барангулово	башкиры	130	601
12	Барман	св. нет	–	–
13	Биккулово	башкиры	49	224
14	Борисовский	русские	12	126
15	Брестяк	башкиры	6	27
16	Брузыкаево	башкиры	39	191
17	Верхне Кузенг	см. № 36	–	–
18	В. Узлукские руд.	св. нет	–	–
19	В.Узлукские руд. Пашковых	св. нет	–	–

№№	Название населённого пункта	Преобладающая национальность	Число всех наличных хозяйств	В них душ обоего пола
20	Габайдулино	башкиры	30	135
21	Грицевского Т-во	св. нет	–	–
22	Гусевский х.	русские	31	271
23	Давлетово	башкиры	108	378
24	Давлетшино	башкиры	86	448
25	Даутово	башкиры	56	303
26	Зубаревского Т-во	св. нет	–	–
27	Идяш Томак	башкиры	17	126
28	Искановский	башкиры	7	29
29	Искаково	башкиры	76	343
30	Исмакаево Х.	башкиры	202	948
31	Исмакаевский прииск	св. нет	–	–
32	Иткужино	башкиры	37	189
33	Иткулово	башкиры	174	853
34	Бабак-Айры	башкиры	6	28
35	Кагарманово	башкиры	85	471
36	Кагарман. дер. прииск	русские	11	61
37	Казанцево х.	св. нет	–	–
38	Казмашево	башкиры	145	747
39	Казмашевский х.	башкиры	15	73
40	Карабатуров.	киргизы	10	48
41	Кирдасово	башкиры	112	585
42	Карсы	св. нет	–	–
43	Крутой Лог х.	башкиры	17	89
44	Кулунино	башкиры	92	516
45	Кулукасово	башкиры	57	288
46	Кургашлинский	башкиры	7	36
47	Кускарово I	св. нет	–	–
48	Кускарово II	св. нет	–	–
49	Кускарово III	св. нет	–	–
50	Кусюмово	башкиры	108	516
51	Кутлугильдино	башкиры	95	470
52	Кучарово	башкиры	56	274
53	Кушиево	башкиры	94	323
54	Магадиева	башкиры	71	363
55	Мельничн. уч. Нар Янгилько	русские	4	20
56	Миндиево	русские	5	27
57	Миндиево	башкиры	100	526
58	Михайловский х.	русские	18	132
59	Мурзабаевский х.	башкиры	6	25
60	Муслиновский х.	башкиры	7	27
61	Мухайлитово	башкиры	104	492
62	Ниязгулово	башкиры	54	298
63	Ново-Покровский	русские	18	136
64	Н.-Самарский х.	русские	28	191
65	Н.-Кудайберов.	башкиры	49	261
66	Н.-Кудайберов.	башкиры	7	42
67	Петровский стек. зав.	русские	26	143

№№	Название населённого пункта	Преобладающая национальность	Число всех наличных хозяйств	В них душ обоего пола
68	Петровский участ.	св. нет	–	–
69	Павловский	св. нет	–	–
70	Поповский	св. нет	–	–
71	Равилево	башкиры	109	441
72	Рамеевых Т-во зол. пр.	св. нет	–	–
73	Рыскужино	башкиры	99	481
74	Салаватово	башкиры	145	644
75	Саргаинский	башкиры	12	61
76	Сатра Юрт печи	русские	2	11
77	Ситкулово	башкиры	42	210
78	Спровск. уч.	св. нет	–	–
79	Сяу Каля	см. № 41	–	–
80	Тай Сара	св. нет	–	–
81	Тая Мурун	башкиры	34	170
82	Тамбулатово	башкиры	121	538
83	Тангауровское Т-во	св. нет	–	–
84	Тепяково	башкиры	73	313
85	Тлянчино	башкиры	63	275
86	Тляшево	башкиры	69	329
87	Тин Каин	башкиры	11	65
88	Тупаковский	св. нет	–	–
89	Тупаково	башкиры	139	634
90	Увлукский рудн.	св. нет	–	–
91	Узян Баш	см. № 39	–	–
92	Ульмасяк-Баш	башкиры	18	86
93	Урсук-Тамак	башкиры	33	157
94	Уткулево	башкиры	38	187
95	Утяганово	башкиры	98	500
96	Уч. Фёдоровский	св. нет	–	–
97	Халитово	башкиры	73	320
98	Хафизово	св. нет	–	–
99	Хусаиново	башкиры	103	484
100	Шарипово	башкиры	36	167
101	Шармутатово	башкиры	6	33
102	Шигаево	башкиры	161	849
103	Шикильдина	башкиры	60	306
104	Юламанова	башкиры	31	159
105	Юлдашево	башкиры	59	283
106	Юнаево	башкиры	29	117
107	Ядгаровский х.	башкиры	33	144
108	Яшимбетово	башкиры	14	55
109	Ялимбетово	башкиры	76	372
110	Яныбаево	св. нет	–	–
111	Ярлыкаево	башкиры	77	381
112	Ярлыканово	татары	34	173

Тептяро-Учалинская волость:

№№	Название населённого пункта	Преобладающая национальность	Число всех наличных хозяйств	В них душ обоего пола
1	Акуново	мишари	725	4087
2	Буйда х.	тептяри	6	42
3	Ильтебаново	башкиры	204	1053
4	Ильчино	тептяри	473	2443
5	Имангулово	тептяри	268	1549
6	Калпаново	тептяри	254	1269
7	Калпаново пар. мельн.	русские	3	15
8	Кунакбаево	башкиры	314	1696
9	Мансурово	тептяри	170	934
10	Мулдашево х.	башкиры	230	1191
11	Прииски	русские	52	255
12	Рысаево	тептяри	260	1380
13	Сафарово и Сафар. пр.	тептяри	324	1762
14	Уразово	тептяри	389	1864
15	Учалы и Учал. прииск	тептяри	630	3129
16	Юлдашево	тептяри	295	1545

Тирлянская волость:

№№	Название населённого пункта	Преобладающая национальность	Число всех наличных хозяйств	В них душ обоего пола
1	Аришинский руд.	св. нет	–	–
2	Сел. Двой Ниши*	св. нет	–	–
3	Николаевка	русские	171	998
4	Тирлянский з.	русские	1716	9785
5	Тирлянск. з. кард. и печи	русские	63	349
6	Юрезань ст. Белор.ж. д.	русские	9	29

Узянская волость:

№№	Название населённого пункта	Преобладающая национальность	Число всех наличных хозяйств	В них душ обоего пола
1	Куктурский рудн.	св. нет	–	–
2	Узянский зав.	русские	848	5411

Источник: Алфавитный список населённых мест Оренбургской губернии по данным сельскохозяйственной и поземельной переписи 1917 года. Оренбург, 1917. С. 3–6, 8–11, 14–15 (Оренбургский уезд), 16–25 (Орский уезд), 25–28 (Верхнеуральский уезд).

* Так в источнике.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ

ОГЛАВЛЕНИЕ

Научное издание

ИСТОРИЯ БАШКОРТОСТАНА
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Том 1.

Печатается в авторской редакции

Компьютерная верстка Ю. М. Абсалямов

Подписано в печать 10.08.2006.
Формат 70x100 $^{1}/_{16}$. Бумага офсетная. Гарнитура Таймс.
Печать на ризографе. Усл.-печ. л. 17,67. Уч.-изд. л. 24,83.
Тираж 300 экз. Заказ № 100.

Отпечатано на оборудовании издательства «Гилем»
450077, Уфа, ул. Кирова, 15. Тел.: 8-(3472)-73-05-93, 73-36-82.

Сборка и подготовление переплета осуществлены в ООО «ДизайнПолиграфСервис»
450005, Уфа, ул. Кирова, 65, оф. 102. Тел.: 8-(3472)-52-70-88.

Для заметок

Для заметок